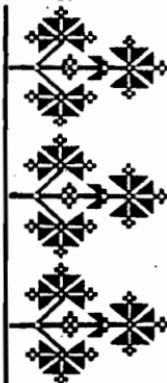

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

МОСКВА
"НАУКА"

1994

ББК 81

Т 34

Редакционная коллегия:

Г. Беличова (Чехия), Г. Нещименко (Россия) – ответственный редактор,
Э. Рудник-Карватова (Польша)

Рецензенты: доктора филологических наук В.Н. Прохорова, Ю.С. Азарх

Т 34 **Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / Ин-т славяноведения и балканстики.** – М.: Наука, 1994. – 240 с.

ISBN 5-02-011126-0

В книге освещаются наиболее актуальные теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения близкородственных языков – одного из магистральных направлений современной лингвистики. Учитывая огромный интерес к использованию сопоставительного метода в различных научных дисциплинах, занимающихся системным анализом, авторы сборника стремились показать перспективность его применения при изучении разных уровней языковой системы, для выявления общего и специфического в близкородственных – славянских – языках. По-новому, с привлечением интересного и ранее не описанного материала, решаются важные проблемы лексикологии, ономасиологии, семантики, морфологии, морфонологии, акцентологии, словообразования.

Для славистов, лексикологов, историков.

Т 4602020100–175
042(02)–94 399–94, I полугодие

ББК 81

Научное издание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканстики РАН

Руководитель фирмы "Наука—культура" А.И. Кучинская

Редактор издательства Т.М. Скрипова. Художник Е.Б. Иваненко

Художественный редактор Н.Н. Михайлова

Технический редактор О.Б. Черняк. Корректор Т.И. Шеповалова

Набор выполнен в издательстве на компьютерной технике

ИБ № 858

ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 31.05.94. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,0. Усл. кр.-отт. 15,4. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 630 экз. Тип. зак. 173

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-011126-0

© Коллектив авторов, 1994

© Российская академия наук, 1994

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый вниманию читателя труд "Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков" является результатом совместных усилий советских и зарубежных языковедов. В его создании принимали участие ученые Польши, Белоруссии, России, Чехии и Словакии. Исследование проблематики сопоставительного изучения языков осуществлялось в соответствии с Долгосрочной программой многостороннего сотрудничества академий наук славянских стран. Обращение к этой проблематике не было случайным: сопоставительное изучение принадлежит к числу приоритетных направлений современной лингвистики. Огромен интерес к использованию сопоставительного метода и в других научных дисциплинах, занимающихся системным анализом.

Несмотря на значительные достижения сопоставительной лингвистики последних лет, все более очевидной становится необходимость детальной разработки теоретических и методологических основ этого научного направления, унификации понятийно-терминологического аппарата, совершенствования процедуры анализа и синтеза языкового материала. Без этих предпосылок развертывание крупномасштабных сопоставительных исследований как целых грамматических систем, так и их отдельных уровней и фрагментов весьма затруднено.

Участники Целевого проекта предприняли попытку внести посильную лепту в разработку теоретических и методологических основ сопоставительной лингвистики. Следует отметить, что в процессе сотрудничества по указанной тематике сформировался творческий коллектив единомышленников, что не исключало, разумеется, варьирования состава авторского коллектива в зависимости от специфики выбранного предмета исследования. Так, на первом этапе сотрудничества в поле зрения находились проблемы сопоставительного изучения славянского словообразования (см. коллективный труд "Сопоставительное изучение славянского словообразования". М., 1987, обобщивший, в частности, результаты Международного симпозиума, состоявшегося в декабре 1984 г. в Москве). На втором этапе спектр исследовательских задач был расширен за счет освещения теоретических и методологических проблем сопоставительного изучения разных уровней языковой системы (названный круг вопросов рассматривался на Международном симпозиуме, состоявшемся в декабре 1988 г. в Яблонне у Варшавы). На основе материалов симпозиума, а также сопутствующих исследований был подготовлен итоговый коллективный труд "Теоретические и методологические проблемы сопостави-

тельного изучения славянских языков", издаваемый в двух частях: первая часть, посвященная рассмотрению общих вопросов, а также проблем синтаксиса, опубликована в Польше в 1991 г.; вторая часть, представленная читателю, охватывает остальные языковые уровни. Следует отметить, что предлагаемые в коллективном труде методологические подходы и интерпретации тех или иных проблем отражают специфику соответствующих национальных лингвистических школ, нивелировка которой не входила в задачи редакторов.

В предлагаемом вниманию читателя труде по-новому, с привлечением интересных, ранее не описанных фактов решаются важные проблемы сопоставительного изучения лексикологии, семантики, ономасиологии, словообразования, акцентологии, морфологии и морфонологии.

Члены авторского коллектива единны во мнении, что развитие сопоставительного языкознания существенно обогащает лингвистику как теоретически, так и методологически. Оно позволяет ввести в научный оборот новые важные данные, создает предпосылки для углубленного познания системно-функциональных закономерностей, для выявления общих, универсальных и специфических тенденций в развитии близкородственных славянских языков, дает возможность увидеть языковые процессы в их внутренней динамике. Учет сопоставительного фона позволяет отчетливее выявить и закономерности внутриязыкового развития.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА

В.Ф. Васильева (Россия)

О ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ (к вопросу о межъязыковой асимметрии)

Логико-семантический аспект в ономасиологии понимается нами как языковая реализация обобщающих единиц сознания (прежде всего понятия), участвующих в процессе номинации. Перевоплощение "идеи" логической в "идею" семантическую есть тот механизм, который обеспечивает содержательное наполнение номинативной единицы.

Исследование проводится на материале чешского и русского языков.

Обращение к указанной проблематике, уходящей в глобальную проблему соотношения языка и мышления, вызвано в первую очередь состоянием сегодняшних ономасиологических исследований.

Сопоставительная ономасиология, заявившая о себе в начале 30-х годов нашего столетия, в частности, работами одного из основоположников Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса, на нынешнем этапе, как представляется, находится в состоянии поисков. Большая часть исследований по сопоставительной ономасиологии посвящена анализу средств номинации, их "кatalogизации", а также определению удельного веса тех или иных способов и средств номинации в различных языках.

Нельзя отрицать тот факт, что своеобразие системы номинации конкретного языка обусловливается преобладанием одних средств и способов номинации над другими, их большей или меньшей продуктивностью. Не менее важным для характеристики номинативной системы является, однако, и выявление различий на собственно семантическом уровне, возникающих в процессе языковой стилизации мыслительных единиц. Эти собственно семантические различия, подобно различиям структурным, также могут служить типологическими характеристиками номинативных систем. Показать некоторые из них и является целью настоящей статьи.

Межъязыковая асимметрия в системе номинации на семантическом уровне объясняется действием принципа произвольности языкового знака как номинативной единицы. Это означает, что процесс формирования лексической единицы сопровождается относительной свободой интерпретации мыслительного содержания, следствием чего является возможная функциональная эквивалентность разнородных семантических структур.

Принцип произвольности языкового знака имеет многоаспектное проявление и суммарно сводится к следующему¹:

1. номинативная единица одного языка может выражать несколько понятий, т.е. может быть полисемичной в соответствии с моносемичной в другом языке. Ср. чешское *řídký* в соответствии с рус. *редкий, жидкий* или рус. *далекий* в соответствии с чеш. *daleký, dávnyj*;

2. различия в распределении понятий по уровням языковой структуры. Ср., напр., выражение значения деминутивности на словообразовательном уровне в чешском языке и – на лексическом в русском: *divadýlko* – *маленький театр, náměstíčko* – *маленькая площадь*;

3. различия в комбинаторике компонования понятий. В результате в качестве функционально-семантических эквивалентов могут выступать разнооформленные номинативные единицы, напр., аналитическое наименование в одном языке может быть функционально-семантическим эквивалентом синтетического наименования в другом. Ср.: *lyžovat* – *кататься на лыжах, sáňkovat* – *кататься на санках, sestřenice* – *двоюродная сестра, palec* – *большой палец, hřib* – *белый гриб*;

4. разная степень эксплицитности, т.е. строго фиксированной структурной выраженности понятия при его языковой интерпретации. Эксплицитность выражения характеризует прежде всего грамматический уровень, хотя корреляция эксплицитности/имплицитности может проявляться также на словообразовательном и лексическом уровнях.

Наглядным примером корреляции эксплицитности/имплицитности выражения понятия на грамматическом уровне может служить интерпретация в русском и чешском добавочного действия по отношению к основному действию. В русском оно последовательно выражается активно функционирующей категорией деепричастия. В чешском деепричастие имеет ограниченное употребление и часто служит цели стилистической маркированности. В результате деепричастие в русском может употребляться в качестве функционально-семантического эквивалента не только деепричастных, но и других форм глагола в чешском языке.

Ср.: *Když jsem přistoupil blíž, spatřil
jsem...*

Подойдя поближе, я увидел...

Odešel aniž se rozloučil.

Он ушел не попрощавшись.

На словообразовательном уровне эксплицитность/имплицитность выражения понятийного содержания проявляется, в частности, в корреляции характеризованных разрядов лексики в одном языке и нехарактеризованных – в другом. Так напр., чешским существительным *nominativ loci* с суф. *-iště* в русском языке соответствуют разнооформленные с точки зрения словообразовательной структуры имена, часто с латентным ономасиологическим признаком. Ср.: *letiště* – *аэропорт, jeviště* – *сцена, tržiště* – *базар, stanoviště (kontrolní)* – *(контрольный) пост* и т.д.

На лексическом уровне корреляция эксплицитности/имплицитности интерпретации понятия выражается в противопоставленности моносемичных

аналитических наименований и полисемичных синтетических наименований.

Ср.: *řeznictví* –

1. мясной магазин
 2. профессия мясника
- uzenářství* –
1. колбасный магазин
 2. колбасное производство
- cukrářství* –
1. кондитерская
 2. кондитерское дело.

При интерпретации понятия отмеченные выше случаи межъязыковой асимметрии проявляются на всех уровнях структуры понятия (объем, содержание понятия, принципы сегментации мысли и т.д.). Межъязыковая асимметрия характеризует и способы объективации действительности, выражаемой понятием (понятия конкретные, абстрактные и т.д.). Поэтому структурные параметры понятия и сами типы понятий могут служить надежной базой сравнения, позволяющей выявить семантические различия в номинативных системах сопоставляемых языков.

Вместе с тем в качестве основы сравнения не может не использоваться грамматическая структура номинативной единицы, так как языковое воплощение единицы мышления происходит не иначе, как в грамматической форме².

Поскольку грамматический уровень является наивысшим уровнем языковой абстракции, с него и начнем рассмотрение явлений межъязыковой асимметрии.

1. Морфологическая асимметрия номинативных единиц в близкородственных языках

В близкородственных языках, какими, в частности, являются чешский и русский языки, различия в морфологическом способе интерпретации мыслительного содержания вызываются прежде всего неодинаковой функционально-семантической нагрузкой морфологических категорий или, уже, граммем при их, как правило, общем системном сходстве.

Весьма показательны в этом отношении формы категории числа в чешском и русском языках. Несмотря на системную соотносительность этой категории в сопоставляемых языках, имеются случаи, свидетельствующие о функциональной диспропорции числовых форм. Ярким примером этого служит выражение так называемого дистрибутивного множества. В чешском языке для выражения указанного значения отдается предпочтение форме множественного числа³, в русском – широко употребляется форма единственного. Ср.:

Všichni otočili hlavy – Все повернули голову.

Psi běželi se zvednutými ocasy – Собаки бежали, задрав хвост.

Stáli jsme po kolena ve vodě – Мы стояли по колено в воде.

Числовая асимметрия наблюдается далее при выражении обобщенно-собирательного и родового значений. Ср.:

Starí a mladí běželi ulicemi –

Старый и малый бежали по улицам.

Odedávna jsou proslulí kabardinští koně –

Издавна славится кабардинский конь.

Knihovna zajišťuje knihami pro kolchozníky –

Библиотека обслуживает колхозника книгой.

Различия встречаются также в названиях учреждений и организаций, профессиональных праздников⁴. Ср.: *Dům pionýrů a školáků* – Дом пионера и школьника; *Soubor písni a tanců* – Ансамбль песни и танца; *Den učitelů* – День учителя.

Видимо, общая причина числовой асимметрии заключается в том, что в чешском языке границы между существительными с двумя числовыми парадигмами и одной числовой парадигмой более лабильны, чем в русском языке. Так, чешские существительные sing.t. без труда могут принимать формы множественного числа, а существительные pl. t. хотя и реже, могут употребляться в формах ед. числа⁵. В ряде случаев чешские sing. t. обнаруживают семантический синкретизм, выражющийся в способности морфологической формы заключать в себе как значение расчлененности, так и нерасчлененности, тогда как русские аналогичные существительные с большей эксплицитностью выражают идею нерасчлененности. В силу указанной причины чешские sing. t. довольно часто употребляются с различного рода квантификаторами. Именно лексическая сочетаемость является наиболее частотным способом выражения категории сингулятивности в чешском языке: *písek – zrnko píska, sníh – vločka sněhu, prach – zrníčko prachu, cibule – jedna cibule*.

В русском языке, как известно, категория сингулятивности довольно последовательно выражается словообразовательными средствами: *песок – песчинка, снег – снежинка, пыль – пылинка, горох – горошина, лук – луковица* и т.д.

Помимо неодинаковой функционально-семантической нагрузки аналогичных морфологических форм в сопоставляемых языках, важную роль в наличии межъязыковой асимметрии играет и разная степень стандартизации в образовании наименований – аналогов одного и того же понятия.

Известно, например, что в русском языке субстантивация получила более широкое распространение, чем в чешском. По этой причине в категорию субстантивированных прилагательных входят такие семантические разряды, которые в чешском языке имеют иное языковое оформление. Это относится, в частности, к названиям помещений (комнат, залов), мастерских и цехов, названиям торговых заведений. Ср. русские наименования: *детская, гостиная, приемная, столовая, передняя, ванная; парикмахерская, прачечная; булочная, закусочная, кондитерская, пельменная, шашлычная, молочная, пивная* и т.п. В чешском языке аналогичные наименования часто являются словообразовательными дериватами, в этих же целях используются и аналитические наименования. Ср.: *jídelna, předsín, koupelna, dětský pokoj (děcák), obývací pokoj (obývák), přijímací pokoj, kadeřnictví, prádelna, pekárna, cukrárna, mlékárna*.

Подобная корреляция – субстантивация в русском языке и словообразовательная или синтаксическая деривация в чешском – характерна и для некоторых других понятийных областей, в частности, для названия дробей, названий линий (геометрические термины), некоторых зоологических терминов и т.д. Ср.: *(одна)пятая* – *(jedna)pětina*, *(одна)шестая* – *(jedna)šestina*, *(одна)десятая* – *(jedna)desetina*, *(одна)сотая* – *(jedna)setina*; *прямая* – *přímka*, *кривая* – *křivka*, *касательная* – *tečna*; *животное* – *živočich*, *млекопитающее* – *savec*, *позвоночное* – *obratlovec*, *земноводное* – *obožíve-
lník*, *насекомое* – *hmýz*, *траводяное* – *býložravec*, *парнокопытное* – *sudo-
korutník* и др.

Анализируя явление морфологической асимметрии при интерпретации мыслительного содержания, нельзя особо не отметить случаи так наз. частеречной асимметрии, характерной в первую очередь для пропозитивной номинации. Частеречная асимметрия по сути своей означает неадекватный выбор ономасиологических категорий, реализующих смысловую установку. Для иллюстрации сравним несколько односоставных предложений с широким значением бытийности: *Пожар!* *Noř!* (при наличии лексемы *požár*); *Помогите!* *Pomoc!* (при наличии глагольной лексемы *potřebovat*); *Гром!* *Hřm!* (при наличии лексем *hrom*, *hřmení*); *Молния!* *Blýská se!* (при наличии лексемы *blesk* – *молния*). Представляется очевидным, что морфологическая асимметрия, проявившаяся в результате различий в выборе ономасиологической категории в русском и чешском языках, вызвана коммуникативной установкой. Однако основания для подобной асимметрии кроются в самой морфологической системе частей речи, а именно в их способности выражать, наряду с первичными, вторичные значения. Можно полагать, что при пересечении этих значений и рождаются лексемы, двойственные по своей природе, синкетические по выполняемым функциям.

Возвращаясь к русским односоставным предложениям типа *Пожар!* *Гром!* *Молния!*, нельзя не заметить, что существительные, образующие в них предикативную основу, обозначают явления, способные развиваться во времени. Именно это обстоятельство и позволяет русским существительным выступать в качестве контекстуальных эквивалентов чешских глаголов. Адекватно передавая мыслительное содержание, русские и чешские номинативные единицы интерпретируют его тем не менее по-разному. Так, если в русских предложениях признак (значение процессуальности) заключен в самом носителе *гром* (*громит*), *молния* (*сверкает*), то в чешских функционально-семантических эквивалентах признак выражается эксплицитно, а его носитель мыслится имплицитно, принимая во внимание, что признак не существует сам по себе, вне субстанции. Иными словами, семантические структуры русских и чешских предложений по-разному проецируют связи между субстанцией и признаком, а также способы их проявления.

Кроме собственно языковых факторов, порождающих морфологическую асимметрию, существуют и экстралингвистические факторы, поддерживающие это явление. Дело в том, что в самом реальном мире

границы между классами вещей часто весьма лабильны и их отнесение к тому или иному разряду по этой причине не является абсолютным. Взаимосвязанность реального мира, зыбкость существующих в нем связей подчас затрудняет и саму классификацию языковых знаков как номинативных единиц.

2. Межъязыковая асимметрия при интерпретации структуры понятия

2.1. Языковая интерпретация объема понятия. Из определения объема понятия как множества предметов (денотатов), с которыми соотносится понятие, следует, что анализ языковой интерпретации объема понятия (экстенсионала) при сопоставительном изучении должен учитывать семантический потенциал номинативной единицы. Обычно функционально-семантические эквиваленты характеризуются разным составом денотатов. Это значит, что принцип произвольности языкового знака приводит в данном случае к семантической диспропорции номинативных единиц.

Предварительное сопоставление некоторых понятийных зон в чешском и русском языках, в частности в области предметной лексики, дает основания полагать, что русский язык в указанной области обозначает действительность более детально, с большей степенью конкретизации в сравнении с чешским. Чешский язык, в свою очередь, имеет больше общих наименований, с широким диапазоном употребления⁶. Сказанное проиллюстрируем на следующих примерах:

в чешско-русском плане

balík – посылка, бандероль, сверток, тюк, рулон, пачка, плитка (*шоколада*);

mísa – миска, блюдо, салатница, супница;

špendlík – булавка, шпилька, заколка;

knoťlík – пуговица, запонка, кнопка (*звонка*), клавиша (*радиоприемника*), набалдашник (*трости*);

kabát – пальто, пиджак, жакет;

plášt – пальто, плащ, халат (*рабочий*);

švagr – шурин, деверь, свояк;

sourozenci – родные братья, родные сестры, родные братья и сестры;

в русско-чешском плане

билет – lístek, vstupenka, jízdenka, letenka;

статья – článek, stat, příspěvek, položka (*rozpočtu*);

перец – pepř, pepřovník, paprika;

нефть – nafta, ropă;

Преобладание в русском языке в области предметной лексики более конкретных наименований приводит к выводу о большей конкретизации системы номинации русского языка на данном ее участке.

2.2. Языковая интерпретация содержания понятия. Содержание поня-

тия формируется на основе совокупности признаков, свойств предметов или шире – явлений действительности, отражаемых в понятии. В процессе языковой стилизации эти признаки находят свое выражение в семах – интегральных и дифференциальных признаках. Характер их соотнесенности со знаком не является универсальным. При языковой интерпретации содержания понятия действие принципа произвольности знака, так же как и при интерпретации объема понятия, приводит к семантической диспропорции, неодинаковому соотношению интегральных и дифференциальных признаков в структуре номинативных единиц, употребляющихся в качестве функционально-семантических эквивалентов. От соотношения интегральных и дифференциальных признаков зависит полнота выражения объема (экстенсионала) и содержания (интенсионала) понятия. Экстенсионал и интенсионал находятся в прямой зависимости друг от друга. “Чем богаче интенсионал понятия, тем беднее экстенсионал этого понятия, тем меньше число вещей (денотатов), к которым приложимо это понятие (имя)”⁷.

Различия в интерпретации интенсионала понятия наглядно прослеживаются при сопоставительном изучении чешской и русской глагольной лексики. По справедливому мнению некоторых исследователей (К. Хлупчова, Д. Коллар), русская глагольная лексика, прежде всего глаголы движения, модальные и фазовые глаголы, глаголы со значением экзистенциональности и некоторые другие разряды, более детально по сравнению с аналогичными разрядами в чешском и словацком языках сегментируют действительность. Так, в русском языке для глаголов движения релевантны такие признаки, как направленность вверх, вниз, наружу, внутрь, к объекту, от объекта, сквозь объект, поперек объекта, поверх объекта, достижение определенной границы⁸. Указанные значения в русском языке выражаются при помощи префиксов или специализированными лексемами, тогда как чешский, равно как и словацкий, чаще выражают их описательно. Ср.: *приземлиться* – *přistát na zemi*, *прилуниться* – *přistát na městci*, *приводниться* – *přistát na vodě*, *прикальти* – *přistát u břehu*. В приведенных сравнениях чешский глагол *přistát* выступает как гипероним по отношению к русским семантически дифференцированным лексемам. Подобное соотношение наблюдается и в приводимом ниже сопоставлении русских и чешских глагольных функционально-семантических эквивалентов. Ср.: *подняться на лифте* – *svézt se výtahem nahoru*, *спуститься на лифте* – *svézt se výtahem dolů*, *соскочить с коня* – *svézt se s koně*, *соскользнуть с колен* – *svézt se s klína*, *сползти на пол* – *svézt se na zem*.

Показательны в этом отношении и функционально-семантические эквиваленты чешского глагола *dát*, которых насчитывается более десятка: *дать, подать, передать, сдать, выдать, положить, поставить, повесить, деть, заткнуть, убрать, снять, сунуть, вынуть и др.*⁹ Ср. для примера: *dát zavazadla do úschovny* – *сдать багаж в камеру хранения*, *dát kabát do skříně* – *повесить пальто в шкаф*, *dát si na talíř* – *положить себе на тарелку*, *dát květiny na stůl* – *поставить цветы на стол*, *dát dopis do*

schránky – опустить письмо в почтовый ящик, *dát ruce do kapes* – сунуть руки в карманы, *dát kufr nahoru* – поставить чемодан наверх, *dát kníhy průč* – убрать книги, *kam jsem to jen dal?* – куда я это только дел? и т.д.

Более широкий экстенсионал в сравнении с аналогичным русским глаголом имеет чешский глагол *být* 'быть'¹⁰. Так, в эзистенциональном значении он употребляется в соответствии с русскими глаголами *находиться, водиться, встречаться*; при выражении значения движения глагол *být* выступает в качестве функционально-семантического эквивалента русских глаголов *ходить, ездить*; при выражении значения положения предмета в пространстве он соотносится с русскими глаголами *лежать, висеть, стоять, находиться*. Ср. для иллюстрации несколько предметов: *в реке водятся сомы – v řece jsou (žijí) sumci*, *в этих лесах встречаются волки – v těchto lesích jsou vlci*, *мы ходили сегодня в театр – byli jsme dnes v divadle*, *я ходил купаться – byl jsem se kopat*, *сегодня его оставили после уроков – dnes byl po škole*, *они живут вместе уже десять лет – jsou spolu už deset let*, *эта деревня находится от нас километрах в двадцати пяти – ta vesnice je od nás pětadvacet kilometrů*.

Если в области глагольной лексики более или менее отчетливо прослеживаются разряды, асимметричные по характеру языковой стилизации, то в отношении прилагательных, и прежде всего качественных, сделать в какой-либо степени обобщающий вывод относительно различий в интерпретации статичного признака представляется весьма затруднительным. На сегодняшний день можно лишь констатировать случаи межъязыковой асимметрии, хотя предварительные статистические данные свидетельствуют в пользу большей конкретизации номинации в русском языке и в этой области. Приведем несколько конкретных примеров. В русском языке получает дифференцированное выражение палитра коричневого цвета. В чешском языке вся гамма цветовых оттенков оказывается в данном случае нерелевантной и имеет совокупное выражение, закрепленное лексемой *hnědý*. Ср.: *коричневое пальто – hnědý kabát, карие очи – hnědé oči, каштановые волосы – hnědé vlasy, гнедой конь – hnědý kůň, бурый медведь – hnědý medvěd*.

В русском языке получают дифференцированное выражение также зрительные, осязательные, слуховые признаки; для чешского языка они нерелевантны и не имеют эксплицитного выражения. Ср. несколько примеров: *острый нож – ostrý nůž, жесткий материал – ostrá tkanina, резкий звук – ostrý zvuk, быстрый темп – ostré tempo*. Чешская лексема *silný* содержит в себе признаки, дифференцированно выражаются русскими лексемами *сильный, крепкий, густой, толстый, жирный*. Ср.: *у него сильный характер – má silný charakter, крепкий табак – silný tabák, густой туман – silná mlha, толстая стена – silná zeď, жирный сун – silná polévka*. Чешское *správný* является функционально-семантическим эквивалентом русских прилагательных *правильный, верный, справедливый, законный*. Ср.: *правильный ответ – správná odpověď, верное решение – správné*

řešení, справедливое дело – správná věc, законное требование – správný požadavek.

В чешском языке, в свою очередь, имеют дифференцированное выражение такие признаки, как “мирный”, “спокойный”, “тихий”, “миролюбивый”, которые в русском языке могут выражаться лексемой *мирный*. Ср.: *mírová smlouva* – мирный договор, *má stále klidnou náladu* – у него все время мирное настроение, *klidný koutek přírody* – мирный уголок природы, *Jste lidé mírumilovní* – Мы мирные люди.

Аналогичная расчлененность содержания понятия в чешском языке и возможная нерасчлененность в русском прослеживается, далее, при интерпретации признаков, составляющих содержание понятия “хороший”. Ср.: *dobrá rada* – хороший совет, *hodná paní* – хорошая женщина, ...*nestyděl se za tyto upřímné slzy* – ...он не стыдился этих хороших слез (Чехов).

Разная степень дифференциации содержания понятия в языковой проекции может выражаться в неодинаковой плотности семантического пространства, что означает, в частности, асимметричность синонимических рядов, их неодинаковую протяженность в сопоставляемых языках. Так, русский язык имеет 16 синонимов к понятию “смелый”: смелый, храбрый, мужественный, отважный, дерзкий, безбоязненный, бесстрашный, неустранимый, доблестный, героический, дерзновенный, дерзостный, бескрепетный, удалой, лихой, разгульный. Подобный синонимический ряд в чешском языке насчитывает 11 лексем: *smělý, odvážný, nebojácný, neohrožený, statečný, ztužilý, chrabry, udatný, hrádinský, hrádinný, čascký*. И обратный случай, когда 15 синонимам, употребляющимся в чешском языке для выражения понятия “вдохновить”, в русском – соответствует всего лишь пять: *nadchnout, načichnout, nasáknout, prodchnout, uchvátit, uvést v nadšení, podhnít, zapálit, inspirovat, rozohnit, okouzlit, oslnit, učarovať, upoutat, vzrušit*. Ср. русские *вдохновить, воодушевить, воспламенить, окрылить, зажечь*¹¹.

2.3. Языковая комбинаторика компонирования понятия. Одно и то же мыслительное содержание может быть структурно расчленено на большее или меньшее число компонентов (сегментов) мысли или же вообще не расчленено. Ср.: *читальный зал* = *читальня, вести борьбу* = *бороться, сделать заявление* = *заявить; Karlovo náměstí* = *Karlák, generální zkouška* = *generálka, učinit prohlášení* = *prohlásit, dosáhnout vítězství* = *zvítězit*.

Наличие в арсенале языков аналитических и синтетических наименований выдвигает вопрос о соотношении структурной расчлененности номинативной единицы и расчлененности смысловой (семантической). В приведенных синтетических наименованиях, являющихся синонимами аналитических, субстанция и ее признак выражены нерасчлененно. В случае аналитического наименования отношения между субстанцией и признаком в различных языках могут иметь неоднозначную интерпретацию, так как компоненты, формирующие смысловое содержание номинативной единицы, обнаруживают неодинаковую степень взаимозависимости и взаимодополняемости. Анализ межъязыковых параллелей, представленных

аналитическими наименованиями, позволяет утверждать, что не каждое составное наименование (структурная расчлененность) автоматически выражает и расчлененность семантическую. Для доказательства выдвигаемого положения сравним функционально эквивалентные чешские и русские аналитические наименования: *továrna na výrobu automobilů* – автомобильный завод, *továrna na letadla* – авиационный завод, *police na kníhy* – книжная полка, *skříň na šaty* – платяной шкаф; *hrnec na květiny* – цветочный горшок, *kartáč na šaty, na boty* – платяная, сапожная щетка, *kartáček na zuby* – зубная щетка, *hadr na podlahu* – половая тряпка, *mýnek na kávu* – кофейная мельница/кофемолка и т.д. В русских примерах идея отношения (целевая предназначенност предела) формируется на основе облигаторной связи обоих компонентов составного наименования. Взятый сам по себе признак, выраженный согласованным определением (автомобильный, книжный и т.д.) не является выразителем идеи целевого предназначения предмета, ибо в ряде других, в структурном плане аналогичных, наименований возможно выражение иных отношений. Ср.: автомобильный салон, т.е. внутренняя часть автомобиля; кофейное дерево – порода деревьев, книжная иллюстрация, т.е. иллюстрация в книге, цветочный орнамент, т.е. орнамент с использованием растительных элементов. Имплицитность выражения смысловой идеи в русских приведенных и подобных аналитических наименованиях не позволяет, на наш взгляд, структурную расчлененность однозначно расценивать и как расчлененность семантическую.

В чешских эквивалентах та же самая идея получает эксплицитное выражение в служебной морфеме (предлог *na*), а знаменательный компонент (существительные *automobily, letadla, šaty* и т.д.) выступает в роли уточнителя, конкретизатора общей идеи. В результате компоненты чешских аналитических наименований получают, как видно из примеров, большую семантическую автономность, а смысловая установка в процессе интерпретации как бы проходит стадию расщепления на отдельные семантические фрагменты, закрепляющиеся за определенными компонентами наименования. Иными словами, структурная расчлененность рассмотренных чешских аналитических наименований с большей очевидностью в сравнении с русскими эквивалентами сигнализирует и расчлененность семантическую.

Характер семантической расчлененности аналитического наименования часто находится в прямой зависимости от словообразовательной морфемы, ее семантической специализации и уровня словообразовательной стандартизации. Так, в чешском языке идея целевой предназначенности предмета, о чем говорилось выше, получает также свое выражение в разряде отглагольных прилагательных с суф. *-cí*. Ср.: *hrací karty* – игровые карты, *hrací pole* – игровое поле, *houpací židle* – кресло-качалка, *psací stroj* – пишущая машинка, *koupací čepice* – купальная шапочка, *lepicí páska* – липкая лента/липучка, *žehlicí mandl* – каток для белья, *mycí prostředek* – моющее средство, *prací prostředek* – стиральный порошок, *rýsovací prkno* – чертеж-

ная доска, šicí stroj – швейная машина, balící papír – упаковочная бумага и т.д. Моносемичность чешской словообразовательной морфемы, широкие сочетаемостные связи делают ее эксплицитным выразителем смысловой идеи – целевого назначения предмета. Строгая специализация указанной морфемы жестко закрепляется в устойчивых словосочетаниях типа *bicí hodiny* – часы с боем, *honící pes* – гончая собака и др.

При сопоставлении чешских прилагательных с суф. *-cí* и эквивалентных им русских прилагательных (адъективированных причастий) оказывается, что последние в семантическом отношении менее специализированы. Ср.: *чертежная доска* и *чертежные работы*, *швейная машина* и *швейные изделия*, *липкий пластирь* и *липкая грязь*, *упаковочная бумага* и *упаковочные расценки*, *игровая площадка* и *игровой фильм*, *купальный костюм* и *купальный сезон* и т.д. Возможная полисемия русских прилагательных устраняется только на основе синтагматической связи компонентов словосочетания, тесное семантическое единство которых свидетельствует о его смысловой связности. Таким образом, рассмотренные чешские и русские аналитические наименования, будучи функционально-семантическими эквивалентами, относятся тем не менее к разным классификационным типам.

Неадекватное распределение семантической нагрузки между компонентами составного наименования наблюдается в сопоставляемых языках при передаче отвлеченного категориального значения, выражаемого в частности такими лексемами, как русские *дело*, *знак*, *признак*, *случай*, *отношение* и др. В составе словосочетаний их значения часто бывают размытыми, неопределенными. Чешский язык обычно избегает случаев подобного употребления, прибегая к семантической конденсации. Ср.: *помочь в деле механизации работ* – *rozmoci při mechanizaci prací*, *успех в деле воспитания* – *úspěch při výchově*, *послужить делу упрочения доверия* – *rozmoci upřevnit důvěru*, *проводить знаки доверия* – *projevovat důvěru*, *оказывать знаки внимания* – *projevovat pozornost*, *подбор работников по признакам приятельских отношений* – *výběr pracovníků podle přátelských vztahů*, в случае неуплаты штрафа – *při nezaplacení pokuty*, в худшем случае откажется – *v nejhorším se vzdáte*, это не имеет к делу никакого отношения – *to nemá s věcí nic společného*, в некоторых отношениях он похож на отца – *v něčem se podobá otci*, в знак протеста депутаты покинули зал заседаний – *na protest opustili poslanci zasedací síně*.

И, наконец, наибольшая диспропорция в распределении семантической нагрузки между номинативными единицами при компоновании понятия в сопоставляемых языках наблюдается при функциональной соотносительности синтетических и аналитических наименований. Один язык при этом прибегает к описательной интерпретации понятия, в то время как другой – предпочитает сжатую, конденсированную стилизацию. Ср.: *železnice* – железная дорога, *sestřenice* – двоюродная сестра, *večernice* – вечерняя звезда, *dojnice* – дойная корова, *večerník* – вечерняя газета, *prádelník* – бельевой шкаф, *kapesník* – носовой платок. В русско-чешском

плане: *молочник – konvice na mléko*, *кофейник – kávová konvice*, *мясо-рубка – mlýnek na maso*, *дневник – žákovská knížka*, *гастроли – pohostinská vystoupení*, *бутерброд – obložený chlebíček*, *шлагбаум – železniční závory*, *менингит – zánět mozkových blan*, *мольберт – malířský stojan*.

3. Межъязыковая асимметрия при интерпретации видов понятия

3.1. Языковая интерпретация понятий, различающихся по объему – понятия единичные и общие. Единичные понятия в чешском и русском языках находят свое выражение прежде всего в разряде собственных имён существительных. Случай асимметрии при их интерпретации имеют, как правило, морфологический характер. Широкое распространение имеет асимметрия числовых форм. Ср.: *Čechy* – Чехия, *Bavory* – Бавария, *Benátky* – Венеция, *Antverpy* – Антверпен, *Bréty* – Бремен, *Špicberky* – Шпицберген и т.д. И здесь можно согласиться с мнением П. Эйзнера о том, что чешский язык имеет особую склонность к образованию существительных pl. t., употреблению “не всегда обычных” форм множественного числа, что выделяет его в ряду родственных славянских языков¹².

Кроме собственно морфологической асимметрии при интерпретации единичных понятий довольно часты случаи асимметрии в комбинаторике компонования понятия. Ср.: *Azory* – Азорские острова, *Bahamy* – Багамские острова, *Aleuty* – Алеутские острова, *Dolomity* – Доломитовые Альпы, *Adrie* – Адриатическое море и т.д.

При интерпретации единичных понятий наблюдаются также различия в использовании косвенной номинации и способах семантической мотивации номинативных единиц. Ср.: *Velký, Malý Vůz* – Большая, Малая Медведица, *Dušičky* – родительская суббота, *svátek Tří králů* – крещение, *Stědrý večer* – сочельник, *velikonoce* – пасха, *vánoce* – рождество, *Nanebevzetí (Panny Marie)* – успение (божией матери).

В классе общих понятий, т.е. понятий, объем которых состоит более чем из одного предмета, особый интерес для ономасиологии представляют понятия собирательные, как наиболее формализованные в языковом отношении.

Собирательные понятия отражают существенные признаки определенной совокупности предметов, мыслимых как единое целое. В чешском и русском языках собирательные понятия находят свое выражение в характеризованных и нехарактеризованных разрядах собирательных существительных: чеш. *dělnictvo, rolnictvo, rostlinstvo, maliní, dříví, rákosí*; рус. *купечество, крестьянство, пионерия, аристократия, ботва, хлам, толпа, банда, мелюзга, мебель* и т.д.

При рассмотрении особенностей языковой интерпретации собирательных понятий обращают на себя внимание два момента. Это во-первых, неодинаковый репертуар словообразовательных средств в арсенале сопоставляемых языков, что свидетельствует о своеобразии знаковых

систем, и, во-вторых, субъективность восприятия, характерная для носителей обоих языков. С одной стороны, можно констатировать общность лексико-семантических разрядов имен, входящих в категорию собирательных. С другой стороны, "номенклатурный" состав этих разрядов обычно не совпадает. В сопоставляемых языках довольно часто наблюдаются различия в распределении собирательных понятий по уровням языковой структуры. Соотношение характеризованная/нехарактеризованная собирательность в процессе языковой интерпретации распределяется таким образом, что в чешском языке в количественном отношении преобладают собирательные существительные, с эксплицитно выраженным значением собирательности. Функционально-семантическими эквивалентами этих наименований в русском языке часто оказываются существительные в форме множественного числа со значением расчлененного множества. Ср.: *stromoví* — деревья, *paroží* — рога, *kvíčí* — цветы, *rákosí* — камыши/заросли камыша, *peří* — перья (в перине) и т.д. Эквивалентами чешских собирательных существительных могут быть существительные в форме единственного числа со значением обобщенного множества: *zrní* — зерно, *uhlí* — уголь, *stelivo* — подстилка/подстил, *haraburdí* — рухлядь, барахло, *slouroví* — колоннада и т.п. Таким образом, собирательные понятия в сопоставляемых языках интерпретируются не однолинейно. Словообразовательная интерпретация (обычно в чешском языке) коррелирует с интерпретацией морфологической и лексической (чаще в русском языке).

Причина указанной асимметрии заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, что в чешском языке является более развитой и более стандартизированной система формальных средств выражения. Чешский язык имеет более богатый арсенал словообразовательных средств, участвующих в образовании собирательных существительных. Морфемная сочетаемость чешских суффиксов значительно шире сочетаемостных возможностей эквивалентных русских. В некоторых случаях позволительно говорить об образовании собирательных существительных в чешском языке, близком к парадигматическому. Ср.: *žactvo*, *učitelstvo*, *konístvo*, *ptactvo*, *včelstvo*, *živocíssťvo*, *rostlinstvo*, *satstvo*, *lodstvo*, *vodsivo*, *svalstvo*, *nerstvo*, *horstvo*.

Различия в языковых средствах выражения дополняются субъективными факторами, характером восприятия действительности. Напр., чешские грамматики к разряду собирательных имен относят такие существительные, как *metráž*, *kilometráž*, *trikotáž*. В русских грамматиках и словарях не содержится указания на собирательное значение аналогичных наименований: *метраж*, *километраж*, *трикотаж*.

Неодинаковая степень стандартизации образования собирательных существительных в чешском и русском языках порождает асимметрию при компоновании понятия: простой номинативной единице в чешском языке в русском может соответствовать составное наименование, включающее в себя несколько более простых понятий. Ср.: *učivo* — учебный материал, *osivo* — посевной материал, посевное зерно, *kuřivo* — табачные изделия, курево и т.д.

Более строгая регулярность образования собирательных существитель-

ных в чешском языке позволяет сделать вывод о большей степени эксплицитной выраженности созидающих понятий в чешском языке в сравнении с русским, т.е. о более фиксированной системе номинации в этой понятийной зоне.

3.2. Языковая интерпретация понятий, различающихся по содержанию — понятия конкретные и абстрактные. Интерпретация конкретных и абстрактных понятий основывается на корреляции двух основных функций номинативной единицы — функции обозначения и функции описания внеязыковой действительности. Обе функции проявляются с разной степенью интенсивности. Одни номинативные единицы прежде всего обозначают, репрезентируют денотат. Другие, наряду с репрезентацией денотата, содержат его качественную характеристику. В большинстве случаев, однако, номинативная единица выполняет обе указанные функции и в этом смысле является полифункциональной¹³. Абсолютную границу между функцией собственно предметной и функцией собственно признаковой провести чрезвычайно затруднительно уже по причине свойств самих вещей и явлений, что отмечалось выше. В связи с этим и граница между конкретными существительными — аналогами конкретных понятий, и абстрактными — аналогами абстрактных понятий — является также в значительной степени условной. Тем не менее очевидно, что абстрактные существительные, в отличие от конкретных, могут без особых препятствий обозначать субстанцию как признак другой субстанции, т.е. выполняют признаковую функцию. Ср.: *statečnost obránců města* — храбрость защитников города, *smělost lidí* — смелость людей, *hrdinství národa* — героизм народа, *osamělost člověka* — одиночество человека, *krásá přírody* — красота природы и т.д.

Соотношение конкретных и абстрактных имен в сопоставляемых языках во многом определяется степенью стандартизации словообразовательных способов. В этой связи следует заметить, что образование абстрактных существительных в чешском языке характеризуется большей регулярностью по сравнению с русским (как и рассмотренное выше образование созидающих существительных). Так, например, в чешском языке имеют парадигматическое образование отлагольные существительные с суф.-nī,-tī, типа *čtení, psaní, mávnutí*. Большой регулярностью образования характеризуются чешские существительные со значением отвлеченного признака, типа *svěžest* — свежесть, *smělost* — смелость, *bledost* — бледность, *měkkost* — мягкость и т.п. Словообразовательная диспропорция часто приводит, как и в рассмотренных ранее случаях, к различным проявлениям семантической асимметрии, неодинаковой смысловой нагрузке структурных сегментов, различиям в компоновании понятия. Ср.: *hořkost kávy* — горький вкус кофе, *v stavu podnáplnosti* — в состоянии легкого опьянения, *tmavost vlasů* — темный цвет волос, *růžovost byla základní barvou* — розовый цвет был основной краской.

Проведенный анализ, несмотря на определенную фрагментарность, показал, что семантическое содержание ономасиологии имеет многоаспектное проявление, охватывая практически все уровни языковой системы. Различия в интерпретации мыслительного содержания на собственно

семантическом уровне неадекватно характеризуют отдельные понятийные зоны близкородственных языков. Обобщение выявленных особенностей позволит в дальнейшем уточнить типологические характеристики номинативных систем чешского и русского языков.

Примечания

- 1 Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 48.
- 2 Чесноков В.П. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм. ВЯ. 1984. № 5.
- 3 Mluvnice češtiny. d. 2. Pr., 1979. S. 44.
- 4 Русская грамматика. 1. Прага, 1979. S. 315.
- 5 Mluvnice češtiny ... S. 46.
- 6 Chlupáčová K. Některé otázky konfrontační charakteristiky pojmenování // Bulletin ruského jazyka a literatury. 1974. XVIII. S. 122.
- 7 Никитин М.В. Указ. соч. С. 27.
- 8 Коллар Д. Специфика системного описания лексики в сопоставительном плане // Языкознание в Чехословакии. М., 1978. С. 409.
- 9 Chlupáčová K. Op. cit. S. 123.
- 10 Ibidem. S. 124.
- 11 См.: Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970; Slovník synonym a frazeologizmů / Prof. dr. J.V. Bečka. Pr., 1977.
- 12 Eisner P. Chrám a tvrz. Pr., 1946. S. 87.
- 13 Никитин М.В. Указ. соч. С. 77 и сл.

Э. Жетельска-Фелешкова (Польша)

ПРОБЛЕМАТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОНОМАСТИКЕ

Не останавливаясь на детальном определении теории и методики сопоставительных исследований, необходимо еще раз подчеркнуть, что эти исследования ориентированы прежде всего не на носителя языка, т.е. проводятся с учетом адресата, которому только еще предстоит узнать закономерности сопоставляемых языков, и указывают на сходства и различия между родным языком адресата и языком, являющимся предметом описания¹.

Можно выделить три основные точки зрения на предмет исследования сопоставительной грамматики:

- 1) сопоставляются исключительно грамматические факты, иначе говоря, синтаксис и морфология;
- 2) в сферу сопоставительных исследований включаются также факты словообразования;
- 3) сопоставлением охватывается вся совокупность языковых явлений в двух (или более) сравниваемых языках, т.е. не только все уровни языка, но также и языковая ситуация в обществе, географическая и социальная характеристики языка, выполняемые им функции и даже виды языкового поведения в различных коммуникативных ситуациях. Примером столь

широкого понимания сопоставительной грамматики служит первый выпуск Польско-македонской грамматики З. Тополиньской и Б. Видоеского, 1984.

Для получения симметрии в сопоставительном описании двух (или более) языков рекомендуется использовать так наз. *tertium comparationis*, или общую систему отсчета. В этой функции может выступать какой-либо третий естественный язык, однако чаще всего в качестве языка-посредника используется набор единиц, классифицирующий содержательные комплексы, передаваемые языком, т.е. набор семантических единиц, набор единиц формального синтаксиса, морфологии, словообразования, флексии, морфонологии и фонологии и т.д.²

В данной статье хотелось бы обратить внимание на то, что к приведенным здесь наборам единиц, классифицирующим языковое содержание, можно добавить также набор единиц, связанных с именами собственными. До сих пор ономастика лишь незначительно учитывалась в сопоставительных исследованиях (напр., при изучении проблематики определенности—неопределенности). Между тем в сопоставительных исследованиях отдельных языков можно было бы учитывать и специфику явлений ономастики с привносимым ими определенным комплексом проблем, хотя последние могут характеризовать только один из сравниваемых языков.

В зависимости от широты (узости) проводимого сопоставительного исследования область принимаемых во внимание фактов ономастики может варьироваться. Часть этих фактов (особенно явления флексии имен собственных) будет относиться к первому, чисто грамматическому типу описания, другие же, преобладающие в ономастике, — к более широко понимаемому сопоставлению. Кроме того, здесь следует назвать и такие явления ономастики, которые войдут в сферу сопоставительных исследований лишь в грамматике третьего типа, включающей сопоставление ситуативного языкового поведения³.

Предметом настоящей статьи является лишь попытка ответить на вопрос, как могло бы выглядеть сопоставление в ономастике. В качестве примера я рассмотрю несколько явлений, иллюстрирующих названную проблему.

Как известно, имена собственные характеризуются прежде всего тем, что они представляют собой индивидуальные названия с очень узкой сферой применения, но зато с бесконечно богатым содержанием. Некоторые авторы⁴ убеждены в том, что существует самостоятельная ономастическая грамматика, правила которой отличны от правил апеллативной грамматики. В связи с этим также говорят об ономастической системе, в которой действуют собственные законы и воспроизводятся собственные, ономастические структурные модели.

Первым примером явления, которое может подлежать сопоставлению, служит взятая в наиболее общем виде система личных имен, функционирующая в каждом из сопоставляемых языков. В польском языке в официальных ситуациях, т.е. в школе, в учреждениях, на работе, в документах, почтовых конвертах и под. для определения конкретного лица употребляются имя и фамилия, напр., *Anna Kowalska*. Здесь представлена

двучленная система наименования людей: 1 член — имя, 2 — фамилия. Сходные системы функционируют в большинстве европейских языков, ср. англ. *John Galsworthy*, франц. *Victor Hugo*, нем. *Günther Grass*. Правда, отмечаются случаи употребления двух имен, как *Krzysztof Kamil Baczyński*, или двух фамилий, напр. *Maria Curie-Składowska*, которые, однако, следует трактовать как индивидуальные случаи расширения 1-го или 2-го элемента, не нарушающие принципа двучленности официально принятой системы личных имен.

При сопоставлении же с русским языком следует помнить о том, что здесь существует официально утверждавшаяся система из трех членов: 1 член — имя, 2 — отчество, или определение, образованное от имени отца, 3 — фамилия, напр. *Петр Ильич Чайковский* или *Валентина Николаевна Терешкова*. Белорусский и украинский языки имели, как и польский, двучленные системы, но чрезвычайно сильная интерференция с русским языком в настоящее время привела к частому использованию трехчленной системы также и белорусами и украинцами.

Сравнение польской системы именования людей в официальных ситуациях с испанской показывает, что в испанском языке существует более развитая, по крайней мере, четырехчленная система, в которую одновременно входят фамилии отца и матери, напр. *José Jaquin de Silva Xavier* — национальный герой Бразилии. В арабских языках в прошлом употреблялись и более сложные, включающие до восьми элементов системы именования людей.

Сопоставительное описание в этом случае должно учитывать число и тип элементов, из которых состоит официальная и общепринятая форма имени лица. То, что эта проблема не рассматривается в учебниках для иностранцев, которые, говоря на родном языке, пользуются системами с иным количеством элементов, способно привести к нежелательному эффекту в этой области языка: иностранцы могут ошибочно идентифицировать имя и фамилию.

Другим примером из области функционирования антропонимической системы может быть сравнение живой в польском языке парадигмы фамилий с существующей или не существующей соответствующей парадигмой другого языка. В польском эта парадигма выглядит следующим образом:

- 1) фамилия мужчины
- 2) форма женской фамилии жены (производная от фамилии мужчины)
- 3) форма женской фамилии дочери (производная от фамилии мужчины)
- 4) форма мужской фамилии сына (производная от фамилии отца)
- 5) множественная форма, используемая для определения всей семьи (производная от мужской фамилии).

Напр., А — фамилии-существительные Б — фамилии-прилагательные

1) Nowak	1) Kowalski
2) Nowakowa	2) Kowalska
3) Nowakówna	3) Kowalska
4) = 1)	4) = 1)
5) Nowakowie	5) Kowalscy

Некоторые элементы этой парадигмы вышли из употребления в литературном языке и функционируют только в народных говорах (особенно патронимическое имя сына), другие употребляются в настоящее время только старшим поколением или в некоторых регионах (это касается фамилий жен на *-owa*, *-ina* и фамилий дочерей на *-ówna*, *-anka*, относящихся к типу фамилий-существительных), ср. фамилию известной писательницы *Ewa Szelburg-Zarębina*, фамилию профессора *Maria Zarębina* из Krakова. Некоторые незамужние женщины сохраняют фамилии с формантами *-ówna* и *-anka* до преклонного возраста, напр. актрисы *Horawianka*, *Eichlerówna*. В то же время женская форма фамилий-прилагательных типа *Anna Kowalska* сохраняется в живом употреблении, как и множественные формы обоих типов фамилий. Другая же форма, относящаяся к супружеской паре и производная от имени мужа, используется уже только старшим поколением, ср. напр. *przyjda dziś do nas państwo Janowscy Kowalscy*.

Существует ли сходная парадигма именований семьи в других языках и какова сфера ее употребления? Более узкая или более широкая? Ответ на эти вопросы зависит от конкретного сопоставляемого языка. В некоторых славянских языках такая парадигма существует, напр. в чешском, словацком, лужицком, хотя и не всем ее элементам соответствуют самостоятельные словообразовательные конструкции. В то же время чрезвычайно интересен тот факт, что в литовском существует точно такая же парадигма семейных имен, что и в славянских языках. Ср., напр.:

- 1) *Šimkus, Daunys, Juknė*
- 2) *Šimkienė, Daunienė, Juknienė*
- 3) *Šimkutė, Daunytė, Juknaitė*
- 4) = 1)
- 5) *Šimkai, Dauniai, Jukniai**

Парадигма этого типа полностью отсутствует в германских языках — английском и немецком, где соответствующую информацию о поле называемого лица и его семейном статусе могут содержать только лишь дополнительные лексические элементы, как *mister*, *missis*, *miss* и *Herr*, *Frau*, *Freulein*.

Также и в этом случае незнание правил вынуждает иностранца допускать ошибки.

Оставаясь в рамках антропологической системы, но переходя к сфере эмоционально окрашенных языковых сообщений, стоит обратить внимание на категорию ласкательных имен, которые образуются от полных имен. Эта категория необычайно развита в славянских языках, в том числе и в польском, в отличие от значительно более бедной системы уменьшительных в немецком или английском. Ср., напр. образованные от имени *Anna*: пол. *Ania, Anka, Aneczka, Anus, Anusia, Anula, Anulka, Aniątko* и т.д., нем. *Anna, Anne*, англ. *Anna, Ann, Anne*. Лишь немногим английским

* Приношу благодарность пану Роману Рошко за информацию по литовскому языку.

полным именам соответствуют уменьшительные, ср. *Bill* от *William*, *Betty* от *Elisabeth*, *Bob* от *Robert*, *Katty* от *Katharine*.

Затронутый вопрос может входить или не входить в область сопоставительных исследований в зависимости от того, насколько широко она очерчивается.

Система географических названий не предполагает проблем того типа, с которыми мы столкнулись в случае антропонимов. Большая часть языковых фактов, характеризующих этот раздел ономастики, входит в сферу топонимического словообразования. Сопоставительное исследование этих явлений можно проводить при условии, что ономастика содержит, среди прочего, регулярно функционирующие словообразовательные категории и что словообразовательная система является важным фактором, способствующим адаптации апеллативов в функции именования единичных десигнатов, т.е. изменению их семантической функции (ср. точку зрения З. Тополинской и Б. Видоесского на проблему сопоставительных исследований в словообразовании⁵).

Оставляя в стороне вопрос словообразования имен собственных, здесь можно указать два других аспекта, существенных для сопоставительной проблематики географических названий.

Первый касается особой дистрибуции грамматических форм, в частности, форм, сигнализирующих грамматическое число названий. Как известно, географические наименования в принципе относятся к единственным объектам. (Здесь я опускаю случаи вроде *w Ameryce jest wiele Warszaw* или *w naszej gminie są trzy Wólki* как маргинальные). Несмотря на это, в польском они могут иметь грамматическую форму singularis или pluralis, напр. *Warszawa* — sing., *Katowice* — plur. По сути дела, это названия singularia и pluralia tantum. Грамматически от них зависящие и склоняемые слова соответственно приобретают в предложении значение singularis или pluralis, т.е. *Nasza kochana Warszawa została całkowicie zburzona*, но *Katowice są dziś znacznie bogatsze w nowoczesne budownictwo*.

Я не располагаю сопоставимыми данными о соответствующих конструкциях в других славянских языках; мне известно только, что в македонском независимо от грамматического числа топонима синтаксически зависимые от него слова имеют форму singularis, — ситуация, отличная от польского языка, ср. *Našeto Bogdanci e malko mesto*. В свою очередь в немецком или английском почти все исконные географические названия выступают в singularis. Следовало бы выяснить, какая форма глагола — *is* или *are* — сопровождает исключительно редкие формы множественного числа, т.е. *Hastings is a small town* или *Hastings are a small town*.

На другой интересный факт, а именно, на функциональную нагрузку форм множественного числа топонимов в польском языке ранее обратил внимание К. Фелешко⁶. Это касается, в частности, так наз. экспрессивного множественного числа, напр. *Rozbiją się przez ten rok po jakichś Londynach*. Такие экспрессивные формы названий отсутствуют, в частности, в южнославянских языках. Формы множественного числа польских географических названий характеризуются следующей функциональной нагрузкой: изменение грамматического единственного числа на множест-

венное часто служит формальным признаком перехода слова из категории апеллативов в имя собственное, ср., напр., апеллатив *góra* → название деревни *Góry*, апеллатив *lasek* → название деревни *Laski*.

Названные выше явления ономастики, заслуживающие, как мне кажется, внимания в сопоставительном исследовании, учитывающем материал польского языка, включает следующие явления:

- 1) официальный способ именования людей (причем здесь наибольший интерес представляют как минимум дву- и трехчленные системы);
- 2) отражение словообразовательной и флексивной характеристикой фамилий информации о поле данного лица и о семейном положении женщин (замужем или нет);
- 3) частотность (т.е. общепринятость или исключительность) употребления способа называния лиц, имеющего положительную эмоциональную окраску;
- 4) противопоставление singularis — pluralis в грамматическом числе географических названий и в связи с этим противопоставление по числу зависимых слов в предложении;
- 5) функциональная нагрузка форм множественного числа топонимов.

Тесные рамки статьи не позволяют рассмотреть и другие факты ономастики, которые могут входить в сферу сопоставительного описания, — прежде всего, чрезвычайно интересную проблему информации о определенности — неопределенности, содержащейся в болгарских именах, которые могут выступать с артиклем или без него. Для польских названий проблемы артиклия не существует. По поводу дистрибуции названий, постоянно выступающих с артиклем или без него в болгарском языке, писали В. Косеска и И. Долиньский, в македонском — З. Тополиньска.

Приведенный выше перечень явлений, относящихся к разным уровням языка и связанных с фактами ономастики, указывает на то, что и для сопоставительных исследований в области ономастики может быть создан tertium comparationis.

Перевод М.А. Осиповой

Примечания

- ¹ Topolińska Z., Vidoecki B. Polski-macedoński. Gramatyka konfrontatywna, z.l. Wprowadzenie. Wrocław, 1984. S. 7.
- ² Ibidem. S. 10, 13.
- ³ Piernikarski C. Uwagi na temat sytuacji w językoznawczych badaniach konfrontatywnych // Problemy językoznawstwa konfrontatywnego. W-wa, 1988. S. 21—40.
- ⁴ См. особенно: Kuryłowicz J. La position linguistique du nom propre. Onomastica 2/1, 1956. S. 1—14.
- ⁵ Topolińska Z., Vidoecki B. Op. cit. S. 17, 22, 23.
- ⁶ Feleszko K. Kategoria liczby w językach południowosłowiańskich i w polskim. Szkic konfrontacji // Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Ser. B. № 16. 1978. S. 22.

НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АСПЕКТЕ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Наша статья посвящена вопросу о том, каковы отношения между новыми наименованиями и системой номинационных типов, существующих на данном временном этапе. В сопоставительном аспекте этот вопрос связан с проблемой, четко сформулированной при исследовании современного развития славянских языков Д. Буттлер (1984, с. 57): "обнаруживают ли грамматические и лексические структуры современных славянских языков в большей степени тенденции к взаимному сближению, или они, напротив, различаются вследствие различного темпа развития и характера происходящих в них преобразований". (Ср. также: *Sádlíková — Savický — Šišková*, 1988). Нас прежде всего будет интересовать, как в современных чешском, польском и русском языках проявляется соотношение "однословное—многословное наименование". С этой точки зрения, наряду с прочими, представляют интерес образования типа, например, *chemik analytik, rojem-termín, RC modelář, gama zářící, dia prodejna* (существующее наряду с *prodejna dia*) в чешском языке и аналогичные им в структурном отношении формации в русском и польском языках; ср.: русск. *агроном-механизатор, дом-мемориал, кухня-столовая, УКВ-терапия, альфа-распад, миниплатье* (наряду с *платье мини*), польск. *ślusarz-spawacz, klub-kawiarnia, vitamina C, przemiennik PCM* (наряду с *PCM-adapter, PCM-processor*), *alfa-aktywność, moto-części, mini-spódniczka* (наряду с *spódniczka mini*) и т.д.

Учитывая широту данной проблематики, мы останавливаемся на некоторых ее частных аспектах.

1) Под неологическими процессами мы понимаем процессы, связанные с возникновением и функционированием неологизмов¹. Согласно ономасиологическим теориям М. Докулила, Е.С. Кубряковой и др.² в понятие "номинационный тип" входят как многословные, так и однословные типы (образование дериватов, сложных слов, аббревиатур). При исследовании отношений между неологизмами и номинационными типами первостепенное значение имеет характер словаобразовательных процессов в языке. Т.е. можно, с одной стороны, исходить из представления о том, что неологизмы возникают по существующим моделям лишь как "новая комбинация старых структурных элементов" (Guilbert, 1975; Chlupáčová, 1985), а с другой — можно считать, что, наряду с образованием слов по правилам, существует и образование с нарушением правил (Coseriu, 1970). На эту реальность указывает и широко распространенное образование новых наименований по продуктивным типам, и так называемые неправильно образованные слова. Так, в чешском языке "неправильно образованными" считаются дериваты типа *dálnice 'autostráda'*, *porotce 'člen poroty'*, *vyabsolvovat* и др. Согласно существующим практическим пособиям по польскому языку, "неправильно образованными" являются, напр., слова *piekarnictwo* (рекомендуется форма *piekarstwo*), *dysrownowaga*, *rozkooperowywać*, в русском языке — *засфотографировать* и т.д.³

Опираясь на понимание словаобразовательных процессов в языке,

предложенное Косериу, можно выделить следующие основные типы неологических процессов в номинационном плане: 1) образование по продуктивным типам; 2) образование, являющееся с точки зрения регулярности отношений между значением и формой аномальным; 3) процессы, вытекающие из предыдущего типа образования, т.е. формирование новых номинационных структур и типов. Для иллюстрации напомним здесь развитие аффиксоидного гибридного словообразования в славянских языках (*autoškola*, *bioplyn*, *minikorana*). Эти процессы, рассматриваемые в номинационном контексте, отличаются большим использованием существующих номинационных типов, иными словами, это процессы дифференциации, унификации, конкуренции, формирования новых типов и т.п. К динамике номинационного репертуара следует, однако, подходить с иных точек зрения, напр., тенденции к языковой экономии, тенденции к интеллектуализации языка и т.п.

2) Что касается методики исследования, которую можно использовать при сопоставительном изучении проблем современного развития языков, убедительный материал может дать анализ, идущий как от языковых форм наименований, так и от содержания к форме. Учитывая, что возникновение неологизмов нередко обусловлено одновременно социальными и языковыми факторами, было бы полезно проследить в какой мере неологизмы образуются на основе одной и той же мотивации. Несмотря на то, что случаи типа *polovodič* в чешском языке, *półprzewodnik* в польском и *полупроводник* в русском можно рассматривать как результат калькирования (ср. англ. *semiconductor*), тем не менее существуют факты, когда иноязычный образец отсутствует (ср., напр., названия лиц по профессии в чешском и польском языках: *anténář* — *anteniarz*, *cementář* — *cementiarz*, *zvukař* — *dźwiękowiec*).

При рассмотрении неологизмов в аспекте соотношения "однословное — многословное наименование" обращает на себя внимание тот факт, что, наряду с большим числом наименований бесспорно однословных и многословных, в сопоставляемых языках возрастает количество номинационных формаций типа упомянутых выше. Образования типа *chemik analytik*; *gata záříč*; *dia prodejna* // *prodejna dia* и др. могут, с одной стороны, учитывая их расчлененность на самостоятельные компоненты и смысловую (грамматическую) сторону компонентов, рассматриваться как аналитические. С другой стороны, эти образования в структурном отношении близки к сложным словам. Как и сложные слова, они отличаются смысловой целостностью. Поэтому их в некоторых случаях интерпретируют как проявление тенденции к синтетическому способу наименования, иногда их рассматривают как универсализированные наименования, присущие функциональным стилям литературного языка⁴.

На их переходный характер указывает и то, как они описываются в грамматиках и лексикологиях. Напр., в составе образований со структурой "*substantivum + substantivum*" в академической грамматике русского языка (Русская грамматика I, 1980, с. 253) различаются "составные наименования" *платье-костюм*, *сад-ясли* и "сложные слова" типа *инженер-полковник* на основе морфологического критерия, т.е. в зависимости от того, склоня-

ется или не склоняется первый компонент. Образования с несклоняемым первым компонентом отнесены к сложным словам. Вместе с тем в словарях новых слов в русском языке (Словарные материалы 1977, 1978 и т.д.) для дериватов типа *платье-блузка* отмечается, что речь идет о "сложении слов", хотя их первый компонент склоняется. Переходный характер этих образований наиболее верно подметил Н.М. Шанский (1969), называющий их "сложносоставными словами". С подобными различиями мы встречаемся и при интерпретации номинационных образований типа *alfa cástice, C-vitamín* (см. ниже). На специфический характер всех этих наименований указывает также разнородность лингвистических терминов, используемых для их обозначения.

Кроме того, в грамматиках и словарях в определенной мере отражено, является ли образование таких формаций в данном языке распространенным и обычным, или же оно только формируется⁵.

Численность номинативных формаций со структурой "substantivum + substantivum (русск. *экономист-статистик, ракета-носитель, дом-мемориал, книга-событие*; польск. *zbrojarz-betoniarz, pisarz-działacz, wagon-chłodnia, samochód-pułapka*; чешск. *zámečník-svářec* и др.) растет во всех сопоставляемых языках, однако, не в одинаковой степени. Н.М. Шанский характеризует их образование в русском языке как самый активный способ словоизменения сложных существительных вообще и указывает при этом на его интенсивное развитие особенно в последние годы. Большой интерес вызывают эти образования и связанные с ними процессы в современном польском языке (Jodłowski, 1962; Damborsky, 1963; Satkiewicz, 1969 и др.) Напр., St. Jodłowski (1962) отмечает широкое распространение этих наименований в последние десятилетия, особенно в сфере экономики и техники. Обнаруживается также, что в современном словацком языке среди возникающих неологизмов довольно часто встречаются сочетания двух сходных слов, напр., существительных в названиях специальных профессий (*tesár manipulant, rohotník stavač*) (Horecký, 1986⁶); ср. и так называемые авторские неологизмы в словацком языке — *herečka epizodistka, plavkyňa začiatocnička, jedálení-skleník, predizba-skleník, pracovňa-skleník*.

Менее исследована ситуация в чешском языке. Если оставить в стороне ботаническую и зоологическую терминологию, то в современном чешском языке этот способ словообразования используется прежде всего в административной функциональной сфере для обозначения лиц по специальности, по выполняемым ими функциям (*projektant rozpočtár, horník mechanizátor, mechanik seřizovač; číšník-kuchař*, наряду с *kuchař-číšník, malíř-lakýrník* и т.п.) На образование этих слов значительное влияние оказывает потребность зафиксировать усложняющуюся специализацию профессий и производственных отношений. Стремление к смысловой точности, особенно при разработке профессиональной терминологии, способствует внутренней дифференциации этих образований на подтипы с детерминированным отношением между компонентами слова (*mechanik seřizovač*) и подтипы с семантически координированным отношением (*malíř-lakýrník*). Оба под-

типа в административном стиле языка также наиболее четки и стабильны.

Ср., напр.: *zámečník údržbář*, *zámečník výtahář*, *zámečník opravář*, *zámečník mechanik*, *zámečník svářec*, *instalatér topenář*, *instalatér údržbař*, *montér potrubář*, *montér opravář*, *mechanik seřizomač*, *mechanik opravář*, *mechanik elektronik*, *plánovač rozborář*, *plánovač ekonom*, *projektant topenář*, *projektant rozpočtař*, *svařec potrubář*, *horník mechanizátor*, *hutník vzduchotechnik*, *programátor analytik*, *matematik analytik*; *brašnář-sedlář*, *malíř-tapetář*, *řezník-uzenář*, *zlatník-klenotník*, *vlásenkář-maskér*. В соответствии с правилами образования существительных женского рода от существительных мужского рода в чешском языке возникают и женские обозначения, напр., *mechanická elektronická* от *mechanik elektronik*, *chemická operátorka* от *chemik operátor*.

Кроме административного стиля языка, формации со структурой "substantivum + substantivum" образуются в публицистическом функциональном стиле и в стиле эссе. Здесь подобные образования возникают из-за стремления автора выразить своеобразное представление или подействовать на читателя (ср. эссеист. *film-balada*, *studie-esej*, *román-panoráma*, публ. *dělník-komunista*). Безусловно, здесь также сказывается влияние русского языка (*sportovec-akademik*, *město-tvůrce*). В целом, однако, в текстах отдельных стилей частотность данных образований возрастает. Ср., напр., цитаты из специального текста: "*Na závěr této části považujeme za vhodné učinit stručnou zmínu o osobním zastoupení lingvistů-specialistů z různých slavistických center*.", "*Při propracovávání otázek týkajících se pojmu termínu spisovný jazyk...*".

Поэтапная интеграция этого способа словообразования в номинационные системы чешского языка проявляется в особенности в том, что в некоторых дериватах формируются иные мотивационные отношения, отличные от существовавших до сих пор. В то время как случаи типа *krejčí kabátník*, принадлежащие к детерминированному подтипу, связаны отношениями мотивации с двумя изолированными словами *krejčí* и *kabát*, образования типа *chemik analytik* связаны отношениями мотивации со словосочетаниями — *analytická chemie*. Детерминированная структура "adjectivum + substantivum" трансформируется в детерминированную структуру "substantivum + substantivum adj" при полном сохранении семантической и формальной расчлененности.

Процесс, который мы здесь наблюдаем, сложен, и, следовательно, сложно точно передать все его аспекты. Так, в подтипе с координационным отношением между существительными мы можем установить, что одни наименования возникли в результате конденсации формы устойчивого сочетания с союзом *a* (*malíř a lakovník* — *malíř lakovník*, другие — непосредственно по структурной модели "substantivum + substantivum" (порядок членов в двусловном наименовании может варьироваться, т.е. *číšník-kuchař* наряду с *kuchař-číšník*). Мы можем также установить, что, наряду с образованиями с семантически ясными отношениями между обеими составными частями, т.е. детерминированным и координационным,

возникают образования, у которых эти отношения из-за неясной референции неопределены, расплывчаты и т.д. При дальнейшем обследовании, однако, из такого факта, как переход первого компонента в разряд несклоняемых, можно было бы установить увеличение числа наименований с одним повторяющимся членом в русском языке (*дом-музей, дом-мемориал, дом-усадьба*; аналогично *книга-альбом, книга-кодекс, книга-памятка*). Ср. также структурные переходы образований координационного типа в типичные сложения в польском языке (*kurs-konferencja — kurso-konferencja*).

Номинационные формации *C-vitamín, U-trubice, alfa zaření, rtg snímek* представляют собой следующую группу дериватов, значительных с точки зрения рассматриваемой проблематики. Согласно Ф. Данешу (1985), эти образования отличаются тем, что содержат два компонента — слово в функции определяемого члена и элемент, не являющийся словом. Таким элементом может быть: 1) буква (*C-vitamín*) 2) комбинация букв (чешск. *rtg snímek*, русск. *СВЧ-волны*, польск. *PCM-przewodnik*). Комбинация букв имеет иногда характер условного обозначения (*DNA* — 'deoxyribonukleová kyselina'). Этот элемент не может быть отнесен к какой-либо части речи, не имеет постоянного места — встречается как в препозиции, так и в постпозиции. Поэтому аргументом того, является ли он самостоятельным словом, служит ударение. М. Докулил (1959) образования типа *C-vitamín*, в отличие от формы *vitamín C*, считал сложениями. Подобные классификационные различия обнаруживаются и в других случаях. Все это указывает на обоснованность вопроса о том, идет ли речь в случае номинационных типов, имеющих структуру "слово и элемент, не являющийся словом", о многословном или однословном наименовании. Этот вопрос можно сформулировать и по-другому: какой статус имеют в этих образованиях "квазислова", которые, хотя и наделены известным значением, тем не менее не определены в морфологическом отношении?

Если исходить из номинационных формаций, в которых используются "квазислова", то оказывается, что эти формации различаются и с точки зрения происхождения, и с точки зрения структуры и функционирования. Одни из них возникают на фоне многословных наименований и также корреспондируют с ними функционально (чешск. *rtg snímek :: rentgenový snímek*, русск. УФ-цвет :: ультрафиолетовый цвет) или, по крайней мере, связаны с ними отношениями мотивации, со стороны значения (ср. чешск. *U-trubice :: trubice tvaru U*). Ср. также номинационные формации этого типа, характеризующиеся использованием образной функции графического вида букв, с учетом способов, посредством которых эта функция выражается в отдельных языках, и, соответственно, связанные с этим различия в мере описательности, напр., чешск. *trubice tvaru U ::* русск. *L-образный четырехполюсник ::* польск. *wydluzka U-kształtowa*; русск. *L-образный четырехполюсник ::* чешск. *L-článek*.

К этой группе принадлежит и категория дериватов, у которых "квазислова" основываются на буквах/звуках, выполняющих только классификационную функцию. Напр. в номинационных формациях *alfa celulóza, beta celulóza, gama celulóza* буквенные элементы *alfa, beta, gama* служат для

различения отдельных частей целлюлозы (эквиваленты в русском и польском языках схожи).

Другую группу, формально схожую с номинационными формациями первой группы, составляют образования, "квази-слова" которых перестают заменять полное слово (слова). Так, в сочетании *sci-fi autor* элемент *sci-fi* указывает на область научно-фантастической литературы. Кроме того, к данной группе относятся также те наименования, в которых буквенный элемент выполняет иную, не классификационную функцию. Этот случай иллюстрирует, напр., элемент *alfa* в сочетании с существительным *částice*, т.е. *alfa částice*; польск. *alfa-cząstka*; русск. альфа-частица. *Alfa* выражает с существительным *částice* одно понятийное содержание и используется в детализирующей функции (ср. *alfa částice* — 'ядро изотопа гелия'). С семантическими изменениями "квази-слов" связано и то, что они начинают "освобождаться" от зависимости конкретного наименования и повторяются в других номинационных формациях в новом функционально-семантическом значении. Ср., напр. чешск. *alfa částice :: alfa metoda*, русск. альфа-частица :: альфа-терапия, польск. *alfa-cząstka :: alfa-częstotliwość*; аналогично, чешск. *vf proud* — 'vysokofrekvenční proud' :: *vf elektrochirurgie* — 'elektrochirurgie využívající vysokofrekvenční proud'; русск. СВЧ-волны — 'сверхвысокочастотные волны' :: СВЧ-печи. Этот же процесс происходит и в дериватах с буквенными элементами иноязычного происхождения (в чешском, напр., *RC model :: RC modelář*; *RC* — аббревиатура из английского *radio control*). С исконными буквенными элементами происходит, следовательно, то же, что и с прилагательными при расширении их семантики⁷.

Проблема морфологического статуса элементов, не являющихся словами, значительно шире. В последнее время в чешском языке появляются номинационные формации, составными элементами которых являются: слово и морфологически не оформленшаяся морфема иноязычного происхождения. К этим морфемам принадлежат, напр., *disko*, *video*, *dia* и др.: *disko kavárna*; *rytmus diskو*; *disko tanec* // *tanec diskو*; *videotechnika* // *technika video*; *dia pečivo*; *dia prodejna* // *prodejna dia*, *dia koutek* // *koutek dia*⁸.

Эти в морфологическом отношении не оформленшиеся морфемы возникают различными способами (напр., *dia* в сочетании *dia pečivo* возникает в результате сокращения прилагательного, входящего в состав мотивирующего словосочетания *diabetické pečivo*), вычленением из иноязычных слов (*video* из *videofonní*; ср. соотношение *videofonní* :: *telefonní*), что может проходить параллельно с сокращением исходной лексемы и заимствованием слова из другого языка (ср. *disko*). Что касается источников происхождения отдельных морфем, а также способов их возникновения, то они не являются строго дифференцированными.

Данные морфемы встречаются как в препозиции (*video pamět'*, *video řadič*, *dia veka*, *disko tanec* // *disko-tanec*), так и в постпозиции (*rytmus diskو*), либо их местоположение может варьироваться. Напр., наряду с *dia prodejna*, встречается *prodejna dia*, наряду с *video pásek* — *pásek video* и т.д.

(Ср. также русск. *мини-платье* и *платье мини*, польск. *mini-spódniczka* и *spódniczka mini*). В силу того, что они используются в сочетании с существительными в качестве определяющего слова, они сближаются с адъективными морфемами. В особенности это заметно в сочетаниях типа *dia tvárohový koláč*. Вместе с тем, что касается их формальной стороны, несклоняемости, позиции, различной взаимосвязи с существительным (что проявляется в графике — в написании отдельно или с союзом, и в звуковой стороне — в колебании места ударения), а также семантики, то однозначное отнесение рассматриваемых морфем к адъективным, соответственно, к самим адъективам является спорным. Напр., *video*, *disko* имеют вещественно-конкретное значение, в элементе *dia* конденсируется значение слов *diabetes*, *diabetik*, *diabetický*, *dietá*, *dietní* (ср., напр., *dia prodejna* — 'prodejna potravin využívaných pro různé druhy diet'). При сравнении с традиционным репертуаром субстантивных и адъективных морфем, с частеречной принадлежностью слов в чешском языке и с основными способами номинации (синтаксическим образованием наименований, сложением) структурная неоформленность и функциональная специфика данных морфем проявляются достаточно отчетливо. Между ними, однако, существуют различия, в зависимости от того, каким способом они формируются, с какой скоростью протекает их формирование. Образование номинационных формаций данного типа особенно интересно в связи со следующими процессами, происходящими в настоящее время — образованием гибридных слов (*bioplyn*, *hydroosev* и др.) и распространяющимся аддитивным присоединением радиксоидов (*biogeografie*, *mikrofotozáznam*; ср. также ок-казионализм из публицистики *audiovideosupervěž*.

Выводы: В чешском, польском и русском языках протекают сопоставимые процессы. Это проявляется в ослаблении оппозиции однословное :: многословное наименование (морфема :: слово; буква/звук :: полнозначное слово). Если, с одной стороны, мы констатируем различия в реализации, а также использований типа образования "substantivum + substantivum" в отдельных языках (особенно между русским и чешским языками), то, с другой стороны, встречаем схожие процессы в формациях, находящихся на периферии словарного состава сравниваемых языков.

Исследование неологизмов, следовательно, дает возможность более глубоко познать инновационные механизмы на более общем уровне, как, напр., способы формирования новых номинационных моделей. Поэтому не следует оставлять без внимания ни более редкие явления системной периферии, ни неодинаковые по количественному составу ряды неологизмов, образование которых в основном отличается от традиционного образования наименований в исследуемом языке.

Примечания

¹ Для обозначения процессов, связанных с неологизмами, чаще используется термин "инновационные процессы" (Jedlička, 1965, 1976; Chlupáčová, 1985; Butcherová, 1984), иногда "неологические" (Horecký, 1986). Существующую типологию неологических процессов мы исследовали в статье *Typologie neologických procesů v slovní zásobě současné češtiny*, представленной на конференции "Тенденции динамики в языковой коммуникации" в Смоленицах (1988 г.) (сборник докладов находится в печати).

- ² М. Докулил (1962, с. 15) характеризует образование слов как "морфологию наименования", аналогично, Е.С. Кубрякова (1977, с. 225) понимает словообразование как "деривационную ономасиологию".
- ³ Материал мы черпали из работы М. Докулила: "Tvoření slov v češtině I. Teorie odvozování slov", (Pr., 1962), из работы "O češtině každodenní", (Pr. 1984); материал польского языка взят в основном из следующих работ: Pisarek W. Słownik języka niby-polskiego, 1978; Miodek J. Odpowiednie dać rzeczy słowo, 1987; Miodek J. Rzecz o języku, 1983; материал русского языка взят из работы Л.И. Скворцова "Правильно ли мы говорим по-русски?" (М., 1983).
- ⁴ О некоторых рассматриваемых здесь случаях с точки зрения процесса семантической конденсации писал А.В. Исаченко (1957, 1958). Он полагал, что в русском языке в так называемых приложениях типа *автомобиль-ресторан* (из французск.) конденсации почти не происходит (Исаченко, 1957). В статье Ф. Цуржина и И. Новотного (1974) наименования типа *C-vitamin* считаются универсализованными, т.е. синтетическими (ср. с. 79 и 83). К универсализованным типам в цитируемой работе отнесены и сложные слова (*kamenolom, autodoprava, dělnickorolnický*). В важной статье Исаченко (1958) разрабатывается проблема соотношения между типами и процессами семантической конденсации и структурой типологией словарного состава славянских литературных языков. На материале наименований, тесто связанных с интеллектуализацией современных литературных языков, показано, что чешский язык с учетом представленности и меры использования некоторых структурных типов тяготеет к синтетизму, в то время как русский язык — к аналитизму.
- ⁵ С этой точки зрения представляют интерес, наряду с толковыми, также орфографические словари (ср., напр., Орфографический словарь русского языка, 1987; Слитно или раздельно? 1987; Słownik ortograficzny języka polskiego, 1975; Pravidla českého pravopisu, 1984).
- ⁶ Согласно мнению Я. Горецкого (1986), новизна заключается именно в таком подсоединении слов.
- ⁷ Ассимиляция нефлексивных дериватов происходит по-разному; ср., напр., *scifista* (от *sci-fi*) в чешском языке, *akowiec* в польском.
- ⁸ Примеры мы приводим в том же графическом виде, в каком они встречаются в нашем материале.

Литература

- Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. М., 1987.
- Butler D. Innowacje leksykalne we współczesnej polszczyźnie i w sąsiednich językach słowiańskich. PJ 1984, c. 2, s. 57—63.
- Coseriu E. Semantik, innere Sprachform und Tiefenstruktur. Folia Linguistica 4, 1970; čes. překlad // Principy strukturní syntaxe I. Praha, SPN 1974, s. 31—38.
- Cuřín Fr. — Novotný J. Vývojové tendenze současné spisovné češtiny a kultura jazyka. Praha 1974.
- Damborský J. Apozycyjne zestawienia we współczesnej polszczyźnie. JP XLVI. 1963. S. 255—268.
- Daneš Fr. Faktor RH/Rh—faktor. NŘ 68. 1985. S. 176—182.
- Dokulil M. Tvoření slov v češtine I. Teorie odvozování slov. Pr. 1962.
- Dokulil M. Vitamin C, nebo C-vitamin. // Jazykový koutek čs. rozhlasu, 3. výběr. Pr., 1959. S. 129—131.
- Guilbert L. La créativité lexicale. P., 1975.
- Horecký J. Neologizmy v současné spisovné slovenčine. Kultúra slova. 20. 1986. S. 6—12.
- Chlupáčová K. K sémantické neologii v současné ruštině. Slav Prag. 25. 1982. S. 253—262.
- Isačenko A.V. Historiko-srovnávací studium slovní zásoby slovanských jazyků // K historiko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků. Olomouc; Praha, 1957. S. 143—151.
- Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков.
- Jodłowski S. Zestawienia bliźniacze. BPTJ. XXI. 1962. S. 49—60.
- Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований, М., 1977. С. 223—303.
- Jedlička A. K charakteristice slovní zásoby současné spisovné češtiny. Slav Prag 7, 1965. S. 13—27.
- Jedlička A. Innowacyjne procesy i tendencje we współczesnym języku literackim // Z problemów współczesnych języków i literatur słowiańskich. W-wa 1976. S. 11—22.
- Martincová O. Typologie neologických procesů v slovní zásobě současné češtiny (V tisku).
- Miodek J. Rzecz o języku. Szkice o współczesnej polszczyźnie. Wrocław, 1983.
- Miodek J. Odpowiednie dać rzeczy słowo. Szkice o współczesnej polszczyźnie. Wrocław, 1987.

Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77, 78, 82, 83. Под ред. Н.З. Котеловой.

М., 1980, 1982, 1986, 1987.

О чешинě každodenní. Brno 1984.

Орфографический словарь русского языка. Москва 1987.

Pisarek W. Słownik języka niby-polskiego czyli błędy językowe w prasie. Wrocław 1984.

Русская грамматика 1. М., 1980.

Sádliková M. – Savický N. – Šišková R. Ke konfrontačnímu studiu dynamiky slovní zásoby. Čs. rusistika 33, 1988, č. 2, s. 56–60.

Satkiewicz H. Produktywne typy słowotwórcze współczesnego języka ogólnopolskiego. W-wa 1969.

Скворцов Л.И. Правильно ли мы говорим по-русски? Москва 1983. Słownik ortograficzny języka polskiego. W-wa 1975.

Шанский Н.М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху // Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 155–166.

Перевод Ю.Ю. Гайдуковой

И. Марынякова (Польша)

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ С ВОЗВРАТНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ *SIĘ* В ПОЛЬСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

(Местоимение *się* как показатель категорий определенности/неопределенности)

При написании статьи в качестве исходного был использован материал польского литературного языка. Примеры извлекались из текстов художественных произведений и журнальных статей. Факты русского языка извлекались из переводов с русского языка на польский язык аналогичных произведений. При этом мы поступали следующим образом: из польского текста извлекались соответствующие примеры и затем к ним подбирались их оригиналы в русском тексте. Можно было бы воспользоваться и переводами на русский язык польских произведений, однако это могло бы привести к ошибочным данным, так как при переводе было бы неизбежным влияние польского языка в тех случаях, когда в языке перевода имеется выбор между несколькими конструкциями с одинаковой семантикой, причем одна из них сходна с оригиналом.

Общеизвестные формальные различия между возвратным местоимением в польском и русском языках заключаются в том, что польская энклитическая форма *się* имеет в общем более тесную связь с местоимением *siebie*, чем русская глагольная приставка *-ся* с местоимением *себя*¹. Но в данной статье эти различия не имеют особого значения, так как мы будем рассматривать грамматическую категорию определенности / неопределенности на материале, оставшемся после исключения из него примеров с местоимением *się* в широком значении возвратности; ср.: *Położyła głowę na jego ramieniu, wtulila się w niego, jakby szukając obrony przed nieszczęściami i niedolami swego życia. Она уткнулась головой в его*

плечо, прижалась к нему, будто искала защиты от несчастий и невзгод своей жизни (Рыбаков). *Sztab frontu natychmiast zajął się sprawą zebrania meldunków.* Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений (Рокоссовский). Исключены были также примеры, в которых форма глагола с местоимением *się* приобрела лексикализованное значение, типа — *Wróciwszy do pokoju rzucił okiem na butelkę.* Вернувшись в комнату, покосился на бутылку. (Рыбаков); *Cperwa probowali отделаться словами "Лиходеев на квартире"...* *Próbowali z poczatku splawić rozmówcę mówiąc:* "Лиходиев jest w domu"... (Булгаков), где в переводе употребляется совсем другая, с формальной точки зрения, единица текста, но с соответствующим оригиналу значением.

Оставшийся после такого отбора материал с местоимением *się* объединяет значение неопределенности производителя действия или состояния. Если принять, что категория определенности / неопределенности, охватывающая предложение², является грамматической категорией, то энклитическую форму возвратного местоимения *się* следует признать ее показателем. Показатель неопределенности *się* (будем его считать морфемой неопределенности) обладает флексивной способностью создавать парадигму соответствующих форм.

Итак, морфема *się* привносит в семантику глаголов значение неопределенности. Она присоединяется к формам третьего лица единственного и множественного числа настоящего (будущего) и прошедшего времен, к неопределенной форме глагола, выступающей самостоятельно или же со связкой, выраженной личными формами глагола, наречиями и нефлексивными глаголами³, к личной форме глагола с именем. Ниже приведена схема, на которой цифрами указаны примеры.

Rис. 1

В синтаксическом плане рассматриваемые предложения могут быть двусоставными с подлежащим и односоставными, безличными.

В семантическом плане они лишены агенса. Можно выделить предикат — действие или состояние — который охватывает патиенса, но нет названного производителя действия — агенса.

Рассмотрим примеры:

Сказуемое, выраженное третьим лицом —

настоящего времени

единственного числа:

1. Człowiek się zmienia. Życie się zmienia. Wszystko się zmienia. Wciąż coś się zmienia (Krzysztoń).

Po wschodzie słońca maluje się czysty błękit, nasycony jakby rozmytym wodą kobalem. (Ginter).

множественного числа:

2. Kiedy niebem zawładnęła chmury, barwy stają się szare, butelkowo zielone, czasem fiołkowe. O zachodzie rozlewają się szkarłatny, a nocą groźne granaty i czernie (Ginter).

Prace na farmie powoli urywają się z powodu braku gotówki (Ginter).

прошедшего времени

единственного числа:

3. Wychował się w domu starszego brata (Lem).

Bal okazał się bardzo międzynarodowy (Ginter).

множественного числа:

4. Przycichły na moment rozmowy, wszyskie oczy skierowały się na nią (Ginter).

.Poszliśmy do studia, w którym nastawiono krzesła, tu i ówdzie zwieszały się ponure draperie (Krzysztoń).

5. Przy każdym stoliku mówi się innym językiem. (Ginter).

Сказуемое, выраженное личной формой глагола с инфинитивом —

6. Udało się nam znaleźć wolny stolik i zorganizować parę butelek (Ginter).

A co by się miało dziać? (Krzysztoń).

Сказуемое, выраженное нефлексивным глаголом с инфинитивом —

7. A cóż jej może się stać (Krzysztoń).

Bo widzisz zawsze spotykałem dwa rodzaje kobiet: nobliwe, z którymi przyjemnie pogadać i nie wstyd się pokazać, albo seksowne, z którymi warto się przespac (Ginter).

Nie trzeba się przyzwyczajać (Krzysztoń).

Сказуемое, выраженное личной формой глагола с именем —

8. ...wolę smakować życie na trzeźwo. Przeżywa się wtedy głębiej i ciekawiej (Ginter).

Dobry trunek tak wspaniały odmienia świat; wszystko staje się takie beztroskie, kolorowe (Ginter).

На основе этого материала можно составить следующую схему:

подлежащее, дополнение		сказуемое	
	пациент	предикат	агенс
1	człowiek, życie, wszystko, coś blękit	zmienia się maluje się	—
2	barwy, szkarlaty, granaty prace	rozlewają się urywają się	—
3	(on)	wychował się	—
4	bal	okazał się	—
5	oczy	skierowały się	—
6	draperie	zwieszały się	—
5	innym językiem	mówią się	—
6	wolny stolik	udalo się znaleźć	—
	co	mialo się działać	—
7	jej	może się stać	—
	z którymi	nie wstyd się pokazać warto się przespać	—
8		nie trzeba się przymywaczajac przeżywa się głębiej i ciekawiej	—
	wszystko	staje się beztroskie, kolorowe	—

Отсутствие агента для польского языка делает возможной такую организацию высказывания, когда предикат, включая возвратное по происхождению местоимение, не нуждается в агенсе. Действие происходит "само собой" — "samo z siebie", агенс остается неопределенным.

В результате отбора соответствующих примеров оказалось, что в польском переводе русскоязычных произведений имеется значительно меньшее количество форм с морфемой неопределенности *się*, чем в произведениях оригинальных.

Большинство примеров в функции сказуемого имеет форму третьего лица множественного числа, например: *В свое время нашлись злопыхатели, пытавшиеся в западной печати обвинить войска I-го Белорусского фронта...* *W swoim czasie znaleźli się złośliwi ludzie, którzy na łamach prasy zachodniej usiłowali obwinić wojska I Frontu Białoruskiego...* (Рокоссовский); *Исписанные Иваном листки валялись на полу; их сдуло ветром, влетевшим в комнату перед началом грозы.* *Na podłodze poniewierały się zapisane kartki papieru — zdmuchnął je wiatr, który tuż przed burzą wdarł się do pokoju* (Булгаков). Реже встречаются примеры в единственном числе: *Как-то смягчился в памяти проклятый бесовский кот...* *Zatarł się nieco w pamięci przeklęty diabelski kot...* (Булгаков).

В просмотренных текстах имеются немногочисленные примеры со сказуемым, выраженным формой третьего лица настоящего времени: *Часть новых авиадвигателей уже находится по пути в Польшу.* *Część nowych silników znajduje się już w drodze do Polski* (Московские новости); *Получив данные, что в лесах севернее Люблина находятся польские соединения, мы решили.* *Otrzymawszy wiadomości, że w lasach na północ od Lublina znajduje się polskie zgrupowanie powzięliśmy decyzję* (Рокоссовский); *Смысл*

tom, что поздравления относятся к партии, а не к нему. То значило, że życzenia odnoszą się do całej partii, a nie do niego osobiście (Рыбаков).

Редко встречаются примеры со сказуемым, выраженным слово-сочетанием инфинитива с наречием: *В таких условиях удержаться на западном берегу Вислы было невозможно. W takich warunkach nie można było się utrzymać na zachodnim brzegu Wisły* (Рокоссовский); *Рано или поздно это должно было случиться. No tak, przedzej czy później musiało się to przytrafić* (Рыбаков).

Остальные формы, отмеченные в польском языке, представлены и в русском языке. Разница заключается в их частотности. Кроме того, в польском языке *się* присоединяется более или менее равномерно к указанным формам. В русском языке формы прошедшего времени выступают несравненно чаще других. Это видно также на группе примеров, когда русской форме глагола с морфемой *-ся* соответствует в польском переводе форма без морфемы *się*, хотя значение неопределенности сохраняется. В этих примерах также преобладают формы прошедшего времени, например: ... и все реже за дверями *слушались* осторожные шажки фельдшериц... *coraz rzadziej słychać było za drzwiami ciche stąpania pielęgniarek...* (Булгаков); *Так продолжалось* до вечера ...*Tak trwało do wieczora;* *Ничего не получалось.* *Nic z tego nie wychodziło.*

Есть также примеры, когда русскую форму без морфемы неопределенности, но обладающую этим значением, переводят польской формой с *się*. Прежде всего это третье лицо множественного числа настоящего времени: ... и что *думают* об этом в авиакомпании ЛОТ... ... i co sądzi się o tym w Lecie... (Московские новости); *Как всякая техника, самолеты устаревают...* *Jak każdy sprzęt samoloty starzeją się* (Московские новости).

Меньше примеров с формами прошедшего времени: *В институте поговаривали* о его знаменитой военной биографии.. *W instytucie mówili się o jego chłubnej wojennej przeszłości* (Рыбаков); Три восьмиэтажных корпуса *тесно стоят* один за другим... *Trzy siedmiopiętrowe budynki stoczą się jeden za drugim...* (Рыбаков).

Более четко выделяется функция неопределенности у местоимения *się* в текстах автора XVIII столетия. Были проведены исследования языка естествоведа Кржиштофа Клюка, который жил и работал в Восточной части Польши в городе Цехановец. Конструкции с морфемой неопределенности *się* в его языке очень часты. Он пишет: *Jeżczmień około dwunastu tygodni dojrzewa. Gdy powschodzi, przeciwko suszy powalcuje się; Syropy tak się robią; Wchodząc dalej w przyrodzenie, zadziwiać się trzeba, że gdy się podług pospolitego mniemania wiele stworzeń być zdaie nadaremnych, Filozof widzi, że nie masz żadnego prożnego.*

Итак, на протяжении двух столетий употребление морфемы *się* в польском языке существенно не изменилось. Изменения касаются частотности употребления глагольных форм с *się*.

Таким образом, можно говорить о большом сходстве между польским и

русским языками в области выражения неопределенности при помощи грамматического показателя. Данный вывод может быть полезен не только для изучающих один из названных языков, но прежде всего для переводчиков. В текстах журнальных статей польскоязычные авторы часто прибегают к употреблению этих конструкций. Они удобны тем, что не требуют точного названия производителя действия / состояния, одновременно не имеют обобщающего характера.

Примечания

- ¹ *Safarewiczowa H. Udział formy *себя* w rosyjskim systemie czasownikowym // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. T. 5. 1965. S.227—234.*
- ² *Koseska-Toszewska V. Semantyczne aspekty kategorii określoności — nieokreśloności (na materiale z języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego). Wrocław, 1982, S. 5.*
- ³ *Maryniakowa I. Zaimek się wykładownikiem nieokreśloności (Na materiale tekstu Krzysztofa Kluka i współczesnej gwar Ciechanowca i najbliższej okolicy) // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. T. 27 (w druku).*

Использованные источники

- Ginter M. Z wiatrem pod wiatr. W-wa, 1987.
Krzysztoń J. Oblęd. W-wa, 1980.
Булгаков М. Мастер и Маргарита. М., 1988.
Bulgakov M. Mistrz i Małgorzata. W-wa, 1988.
Рокоссовский К. Солдатский долг. М., 1968.
Rokossowski K. Żołnierski obowiązek. W-wa, 1973.
Рыбаков А. Дети Арбата. М., 1987.
Rybakow A. Dzieci Arbatu. W-wa, 1988.
Московские новости № 37, 13 сент. 1987. — ("Эмоции и предположения — не доводы в авиации").
Skrzydłata Polska N 40, 4.X.1987 ("Co piszą inni").

Супрун А.Е. (Белоруссия)

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К ПОСТРОЕНИЮ СЛАВЯНСКОЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Сопоставительное изучение лексики началось, пожалуй, раньше, чем сопоставительное изучение звуковой системы или грамматики. Первые сопоставления лексики, в частности — славянской, реализовались в виде словарей, в том числе и старых межславянских словарей, к которым принадлежит и "Синоним" Лаврентия Зизания, и словарь Памвы Беринды. Ведь именно в лексике виделись старым филологам важнейшие межязыковые различия, в то время как осмысление грамматики долгое время не мешало представлениям о ее универсальности.

Однако словарное представление лексических сопоставлений рассеивало внимание сопоставителей на отдельные, хотя и многочисленные факты. А возникновение современной фонологии неразрывно связано с попытками на универсальной сети противопоставлений представить в одних терминах разнообразные фонологические системы. Эта линия была

продолжена в сопоставительных грамматических студиях, направленных в первую очередь на выделение "наиболее важных" или "сложных" узлов для обучения второму языку. Все это вело к мысли о необходимости каких-то обобщений бесконечного словарного материала и построения сопоставительной лексикологии уже на новом уровне.

Возможен целый ряд подходов к сопоставительному анализу лексики славянских языков. Уже элементарное количественное сопоставление объема лексиконов различных славянских языков¹ показало, как в зависимости от разнообразия функций и от продолжительности письменной традиции можно выделить по крайней мере три типа славянских языков по объему словаря: один с лексиконом порядка 100000—200000 слов (или более) — наиболее разнофункциональный и с большим накоплением словаря на новом этапе его развития (русский, украинский, польский, чешский, словацкий, сербско-хорватский, словенский, болгарский, к чему примыкают белорусский и македонский), другой — с лексиконом порядка 50000 слов (серболужицкие, русинский), третий — с лексиконом порядка 10000—20000 слов (диалекты). Но эти количественные сопоставления могут служить лишь вступлением в сопоставительную лексикологию пары славянских языков, они затруднены к тому же неадекватностью и неэквивалентностью наличных словарей.

При сопоставительном исследовании лексики славянских языков, в частности лексики пар славянских языков, можно использовать целый ряд различных подходов, причем соединение некоторых из них обеспечивает комплексное построение сопоставительной лексикологии, дающее более адекватную действительности картину.

В исследовании можно исходить из сопоставления принятых за эквиваленты текстов, причем, коль скоро длина текстов будет достаточной, то будут получены разнообразные данные о соответствии той или иной лексемы одного языка лексеме или лексемам другого языка. Следует заметить, что эквивалентные тексты могут возникнуть главным образом как результат переводческой деятельности, иногда с одного исследуемого языка на другой, а иногда и как результат перевода текстов на этих языках с некоторого третьего языка (таковы, к примеру, библейские тексты). Анализ эквивалентных текстов позволяет изучить не только простую эквивалентность лексем, но также общность и своеобразие дистрибуции этих лексем в каждом из языков. Однако для получения таких данных необходима значительная длина текста. Так, к примеру, слово *земля* отмечено в частном словаре под редакцией Л.Н. Засориной² 1074 раза. Это означает, что в тексте длиной в 1 млн. словоупотреблений можно ожидать несколько больше тысячи словоупотреблений этого слова (1017). Учитывая, что слово это обладает 6 или 7 значениями (Словарь русского языка 1, 1981: 608), допуская (что, конечно, неточно) равновероятность этих значений, можно предположить, что на каждое из значений будет в тексте длиной в миллион словоупотреблений приходиться полторы сотни словоупотреблений. Быть может, этого и достаточно. Надо только учесть, что такой по длине текст — это примерно два с половиной текста "Войны и мира" (409407 словоупотреблений), а также, что *земля* занимает в частотном словаре русского языка место под

номером 103, т.е. оно одно из самых частых существительных (входит во второй их десяток по частоте), а чтобы получить такие же количественные сведения о слове *хутор* (частота 38; 2 значения) текст понадобится длиной примерно в 8—9 млн. словоупотреблений. Для слова *карабин* (с частотой 6) потребуется соответственно текст длиной в 30 млн. словоупотреблений, т.е. сотня томов обычного формата, причем это ведь для каждого языка и при отнюдь не доказанном условии, что полторы сотни первых попавшихся примеров покажут достаточно хорошо дистрибутивные свойства лексемы. Таким образом, не снимая принципиальную возможность сопоставительного изучения лексики на основании анализа эквивалентных текстов, следует, видимо, отложить ее осуществление до того уже вероятно недалекого времени, когда благодаря облегчению ввода речевой информации (текстов) в память электронных вычислительных машин, станет реальным анализ крупных массивов текстов на ЭВМ. В настоящее время более реально сопоставление текстов для грамматических целей, хотя и здесь речь может идти прежде всего о сравнительно частых явлениях.

Из сказанного следует, что в современных условиях на первом месте при сопоставлении лексики славянских языков оказывается сопоставление лексических явлений не в тексте, а в системе, в лексиконе. Ссылки на текстовое употребление тех или иных лексических единиц, конечно, правомерны, но на первом месте оказывается сопоставление лексиконов славянских языков как частей их систем. При этом следует иметь в виду, что если текст представляет собой в конечном счете манифестацию функционирования системы, то система существует для того, чтобы функционировать в процессе производства текста, а следовательно, представляет в латентной форме то, что находит свое выражение в тексте. В какой-то мере хороший толковый словарь с глубоким анализом значений слов, их употребления, с примерами представляет собой своего рода модель функционирующего при производстве текстов лексикона, так как любой словарь в наше время базируется на большей или меньшей эксперпции текста, а даже если эксперпция недостаточна, составитель словаря моделирует фрагменты текстов с анализируемыми словами для определения их семантических черт, проявляющихся в дистрибуции. Подчеркиванием значения системного подхода в сопоставлении лексики не снимается возможность и в определенных случаях целесообразность уже и теперь текстового подхода к сопоставлению.

Некоторые возможности переходного, текстово-словарного подхода к сопоставлению дает использование методики описания лексики, примененной в опубликованной части Толково-комбинаторного словаря современного русского языка³. Анкета, характеризующая комбинаторные свойства слова, т.е. его функционально-лексические данные, предъявляется к каждому слову и позволяет раскрыть его функции в тексте, что и подразумевается моделью "Смысл — текст", положенной в основу словаря. Иной вопрос, что для сопоставления нужны, конечно, аналогичные словари по сопоставляемым языкам, что пока что выполнена лишь небольшая часть этого замысла.

Нетекстовый подход к сопоставлению лексики может строиться, как и

текстовый, на содержательной стороне сопоставляемых единиц, но может основываться и на плане выражения. В этом случае необходимо на первом этапе установление межъязыковых звуковых или графических соответствий закономерного характера. В принципе эти соответствия строятся с опорой на историю звуковых систем сопоставляемых языков. Так, к примеру, если взять графемы русского и словенского языков для гласных, то выявляются регулярные соответствия *o—o; a—a; e—e; i,ы—i; у—i, ę (на месте q); e/ø—e, a/ø (на месте ь); o/ø—e, a/ø (на месте ъ), я—e (на месте ę)*. Подобным образом устанавливаются и соответствия для согласных (где специфическим является соответствия *x—h* или *ж—j* (на месте старого сочетания **dj*). На базе таких соответствий становится возможным установление соответствующих (эквивалентных) лексем (в смысле Н.И. Толстого⁴, т.е. — звуковых оболочек) типа русск. *вода* — словен. *voda*, *межа* — *teja*, *бык* — *bik* и под. Звукографические соответствия целесообразно пополнить соответствиями некоторых сочетаний типа русск. *оро* — словен. *ra* между согласным, а также соответствия на морфологическом (грамматическом) уровне, что позволит сравнивать, скажем, инфинитивы типа *быть* — *biti*, прилагательные вроде *методичный* — *metodičen*, имена типа *балканизм* — *balkanizem*. Тем не менее, наряду с полными соответствиями планов выражения обнаружится ряд достаточно очевидных приблизительных соответствий. Конечно, многое здесь зависит от того, насколько подробно установлены межсистемные соответствия, но в принципе, вероятно, невозможно достичь такого перечня соответствий, который позволил бы обойтись без установления некоторых близких, но не абсолютных эквивалентов. Всегда находятся некоторые более или менее случайные отклонения от нормальных соответствий в одном из языков.

Так, можно отметить случаи с разной родовой принадлежностью слов в сопоставляемых языках: *бацилла* — *bacil*, *багаж* — *bagaža*, *бальзамин* — *balzamina*; нередки отдельные недостаточно регулярные звуковые соответствия в заимствованных словах типа *вакханка* — *bakhantka*, *вакханалия* — *bakhanalije*, *паяц* — *bajaco*, *зона* — *copa*, *баланс* (технич. устройство) — *balanca*. Можно отметить различия в принятой форме заимствования типа *бамбук* — *bambus*;ср. еще *бакалавр* — *bakalaver* и т.п.

Очевидно, что совпадения лексем возникают за счет наследования некоторых слов из праславянского, за счет заимствования и параллельного словообразования. Практически заимствования — это большей частью интернационализмы, хотя допустимы в принципе и случаи заимствования из одного сопоставляемого языка в другой, а также и просто общие заимствования из третьих языков. Надо подчеркнуть, что нередко на общий исходный материал накладывается общее словообразовательное оформление.

Славянские языки обладают в сильной степени подобной, хотя, конечно, далеко не тождественной словообразовательной системой. Большая часть аффиксальных средств, а также многие словообразовательные модели в славянских языках совпадают. Совпадает в значительной мере и семантика словообразовательных средств и моделей. В результате этого

довольно много совпадений в лексике славянских языков между словами с многоморфемной структурой: русск. *писарь* — словен. *pisar, торговец* — *trgovec, маковый* — *makov, отложить* — *odložiti*. Но надо отметить, что эта же общая база ведет и к своеобразным различиям, а в частности к различному суффиксальному или префиксальному оформлению семантически близких единиц: *малинник* — *malinjak, багрян* — *bagren, балалаечник* — *balalajkar, балкончик* — *balkonček, намет* — *zatet, гостиница* — *gostilna*; можно указать и на наличие в одном из языков аффикса, отсутствующего в другом или необязательного в нем: *куница* — *kuna, дыхательный* — *dihalen, (no)забыть* — *porabiti*.

Совпадения слов между славянскими языками по форме охватывают в различных парах славянских языков различные части лексиконов. Так, экспериментальная проверка показала, что тождественную форму имеют в болгарском и русском языках 35—40% слов, а в болгарском и белорусском языках — 30—35%. Если учитывать и приблизительные формальные соответствия, то речь будет идти соответственно о 55—60% и о 50—55% слов в лексиконе. Было показано, что если учитывать не случайно взятые слова в словаре, а пословные переводы некоторых текстов, то эти цифры для совпадающих по форме лексем несколько растут, поскольку среди совпадающих лексем довольно много важных, повторяющихся в текстах⁵. Рассматривая словенский и русский лексиконы, можно обнаружить, что количество тождественных лексем ниже — оно составляет порядка 15% лексикона, а если учитывать и приблизительные соответствия, то таких лексем будет около 25%. Приведенные цифры возникли не в результате сплошного просмотра целых словарей, а в результате выборочного анализа, а потому они нуждаются в дальнейших уточнениях.

Совпадающие лексемы, как уже отмечалось, представляют собой либо рефлексы унаследованных пражзыковых лексических единиц, либо заимствования из одного языка в другой, либо заимствования из третьих языков, нередко интернационального характера. Так, к примеру, среди точных соответствий словенских лексем русским можно отметить унаследованные слова: *baba, babin, babka, bajati, bajka*, заимствованные из русского: *babuška, balalajka*; многочисленные заимствования из третьих языков, нередко носящие интернациональный характер: *baby (be(j)bi), badminton, bajadera, bakara, bakelit, bakšiš, bakterija, bakteriofag, bakteriolog, bakteriologija, bal 1 (бал), bal 2 (балл), balada, balans, balast, baldahin, balerina, balet, balkanistika, balkanizem, balneolog, balon, balustrada, balzam*. Можно отметить также целый ряд параллельно образованных по одинаковым словообразовательным моделям слов на базе отмеченных интернациональных (и вообще заимствованных) слов: *bakterialen, baktericiden, baladen, balasten, baleten, baletka, baltski*.

Внутри лексических единиц, совпадающих формально, могут быть отмечены различные степени семантического совпадения: от практически полной тождественности (типа русск. *бог* — словен. *bog, богатый* — *bo-gat*) к различным случаям семантического сходства (то есть наличия общих сем и различиям по большему или меньшему числу, а также существ-

венности сем не совпадающих). Предложенное в свое время И.А. Мельчуком приложение к семантическим отношениям общей схемы логических отношений включения и пересечения⁶ позволяет установить сравнительную объемность семантики единиц двух языков, их семантическое пересечение, но при этом охватывает собственно говоря лишь количественную сторону отношения, а не его сущность, хотя, конечно, и установление количественного различия в семантическом объеме тоже интересно и полезно. Правда, точный анализ в этом плане в весьма значительной мере лимитируется состоянием лексикографического описания языков и, что не менее важно, общностью или различием в подходах лексикографов при описании семантики сопоставляемых языков. Если взять, к примеру, слова *дело* в русском и *delo* в словенском языках, то мы неизбежно встретимся с разными подходами авторов достаточно близких словарей (четырехтомного "малого академического" в русском и пятитомного словенского) к описанию семантики рассматриваемых, довольно близких по значению (и тождественных по форме) слов. Приведем сокращением примеров и несущественных деталей соответствующие статьи. Статья словенского словаря дается для облегчения сравнения в русском переводе.

Д Е Л О . 1. Работа, занятие, деятельность // Деятельность, направленная к осуществлению, достижению чего-л. 2. Практическая деятельность, действие, в противоположность мыслям, словам; поступок. 3. То, что непосредственно, близко касается кого-, чего-л., входит в чье-л. ведение, задачи, обязанности и т.п. // То, что обусловлено чем-л., зависит от чего-л. 4. То, что полезно, важно, существенно. 5 (с определением). Специальность, профессия, круг занятий, область знаний или навыков. 6 (устар.). Промышленное или коммерческое предприятие. 7. Деловая надобность, нужда, потребность // Отношение, касательство, причастность. 8. Административное, судебное разбирательство по поводу какого-л. события, факта; судебный процесс. 9. Собрание документов, относящихся к какому-л. факту или лицу. 10. Сражение, бой. 11. Происшествие, событие, факт // О времени, обстоятельствах какого-л. события, действия // О приближении, наступлении чего-л. 12. Положение вещей, обстановка; обстоятельства // В сочетании с прилагательным, характеризующим положение, состояние, обстановку. 13 (в сочетании с прилагательным в знач. сказуемого). Вещь, явление. 14. В сочетании с прилагательным, выступает в роли сказуемого со значением, соответствующим значению данного прилагательного. 15. То же, но в роли вводного слова⁷.

ДЕЛО . 1. Сознательное применение материальной или духовной энергии для приобретения благ // труд, усилие. 2 (обычно с определением). Действие, деятельность в определенной области // такое действие, для исполнения какой-л. (совместной) задачи. 3. То, что осуществляется в процессе деятельности // это же как вид заработка. 4. То, что реализовано в процессе деятельности, в частности, в области искусства // (с определением) изделие, предмет относительно изготовителя или способ изготовления. 5. Предмет, творение, которое кто-л. производит. 6. Занятие, службы // (с определением) область в рамках целостного производственного процесса как возможность занятия. 7 (редко). Действие. 8 (физ.). Преодоление силы на определенном пути⁸.

Если отвлечься от различия формулировок в словарях, то все же можно отметить, что значения 8, 9, 10, 11 в русском словаре не имеют соответствий в словенском словаре. Напротив, значения 3, 7, 8 из словенского словаря не имеют эквивалентных значений в русском словаре. Речь идет, конечно, только о приведенных статьях, о словах *дело* и *delo* в русском и словенском языках. Если попытаться определить эти различия содержательно, то надо будет сказать, что словенское слово *delo* в семантическом плане перекрывает не только русским словом *дело*, но и русскими словами *труд*, *работа*, хотя и это перекрытие отнюдь не полное. Аналогичным образом русскому слову *дело* в некоторых его значениях соответствуют словенские слова *pravda*, *bitka*, хотя не все значения этих слов совпадают со словом *дело*. Называя эти слова, следует учитывать еще и значительное количество частичных синонимов, позволяющих своими значениями перекрыть значения каждого из исходных слов словами другого языка.

Таким образом, соответствие между лексемами двух славянских (да и других) языков далеко не всегда сводится к соотношению: одна лексема языка А — одна лексема языка В. Сплошь и рядом отношение сложнее: одна лексема языка А — несколько лексем языка В и несколько лексем языка А — несколько лексем языка В. А это практически означает, что в плане содержания реально возникает сопоставление нескольких лексем одного языка с несколькими лексемами другого языка.

В указателе к плану Москвы фигурирует несколько родовых названий дорожных объектов в городе: *улица*, *проспект*, *шоссе*, *переулок*, *проезд*, *тупик*, *сквер*, *площадь*, *набережная*, *мост*, *бульвар*, *кольцо*, *аллея*, *просек*. Если первые из этих названий относятся ко множеству принимаемых за однородные объектов, то последние отмечаются в единичных случаях (*Бульварное кольцо*, *Главная аллея*, *Лиственничная аллея*, *Лучевой просек*). Самым частым, резко опережающим другие по частоте названием является, конечно, *улица*. На плане Любляны мы находим следующий набор названий дорожных объектов в городе: *ulica*, *cesta*, *trg*, *ploščad*, *nabrežje*, *most*, *steza*, *stopnišče*, *stolba*, *park*, *prehod*, *pasaža*, *soteska*, *nasip*, *sprehajališče*, *drevored*. Самое частое из этих названий — *ulica*, довольно часто название *cesta*, довольно редки названные последними: *Jakopičovo sprehajališče* и *Jakopičev drevored* в парке Тиволи, *Grajski drevored*, *Krakovski* и *Poljanski nasip* вдоль Любляницы, *Knafijev prehod* и *Nebotičnikov prehod*, *Gledališka pasaža* и *stolba*, *Gerberjevo stopnišče* и *Križeniška soteska*. Едва ли приведенные названия исчерпывают всю лексику соответствующей предметной области в русском и словенском языках. Так, к примеру, одна из центральных улиц Минска до сравнительно недавнего времени носила название *Парковая магистраль*, другая называется *Логойский тракт*; *Курортный проспект* в Сочи имел неофициальное наименование *трасса*, одна из Киевских улиц имеет родовое название *пассаж*, другие — спуск и т.п. Достаточно характерны линии на Васильевском острове в Ленинграде, где номерные линии

перпендикулярны проспектам, именующимся по размеру; стоит отметить, что слово *линия* как название улицы не только известно, но и употребительно также в других местах, в частности, например, в Алма-Ате, где это название связывают с заселением района казаками. Соотношение линий и проспектов на Васильевском острове в какой-то мере соотносимо с американским соотношением *street* и *avenue*. Надо, вероятно, отметить, что не только у различных народов, в различных странах, но и в отдельных городах складываются определенные особенности в номенклатуре городских дорожных объектов. Эти особенности диктуются не только ландшафтными особенностями города (наличие холмов или плоское расположение, наличие водных объектов и т.п.), но и характером градостроительства в диахронии (сложение города из нескольких первично отдельных поселений; стихийный или в той или иной мере искусственный характер заселения), временем строительства и номинации объектов, а также особенностями номинации в синхронии, в частности, ориентацией в искусственной номинации на те или иные образцы, сохранением или несохранением стихийно возникших наименований и т.п. Наконец, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что наряду с собственными, внутренними номинациями, во многих случаях в языках отражаются и экзотические названия, применяемые лишь к чужим реалиям (ср. в русском — французский и американский экзотизм *авеню*, а в специальных случаях — и англо-американское *стрит*). Все это делает рассматриваемый пример в каком-то отношении незамкнутым, хотя с достаточно ярко выраженным ядром. Наличие такого ядра и создает возможность сопоставить группы названий городских дорожных объектов в русском и словенском языках по представленному материалу ядра.

Едва ли возможны реальные четкие противопоставления русских слов *улица* и *проспект* по их значению. Если взять сигматический аспект (соотношение с действительностью) трудно будет объяснить, почему *улица Горького*, но *проспект Маркса* так квалифицируются в Москве, если опираться на чисто синхронные показатели; быть может, если учитывать хронологический фактор и названия — предшественники данных названий, можно будет понять, что *улица Горького* переименована так с названия *Тверская* в ту пору (1935 г.), когда в Москве еще было мало, а может быть и не было *проспектов*, к тому же, *улица* эта была расширена; *проспект* же *Маркса* объединил несколько улиц с разнотипными наименованиями (*Моховая улица*, *Охотный ряд*, *Театральный проезд*) в ту пору, когда уже в Москве были *проспекты* (*Ленинский*, *Университетский*). В принципе *проспекты* шире, подчас длиннее, возможно, прямее (поскольку они возникают при строительстве новых городов или новых частей городов). Но такое деление относительно. К этим двум главным наименованиям примыкают еще два: *шоссе* и *переулок*. *Шоссе* (ныне подчас переименовываемые в *проспекты*, как например, часть *Ленинградского шоссе* в Москве переименована в *Ленинградский проспект*) — это широкие улицы, типа *проспектов*, первоначально, видимо, выходившие за город (то же значение имеет *тракт*). *Переулок* — в принципе говоря

небольшая улица между какими-то двумя улицами. Возможно, первоначально такая улица могла и не иметь проезжей части или необорудованную проезжую часть, что и обусловило появление термина *проезд* с близким значением. Примыкает к этому ряду и название *площадь*. Площадь исторически это достаточно крупный и широкий объект; но постепенно оказывалось подчас так, что площадь становилась фактически той же улицей (ср. *Новая* и *Старая площади*). Не всегда четко выражены особенности площади и в том случае, когда она размещена на перекрестке двух улиц (*проспектов*): ср. *Зубовская площадь* в отличие, к примеру, от *площади Маяковского (Триумфальной)*.

В словенском главными обозначениями дорожных объектов в городе являются *ulica* и *cesta*. Как и в русском языке, слово *ulica* (русск. *улица*) выступает и в значении наиболее общего обозначения городского дорожного объекта. Но в отличие от русского языка, в словенском нет слова типа "переулок", а потому значение слова *ulica* включает в себя как значение русского слова "улица", так и значение "переулок" (а также "проезд" как дорожный объект). Словенское слово *cesta* соответствует русским словам "дорога", "улица", "автострада", "путь", "проспект". Иначе говоря, *cesta* — это не только городской дорожный объект, но и дорога вне города. Значение слова *ulica* широко. С одной стороны, такое название в городе применяется к большим улицам, которые могли бы в русском получить "статус" проспекта (*Titova cesta, Miklošičeva cesta*), с другой стороны, это нередко улицы, выходящие за город, т.е. по русской номенклатуре — *шоссе/тракт*: (*Tržaška cesta, Celovška cesta*); но слово *cesta* применяется в Любляне и для обозначения сравнительно небольших улиц, дорог (типа *Cesta na Bellevue* или *Cankarjeva cesta*). Значит, в рамках города значение слова *cesta* соответствует более или менее значению слов *проспект*, отчасти — *улица, шоссе*. К этим терминам примыкает слово *pot*, соответствующее этимологически русскому *путь*, входящее в сравнительно немногочисленные топонимы типа *Osojna pot, Lepi pot, Strmi pot, Jurčkova pot, Pot na grič*. Рядом с улицей *Cesta na Loko* в районе Трново расположена улица *Stranska pot*. Можно, вероятно, говорить о синонимии слова *cesta* и *pot* не только в общем плане (ср. русск. *путь* и *дорога*), но и в плане приложения этих слов к городским дорожным объектам. Слово *trg* в основном соответствует русск. *площадь*. Как и в Москве, некоторые объекты, квалифицируемые как *trg* теперь уже скорее выглядят как *улицы* (ср. *Stari trg, Gornji trg*). Но определенный интерес представляют наличие нескольких объектов, характеризуемые как *ploščad*: *Ploščad Borisa Kraigherja, Glinškova ploščad, Bratovševa ploščad*. Видимо, *trg* и *ploščad* должны рассматриваться как частичные синонимы, так как слово *trg* обозначает не только *площадь*, но и *рынок, базар*.

Таким образом, группы названий городских дорожных объектов в русском и словенском языках, в целом покрывая определенную предметную область, различаются по составу и по распределению значений между словами.

Ряд названий городских дорожных объектов обозначают в обоих языках специализированные объекты. Нередко такие названия эквивалентны друг другу. Так обстоит, в частности, в парах *набережная* — *nabrežje*, *мост* — *most*, *аллея* — *drevored*. Некоторые такого типа пары включают элементы, ограниченные в употреблении в русском языке: *вал* (слово входит в ряд названий московских улиц: *Бутырский Вал*, *Крымский Вал*) — *nasip*, *лестница* (ср. *Потемкинская лестница* в Одессе) — *stolba*, *stopnišče*, *пассаж* — *prehod*, *pasaža*, *променада* (используется главным образом в описаниях зарубежных городов (ср. и нем. *Tatzendpromenade* в Йене) — *sprehajališče*, *soteska* ("ущелье", "дефиле"). Следует отметить, что слово *park* в словенском соответствует не только русскому *парк*, но и русскому *сквер*; во всяком случае, к примеру, *Marxov park* — это скорее *сквер*. Словенское слово *steza* (этимологически однокоренное со *стежка* и русским славянизмом *стезя*) в составе наименований улицы соответствует, видимо, слову *trona*. Поскольку структура русских городов обычно не имеет включенных негородских объектов, в русском языке не сложилось использование слова *trona* в подобном употреблении. В подобном употреблении зафиксировано в Москве слово *просек* как обозначение дороги в лесном массиве (или на его месте). В русской номенклатуре улиц используется слово *бульвар* для сильно озелененной, обычно с особой зеленой полосой (или полосами) улицы; в словенском *bulvar*, видимо, в такую номенклатуру названий улиц не входит или имеет иной характер употребления. Возможно, в какой-то мере здесь отражается ориентация русской лексики в данном случае на французский язык, а в словенском — на немецкий (представляется, что такая ориентация могла отразиться в использовании словенского слова *cesta* в определенной мере параллельно частому в названиях улиц нем. *Weg*, ср. и *steza* — *Pfad*, *Steig*, последнее, может быть, в соответствии с русск. *спуск* при ином векторе "подъем" у нем. *Steig*). Можно отметить и слово *тупик*, не имеющее точного однословного соответствия в словенском. Слово *кольцо* в сфере городских дорожных объектов употребляется в двух значениях (ср. *трамвайное*, *троллейбусное кольцо* и *Бульварное кольцо*); очевидно, оба эти употребления связаны с наличием определенных реальностей, возможны они и для отражения в словенском словоупотреблении.

Приведенный пример показывает достаточно сложные взаимосоответствия в рамках небольшой группы слов: и различные объемы значений вроде бы очень близких слов, таких как *улица/ulica*, и отсутствие точных соответствий словам одного языка в номенклатуре другого языка, и случаи практически полного соответствия значений (как правило у слов с относительно узким специфическим значением, например, *набережная* (*nabrežje*), и факты специфики в области прагматики (ср. употребительность слов типа *кольцо*, *спуск* или *steza*, *stolba*, в соответствующей области значений). Можно отметить, что для этой, как и для многих других лексических подсистем, характерна незамкнутость. Такие слова как *шоссе*, *мост*, *аллея*, *cesta*, *pot*, *most* и др. являются своеобразными

переходами к обозначению дорожных объектов вне населенных пунктов; но есть и переходы к обозначению объектов в системе сооружений или к первично переносным обобщенным значениям (*лестница*, *cesta* в выражениях типа *cesta do učenosti*). При этом пути выходов за пределы данной лексической группы в различных языках могут быть в чем-то сходными, но подчас и различными, что определяется не в последнюю очередь значениями отдельных лексических единиц, конституирующих группу.

Сопоставление отдельных лексических групп можно рассматривать как часть общей работы по сопоставлению лексических систем, причем очевидно, что в группах в большей мере, нежели в отдельных словах проявляются системные свойства лексики. Возможны различные способы отбора лексических групп, отвечающие тем или иным свойствам многомерной лексической системы языка, в которой группировка лексики осуществляется одновременно на разных основаниях, причем единица может входить в группы, образующиеся на основе различных признаков. Каждая из таких групп отражает реально существующие в языковой системе связи между лексическими единицами, составляющими сложнейшую сеть отношений обединяющих лексикон в относительное единство.

Если для говорящего важнейшей является группировка лексики по семантическим связям, поскольку выбор нужной лексемы осуществляется исходя прежде всего из ее значения, то для слушающего на пути расшифровки значения одной из реально существующих и полезных группировок может быть объединение слов по признакам морфемно-словообразовательным: слов с общим корнем или с одинаковыми аффиксами. Если сопоставить слова, образованные с суффиксами от корня русск. *боль* — словен. *bol*, то оказывается, что словенских слов такого типа в пятитомном академическом словаре вдвое больше, чем в русском словаре. Вот эти слова:

Б О Л Ъ : *больной*, *больной* (сущ.) *больная* (сущ.), *больно*, *больнёхонек*, *больнёшенек*, *болеть*, *болящий*, *болельщик*, *больница*, *больничный*, *болячка*, *болезнь*, *болезненный*, *болезненно*, *болезненность*, *болезный*.

В О Л : *bolan*, *bolančkan*, *boleč*, *bolečina*, *bolečinica*, *bolečinski*, *bolečnina*, *bolečnost*, *bolehati*, *bolehanje*, *bolehav*, *bolehavec*, *bolehavost*, *bolehen*, *bolehnež*, *bolehnost*, *bolest*, *bolesten*, *bolestnež*, *bolestnost*, *boleti*, *bolezen*, *bolezenski*, *boleznina*, *bolezniv*, *bólnica* (больница), *bolníca* (больная), *bolničar*, *bolničarka*, *bolničarski*, *bolniček*, *bolničen*, *bolničin*, *bolnik*, *bolnikov*, *bolnišnica*, *bolnišniški*, *bolnost*, *bolovati*, *bolovanje*.

Это различие словообразовательных гнезд вызвано рядом причин. Во-первых, для ряда слов, образованных в словенском с корнем *-bol-*, в русском языке образуются инокорневые слова: *bolničar* — медбрать, *bolničarka* — медсестра, *bolehati* — хворать, *bolehanje* — хворание, хворость, хворт, *bolehen*, *bolehav* — хворый, хворенький, *bolehavec*, *bolehnež* — хвороба (о больном человеке⁹). Заметим, что зафиксировано и обратное явление: русскому *болельщик* в словенском соответствует *navijač*. Во-вторых, некоторым словенским словам в русском не соответствуют односложные эквиваленты: *bolečnina*, *boleznina* — выплата в связи с

болезнью, *bolniček* — больной ребенок, *bolničarski* — относящийся к медперсоналу (медсестре, медбррату), *bolečnost* — ощущение боли (в некотором месте). В русском тоже есть трудно переводимые на словенский однословно лексемы — болезный, больнёхонек, больнёшенек. В третьих, в словенском фиксируется сравнительно много однокоренных синонимов (вариантов) типа *bolečinski*, *bolesten*, *bolezenski*, *bolezniv* — болезненный, *bolnišničen*, *bolnišniški*, *bolničen* — больничный, *bol*, *bolest*, *bolnost*, *bolečnost* — боль. В русском литературном языке такого рода синонимия перекрывается за счет инокоренных образований (ср. болезнь, хворь, немощь, немочь), а также за счет сочетаний слов (болезненное состояние). В русском шире используются субстантивированные прилагательные (больной, больная), что снимает синонимы этого ряда (*bolnik*, *bolan*, *bolančkan*, *bolnica*, *bolniček*; ср. *bolestnež*, *bolehavec*, *bolehnež*). В четвертых, надо отметить, что при обращении к русскому языку в более широком, чем литературный, плане, как он представлен в словаре В.И. Даля¹⁰, количество русских слов с корнем *боль*, образованных суффиксальным способом, значительно увеличивается, включив такие образования: болькость, баливать, болесть, боля, болявый, болливый, болестный, болельный, болезнivость, болливость, боляга, больнуша, больнушиТЬ(ся), болезновать, боявиться, болезнование, болезка, боявка, болечка, болючий, боле(я)ток, болячный, болячечный, болька, болюга, болячница, больничник. Вопрос о большей или меньшей разграниченности литературных и "народных" элементов нашел в этом случае своеобразное отражение при рассмотрении лексики только литературного характера в русском языке. Но суть дела в том, что и здесь общие отношения между словами морфемного гнезда (а точнее его суффиксальной части) в семантическом плане того же типа, что и отношения между словами семантической группы. Различия не столько в семантике, сколько в распределении словообразовательных типов, морфемных наборов, различающемся по языкам в частностях при наличии значительного общего сходства.

Некоторые возможности комплексного системного сопоставления лексики дает сопоставительный анализ ассоциативных полей. В ассоциативном поле, получаемом экспериментально в результате словесного ассоциативного эксперимента, когда в ответ на задаваемое слово-стимул получаются от испытуемых ответы-реакции, т.е. слова, возникающие в сознании испытуемого в связи со стимулом. К сожалению, пока что нам известны ассоциативные словари, да и то весьма бедные, лишь для сотни — полутораста стимулов, не для всех славянских языков: имеются ассоциативные данные для русского, белорусского, украинского, польского, болгарского, словацкого, чешского языков. В ассоциативные поля, причем, что важно, с учетом повторяемости ответов, т.е. их стандартности или устойчивости в данном коллективе, попадают слова, связанные с данным синтагматически, т.е. составляющие сочетание слов, слова, входящие с данным в лексические парадигмы (типа названий дней недели), слова, связанные с данным тематически (т.е. способные к употреблению или употребляющиеся вместе с данным в некотором тексте), в известной мере и слова,

связанные со стимулом по морфемному составу (общие корни или аффиксы), а также близкие фонетически (рифмы, паронимы и под.)¹¹. Столь разнородный по стратегии ассоциирования состав ассоциативных полей, лишь частично упорядочиваемый по частотным признакам, быть может, затрудняет сопоставительный анализ, выдвигая на первый план прагматический аспект плана содержания сопоставляемых знаков, но зато позволяет подойти к ним в комплексе разнообразных свойств. Возможно, сопоставление ассоциативных полей и групп ассоциативных полей может служить одним из путей к построению комплексной сопоставительной характеристики лексиконов славянских языков.

Сопоставительный анализ лексиконов славянских языков, как представляется, может быть полезен, наряду с чисто практическими потребностями лингводидактики или перевода, в двух теоретических направлениях. Во-первых, он раскрывает разнообразие, многообразие видения мира славянами. Несмотря на значительную близость славянских языков, позволяющую подчас утверждать чуть ли не общность их структуры (что неправомерно), сопоставление любой пары славянских языков показывает столь значительные различия, что становится ясной достаточная глубина прошедшего за последние полтора тысячелетия расхождения между славянскими языками, а также вскрываются некоторые причины возникновения различий, отражающиеся в определенной части лексического своеобразия. Разумеется, сопоставление, скажем, словенского и японского или русского и вьетнамского, покажет большие различия. Но подчас при этом нелегок оказывается поиск того общего, что необходимо должно быть положено в основу сопоставления, в основу поиска различий. Близость сопоставляемых языков — специфическое условие, которое, однако, не делает сопоставление малоценным. Быть может, напротив, сопоставительный анализ лексиконов близкородственных славянских языков, развивающихся в не столь уж далеких условиях, больше позволяет увидеть различий собственно языковых, специфики, а не иррелевантности. И потому сопоставительная славянская лексикология важна как один из компонентов науки о языке, в числе задач которой по-прежнему остается выяснение как общности, так и своеобразия языков человечества. Во-вторых, выясняя своеобразие каждого из языков в отражении лексическими средствами тех или иных участков действительности и ее познания, славянская сопоставительная лексикология безусловно помогает создать более объемную, более богатую и яркую картину лексикона каждого из сопоставляемых языков, картину более выпуклую и интересную, чем та, которая возникает при автономном анализе лексикона одного отдельно взятого языка, где многое просто не замечается. Итак, сопоставительная лексикология дает результаты важные как для понимания многообразия языков, так и для раскрытия своеобразия каждого из языков, в том числе каждого из привлекаемых к сопоставлению славянских языков.

Примечания

¹Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983, С. 7—10.

²Частотный словарь русского языка. Около 40000 слов / Под ред. Л.Н. Засориной. 1977, С. 225.

- ³ Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984 (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14).
- ⁴ Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ. 1963. № 2. С. 30.
- ⁵ Супрун А.Е. Въпросы на типологичното съпоставяне на белоруската и българската лексика // Съпоставително езикознание. 1980. № 5, С. 7—8.
- ⁶ Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1968. т. XXVII. № 5. С. 426—427.
- ⁷ Словарь русского языка. Т. 1. М., 1981. С. 382—383.
- ⁸ Slovar slovenskega knjižnega jezika. Т. 1. Ljubljana: 1970. S. 365—366.
- ⁹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.; Л., 1966. С. 95.
- ¹⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. С. 111—113.
- ¹¹ Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. — Минск, 1974. С. 36—52.

Н. Савицкий, Р. Шишкова (Чехия)

К МЕТОДОЛОГИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА

В любом языке постоянно появляется так много и притом столь разнообразных новых слов, что неология, область лингвистики, занимающаяся неологизмами и, более широко, динамикой словарного запаса, занимает в современной лингвистике несколько особое положение. Это как бы точка пересечения, где теряют свою отчетливость противопоставления, которые в других областях могут считаться достаточно ярко выраженным: диахронии и синхронии, языка и речи. Целью подробного неологического исследования могло бы быть изучение истории отдельных слов и их групп от первого (зарегистрированного) появления, через постепенное распространение, вплоть до положения, когда возможные "необычные" с точки зрения существующей системы свойства этих слов вызывают сдвиги в грамматической структуре (и типологической характеристике) языка.

Существование или, наоборот, отсутствие таких "необычных" свойств можно в большинстве случаев объяснить в терминах известного противопоставления "автоматизация : : актуализация" в речевой деятельности; тем самым оно ставится в соответствие с местом, занимаемым соответствующими выражениями в функционально-стилистическом расслоении словарного запаса. Необычные, нерегулярные, "актуализированные", "остраненные" выражения обычно появляются в эмоционально окрашенных текстах; в результате повторного использования они могут терять свою эмоциональность, становиться образцом для дальнейшего словотворчества, включая и образование терминов.

Так, напр. в чешской ботанической и зоологической терминологии некоторые первоначально экспрессивные суффиксы специализировались для образования названий растений и животных.

Сопоставление процессов возникновения и распространения неологизмов в разных языках может быть полезным в разных аспектах: с чисто практической точки зрения — как подготовка материала для составления

двухязычных, переводных словарей, отражающих именно современное состояние языка; в теоретическом плане — для выявления того, что в развитии словарного запаса является общим для разных языков, а в чем проявляется их специфика.

При исследовании неологических процессов с точки зрения взаимного влияния языков и сопоставления положения в разных языках, мы в первую очередь рассматриваем аспект, который можно назвать традиционно-этимологическим. С этой точки зрения следует различать использование существующих, исконных элементов языка при словообразовании и словосложении, калькирование, заимствования из конкретного языка, интернационализмы. Аспект сопоставительного изучения в специфически современном смысле, т.е. аспект синхронно-функционального сопоставления, в нашей области проявляется при поисках семантических эквивалентов рассматриваемых слов в разных языках. Эквивалентом неологизма в одном языке может быть в другом языке или также неологизм, или слово, существующее уже более или менее давно; может быть и так, что точного эквивалента найти не удается. Можно высказать, пока в весьма предварительном виде, гипотезу о существовании корреляции между следующими свойствами выражений: функционально-стилистическая характеристика рассматриваемого выражения, формальная регулярность, правильность образования и переводимость (существование точных эквивалентов в других языках). Проведенные, пока весьма фрагментарные наблюдения поддержаны более или менее априорными соображениями, по-видимому, свидетельствуют, что регулярное образование в виде обширных продуктивных рядов характерно (наряду с обилием интернационализмов) для понятийных, концептуальных, терминологических средств выражения, которым свойственна также регулярная переводимость. Наоборот, экспрессивное и поэтическое словотворчество бывает часто нерегулярным с формальной точки зрения и одновременно труднопереводимым.

Можно, конечно, привести и более частные наблюдения о связи между функционально-стилистическим расслоением словарного запаса и динамикой. Так, например, богатым источником неологизмов, в частности окказиональных, является публицистика. Особое место здесь занимают литературная публицистика и критика, разделяющие с объектом своего описания и иногда даже утрирующие стремление к остранению языковых средств. Приведем несколько ярких примеров из украинской публицистики последнего времени: *показухоліття, якбичогоневийшловці, "кінопричетні"* (люди). "Рассекречивание", "открывание" разных областей жизни, типичное для современного советского общества, находит свое выражение, напр., в массовом проникновении в печать выражений военного сленга типа *дедовщина* (укр. *дідівщина*).

Основой методики исследования динамики языка является с неизбежностью сопоставление явлений, найденных в новых текстах с существующим состоянием языка, отраженным в словарях и грамматиках (хотя мы и осознаем принципиальную неполноту всех словарей и грамматик, иного пути у нас нет. Мы должны, однако, постоянно осознавать, что не всегда у нас есть возможность достоверно отличить динамику языка от динамики языковедного знания; в качестве примера слова, существующего, несом-

ненно, давно, но в словари пока не попавшего, можно привести украинское *першопроходець, довбанець*).

В лексикологической литературе часто проводится принципиальное противопоставление выражений "системных" и выражений "текстовых" ("окказиональных", "случайных"). Необходимо, однако, отдать себе отчет в том, что это различие весьма относительно. Очень значительная часть лексического материала, содержащегося, напр., в качестве примеров в больших толковых словарях, обладает яркой индивидуальной окраской как в отношении способа образования, так и в отношении употребления, значения. С другой стороны, даже к самому "стренному" выражению, найденному в тексте, можно подобрать (в том или ином аспекте) параллели и прототипы. Если прибегнуть к "психологизирующему" способу выражения, то можно сказать, что создатель рассматриваемого выражения должен был опираться на какие-то ассоциации в своем языковом сознании, в своем идиолекте, даже если эти ассоциации послужили ему как отправная точка сознательного контраста.

На каком-то уровне, следовательно, все в языке и в речевой деятельности системно. Большинство слов, использованных в речи, системно просто тем, что и с формальной, и с семантической стороны это повторение того, что было уже многократно сказано, что зафиксировано в словарях и закреплено своим местом в общепринятой лексической системе. Дальнейший многочисленный слой образуют "новые" слова, образованные строго по правилам продуктивных словообразовательных типов. Некоторые способы обогащения словарного запаса заимствованиями, в частности интернационализмами, также обладают значительной регулярностью, они основаны на широко распространенных межъязыковых ассоциациях. Затем следуют более сложные случаи, когда параллели к рассматриваемым выражениям приходится искать с применением уточненных методов анализа, учитывающих разные формы переразложения, "народной этимологии" и т.п. Такой анализ уже выходит за рамки обычных структурных описаний словообразовательной системы. Повторяю, однако, что на том или ином уровне абстракции все становится системным, ко всему можно подобрать те или иные прототипы, те или иные ассоциативные связи. Следует при этом учитывать, что таких "уровней абстракции" перед нами открытый ряд, иначе говоря, что их бесконечно много, и что они сложно переплетаются. Следовательно, стремление создать окончательное, полное, структурное описание лексики языка, заранее учитывающее и любые возможные неологизмы, надо заменить готовностью постоянно находить все новые структурные связи. Ведь многими лингвистами уже отмечалось, что язык следует рассматривать скорее как структурообразующий процесс, чем как законченную структуру.

Укажем еще, что справедлив очевидный, в основном, тезис, что чем более точное определение мы стремимся дать отдельным словообразовательным типам, как с точки зрения формы, так и содержания, тем раньше мы при собирании нового материала натолкнемся на исключение, на контрпример, опровергающий только что сформулированное правило. Рассматриваемые ниже примеры, при всей краткости, в какой-то мере иллюстрируют этот тезис.

При поиске новых структурных связей установка лингвиста должна быть адекватной установке говорящего; ведь в языковой деятельности постоянно проявляется черта "игры", радость творчества, поиска все новых возможностей выражения, потенций языка (особенно ярко это проявляется у детей и поэтов). В неологизмах и в отношении к ним отражается и "глубинное" знание (или неосознанное чувство) моделей, структур, типов, улавливаний более общих закономерностей и их конкретное применение в речевой деятельности.

Рассмотрим с приведенных точек зрения несколько (в основном случайно выбранных) украинских неологизмов (т.е. слов, которых нет в большом толковом словаре украинского языка) в сопоставлении с русским и чешским.

В результате резкого возрастания в последнее время частотности слова *перебудова* появилось прилагательное *перебудовчий*, образованное продуктивным способом (ср. *відбудовчий, виборчий*), обладающее точными эквивалентами в русском (*перестроочный*) и чешском (*přestavbový*); актуальность этого выражения засвидетельствована широким диапазоном использования, напр. и в субстантивированном виде: (*в його мисленні*) вчувалося *нове, сьогоднішнє, перебудовче* (Літ. Україна).

В современных украинских текстах, конечно, широко представлены интернациональные неологизмы как терминологического характера, типа *екосистема, генофонд, біомassa* (восходящие к греческим и латинским основам), так и бытового и публицистического характера (здесь чаще всего появляются англизмы): *зонг, імідж, панк*; все эти слова находят точные параллели, как с точки зрения формы, так и значения, во всех европейских языках.

Общим для украинского и русского языков являются некоторые выражения с интернациональными основами, не имеющие, однако, параллелей в других языках, как напр. *конкретика* (*життєва конкретика* — в чеш. языке ближе всего *konkréta všedního života*; в других контекстах следует переводить, по-видимому, как *konkrétní materiál, konkrétní údaje* и т.п.). Широко распространяющаяся мода на таинственное находит свое выражение в распространении слов тип *інтуїтив, окультив*.

Вполне регулярно образовано укр. слово *бадьюрун* (ср. *веселун* и др.), соответствующее русскому *бодряк* (в чеш. приблизительный перевод *optimista, bodrý chlapík*); более сложно обстоит дело с выражением *бадьюризм* (*рожевий*), где необычный для укр. языка тип гибридного словообразования сочетается со специфическим значением — для рус. языка тут можно предложить (не совсем точный) эквивалент *бодрячество*, в чеш. языке соответствующее значение приходится, по-видимому, передавать стилистически нейтральным сочетанием *laciný (oficiální) optimismus*.

С точки зрения давних связей украинского и польского языков интересны новые укр. слова, обладающие, правда, своими изолированными прототипами в украинском языке, но в то же время соответствующие весьма продуктивным польским типам: новому *пошуковець* (рус. *искатель*,

чеш. *hledač* — о писателе) в укр. языке по типу образования соответствует *службовець, урядовець*, в польском весьма продуктивный тип (*paikowiec* и др.); аналогично *vіdkrivavchij* (рус. *открывательский*. чеш. *objevný*); ср. (по типу) укр. *ob'єднавчий, виконавчий, законодавчий*; в польском длинный ряд *roznaawczy, wychowawczy...*; новое украинское слово *взірцевуватися* подражает формальной структуре польского давнего слова *wzorować się*.

Природозгубний представляет собой экспрессивно окрашенную противоположность к *природоохоронний*; в русских текстах в аналогичной функции можно найти, напр., *антитриродную деятельность*.

Слово *пощодення* (рус. *будни*, чеш. *každodennost, každodenní život*) невозможно, по-видимому, подвести ни под какой словообразовательный тип — оно возникло контаминацией обычных выражений *повсякдення, щодення*.

В новом материале мы находим множество подтверждений известного тезиса о свободном и разнообразном создании экспрессивных уменьшительно-ласкательных слов в украинском языке (ср. в "традиционной" лексике, напр., неожиданную ласкательность слова *воріженьки*); нечто подобное, т.е. формальную регулярность образования в сочетании с неожиданностью значения мы находим в новых словах *вождик, боженя* (в чешском засвидетельствован эквивалент *bůže*); далее мы переходим к более сложным с точки зрения способа образования случаям как, напр., *грибнесенький (дощик)*; чеш. *hríbečkový* и т.д.; ср. в стихотворении М. Винграновского серию новообразований: *шовковенятко, стеженятко, хмаренятко, зоренятко* (Літ. Україна, 31 березня 1988). Ср. еще интересные выражения *ластівочість* (*ласточки легкость*), *гутенбержити* (от собственного имени, в значении *вручную размножать, переписывать*). Большинство таких выражений останется, по-видимому, на уровне индивидуального творчества.

В плане соотношения лексики и грамматики можно отметить, напр., широкое распространение в восточнославянских языках наречий, образованных от относительных прилагательных. В то время как в учебниках все еще рекомендуется переводить соответственные чешские наречия выражениями типа *в отношении чего, с точки зрения чего* и т.п., в текстах можно все чаще найти выражение вроде укр. *висотно розкрити простір, зорово збільшити розмір* и т.п.

Смысл изложенного не в том, чтобы дать строгую процедуру (алгоритм) анализа или наметить пути к ее созданию — наоборот, как вытекает из сказанного, по нашему убеждению, такая процедура невозможна. Никакой отдельный пример, никакая конечная совокупность примеров не может с достаточной убедительностью документировать то, в чем заключается суть дела: в необходимости постоянной готовности находить не только отдельные новые явления, но и новые структурные связи любой степени общности. Целью такого изложения может быть лишь стимулировать поиск; непредвзятый (в смысле готовности отметить нарушения признаваемых закономерностей) собственный анализ материала становится в таком случае наиболее убедительным.

Примечание

В данной статье у нас не было возможности рассматривать историю вопроса. В заключение приводим несколько ссылок на работы, посвященные вопросам неологии в рассматриваемых языках, где можно найти дальнейший материал и дальнейшие ссылки:

Іжакевич Г.П., Кононенко В.И. Процессы лексико-семантической и синтаксической номинации в современных славянских языках // Слов'янське мовознавство. Київ, 1988.

Martincová O. Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Pr., 1983.

Нешименко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского и чешского языков II. Пр., 1983.

Новые слова и словари новых слов (I). Л., 1978.

Новые слова и словари новых слов (II). Л., 1983.

Sádlíková M., Savický N., Šišková R. Ke konfrontačnímu studiu dynamiky slovní zásoby // Čs. rusistika, XXXIII, 1988. Č. 2. S. 56—60.

Савицкий Н. Аналогия и аномалия в динамике словарного запаса (К теории языка как структурообразующего процесса) // Metody výzkumu a opisy leksiky slovanských jazykov. Br., 1990.

B.B. Усачева (Россия)

ИЗ ОПЫТА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье методом системно-функционального сопоставления проводится анализ мотивированных названий болезней, сравнительно небольшой группы лексики. Ономасиологический подход дает возможность проследить как, по каким принципам создавалась эта терминологическая система, какие мотивационные признаки брались за основу новых наименований, какие языковые средства использовались для реализации коммуникативных потребностей общества выразить представление о болезни, ее проявлениях (симптомы), причинах (этиология), и стремление человека избавиться от нее (способы установления контактов с болезнью). Для сопоставления наименований болезней привлечен материал славянских языков, в том числе диалектный, что позволяет вскрыть механизм процесса номинаций более полно.

Становление этой своеобразной терминосистемы нельзя рассматривать вне контекста народной духовной культуры. Болезнь, по народным представлениям славян, как и других индоевропейских народов, — это результат воздействия сверхъестественных сил — демонов болезней, другой нечистой силы (домового, лешего, вилы и т.п.) или полудемонических существ (ведьм, колдунов, людей с дурным глазом). Демоны болезней, обладающие способностью становиться невидимыми, превращаться в животных, насекомых, вступая в контакт с человеком, через прикосновение или проникновение в тело человека могут вызвать недуг. Болезнь может быть наказанием за нарушение установленных социумом норм поведения — запретов.

Славянские названия болезней можно распределить по следующим основным номинационным признакам:

I. Названия по симптомам (рус. *желтуха*, укр. *бігачка*, с.-хорв. *падавица*).

II. Названия по заболевшему органу (рус. *заушница*, блр. *горлянка*, болг. *гуша*, укр. *болйт поперик*, *бол'ят крýкі* 'радикулит').

III. Название по причинам заболевания (рус. *ветрянка*, *вецица*, укр. *дьяволово ткання*, болг. *горска майка*).

IV. Названия-эвфемизмы (рус. *тетка*, укр. *сусідка*, с.-хорв. *кума*).

Каждая из этих групп, объединенная единым мотивационным признаком, в свою очередь может быть разделена на более мелкие подгруппы, в которых наименования разбиваются по конкретным номинационным моделям.

I. Названия по симптомам отражают как внешние, так и внутренние проявления недуга, например, изменения цвета кожного покрова или разного рода высыпания на коже, являющиеся признаком болезни и по этому признаку получившие свое наименование; названия, определяющие состояние человека или его болевые ощущения (озноб, колотье).

I.1. Номинация по цвету. Цветовая характеристика лежит в основе многих болезней, сопровождающихся покраснением, желтизной, бледностью кожного покрова или какого-нибудь органа, например, зрачка, или цветом выделений.

Признак желтизны положен в основу названий нескольких болезней, главным образом, желтухи и лихорадки: рус. *желтея*, *желтуха*, *желтуница*, *желтыня* (Аф. I : 204), *желтая грыжа* 'болезнь' (какая?) (СРНГ); укр. лит. *жовтяніця*, диал. *жоутуха*, *жоутачка*, *жоут'їл'ниц'a*, *жоут'їн:иц'a*, *жоутениц'a*, *'желтуха'* (карпат. — Вак. 111), *жолтая хорoba*, ~ *немочь* (XVIII в. — КС 16:27); блр. *жоутачка*, *жоутуха*, *жоутянка* (полесск. — ТСл 2:64,65); польск. *żółtaczka*, *żółta choroba* (SDor: малоупотр.); в.-луж. *žolčelina*, *žolťawa khorosc* (Pfuhl), *žolčizna*, *žolta chorosć*, н.-луж. *žolšeli(z)na* (Muka); чеш. *žloutenka* (лит.), *žloutenice* (устар), *požloutenice* (диал.) (Bart. 221); слвц. *žltáčka* (SSJ); болг. *жълтеніца* (РБЕ), *жълтица* (РБЕ:диал.), диал. назв.: *жълтушка*, *жълтéц*, *жътица*, *жътка* (Мих. 50) и *жълтата гостенка* 'туберкулез' (РБЕ:книж.); с.-хорв. *жутило*, *жутица* (босн. — Žuljić 242; Крагуевац — Радул. 89), *жùћаница*, словен. *žoltenica* (Plet), макед. *жолтица*.

Название в рус. разг. языке *желтая вода* 'глаукома' отражает цвет зрачка, который при этой болезни делается желтоватым (ср. название этой болезни в чеш. *zelený oční zákal*, где использован другой цвет).

Для названия болезни глаз 'бельмо' во всех славянских языках использованы разнооформленные образования с корнем *bél-: рус. *белымó*, укр. *білмó*, блр. *бяльмó*, польск. *bielmo*, чеш. *bělmo*, *bělina* (ЭССЯ 2:67), слвц. диал. *bielok* (ЭССЯ 2:82), в.-луж. *bělk* (Pfuhl), н.-луж. *bělman*, *bělk* (Muka), болг. *белмó* (РБЕ:редк., книж.), с.-хорв. диал. *белмò* (ЭССЯ 2:86), словен. *belína* (Plet).¹

Болезни, связанные с побледнением кожного покрова, обозначаются часто образованиями от прилагат. *bléd(n): 'лихорадка': рус. *бледнúха*

(псков., смол. — СРНГ), *бледная* (Аф. 3:88); 'малокровие'; рус. *бледная нёмочь* (Уш.); польск. *bladaczka* (SDor: устар.), *blednica* (Sz.-B.:66); чеш. *blednička* (SSJČ: диал.); слвц. *blednička*; словен. *bledica* (Plet.); 'туберкулез': болг. *диал. блед(н)ица* (Мих. 51).

Отыменные образования в русских говорах *красуха*, *красушка*, *красушки*, *красуняна болесть*, *краснуха* обозначают разные болезни: краснуху, корь, скарлатину, золотуху, крапивную лихорадку². В ряде славянских языков названия болезней, сопровождающихся покраснением кожного покрова, высокой температурой, жаром, образованы от прилагательных *'сыть' и *'сыръ(j)епъ' 'красный': рус. *диал. черемуха*, *черемнушки* 'корь' (Мерк. II, 162—163); словен. *črtnica* 'сынь', 'воспаление селезенки' (Plet.); болг. *чевеница* 'скарлатина', ' рожа' (Геров), *чевенка* 'краснуха', 'корь', ' рожа' (Геров), *чевленка* 'корь', *чевена(ma)* 'корь' (Чолаков 116—117), *чевенушка* 'рожа'; с.-хорв. *crven* 'скарлатина' (RJA I:852), макед. *чревеница* 'краснуха', а также составное наименование для 'рожи': болг. *чевен вятър*, с.-хорв. *чревени ветар*. Несколько названий подобных болезней образовано от других прилагательных со значением 'красный': болг. *брожденуша* 'скарлатина' (*брожд* — растение-краситель, используемый для окраски в оранжево-красный цвет — Мих. 51); словен. *rdečina* 'краснуха' (*rdeč* 'красный, алый').

В западнославянских языках, в некоторых белорусских и украинских диалектах наименование острого кишечного заболевания дизентерия также образовано по модели цвет (выделений) → название болезни: польск. *czerwonka* (SDor; карпат. — Tyl. 53), *czerwona biegunka*, *czerwona niemoc* (SW I:389:под *czerwony*); чеш. *červinka* (морав. Húsek 313), *červená nemoc* (SSJČ) — слвц. *červienka* (Морав. Валахия — Húsek 312), укр. *диал. червінка* (Гр.), ср. однако глагол состояния *чевіти* 'болеть' (Гр.), производный от *'сыръ' (ЭССЯ 4:169); блр. *чырвонка* (ТСл.).

От прилагательного *золотой* в значении 'золотистого (желтого) цвета' образованы названия болезней 'золотуха' и 'желтуха', причем первые — в восточнославянских, вторые — в западно- и южнославянских языках: рус. *золотеница* (арх., тул., новг. — СРНГ), *золотуха* (лит. и *диал.*); укр. *золотуха* (Гр.); блр. *залатуха*; чеш. *zlatenka* и *диал. zlátenka* 'желтуха' (PS); слвц. *zlatenica* (Noháč 217), *zlátenica*, *zlática*, *zlátka* то же (морав. — Machek); с.-хорв., словен. *zlatenica* то же.

Отадъективные образования, в которых отразилась пестрота кожи, закрепились в основном за такими болезнями, как оспа, корь: блр. *рабая*, *рабуха* 'оспа' (*рабы* 'пестрый', Мих. 51), болг. *шарка*, *шаруля* 'корь' (*шарен* 'пестрый', Георг. 147). Ср. также укр. *н'істру́ек* 'чирей' (карпат. — Вак. 111), болг. *диал. мермерка* 'корь' (*мермер* 'мрамор' — Мих. 51).

От прилагательных со значением 'синий' произведены существительные, обозначающие 'синяк'; 'кровоподтек': рус. *синяк*, *синюха*, польск. *siniec*, чеш. *modřina*, болг. *синей* (Геров), *синило*, *сининá*, *сіняк* (*диал.*),

сінявець (диал.) (БТР)⁴, с.-хорв. модріна, мòдрица, слвц. *sinka*, *modrina*, н.-луж. *módrica* (Muka).

Прилагательное *черный* как один из компонентов некоторых наименований болезней в основном выступает в переносном значении, т.е. 'недобрый, злой' 'страшный': рус. *черная немочь*, 'эпилепсия', 'паралич', 'проказа', *черная болясть* 'холера' (арх. — СРНГ 3:74:под болясть); укр. чóрна хворóба 'эпилепсия' (СУМ); блр. чóрна болéзня, чóрна боль 'чума' (ТСл 5:296:под чóрны); польск. *czarna choroba* 'melaena', *czarnica* 'чума' (SW: малоупотр.), *czarna śmierć* 'холера', 'чума' (эпидемические болезни) (SW), *czarna krosta* 'карбункул', 'чума' (SDor); чеш. čekný kašel 'коклюш', černé neštovice 'оспа', černá smrt 'чума' (SSJČ); в.-луж. čorný móř то же (Jakubaš); н.-луж. *carna mřetwa*, *carna baba* то же (Muka); болг. *черна шарка* 'оспа', *черна болест* 'эпилепсия' (БТР 181:под епилепсия). В белорусском языке отмечено чéрнёй и чéрнák 'синяк' (ТСл), чырн'як то же (Дрогичин — ЛП 75), в сербско-хорватском — цrнац 'карбункул'.

I.2. Номинация по качественному изменению кожного покрова. Болезни, сопровождающиеся разного рода высыпаниями на теле, называются по глаголу *сыпать*: **syp-at-i-* — 'сурь первоначально' 'сыпная болезнь вообще' позже 'оспа': 'сыпь': рус. *сыпти* мн. (ряз., калуж., новг.), *всып* м.р. (брян.) (Мерк. II:144—145), укр. *вісыпка* (Гр.), рус. диал., блр. *вýсыпка*, диал. *вýсыпка* (ТСл) (возможно и заимствование из польск.), польск. *osypka*, *wysypka*, чеш. *osypyky* (SSJČ); 'оспа': рус. *сыпнá* (яросл.), *сыпúха* (костр. — Мерк. II: 144—145), болг. диал. *сýпаница*, *сýпка* (БТР); 'корь': в.-луж. *wusypicy* (Jakubaš), н.-луж. *wóspice* (Muka), чеш. *osýrky* (SSJČ: редк.), слвц. *osypky* (Подлужье — Noháč 217), *osýrky*, *sýpanice* (Миява — Bodnar 462); 'тиф': рус. *сыпнýк* (Уш.: разг.), ср. чеш. название этой болезни *skvrnivka* (*skvrna* ' пятно'), а также медицинские термины: чеш. *skvrnity tyfus*, польск. *tyfus plamisty* (*plama* ' пятно') и под.

К этой же семантической модели, видимо, можно отнести русские диалектные названия, образованные от глагола *гвоздить* 'бить, оставляя след на коже': *гвоздуха*, *гвоздуха* 'ветряная оспа' (олон., перм., симб. — СРНГ), *гвоздюха* 'корь' (арх. — СРНГ).

К кожным заболеваниям относятся наименования, восходящие к праслав. **korsta* с основными значениями 'чесотка', 'струп', 'кора' (Мерк. II:186). В современных славянских языках зафиксированы следующие значения 'чесотка': рус. *короста* (СРНГ), укр. *коро́ста* (Гр.), блр. *каро́ста* (Раст. 133), чеш. диал. и устар. *chrásta*, *chrasta*, *chrasty* (PS), болг. *krä́sta* (БТР); 'оспа': польск. диал. *krosty* (только мн.), *chrosty* (SW); с.-хорв. *kräste* мн. ч.; 'корь': польск. диал. *małe krosty* (SW); слвц. *chrasty*, диал. *kristy* (SSJ); с.-хорв. *male kräste*.

Во всех языках сохранилось и значение 'короста', 'струпья'.

I. 3. Номинация по измененному внешнему виду больного, выражавшегося похуданием (высыханием). Наиболее распространены производные от прилагательного *сухой* со значением 'туберкулез', 'чахотка': рус. *сухота*

(арх. — Еф. 167) (ср. название лихорадки *сухот(к)а*, сухея, которые "свидетельствуют о внутреннем жаре, что сближает эту лихорадку с сухоткою" — Аф. 3:88—89), блр. *сухота* (Ром. 3), сухоты (Аф. 3:89), укр. *сухоты* (Гр. 4:233: и 'детская болезнь, выражаяющаяся крайней худобою ребенка'), польск. *suchoty* (Bieg, 360), чеш. диал. *souchoť*, *souchoťiny* (SSJČ), *suchá nemoc* (SSJČ: устар., диал.); в.-луж. *suchočina* (Pfuhl); н.-луж. *suchota*, *suchošina*, *sucha chorosć* (Muka); слвц. *suchoty*, *suchotiny* (Húsek:313); болг. *сұшка* (БТР), *сухоча* (Мар.:125), *сұха болест* (Геров); с.-хорв. *сұшица*; словен. *sušica*; 'ревматизм': болг. *суха болка* (Гол. 22).

I. 4. Номинация по внутренним ощущениям. Болезни, сопровождающиеся лихорадочным состоянием, ознобом и высокой температурой, в народном воображении часто сближаются с огнем, жаром или холодом: 'лихорадка': рус. *горячка* (Уш.: разг.), *огнея*, *огнева* (арх. — Еф. 202), *огнёвица* и *огневица* (СРНГ), *паличка* (Аф. 1:203); укр. *огневица* (Гр.), *паличка* (Аф. 1:203); блр. (*в)о*гнік (ТСл); чеш. *hořečka*, диал. *horká nemoc* (Roubal 436), *oheň* (Ad. 4); болг. *огън*, *огница* (БТР); с.-хорв. *врућица* (*врућ* 'горячий, жаркий'; Крагуевац — Радул. 90); 'лихорадка на губах (пузырьковый лишай)': польск. *ognipiór* (SDor: только ед.ч.), *ognipióro* (Linde), чеш. *ohnipara* (морав. — Bart. 232), *ohnipar(a)* (SSJČ: диал.); 'корь': рус. *огняночки* (пск. — Мерк. II:165); чеш., слвц. *spalničky* (SSJČ, SSJ); 'скарлатина': польск. *plonica*, чеш. *spála*, *spalničky* (SSJČ), слвц. *spála* (SSJ, *spaliti* 'сжечь'); 'тиф': рус. *горячка* (новг., волог., вят., перм., урал. — СРНГ), *белая* ~ 'сыпной тиф' (ворон. — СРНГ), польск. *gorączka* (SDor); слвц. *horúčka* (Миява — Bodnar 464), болг. *огница* (БТР), с.-хорв. *врућица* (Крагуевац — Радул. 90); 'золотуха': рус. диал. *летучий огнь* (ряз. — ДС); 'болезнь от сглаза': болг. *пламеница*, *огненица* (Гоев148); 'повышенная температура тела': блр. *жар*, *горячка* (ТСл), польск. *gorączka*, *ogień* (SDor); болг. *огън* (БТР), с.-хорв. *đganj*; 'дифтерит': с.-хорв. *живи огань*.

Ряд названий лихорадки произведен от основ со значением 'холод': рус. *ледея*, *ледиха*, *озноба* (Аф. 3:87), *знобяя* (арх. — Еф. 206), *знобиха*, *знобуха* (казан. — СРНГ), *студёнка* (Аф. 3:87), *студеная* (казан. — Бусл. 1:199), *леденея* (арх. — СРНГ), *холодуха* (СРНГ 11:318:под знобиха); укр. *зима*, *зимница* (бойк. — Болт. 28), *устуда*, *холодуха* (Болт. 27); польск. *zima* (кашуб. — Nadm. 138), *zimno* (Ловицке — Paluch 65), *chłodna* (р-н Живца), *chłodna*, *chłodnica* (Андрыхов Вадовицки), *zimna* (Иорданов, Выс. Скавица) (MSGP); чеш. *zimnice* (SSJČ), *zima*, *zimice*, *zimomorka*, *zimavá nemoc* (SSJČ: диал.), *studenka* (SSJČ: лихорадка без температуры, устар.) слвц. *zimnica* (Миява — Bodnar 464, SSJ); в.-луж. *zyma*, *zymnica* (Pfuhl) н.-луж. *zymisko* (устар.), *zymnica* (Muka); болг. *студёнка* (БТР); с.-хорв. *зимница*, *mržlica*; словен. *mrlzica*.

Лихорадочное состояние сопровождается не только температурными колебаниями, но и содроганиями тела больного, что фиксирует ряд наименований, в которых воспроизводится семантика глаголов *дрожать*,

колотить, трясти, трепать: рус. *дрожжалка* (арх.), *дрожуха* (олон. — СРНГ), *колотун* (брян.), *колотуха* (петерб., псков. — СРНГ), *трясавица* (стар. церк.), *трясеница* (псков.), *трясуха* (новг.), *трясучка, трясье* (ср.), *трясь, трясунья, трёсся* (волог.), *трясся, трясца* (юж.), *трясавичная болезнь* (стар.) (Даль 4:439: под *трястый*), *потрясуха* (псков.), *трясовица* (Даль 3:359: под *потрясывать*), *трясуча болясть* (Даль 1:111: под *боль*), *трепачка, трепуха* (Даль 4:428: под *трепать*), *трепалка* (СРНГ 5:108: под *ворогуха*); укр. *трястя, трясця, трясовиця, трясучка* (Гр.); блр. *трасца*;польск. *drżączki* (SW: диал., только мн.); чеш. *třesavka* (реже *třasavka* — PS), *třesavice* (SSJČ: редк.); слвц. *triaška* (SSJ); болг. *треска*, (БТР), *трясавица* (Мих. 51); с.-хорв. *треска, тресавица*; макед. *треска*; ср. словен. *tresljica, tresavica* 'озноб, дрожь'.

Из других болезней можно указать польск. *drżączka* 'паралич, сопровождающийся дрожанием членов' (SW); с.-хорв. диал. *тресавица* 'виттова болезнь'.

По такой же семантической модели — состояние, ощущение, производимое болезнью, и называемое глаголом (*колоть, ломить, резать стрелять*) → название недуга — названы многие болезни: *грызет*: рус. *грызь* 'лом в руках и ногах' (Аф. 3:98), *грыз* то же (СРНГ), *грызь* ж. и м.р., *грызота* 'резкая щемящая боль в желудке', 'ревматизм', *грызень* 'ревматизм', *грызница* 'болезненное состояние желудка' (СРНГ); укр. *гризь* 'ревматизм', 'грыжа' (Гр.), *грызь* 'дизентерия' (Голов. 494); блр. *грыжа* 'грыжа' (ТСл), *грызь* 'нарост на шее', 'опухоль' (ТСл); польск. *gryzisko, gryzota* 'резкие боли в животе', *gryz* 'дизентерия' (SW: диал.), *gryzba* (SW: устар.); *колет*: рус. *кблють* ж.р. 'колюющая боль', *колотье, кблотьба* 'грипп', 'ревматизм', *колоющие болезни, коль* 'колюющая боль', 'колотье', *колоница* 'ревматизм' (смол.) (СРНГ); укр. *kolog'ba* 'колюющая боль' (покут. — Kolb. 31:167); польск. *kolka* 'колюющая боль' (SDor); луж. *kolka* то же (Kolb. 59:126); слвц. *rchaní* (Подлужье — Noháč 217); болг. *бодеж* 'болезнь, при которой ощущается остшая колюющая боль' (Мар. 91); с.-хорв. *бодеж, секавина* (секавац 'колоочка'); *ломит*: рус. *ломея, ломеня, костоломка* 'лихорадка' (Аф. 3:87), *ломанина, лбмань* 'судороги', *лбмка* 'ломота', *ломовая* 'лихорадка' (калуж.), *ломовая* *лихорадка* (псков., моск.), *ломиха* то же (ряз.) (СРНГ); укр. *ламання, ломець, ломота* 'ломота' (Гр.), *ламанина* 'ревматизм' (Гр.); блр. *костолбміца* 'ревматизм' (ТСл); польск. *lamanie* то же, *stawolomność* 'артрит' (SW); чеш. *suché lámání* 'ревматизм', *suché loupaní* то же, *lámavá bolest* 'ломота' (SSJČ); слвц. диал. *lámka, lámvica* то же; *чешется*: этот признак отражен в названиях, образованных от глаголов *чесатъ* и *свербеть*: рус. *свброб* 'корь', 'чесотка', 'зуд' (арх. — Еф. 167), *свброб* 'чесотка', 'золотуха', 'оспа' и вообще 'все роды кожных болезней' (Мерк. II:169), *свербёж* 'сыпь', 'чесотка', *свербётъ* ж.р. то же (Мерк. II:170), *почесуха* (Аф. 3:98), *чес, чесота, чесушка, почесуя, почесу́нка, почесу́ля, почесу́лька, зуд, зуда, 'чесотка'* (Мерк. II:168); укр.

сверб, *сверблячка*, *свербота*, *свербеж*, *сверб'ячка* 'чесотка', 'короста' (Гр.), *чухачка* то же (полтав. — Гр. ЭМ 2:318), *чуханка* 'короста' (*чухати* 'чесать', экспрессивная форма гл. *чесати*) (Мерк. II:168); блр. *сверб*, *свербота* 'чесотка', *чуханка* то же (ТСл), *свырб'ячка* 'зуд' (полесск. — ЛП 67); польск. *świerzb*, *sirzb* (куяв. — Sz.-B. 46), *świerzby*, *świerzbiączki* мн.ч. 'кожная болезнь' (Силез. Бескид — Tyl. 73); чеш., слвц. *svrab* 'чесотка'; болг. *сърбел*, *сърбеч* 'зуд'; с.-хорв. *срдаб*, *срвбеж*, *срвабеж* 'зуд', 'чесотка'; словен. *svrab* 'кожные болезни'.

Древнее представление о недуге как результате попадания в тело человека стрелы, пущенной демоном⁵, нашло отражение в наименованиях некоторых болезней: рус. *прострел* 'ревматизм', змеиный *прострел* 'сибирская язва', (ср. безл. *стреляет* 'чувство колотья', *его прострелило* 'паралич'), *стрелы* 'головная боль' (Аф. 3:75); укр. *постріл* (Болт. 96); польск. *zastrzał* 'панариций' (лит.), *ustrzał* то же (куяв. — Sz.-B. 46), *postrzał* 'панариций', 'паралич', *strzały* (SW); чеш. *oustřele*, *stříly* (Ad. 4), *ústřel* 'прострел', 'люмбаго', *střil* 'остеомиелит', *střila* 'люмбаго', *stříly* 'головная боль' (мигрень) (Аф. 3:75); болг. *устрел* (Мар. 125: опасная болезнь от сглаза или нарушения запрета; БТР: народное название нескольких болезней, напр., паралич, рожа, ревматизм, сыпь, панариций). Отмечено у этого слова и значение 'нечистый дух, черт' (Геров).

По этой же семантической модели — 'признак болезни, состояние больного' → 'название болезни', образован ряд отыменных наименований детской болезни криксы, главным признаком которой является крик, плач: рус. *крикс* (орл., ворон.), *крики* (моск.), *крикса* (смол., калуж.), *криксы* мн.ч. (влад., курск., брян., тул., енис., орл., ворон.), *крик* (ряз., сарат., урал.), *крикұха* (куйбыш.) (СРНГ); укр. *крикси* (Гр.: 'бессонница ребенка, сопровождаемая плачем'), *крикси* (карпат. — Болт. 27), *криклівиці* мн.ч. (Гр.), *kryki* (покут. — Kolb. 31:161); блр. *крыклівіха*, *крыклівіца* (ТСл.); слвц. *krýčky* (Дачице — Bart. 230); плач: рус. *плач*, укр. *плакси* (карпат. — Болт. 27), *плач* (Болт. 98); блр. *плаксы* (Болт. 98); польск. *plaksy*, *placki* (люблин. — ЛА ТІ 95 В л. 16), *placki*, *placznice* (SW: диал., редк.); чеш. *divý plac* (Ad. 4); макед. *plac*.

II. Названия по заболевшему органу или части тела широко представлены во всех славянских языках, особенно в диалектах и разговорном языке. Производящие основы заложены в названиях этих органов: *голова*, *горло* (*глотка*), *грудь*, *живот*, *глаза*, *уши*, *железы*, *щитовидная железа*, *язык*, *ноготь*, *зуб*.

голова: рус. *головной тиф* 'сыпной тиф' (перм., арх), *головник* 'головная боль' (новг.) (СРНГ); польск. *głównica* 'тиф' (SW: диал.); чеш. *hlavnice*, *hlavnička* то же (SSJČ); слвц. *hlavenka* то же (Húsek 321); н.-луж. *głownica* 'тиф' (Muka); болг. *въртоглав*, *главобол*, *главоболие* 'болезни головы' (Мар. 125, РБЕ); с.-хорв. *главобоља* 'головная боль'; словен. *glavobol* то же.

горло: рус. *горлánка* 'ангина' (свердл., брян.), *горлянка* то же (псков.,

свердл.), ‘скарлатина’ (псков., свердл., новг., яросл.), ‘дифтерит’ (новг., яросл.) (СРНГ), горлёнка ‘туберкулез горла’ (псков.), горловики мн.ч. ‘болезнь горла’ (новг.), горловица ‘ангина’ (арх.) (СРНГ), глот, глоть, глотанéц, глотни́ца, глóточная, глóточница ‘болезни горла’, ‘скарлатина’, ‘дифтерит’ (СРНГ 6:201—203), глотка ‘ангина’ (Мерк. I: 160); блр. горлянка ‘дифтерит’ (ТСл); польск. *gar(d)lica* ‘зоб’, *suchoty gardlane* ‘туберкулез гортани’ (SW), *garłaczka* ‘ангина’ (Бескид Живец. — Tyl. 84); болг. гърло то же (РБЕ: разг.), лошо гърло ‘дифтерит’ (РБЕ: разг.); гърлица то же (РБЕ: диал.), гърлобóл, гърлобóлье ‘ангина’ (РБЕ: устар.); с.-хорв. грёлавица ‘ангина’, ‘дифтерит’ (PCXKHJ: диал.), грёлица ‘дифтерит’; реже — др. болезни горла (PCXKHJ: народ.), грёла ‘дифтерит’ (PCXKHJ: простореч.), грлобóлья гушёбóлья ‘болезни горла’ (дифтерит и ангина) гүшњак ‘коклюш’ (PCXKHJ).

уши: ‘свинка’: рус. *заушéица*, *заушница* (вят., иркут. — СРНГ), укр. *заúш(n)иця* ‘опухоль за ухом’ (Гр.), чеш. *príušnice* (SSJČ); болг. *заушка* (РБЕ): *заушник* (Горнооряховско — Гол. 16); серб. *заушке* мн. ч. (Леск. Морава — Ѓорђ. 697).

глаз: болг. *бóлиöч* ‘воспаление, болезнь глаз’, очебол (РБЕ); с.-хорв. *окоболья* то же.

язык: укр. *подъязычница* ‘молочница’ (Гр. ЭМ 2:56).

ноготь: рус. *заногтица*, *ногтоеда* (Мерк. I:160), укр. *занóгтица* то же (Голов. 571), польск. *zapolkica*; с.-хорв. *заноктице* (PCXKHJ: диал.), словен. *zapohtnica*; болг. *заноктица* (РБЕ: диал.).

живот: рус. *брюшная горячка* ‘тиф’ (СРНГ); польск. *durzyca brzuszna*; болг. *коремобол*; с.-хорв. *тробоболья* ‘желудочная боль’, *пупак* то же (Мил. 286).

грудь: рус. *груд(n)ица* (урал. — СРНГ 7:160), *грудник* ‘грудница’ (олон. — СРНГ 7:162), *грудица*, *грудéя* ‘лихорадка’ (Аф. 3:87); укр. *слабість на груди* ‘грудные болезни’ (Вак. 111); с.-хорв. *грудна болес* (Лесковацка Морава — Ѓорђ. 689), *грудобóлья* ‘туберкулёз легких’, болг. *грéдна болест* ‘ чахотка’, *грéдна жáба* ‘грудная жаба’.

кость: рус. *костенник* (свердл.), *костовик* (новг.) ‘костоеда’, *костогрыз* (кубан.) ‘ломота в костях’ (СРНГ), *костолом* ‘ломота в теле’, *костоломка* то же, *костяная грыжа* ‘костоеда’ (перм., самар., енис., арх — СРНГ 15:90), ‘шишкообразные опухоли под кожей’ (енис. — СРНГ 15:87), *костоед* ‘разрушение костной ткани’ (краснояр. — СРНГ 15:77: по народ. поверью, ‘червь, появляющийся при нагноении кости’), ‘костный туберкулез’ (СРНГ), *костоедина* ‘воспаление костной ткани’ (яросл. — СРНГ), *костоёдица* то же, *костолом* ‘ревматизм’ (новг., костром., сиб. — СРНГ 15:77: в южносиб. говорах — и в значении ‘черт’, ‘леший’; ср. гл. *костоломить* ‘ломить’ — о болезненном ощущении в костях, ‘ломать’ — о болезни), *костоломице* ‘ревматизм’ (новг.), *костоломка* то же (томск.) и вообще ‘ломота в костях, теле’, *костоломная* ‘ломота в костях’ (петроград. — СРНГ 15:78), *косторы́в* ‘костоеда’ (СРНГ 17:18),

костяни́ца ‘костоеда’ (Йыгев., Тарт. ЭССР—СРНГ 17:89), *костяной волос* ‘детская болезнь’ (орл. — СРНГ); укр. *мертва кістка*⁶ ‘болезнь, нарост на теле’ (Гр. 2:246); польск. *martwa kość, - kostka* то же (SW 2:501), *kostna, kostne* ‘малаярия, лихорадка’, *kostnica* то же (SW 2:491), (*na*)*kostniak* ‘опухоль’, *kościak, wykościna* (малоупотр.), *wyrośl kostna* (малоупотр.) ‘*osteoma s. exostosis*’ (SW 2:491: под *kostniak*); чеш. *kostízeř* ‘костоеда’, *návni kost* (Ad. 4), морав. *natná kost* (Bart. 235), *pakostnice*, слвц. *pakostnica* ‘подагра’⁷; с.-хорв. *pokostica* подагра’ (Оток в Славонии — RJA), *костобоља* то же, *мртва кост* ‘*Atheroma*’, словен. *bolečina v kosteh* ‘ревматизм’, *kostna gniloba* ‘костоеда’; болг. *костна туберкулоза* ‘костный туберкулез’, *костобол* ‘боль, ломота в костях’ (разг.).

III. Названия, в которых отражена причина заболевания, наиболее ярко демонстрируют народные представления о болезни как о чем-то таком, что привнесено в человека извне злыми силами (демонами, ведьмами, нечистой силой), стихиями (ветром, солнцем, водой), животными. Это “злое” поселяется в человеке, мучает его и заставляет страдать. Язык сохраняет эти древние представления, но не всегда уже можно найти объяснение, какая же связь с тем или иным явлением, мифологическим персонажем, животным вызвала ту или иную болезнь, почему, например, детская болезнь, связанная с сильным истощением ребенка, названа *собачья старость*, а длительная лихорадка у сербов носит название *пасјача*. Несмотря на это обстоятельство, в этом разделе приводятся все подобные наименования, даже если ассоциативные связи, легшие в основу номинации, утеряны, забыты.

Демоны, нечистая сила:

рус. *игрец* ‘припадки кликушества’ и ‘нечистый дух’, который и является причиной болезни, так как войдя в человека, мучает его, играет им (Аф. 3:77), *банья нечисть* ‘болезнь, полученная в бане’ (видимо от банника, духа, обитающего там) (арх. — Еф. 201), *шатун* ‘обморок’ и ‘демон’, *вещица* ‘болезнь’ и ‘мифологическое существо, в образе которого олицетворяется болезнь’ (арх. — Еф. 201—202); укр. *viščici* ‘короста на лице’ и ‘демон’ (Mušinka 330), польск. *wieszczyska* ‘болячки на лице у детей’, ‘болезнь грудных младенцев, которых мучает по ночам демон’ (Udziela 60), болг. *вештерица* ‘стоматит’ (Радуил — Ангелова 362);

укр. *д'аволово ткання* ‘болезнь глаз’ (катараракта?) (Номис 157);

польск. *morowica* ‘болезнь’ и ‘демон’ (Baran. 263);

чеш. *skřítek, skřotek* ‘рана на теле’, ‘колтун’, *mamuník* ‘колтун’ (Силезия — Vyhídal 192), *vylkolák* то же (Bart. 209);

польск. *ciemier* (Бескид Шленский), *cymier* (Бескид Живецкий) ‘болезнь, полученная с ветра’ (Tyl. 63); слвц. *četmer* (Подлужье — Noháč 217); рус. *чёмер* ‘болезнь с головной болью, рвотой; острые поясничные боли’ (Даль), болг. *чёмер* ‘сибирская язва’, ‘дьявол’ (Асеновград — Мих. 51), ср. болг. *овчи (кози) дявол* ‘карбункул’ (Геров);

болг. *бес, бяс* ‘бешенство’ (Мар. 121)⁸;

болг. *русалская болест* ‘тяжелые болезни (эпилепсия, паралич,

безумие), полученные в результате контакта с русалкой или при прохождении ее локуса', то же — *самодивска болест* (Мар. 150, Георг. 103), с.-хорв. *самовиле* (Лесковацка Морава — Ђорђ. 576).

Животные:

рус. змеёвец 'панариций' (том., кемер., Ср. Урал, енис., иркут., краснояр. — СРНГ 11:297: считается, что причиной заболевания является червяк, который объедает мясо и лущит кости, ходит по телу, а когда настанет момент, спускается в сустав или в колено и выходит), змеёв (арх.), змеевик (онеж., арх., волог., Ср. Урал), змеевик (тобол., том., иркут., амур., читин.), змеёвица (том). (СРНГ 11:297, 398: змеевик вселится в ранку и пойдет точить палец до кости), змеёвка (Ср. Урал), змеёвник (том.), змеёныши 'костоеда на пальцах' (пинеж., холм., арх. — СРНГ 11:299), змейка 'черный нарыв' (новг. — СРНГ 11:301), с.-хорв. *гуја* 'эпилепсия' (РСХКНЈ 3:742—743: обл.);

рус. воронья лапа 'лишай' (олон. — Кул., Мерк. II, 201: может быть калькой местного карел. названия);

рус. гуси 'болезнь на ногах от грязи, цыпки' (псков. — Бусл. I:199), чеш. *houser* 'прострел', 'люмбаго' (досл. гусак);

рус. ласточка 'болезнь вроде золотухи' (СРНГ 16:283);

рус. волос, волосатик, волосень, волосец 'панариций' (онеж., пинеж., мез. — Подв.), (олон., иркут., костром., свердл., твер., псков., вят., дон., новг., волог. — СРНГ 5:57: народ считает, что боль и опухоль пальца происходит от находящегося под кожей тончайшего волосообразного червячка), блр. волос 'болезнь косточек пальцев' (ТСл.), волосень, волосник то же (Ром. 5:96); укр. волос то же; с.-хорв. *влас* 'детская болезнь, сопровождающаяся постоянным плачем' (БХ 290: считают, что мать, будучи беременной, пнула ногой кошку или собаку), *власак*, *власац* 'болезнь, вызванная червяком с теми же названиями, который, по народным представлениям живет в запущенных ранах' (РСХКНЈ 2:705—706), ср.польск. *włosnica* 'трихинеллез' (болезнь животных), а также рус. щетины 'кожная болезнь ребенка, наступающая, якобы от собачьей слюны' (Кул. 140).

Что касается приведенных выше названий, то здесь, видимо, можно говорить, как впрочем и в других случаях, о трех мотивациях: болезнь называется по червю, который называется *волос*; наименование походству — в ране образуются полосы, похожие на волос; болезнь может объясняться порчей в результате подкидывания волос (СРНГ).

укр. вовчий лышай (полт. — Гр. ЭМ 2:319, № 29), польск. *wilk* 'туберкулез кожи' (чаще проявляется на лице), чеш. *vlčí tma* 'куриная слепота', (Čermák 608), слвц. *vlča tma* 'болезнь глаз' (Holuby 177);

слвц. *koze neštovice*, *bolačky* 'детская болезнь' (Подлужье — Noháč 217), с.-хорв. *koze*, *kozice*, *stroka* 'корь' (НЕ II:714), *коziце* мн. 'оспа';

слвц. *psina* 'лихорадка' (Bart. 221), рус. диал. *собачья старость* 'рахит', с.-хорв. *насјача* 'длительная лихорадка' (Мил. 278), рус. *песьяк*, *сучий сучок* 'ячмень' (Мерк. II:161). ср. чеш. *psinka* 'собачья чума', слвц.

psi tahi (MS 756: ребенок заболевает, если под его колыбель подлезет собака);

чеш. *kuričí riti* ‘бородавки’ (морав. — Bart. 232), болг. *кокоши лишай*, *кокоши трън* (Горнооряховско — Гол. 17), с.-хорв. *kokošiji prišć* (bosн. — Žuljic 254);

рус. *куряча слепота* (Чердын. — Даль ПРН 403), блр. *курына слепота* (ТСл.), *курача слепота* (Fed. I:392, № 2384), польск. *kurze ślepoty*, *kurza ślepota*, диал. *kurzy patrz* ‘куриная слепота, близорукость’ (Sz. — В. 25: по народным верованиям, причина этой болезни — в том, что человек выпил воду, которую пила курица), *kuroślep* ‘болезнь глаз’;

слвц. *somársky kašel* ‘удушливый спазматический кашель, коклюш’ (Bodnar 462), болг., макед. *магарешка кашлица* ‘коклюш’ (Гол. 19, Шумен — Явшов 2), *магарешки лишай*⁹ (Горнооряховско — Гол. 17); с.-хорв. *магарећи кашаљ* ‘коклюш’ (Крагуевац — Радул. 89);

рус. *жаба* ‘ангина’ (ряз. — ДС 162), блр. *жаба* то же (могилев., витеб. — Ром. 5:88), укр. *žaba* ‘ангина’, ‘дифтерит’ (Podb. 77); польск. *žaba*, *žabka* ‘стоматит’, с.-хорв. *жаба* то же (Мил. 205), *žabice* ‘свинка’, ‘лимфаденит’, *жѣба* ‘дифтерит’, ‘стоматит’, ‘болезнь на ноге’ (PCXKHJ 5:269: обл.), *жѣбица* (иногда и мн.) ‘лимфаденит’, ‘стоматит’ (PCXKHJ 5:269);

чеш. *krtice* ‘золотуха’ (РС: уменьш., устар.);

блр. *жоўна* ‘базедова болезнь’ (ТСл.), блр. диал. *јáшчэр* ‘нарыв в горле’ (Дрогичин — ЛП 39), укр. *гуштер*, *гүштера* ‘насморк’ (гуцул. — Голов. 485), с.-хорв. *гуштер* ‘воспаление гортани’;

солнце:

рус. *соняшницы* ‘солнечный удар’, укр. *сонячницы* то же (18 в. — КС 1890, т. 28, с. 35)¹⁰, с.-хорв. *sunčanica*, *sunčarica* ‘болезнь головы от солнца’ (RJA 17:12,13).

вода:

рус. *водянáя порча* (казан. — СРНГ 4:251), *водянка*, с.-хорв. *водена болест* ‘водянка’.

ветер:

рус. *ветрянка*, *ветряная оспа* то же (ср. *сухо́й вéтер* ‘болезнь домашних животных’), *ветер* ‘нечистая сила’ (СРНГ 4:192), *поветрие*, *моровое* ~ ‘эпидемическая болезнь’, *ветряная грыжа* (СРНГ 7:173: под грыжой), укр. *нанесеня вітром* ‘паралич’ (Вархол 283), польск. *wiatrowa* ‘рожа’ (Sz.-B. 103), ср. в укр. заговоре: *ružo vjatrovo* (Mušinka 322), *morove povétre* ‘холера, эпидемические болезни’ (Кочевые — Sychia 1:34), ‘чума’ (SDor), блр. *вятранка*, *вётрэны лішай* (ТСл.), *поветрие* (Ром. 3:3), укр. *ветреница* ‘болезнь’ (карпат. — Голов. 467), *ветровка* ‘лихорадка’ *ветрова оспа* ‘ветряная оспа’ (Голов. 467); с.-хорв. *црвени вётар* ‘рожа’ (Алексиначкое Поморавье — Ант. 248), *бели ветар*, *ветровит живак*, *ветрове* — названия ряда болезней (Мил. 288), болг. *вятър* ‘ревматизм’ (Хаджиелеско и Родопы — СбНУ 1,2:83, Ватев 8: “болест, коя ходи по кокалите, разпъва и бухтя чървата”, РБЕ 2:669: устар.), *червен вятър* ‘рожа’ (РБЕ 2:671).

Наименования, которые называют причину болезни, возникшей в результате порчи, недоброи встречи, взгляда недоброго человека, в основном, являются безаффиксными отглагольными образованиями или составными наименованиями: рус. *озёва* ‘порча’ (озевать ‘испортить’, зев ‘рот’), *озён* ‘болезнь от испуга, сглазу’ (озёпать ‘сглазить’, зепать ‘кричать’ — Аф. 1:411), *озык* → *зыкать* (Аф. 1:411), *уреки*, *уроки*, *сурок*, *врёк* ‘болезнь от слов, недоброи похвалы’ (Аф. 1:410), *призор*, *прикос* (арх. — Еф. 167); укр. *пристрит* (*пристрек*) ‘сглаз’ (*пристречит* ‘сглазить’ (Листвин — ЛП 89), *дання* (Сумцов КП 310), *обийденья* ‘паралич’ (Вархол 283: ветерница, демоническое существо, обладает способностью превращаться в ветер, и если оповине человека, его парализует); блр. *переход* ‘падучая’ (Ром. 5:9), чеш. *urknutí*, *ouroky* (Ad. 4, *uhranutí* ‘сглазить’).

IV. Названия-эвфемизмы. Желание избавиться от болезни породило целый ряд названий-эвфемизмов, что было обусловлено запретом называть настоящее имя болезни. Ее пытались задобрить, льстили, называя доброй, мягкой, кроткой. Со временем в эту группу лексики стали входить названия из других тематических групп, особенно таких, как рус. *добруха*, *тихонький*, *смиренчик*, укр. *добра*, болг. *здрава*, с.-хорв. *добрац*. Иногда употреблялись уменьшительно-ласкальные формы от обычных названий: рус. *осница*, болг. *шарчинка*. Эти названия выражали желание снискать расположение болезни, склонить ее на свою сторону, умилостивить злого демона. Нередко болезнь стремились завоевать, “крестя” ее именем гостя, устанавливая с ней родственные отношения, возводя ее в более высокий социальный статус: общеслав. названия с корнем **gost-*, рус. и др. слав. *мать*, *сестра*, *тетя*; рус. *господа*, *князь*, *барин*, чеш., *rapek*, болг. *баба Шарка*, *баба Писанка*, *леля* (тетя, крестная мать), *стринка*. Видимо, процесс замены старых названий новыми наименованиями-заместителями привел к исчезновению многих общеславянских обозначений болезней. По мнению некоторых исследователей эвфемизмы — более древние по сравнению с названиями по симптомам, в которых отразилось рациональное мышление.

При анализе лексики, относящейся к медицинской терминологии, главным образом народной, прослеживается процесс мотивации, связанный с выбором мотивировочного признака, который лег в основу номинации нового состояния (нездоровье, недуг). Выявлены наиболее продуктивные семантико-этимологические принципы номинации. Приведенный материал иллюстрирует, как при транспонировании содержания признаков и свойств прилагательных, глагольных действий и состояний формировалась система наименований болезней. Для словообразования данной лексико-семантической группы характерны те же способы, что и для словообразования других ЛСГ. Здесь используется деривация, морфолого-синтаксический и лексико-семантический способы образования. Особенностью данной группы лексики является наличие в ней большого числа эвфемизмов, что обусловлено экстралингвистическими факторами, а также ее функциональным своеобразием — употребление эвфемизмов диктуется этикетом, ситуацией, традицией.

Примечания

- ¹ В польск. яз. отмечено составное наименование *choroba biala* 'малокровие' (SW I:144: под *blednica*).
- ² Подробно об этих названиях, их семантическом и географическом распределении см.: Мерк. II. 161—162.
- ³ Видимо, сюда можно отнести и название болезни рожа: укр. *рожа* через польск. *róża* (Фасмер 3:493: "потому что кожа при этом приобретает ярко-красный цвет"), чеш. *růža*, слвц. *ruža*, нем. *Rose*;ср. болг. *чревени вятър* и с.-хорв. *црвени ветар*.
- ⁴ Ср. название болг. *сия пътка* 'сибирская язва *Anthrax*' (БТР), название, возникшее по внешнему виду — черные струпья, образующиеся на коже, по виду напоминают уголь; болг. название этой болезни *въглем* может быть калькой лат. *anthrax*, но может быть и самостоятельным образованием по сходству.
- ⁵ "Общепроиндоевропейское слово 'болеть', т.е. по древним представлениям 'испытывать вредное воздействие силы, враждебной человеку'" (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 811, сн. 2).
- ⁶ Б.А. Успенский предлагает такое объяснение данного названия: "болезнь мертвая кость (*мертвата костка*) или навь косточка... может излечиваться с помощью кости мертвца; не исключено, что название болезни обусловлено в данном случае именно способом лечения" (Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 66).
- ⁷ О происхождении этих слов см.: Мельничук А.С. Корень *kes- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968. С. 238—239.
- ⁸ В других славянских языках отмечены дериваты от слова *бес* для обозначения болезни бешенство и некоторых других.
- ⁹ Интересный способ лечения лишая отмечен в районе Горно Оряхово: лишай посыпают солью, после чего дают слизать ее ослу (Гол. 17).
- ¹⁰ В.И.Даль рус. *сонячница*, юж. 'болезнь, резь в животе со рвотой' помещает в гнезде *сонъ* (Даль 4:270), что вряд ли правильно.

Принятые сокращения

- Ант. — Антонијевић Д. Алексиначко поморавље. Београд, 1971.
- Ангелова — Ангелова Р. Село Радуил, Самоковско // Изв. на семинара по славянска филология при университета в София. Кн. 8—9 за 1941—1943. София, 1948.
- Аф. — Афанасьев А.Н. Поэтические возврзения славян на природу. М., 1865—1869. Ч. 1—3.
- Болт. — Болтарович З.Е. Народне лікування українців Карпат кінця XIX — початку ХХ століття. Київ, 1980.
- БТР — Български тълковен речник. С., 1963.
- Бул. I — Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1—2. СПб., 1861.
- БХ — Банатске Хере. Нови Сад., 1958.
- Вак. — Вакалюк Я.Ю. Лексико-семантичні особливості народних назв хвороб в українських говорах // XIV Республіканська діалектологічна нарада. Київ, 1977.
- Вархол — Вархол Н. Жінка-демон в народному повір'ї українців східної Словаччини // Науковий збірник музею української культури у Свидниці. Т. 10. 1982.
- Ватев — Ватев С. Баяния, лекувания, врачуования от Хаджиеллеска околия // СБНУ. Т. 21. 1921.
- Георг. — Георгиева И. Българска народна митология. София, 1983.
- Гоев — Гоев А. Обредното лечение чрез басне в българската народна медицина // Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1989.
- Гол. — Големанов Г. Материалы по народната медицина из Горно-Оряховско // СБНУ. Т. 30. 1914.
- Голов. — Головацкий Я.Ф. Материалы для словаря малорусского наречия // Науковий збірник музею української культури у Свидниці. Т. 10. 1982.

- Гр. — Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. Т. 1—4. Киев, 1907—1909.
- Гр. ЭМ — Гринченко Б.Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895, 1897. Вып. 1—2.
- Даль — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1—4. М., 1955.
- Даль ПРН — Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1961.
- ДС — Словарь современного народного говора. С. Деулино Рязанской области. М., 1969.
- Ђорђ. — Ђорђевић Т.Р. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.
- Еф. — Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды Этнографического отделения Московского об-ва любит. естество-знания и антропологии. Т. 5. М., 1887.
- КС — Киевская старина.
- ЛП — Лексика Полесья. М., 1968.
- Мар. — Маринов Д. Етнографическо(фолклорно) изучаване на Западна България // Он же. Избрани произведения. Т. 2. София, 1984.
- Мерк. I. — Меркулова В.А. Народные названия болезней. I (на материале русского языка) // Этимология. 1967. М., 1969.
- Мерк. II. — Меркулова В.А. Названия народных болезней. II (на материале русского языка) // Этимология. 1970. М., 1972.
- Мил. — Милићевић М. Живот Срба сељака. Београд, 1984.
- Мих. — Михайлова Д.Ал. Към въпроса за свемистичните названия на болести в български език // БЕ.ХХIV. 1974. Кн. 1.
- Номис — Номис М. Українські приказки, прислів'я. СПб., 1864.
- Радул. — Радулович И. Из народне медицине у околи Крагуевац // ГЕМБ. Т. 10. 1935.
- Раст. — Растворгев П.А. Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск. 1973.
- РБЕ — Речник на българския език. Т. 1—5. София, 1980—1990.
- Ром. — Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 5. Витебск, 1891.
- PCXKHJ — Речник српскога и хрватскога книжевног и народног језика. Београд.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров.
- TCл. — Тураўскі слоўнік. Т. 1—5. Мінск, 1982—1987.
- СУМ — Словник української мови.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 2., М., 1976.
- Явашов — Явашов А. Принос към българската народна ботаническа медицина // СБНУ. Т. 21. 1905.
- Ad. — Adamek K.V. O léčení lidovém. Praha, 1903.
- Baran. — Baranowski B. W kręgu upiorów i wilkolaków. Łódź, 1981.
- Bart. — Bartoš F. Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, 1892.
- Bieg. — Biegeleisen H. U kolebkì. Przed ołtarzem. Nad mogilą. Lwów, 1939.
- Bodnár — Bodnár J. Myjava. Myjava, 1911.
- Čermák — Čermák E. Vesnické léčení v okolí Proseče na Skutečsku. // ČL I, 1892.
- Fed. — Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. T. 1. Kraków, 1897.
- HE — Hrvatska enciklopedija. Sv. 3. Zagreb, 1942.
- Holuby — Holuby J.L'. Národopisné práce. Bratislava, 1958.
- Húsek — Húsek J. Hranice mezi zemí Moravskoslezskou a Slovenskem. Praha, 1932.
- Jakubaš — Jakubaš F. Hornjoserbsko-němčí slovník. Budyšín, 1954.
- Kolb. — Kolberg O. Dzieła wszystkie. Poznań — Wrocław, 1962, 1963.
- MS — Moravské Slovensko. Praha, 1922. Sv. 2.
- MSGP — Magazyn Słownika gwar polskich (Kraków).
- Mušinka — Mušinka M. Zdravotné povery v niektorých severozapadných obciach Bardejovského okresu // Nové obzory. Košice, 1962. N 4.
- Nadm. — Nadmorski J. Kaszuby i Kociewie. Język, zwyczaje, przesady. Poznań, 1892.
- Noháč — Noháč J. Slovácké nárečí na Podluží // ČL. Roč. 20.1910.
- Paluch — Paluch A. Zerwij ziele z diewięciu miedz. Ziolożnictwo ludowe w Polsce w XIX i poczatkù XX wieku. Wrocław, 1989.
- Podb. — Podbereski A. Materiały do demonologii ludu ukraińskiego // ZWAK. T. IV. 1880.
- SDor — Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski. T. I—XI. Warszawa, 1958—1969.
- SSJ — Slovník slovenškeho jazyka. D. I—VI. Bratislava, 1959—1968.
- Sz.-B. — Szczuchowska-Boebel B. Lecznictwo ludowe na Kujawach. Toruń, 1972.

Tyl. — *Tylkowa D. Medycyna ludowa w kulturze wsi Karpat polskich: Tradycja i współczesność.*

Wrocław etc., 1989.

Udziela — *Udziela M. Przyczynki do medycyny ludowej // Lud. T. 11. 1905.*

Vyhídal — *Vyhídal J. Skřítek (skřotek, koltun) ve vlasech po názoru lidu českého ve Slezsku // ČL.*

Roč. 11. 1902.

Žuljić — *Žuljić M. Narodna medicina u Varešu (Bosna) // ZNŽO. Knj.11. 1906.*

A. Ярошова (Словакия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Внимание сопоставительного лексикологического анализа может быть, в зависимости от цели исследования, направлено или на отдельные лексико-семантические единицы, или же на частные системы словарного запаса. Взаимосвязь и взаимообусловленность этих двух лексических объектов очевидна. Совокупность знаний в области полексемного сопоставления является частью теоретического базиса "полевого" сопоставления и наоборот. Теоретической основой самого сопоставления как исследовательского метода является функционально-системная концепция языка (Барнет, 1983; Нещименко, 1983). Применительно к словарному запасу данная концепция предполагает установление принципов системной организации словарного запаса, отражение диалектической взаимосвязи содержательно-формальных и системно-функциональных параметров лексических единиц. Выявляя системность в организации словарного запаса, нельзя, однако, абсолютизировать его логическую основу. Неоднородность критериев классификации не обязательно знак субъективного подхода исследователя, но в определенной мере зависит от характера самого объекта (т.е. лексики), который входит в комплексную языковую систему и не может не находиться под влиянием ее остальных составных частей (ср.: Немец, 1980; Денисов, 1984).

Функционально-системное описание лексики предполагает наличие иерархизированной системы лексических единиц. На основе критерия "уровень абстракции" в литературе выделяются по-разному терминированные триады типа "лексема — лексико-семантический вариант — словоупотребление или же семантически актуализованное слово" (Уфимцева, 1974, 1986), "гиперлексема (слово в совокупности значений и форм) — лексия (слово в одном из своих значений, т.е. ЛСВ или однозначное слово) — аллолекса" (Филипец, 1985). С точки зрения функционально и ономасиологически ориентированных подходов к словарному запасу статус основной лексической единицы получает "моносемантичная единица" — лексия (Филипец, 1984, с. 140; ср. Горецки — Бланар — Секанинова, 1983). Такую точку зрения подтверждает и способ функционирования лексических единиц в частных лексико-семантических системах, так как в эти группировки входит слово только в одном из своих значений. То же самое можно сказать о его функционировании в синтагме. Итак, с учетом при-

веденных фактов правомерно считать основной лексической единицей сопоставительной лексикологии однозначную единицу лексию, план содержания которой образует семема. Определение эквивалентности на уровне семемы является одним из этапов сопоставительного исследования частных систем словарного запаса. В случае пары эквивалентных лексий эта методика имеет однонаправленный характер, в случае частных систем она может принять форму двунаправленного анализа.

В типологически, лексикографически и лингводидактически ориентированных анализах исследуется тоже проблематика эквивалентности на лексематическом уровне (Секанинова, 1973; Супрун, 1980; Влчек, 1985).

В болгарской русистике разрабатывается концепция сопоставительного анализа русской и болгарской лексики, означаемая как двунаправленный анализ (Червенкова, 1987). Анализ исходит из русской семемы и направлен на установление болгарского эквивалента, учитывая на следующем этапе и его внутрилексемные связи (полисемию), затем анализ поворачивается опять к русскому языку. На основе этого анализа получаем сложные содержательно-формальные структуры, которые отражают двунаправленные эквивалентные соотношения многозначных единиц. И. Червенкова называет эти структуры вслед за Сиатковским полями соответствия. Эта методика является определенным сочетанием двух типов эквивалентных единиц — на уровне семемы и на уровне лексемы.

В литературе довольно хорошо разработана типология обоих видов эквивалентности. При этом исходят из логических понятий тождество, включение, пересечение и несоответствие (Затовканюк, 1978; Конопиелько, 1979; Супрун, 1980; Гудавичюс, 1986; Червенкова, 1987). Эти понятия применяются как по отношению к содержательной, так и к формальной стороне сравниваемых единиц. В случае лексематической эквивалентности можно опереться и на понятие симметричной, асимметричной и симметрично-асимметричной эквивалентности (Секанинова 1973, 1985). Типологически и лингводидактически ориентированные сопоставления словарного запаса двух языков больше всего интересует (в плане формального соответствия/несоответствия) фонематическая сторона, так как она, с одной стороны, поддается четкой статистической обработке и, с другой проецируется в явления интерференционного порядка при обучении иностранного языка.

Функционально-системный подход предполагает создание такой типологии лексико-семантической эквивалентности, которая учитывала бы принадлежность сопоставляемых единиц к лексико-семантическим, лексико-грамматическим и словообразовательным субсистемам данных языков (Барнет, 1983; Немец, 1987). Из явлений формального (точнее структурного) порядка в центре внимания окажутся лексико-грамматические и словообразовательные характеристики. На основе критерия соответствия языковых уровней сравниваемых единиц можно различать одноуровневые и разноуровневые эквиваленты.

В случае одноуровневого эквивалента речь может идти о различной степени структурного сходства — начиная с тождества морфологических категорий через одновременное подобие словообразовательных структур вплоть до фонематического соответствия (которое в данном случае не

столь важно). Одноуровневым эквивалентом можно при определенной исходной позиции считать также лексикализованное словосочетание (аналитическое наименование). Свободное словосочетание напр. "мягко наступать" как эквивалент словацкого *šliapkať* или "чрезмерная щепетильность" как эквивалент словацкого *škrupľa*' будем считать разноуровневыми по отношению к исходной лексии. В эту категорию входят, конечно, и фразеологизированные словосочетания (напр. *спустя рукава* как эквивалент словацкого наречия *šlendriamsky*) и описания значения исходной лексии. Устойчивые глагольно-именные сочетания, как своего рода переходное явление (степень их устойчивости меньше, чем в случае именных словосочетаний), будем в данной концепции считать разноуровневыми эквивалентами исходных синтетических лексий. Одноуровневые эквиваленты — это всегда системные единицы данного языка. По своей структуре они могут быть сходными или несходными с единицей исходного языка.

В случае сходства речь идет о соответствии морфологических классификационных категорий (вид, личность—безличность у глагола; род и число у существительного) или словообразовательных структур.

К классу одноуровневых эквивалентов, несходных по своей структуре с исходной единицей, относятся глаголы с несовпадающей видовой характеристикой, например, *активизировать* (сов. и несов. вид) как эквивалент словацкого *zaktivizovať* (сов. вид), аналогично *sfašizovať* — *фашизировать*; дальше сюда относятся существительные, не соответствующие исходной единице по категории числа, например, *чешуя* — *šupiny*, *жемчуг* — *perly*, *ежевика* — *cernice*, *кулачество* — *kulaci*, *сажа* — *sadze*, *воронье* — *vrany*. Как о структурно несходных одноуровневых эквивалентах можно говорить о лексикализованных именных словосочетаниях (*кинохроника* — *filmový žurnal*), а также в случае несовпадения словообразовательной структуры, например, *муфта₁* — *rukávník*, *муфта₂* — *objímká* (словацкие эквиваленты — производные слова). Функциональность одноуровневых эквивалентов, несходных по своей структуре с исходной единицей, проявляется в том, что единица иносистемная по отношению к исходной выполняет в основном те же функции.

Класс разноуровневых эквивалентов образуют единицы, которые по отношению к исходным имеют всегда статус несистемных. Этот тип эквивалентности имеет две разновидности:

1. Эквивалент с точки зрения данного языка (т.е. не исходного, а сравниваемого) является единицей искусственной, созданной *ad hoc*. Эта сугубо функциональная единица предназначена для передачи семенного состава единицы исходного языка: *lietať* — *плыть* *a1* *кружить в воздухе*, *парашютировать* — *skákať's padákom*. Мы здесь имеем дело с хорошо известным механизмом передачи "узкоспециализированной" исходной единицы при помощи дополнительных компенсирующих средств.

2. Эквивалент является системной лексической единицей сравниваемого языка, но в роли эквивалента эта единица выступает лишь при условии контекстуальной спецификации исходной лексии. Так, слова "огород" и

"сад" могут отдельно выступать в роли эквивалента словацкого "záhrada" в том случае, если последнее оснащено соответствующими пояснениями "(zeleninová) záhrada" и "(ovocná) záhrada". Мы имеем дело с известным механизмом передачи многозначной исходной единицы при помощи более конкретных единиц. Функциональность разноуровневого эквивалента проявляется в том, что искусственная, т.е. несистемная единица предназначена для передачи значения исходной системной единицы и соответственно для выполнения одинаковых функций. Выполнение второго требования имеет, однако, свои пределы. Есть функциональные эквиваленты, которые верно отражают семный состав исходной единицы, но тем не менее их трудно применить в большинстве тех контекстов, в которых функционирует исходная единица. В каждом из контекстов мы используем более или менее модифицированный вариант предложенного в начале эквивалента:

dvojnásobok — двойное количество: *16 je dvojnásobok ôsmich* — 16 в два раза больше восьми; *dvojnásobok platu* — двойная зарплата;

štihavý — покрытый грязными полосами: *štihavá mal'ovka* — побелка с разводами al. потёками;

škrupil'a (разг.) чрезмерная щепетильность: *robit' si škrupule* — быть чрезмерно щепетильным, щепетильничать.

Эквиваленты, приведенные в качестве первых, следует, по-видимому считать типовыми, обобщающими разные узуальные эквиваленты.

Существует еще один вид функционального эквивалента, который можно обозначить как типовой. Мы имеем в виду случай, когда значения исходных системных единиц можно выразить типизированными средствами сравниваемого языка (В. Барнет в этом случае говорит об экстерном функциональном эквиваленте; Барнет, 1983). В качестве примера этого вида типовой эквивалентности могут служить русские эквиваленты словацких дистрибутивных глаголов, так, как они разработаны в Большом словацко-русском словаре. Данные эквиваленты — это варианты практически одной формулы (ср. Секанинова, 1988). Эквивалентность лексических средств разноуровневых по своим коннотативным признакам — проблема, заслуживающая самостоятельного рассмотрения. В настоящей статье мы ее затрагивать не будем, как и типы описаний, передающих так называемую безэквивалентную лексику.

Одноуровневая эквивалентность, а также функционально-типовая эквивалентность основана на одинаковом tertium comparationis — совокупности сем (конкретных и лексико-грамматических) исходной системной лексии.

Tertium comparationis чисто функциональной эквивалентности представляет значение лексии, включенной в определенное синтаксическое окружение, значит, это единица другого уровня абстракции по сравнению с системной единицей.

Tertium comparationis сопоставительного анализа частных лексико-семантических систем — это определенная понятийная структура. В качестве семантического признака данное понятие присутствует в определенном множестве лексических единиц обоих языков. Исследователь

пытаются состав этих двух множеств выявить, исходя чаще всего из определений толковых словарей. Далее в пределах данных множеств устанавливаются соотносительные пары. Таким образом получают минимальную эквивалентную схему. В этой схеме будут, как на одной, так и на другой стороне, незаполненные клетки. Это говорит об отсутствии одноуровневого эквивалента. На данном этапе мы устанавливаем симметричность и асимметричность в наборах лексий обоих языков. Следующим важным свойством схемы является то, что, как на одной, так на другой стороне некоторые лексии фигурируют два — три раза. Это объясняется тем, что определенную широкозначную лексию одного языка необходимо передать с помощью нескольких более конкретных единиц второго языка (*záhrada* — огород, *záhrada* — сад). При лексикографической обработке таких слов в двуязычных словарях расчленяется семантическое пространство исходной лексии на несколько "переводных" значений, в зависимости от перевода этого эквивалента. С другой стороны, повторение той же лексии одного языка в качестве эквивалента разных лексий второго языка сигнализирует наличие синонимии последних. Однако данные синонимы настолько близки, что в словаре их нельзя считать разными "переводными" значениями, напр. *подняться*₂ — *vzniesť sa*, *vzlietnúť*, *vyletiet'*.

На следующем этапе мы можем построить максимальную схему эквивалентностей, т.е. установить функциональные эквиваленты для тех случаев, где нет системных эквивалентов (одноуровневых). Другими словами заполняем пустые клетки, напр., *poletovať* — кружить al. плыть в воздухе; *парашютировать* — *skákať s padákom*. С другой стороны, устанавливаем семантическое соответствие в тех парах, где значение лексии одного языка шире, чем приводимый эквивалент другого языка. Значение многозначной лексии сужаем дополнительными пояснениями, так называемой семантизацией: взвиться (о птице) *vzlietnúť*; взвиться (о пыли и т.п.) *zvíriť sa*.

Если системно-функциональную типологию лексико-семантических эквивалентов можно считать одной из исходных теоретико-методологических предпосылок сопоставительного анализа частных систем, то второй такой предпосылкой можно считать типологию самих частных систем. Наличие такой типологии выполняет ряд функций: 1) типология является системно-функциональной моделью словарного запаса каждого из сопоставляемых близкородственных языков; 2) она является базой сравнения для содержательно-формальной симметрии / асимметрии сопоставляемых частных систем.

Й. Филипец уже давно считает сопоставление частных лексических систем самым важным объектом конфронтативного анализа словарного запаса (Филипец, 1973). Его модель частных лексических систем (1985 г.), является конструктивным вкладом в разработку этой проблемы. Ценным в его типологии является различие одномерных и многомерных лексических систем. Первые из них основаны на отношениях гиперонимии, гипонимии, когипонимии, синонимии, антонимии, омонимии. Многомерные системы в отличие от одномерных обладают многоступенчатой структурой.

Типология, которую мы хотим предложить в этой работе, исходит, в отличие от классификации Й. Филипца, не из оппозиции грамматическая / неграмматическая частная система, а из оппозиции корреляционная / интеграционная частная система. Данная оппозиция отражает тот факт, что существуют, с одной стороны, системы, для которых релевантна корреляция сходных семантических признаков со сходными формальными показателями, и, с другой – системы, для которых данная корреляция иррелевантна.

Наша типология основывается на взаимоотношении значения и формы, но она не ориентируется на семантико-формальные параметры лексической единицы как целого. В качестве основы взяты компоненты значения в их соотнесенности (там, где это релевантно) с формальными элементами единицы. В определенных микросистемах (напр. омонимов или абсолютных синонимов) релевантным "компонентом" значения является практически целая семема.

Кроме критерия релевантности, корреляции тождественных формальных и семантических элементов в классификацию введен второй важный критерий — принадлежность единиц системы к одной / к разным частям речи. В целях более экономного способа обозначения систем противопоставленных по этому признаку можно ввести сокращение МП (монопарциальная) и ПП (полипарциальная) система.

При применении критерия корреляции мы получаем две основные совокупности слов, асимметричные в своей основе: корреляционные и интеграционные системы.

В интеграционные системы, принципиально иррелевантные к тому, имеет ли идентификационная сема формальное выражение (в подобии морфемы), входят в качестве их подсистем и группировки, в которых данная семантико-формальная корреляция существует. Например, синонимический ряд включает и словообразовательные синонимы: лексико-семантическая группа глаголов движения содержит и подсистемы глаголов с морфемно характеризованными способами действия.

Оппозиция МП и ПП разграничивает интеграционные и корреляционные системы на поля (ПП) и парадигмы (МП).

Лексические единицы объединены в системы на основе семантических признаков различного характера и степени абстракции. Часть систем находится поэтому на границе между морфологией и лексикой, синтаксисом и лексикой.

Итак, в корреляционных системах мы различаем системы содержательно-формальную (группировки словообразовательно мотивированных слов), чисто содержательную и чисто формальную. Названия последних двух систем в каком-то смысле противоречат понятию корреляции, так как она предполагает соотнесенность содержания и формы. Дело в том, что содержательная корреляционная система релевантна к признаку корреляции в негативном смысле, т.е. это корреляция со знаком минус. Данную систему образуют абсолютные синонимы, которые должны удовлетворять требованию тождественности значения при различии формы (степень формального развития не существенна).

Формальную (негативно —) корреляционную систему образуют лек-

сические омонимы, так как они должны удовлетворять требованию тождественности формы при различии значения (степень этого различия составляет часть проблематики перехода полисемии в омонимию).

Признак ПП(1) и МП(2) разграничивает содержательно-формальные корреляционные системы на две группы: 1) словообразовательные поля, в которых находятся группировки "гнездового" типа разной степени сложности (мутационные и транспозиционные микросистемы типа *sneh*—*snehuliak*, *sneh*—*snehowý*—*snežit'* и словообразовательные гнезда); 2) ономасиолого-деривационные парадигмы, в которые входят: а) системы дериватов модификационного типа такие как *dom*—*domček*—*domisko*, *lev*—*leviča*, *sneh*—*sniežik*, *город*—*пригород*, *учитель*—*учительница*, *кулак*—*кулачество*; сюда по существу входят и однокорневые синонимы и антонимы; б) системы слов одного словообразовательного подтипа, например, названия мяса, образованные от названий животных с помощью суф. *-ina*, дистрибутивы от глаголов движения с префиксом *po-*; сюда по существу входят и словообразовательные синонимы с одинаковым префиксом.

Все эти группировки мы назвали ономасиолого-деривационными потому, что во входящих туда единицах модифицировано тождественное значение (точнее содержание) в рамках, заданных параметром. Семантической однородностью своих единиц эти системы близки лексико-семантическим группам (ономасиологическим парадигмам), в которые входят в качестве их подсистем. Так, названия мяса с суф. *-ina*, т.е. ономасиолого-деривационная система (*haranina*, *jahňacina*, *kozl'acina* и т.п.), образует вместе с остальными аналогичными названиями (*hovädzie*, *bravčové*, *ryba*) ономасиологическую парадигму названий мяса.

Лексические единицы в группировках "гнездового" характера (т.е. тип а) не отличаются такой семантической однородностью, так как общность мотивирующего слова — не гарантия высокой степени семантической общности производных единиц. Такие группировки находятся на периферии корреляционных систем (по иным критериям могут выходить даже за их пределы). Тем не менее их следует в классификации учитывать, так как с сопоставительной точки зрения интересен способ изменения определенного значения по словообразовательным параметрам.

На периферий корреляционных лексических систем находятся и лексико-грамматические разряды слов в рамках отдельных частей речи. Эти разряды характеризуются определенными совокупностями семантических, словообразовательных и грамматических признаков (не обязательно всех трех сразу). Известно, что многие семантические признаки существительных влияют на характер реализации в них категории числа. В этом смысле в рамках appellативных существительных обычно выделяются такие лексико-грамматические разряды, как конкретные, абстрактные, вещественные, коллективные, парные, собирательные, уникальные и прочие существительные (Филипец, 1985, с. 79).

С сопоставительной словацко-русской точки зрения очень интересны словацкие наречия отношения (*zretel'ové príslovky*) на *-o* и *-e*, которые на русский переводятся с помощью описания "с точки зрения чего -л.", "в

отношении чего -л." (Коллар, 1974, с. 75). Именно таким образом передаются на русском словацкие наречия *telesne*, *kvalitatívne*, *finančne*, *karacitne*. Некоторые наречия *farebne*, *rozmernovo*, *vel'kostne* (*vyhovovať*'/nevuhovovať') — могут иметь другой функциональный эквивалент: по цвету, по размеру, по величине (подходить / не подходит).

Переходя к интеграционным лексическим системам, напомним, что по признакам МП и ПП они расчленяются на ономасиологические парадигмы и семантические поля. Эти системы конституируются на основе общего содержательного элемента, который можно назвать интеграционной базой.

Ономасиологические парадигмы (признак МП) разделяем вслед за И. Филиппом на одномерные и многомерные. Одномерные парадигмы — это структуры гипер-гипонимического типа (в широком смысле слова) с более или менее четко выраженным горизонтальным размером: одно родовое понятие (выраженное языковыми или концептуальными средствами) с рядом подчиненных единиц — гипонимов, взаимоотношения которых можно определить как когипонимические (Конецкая, 1984; Бланар, 1985). Сюда входят такие группировки как синонимический ряд с доминантой (выраженной языковыми или концептуальными средствами), разные типы антонимов (идентификатор всегда носит концептуальный характер), одномерные лексико-семантические группы, т.е. лексико-семантические ряды (глаголы с общим значением "работать по домашнему хозяйству"; *готовить*, *стирать*, *убирать*, *гладить* и т.п.).

Многомерные ономасиологические парадигмы это лексико-семантические группы со ступенчатой иерархической структурой. У них более или менее четко выражена вертикальная ось. Их можно разделить на денотативные (т.е. предметно-тематические ряды типа: названия жилищ, сосудов, мебели, транспортных средств, водоемов и т.п.) и сигнификативные (глаголы движения, говорения, чувства, параметрические прилагательные, наречия меры и т.п.).

Семантические поля (признак ПП) можно разделить на категориальные и ситуативно-коммуникативные семантические поля. Единицы категориальных полей группируются на базе признаков типа локализованность в пространстве, локализованность во времени, квантификация, дискретность, персональность и т.п. Напр., в поле персональности входят некоторые разряды местоимений, персональные существительные, названия лиц и персональные глаголы (глагольные наименования, обозначающие действие, производимое лицами или протекающее на лицах).

Интеграционной базой ситуативно-коммуникативных разрядов слов являются семы типа *путешествие*, *еда*, *образование*, *чувства*, *гостиница*, *транспорт* и т.п.

* * *

В сопоставительной лексикологии помимо сопоставления отдельных лексических единиц перспективным направлением считается сопоставление частных лексических систем. Одним из этапов такого исследования является установление эквивалентности лексий, входящих в данные

группировки (под лексией понимается моносемантическая лексическая единица, содержательную сторону которой образует семема).

Эквиваленты можно установить на основе: а) "готовых" единиц, входящих в лексико-семантическую систему, аналогичную с исходной (одноуровневый системный эквивалент);

б) "готовых" единиц, входящих в иную лексико-семантическую систему по сравнению с исходной (одноуровневый иносистемный эквивалент);

в) "искусственных" функциональных единиц типового характера;

г) "искусственных" функциональных единиц нетипового характера.

Для пары сопоставляемых лексических единиц роль *tertium comparationis* выполняет определенная совокупность семантических признаков. Роль *tertium comparationis* частных лексических систем выполняет определенная концептуальная структура. С точки зрения языкового оформления данного понятия важно соотношение плана содержания и плана выражения. Данное понятие в форме семы (или нескольких сем) может фигурировать в группировках, весьма разнообразных в структурном отношении. С этой точки зрения важной теоретико-методологической предпосылкой исследования является наличие типологии частных лексических систем. Такая типология служит базой для выбора однотипных объектов сопоставления, т.е. сравниваемая система должна иметь такой же статус, как исходная. С другой стороны, типология (представленная, например, в виде схемы) поможет нам увидеть избранную систему на фоне всей классификации и осознать характер ее связей с другими частными системами.

Итак, двумя важными теоретико-методологическими предпосылками сопоставительного изучения частных лексических систем считаем создание системно-функциональной типологии эквивалентов и создание типологии частных систем словарного запаса.

Примечания

Барнет В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.

Гудавичюс А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.

Денисов Н.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и в словаре. 1984.

Конецкая В.П. О системности лексики // ВЯ. 1984. № 1.

Конопелько Б. Русско-польские лексико-семантические отношения. (На материале семантического поля родства и отношений). Вроцлав, 1980.

Нещименко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словаобразования // Сопоставительное изучение ... русского языка ...

Супрун А.Е. Въпроси на типологичното съпоставяване на белоруската и българската лексика // Съпоставително езикознание. V (1980). 5.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.

Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.

Червенкова И. Некоторые проблемы семантического изучения лексики русского и болгарского языков // Годишник на Софийския университет "Климент Охридски", 77, Факултет по славянски филологии. Езикознание 1983.

Blanár V. Organizácia slovnej zásoby // Jazykovedný časopis. 36. 1985.

Filipec J. Úkoly vyplývající z konfrontace slovní zásoby dvou jazyků // Obsah a forma v slovenej zásobe. Br., 1984.

- Filipec J. Ke konfrontaci dílčích sémantických systémů v slovní zásobě dvou různých jazyků // Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů (Varšava 1973). Pr., 1973.
- Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie Pr., 1985. 281 s.
- Horecký J., Blandík V., Sekaninová E. Obsah a forma v slovnej zásobe. Bratislava, 1984.
- Kollár D. Špecifikum systémového opisu lexiky v konfrontačnom pláne // Československá rusistika. 19. 1974.
- Němec I. Jazykové stvárnění psychického odrazu skutečnosti v lexikální význam // Slovo a slovesnost. 41. 1980.
- Němec I. Syntagmatický přístup ke konfrontační sémaziologii // Slovo a slovesnost. 48. 1987.
- Sekaninová E. Význam lexikálnej jednotky z konfrontačného aspektu // Slovo a slovnsk. Bratislava. 1973.
- Sekaninová E. Z teórie, praxe a terminológie dvojjazyčnej lexikografie // Biuletyn Slawistyczny. Zeszyt 8. 1985.
- Sekaninová E. Východiská a ciele skúmania lexiky konfrontačnou a ekvivalentnou metódou // Slavica Slovaca. 23. 1988. Vel'ký slovensko-ruský slovník / Red. E. Sekaninová. III. Br., 1986.
- Vlček J. Porovnání slovní zásoby ruského jazyka se slovní zásobou českého jazyka. Pr., 1985.
- Zatovkaňuk M. Izomorfizmus v oblasti mezijazykových vztahů. (Jevy interferenční a kontaktní) // Příspěvky pro VIII mezinárodní sjezd slavistů (Záhřeb 1978). Pr., 1978.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Т.И. Вендина (*Россия*)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СУФФИКСА И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Бурное развитие сопоставительных исследований в последнее десятилетие вызвало к жизни множество идей по сравнительному изучению славянского словообразования. Среди них наибольшее признание получило сопоставление словообразовательных типов (см., например, работы М. Докулила, И.И. Ковалика, Г.П. Нещименко), словообразовательных категорий (З.М. Волоцкая, В.В. Лопатин, Р.С. Манучарян), словообразовательных гнезд (А.Н. Тихонов, Д. Шлоссар), словообразовательных значений (Е.С. Кубрякова, З.А. Харитончик) и др. В этом калейдоскопе идей и предложений оказалась незаслуженно забытой мысль о семантической функции суффикса как основе сопоставительных исследований, высказанная еще В. Дорошевским на I съезде славистов. Отсутствие должного внимания к содержательной стороне аффиксальных морфем объясняется, по-видимому, тем, что славянские языки, разойдясь лексически, сохранили практически без изменения основной корпус словообразовательных средств и их значений, в связи с этим внимание исследователей привлекали либо уникальные суффиксы, не имеющие соответствий в других языках, либо такие вопросы, как фонетическая и просодическая характеристика аффикса, его дистрибутивный ареал в зависимости от грамматической совместимости с производящей основой или от презентации предконечного и конечного ее компонентов (см., например, работы К. Михалевского, Г. Невёловского, Г.П. Нещименко). Большинство из них было направлено на выявление своеобразия в структурной функции суффикса, в то время как семантическая оставалась как бы в тени.

Между тем идея семантической функции суффикса как основы сопоставительных исследований имплицитно присутствовала уже в работе Р. Божковича "Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници" (1936), показавшего, что несмотря на единство словообразовательных средств славянских языков, в южнославянских языках оказалась по-разному реализованной семантическая функция некоторых общеславянских аффиксов, которые он с полным основанием называет функционально южнославянскими. Эта идея (в ее общем виде) легла в основу и монографии И. Лекова "Словообразователни склонности на славянските езици" (1958). Будучи как будто общепринятой, она, однако, не получила долж-

ного развития в настоящее время. Между тем в сопоставительных исследованиях (особенно строящихся по принципу "от формы к значению") она может привести к любопытным и весьма нетривиальным выводам.

Сложность реализации этой идеи и построения сопоставительных описаний, основывающихся на выявлении своеобразия в семантической функции аффикса, связана, по-видимому, с тем, что в современном языкоизнании только начала разрабатываться общая типология функциональных подходов к изучению языка, и ни в области семантики, ни в грамматике, ни в синтаксисе нет однозначного решения (об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что само понятие "функция" трактуется в широком диапазоне, и по-разному решаются такие вопросы, как функция и ее носитель, функция и семантика языковой единицы, объем функций и др.). В области словообразования наблюдается такая же картина. Некоторая неопределенность, размытость понятия "функция", смешение его с понятием "значение" аффикса или наоборот подмена им понятия "значение", когда аффиксу отказывается в значении, приводит к нечеткому пониманию природы и функций словообразовательных средств, на что неоднократно указывалось в литературе (см., например, работы Р.Г. Зятковской, И.Г. Милославского, С.С. Хидекель, И.А. Ширшова и др.).

С нашей точки зрения, "значение" и "функция" аффикса — понятия разные, хотя и имеющие точки пересечения. Если исходить из того, что аффикс является двусторонней единицей, обладающей формой и значением, то необходимо признать и его функциональную значимость, ибо, по известному определению А. Мартине, структура всегда подчинена функции. При этом под функцией аффикса следует понимать его целевое назначение, т.е. то, с какой целью и для чего он используется и что он может передать в отличие от других единиц номинации, тогда как под значением аффикса — компонент значения производного слова, передаваемый с помощью этого аффикса (см., например, работы Н.М. Шансского, Н.Г. Милославского, Е.С. Кубряковой, Р.С. Манучаряна, И.С. Улуханова и др.). Таким образом, функция и значение языковой единицы — это разные стороны ее существования.

Высказанная В. Дорошевским идея полифункциональности аффикса нашла свое дальнейшее развитие и конкретизацию прежде всего в работах польской лингвистической школы (не случайно именно здесь была впервые создана функциональная грамматика), а также в трудах советских ученых, в частности, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, Е.С. Кубряковой. Несмотря на некоторые расхождения в определении и понимании отдельных функций аффикса, общим для всех исследователей является признание того, что аффикс обладает структурной и семантической функцией. Структурная функция аффикса связана с его организующей ролью в слове, с его участием в создании новой языковой единицы. Она включает грамматическую (или морфологическую) и деривационную функции. Грамматическая функция аффикса определяется его использованием в качестве средства индикации частеречной принадлежности слова. Назначение суффикса в этой функции — маркировать слово с точки зрения его принадлежности к определенной части речи (или даже типу склонения, спряжения), например, суф. *-ač* во всех славянских язы-

ках является маркером сущ. муж. р. Деривационная функция связана с использованием аффикса в качестве средства, позволяющего преобразовать имеющуюся в языке основу и создать новую лексическую единицу. Поэтому именно деривационная функция "дает возможность увидеть ту же основу в другой перспективе, в одном из ее боковых освещений" (Винокур, 425). Суффикс в этой функции либо переводит слово в другой лексико-грамматический или лексико-семантический разряд (*ловкий* → *ловкач*, *хлеб* → *хлебница*) — так называемая транспонирующая функция¹, либо, завершая оформление слова, закрепляет его значение (пол. *strona* → *stronica*, рус. *нить* → *нитка*) — собственно-структурная функция. Если структурная функция аффикса связана с формой выражения значения, с той ролью, которую он играет в передаче грамматического и частично словообразовательного значения, то его семантическая функция обращена к самому значению производного (лексическому и словообразовательному), так как "она связывает значения и внеязыковые цели общения" (Бондарко, 32). Семантическая функция аффикса определяется его участием в формировании и передаче смысловых отношений, складывающихся между членами словообразовательной пары — производящим и производным. Она характеризуется ярко выраженной обращенностью к целевой установке говорящего: например, если потребуется образовать новое слово с общим значением "предмет" — вместо лице того, что названо мотивирующим словом", то в южнославянских языках будет выбран скорее всего суф. *-nic(a)*, а в западнославянских — суф. *-nik*. Семантическая функция также неоднoplanova. Она включает "реально-семантическую" и "экспрессивную" функции (по терминологии В. Дорошевского). Назначение аффикса в реально-семантической функции — быть классификатором, относящим слово к тем или иным классам слов, сходных в структурно-семантическом плане. Он используется не только для выражения отношений между значением производящей основы и семантикой создаваемого слова, но и для указания, к какому лексико-грамматическому и лексико-семантическому разряду относится слово. В связи с этим выделяются лексико-грамматическая и лексико-семантическая функция аффикса. Лексико-грамматическая функция связана с выражением им обобщенно-абстрактного значения производного слова (например, значения "предметности", "процессуальности", "адъективности"), лексико-семантическая — со специализацией аффикса для выражения более конкретных компонентов значения производного слова (она опирается на действующую в словообразовании, закрепленную традицией лексико-семантическую аналогию, проявляющуюся в существовании в языке разрядов слов, объединенных общностью суффиксальных морфем и передаваемых ими значений). Таким образом, аффикс в реально-семантической функции, будучи показателем лексического обобщения, выступает как своеобразный "лексический индикатор" (Dubois, 6), так как он может маркировать не только значения "предметность", "процессуальность", "признак", но и более конкретные — "лицо", "невзросłość", "женскость",

¹ Термин транспонирующая функция < лат. *transpōto* 'перемещать'. Эта функция присуща как мутационным, так и транспозиционным суффиксам.

"принадлежность" и т.д. Экспрессивная функция аффикса связана с его использованием для выражения отношения говорящего к обозначаемому (квантитативно-оценочная функция), а также для указания на стилистическую принадлежность слова (стилистическая функция).

Если структурную функцию суффикса можно условно назвать эволюционной, имеющей своей целью обогащение словарного состава языка, то семантическую функцию, как справедливо указывает А.Е. Супрун (100), — классификационной, направленной на его структурирование по морфемному составу.

В этом понимании функции и значения аффикса семантическая функция, строго говоря, не противопоставляется значению, а охватывает его, или точнее пересекается с ним. В этом смысле мы полностью разделяем точку зрения Р.А. Будагова (41), который убедительно показал (хотя и на другом материале), что функция стремится опереться на значение, а значение стремится наполнить содержанием функцию.

Структурная и особенно семантическая функции суффикса чрезвычайно многогранны и могут быть по-разному представлены в том или ином суффиксе. Однако если структурная функция во всех славянских языках будет выражаться у суффикса практически одинаково (и в этом отношении она особого интереса для сопоставительных исследований не представляет), то семантическая функция, напротив, выявит широкий спектр различий славянских языков (причем даже близкородственных). Это объясняется тем, что в семантической функции суффикса кроется больше всего таких словообразовательных различий, которые связаны с речевой практикой² и свидетельствуют об индивидуальном характере использования суффикса как своеобразного формального средства систематизации форм человеческого мышления. Поэтому именно семантическая функция позволяет обнаружить закрепленную традицией связь суффикса с реалиями материального мира и выявить своеобразие языков в наречении фрагментов мира (ср., например, названия нечистот: в слав. яз. их образование происходит чаще всего с помощью суф. -ak, а в в.-луж., чеш. и словац. яз. — суф. -ec). Подход к словообразовательным морфемам как к преломленным в языке через сознание человека характеристикам объективной действительности (Милославский, 45) позволяет установить определенную корреляцию (которая в разных языках будет несомненно различной) между той или иной тематической группой лексики и словообразовательным средством. В связи с этим представляется, что именно семантическая функция суффикса может служить надежным индикатором связей и отношений языков и дать реальную картину дифференциации славянского языкового мира.

Семантическая функция включает в себя несколько иерархически организованных уровней, каждый из которых создает основу для понимания другого. Для определения реально-семантической функции суффикса необходимо установить:

² Ср. в связи с этим замечанием М.В. Панова (146—147) о том, что семантика слова идиоматична: целое не является суммой слагаемых и обладает способностью выражать большее, чем его составные части и это "большее" идет от речевой практики и определяемого ею места слова в системе языка (см. также Н.С. Дмитриева, Л.М. Новикова, 160).

1) функциональный объем суффикса, т.е. его семантический диапазон, его способность к передаче разных типов словообразовательных значений, например, суф. *-nic(a)* в чеш., словац., макед. и болг. яз. используется как мутационный, транспозиционный и модификационный, а в остальных языках — как мутационный и модификационный, причем каждый из этих суффиксов обладает своим набором функций;

2) функциональную нагрузку суффикса, т.е. конкретную реализацию его реально-семантической функции, цель его употребления (определяется на основе количественного критерия, равного представленности суффикса в том или ином значении, например, мутационный суф. *-ak₁*, во всех славянских языках обладает значениями лица, предметности и места, однако в макед. яз. он используется главным образом как суффикс лица, в восточно- и западнославянских языках, а также в болг. — как суффикс лица и предметности, в слов. и с.-хорв.яз. — как суффикс лица, предметности и места;

3) реализацию значения суффикса: поскольку значение суффикса тесно связано и предопределется условиями его функционирования, то этот критерий направлен на определение характерной для суффикса сочетаемости с определенным типом основ в этом значении, например, мутационный суф. *-ak₁* во всех славянских языках участвует в образовании имен с общим значением лица, однако реализуется это значение у него по-разному: если в в.-лужиц. яз. он употребляется преимущественно для образования *nomina agentis*, т.е. сочетается прежде всего с глагольными основами (Γ_0), то в остальных языках — *nomina attributiva*, т.е. сочетается чаще всего с адъективными основами (A_0). С этим критерием тесно связана и характеристика словообразовательных связей суффикса как при образовании имен отдельных ЛСГ, так и в целом (для модификационных суффиксов этот признак не релевантен, так как они сочетаются с однотипным видом основ), например, мутационный суф. *-ač₁* во всех славянских языках (за исключением рус., белорус. и в.-лужиц.) сочетается преимущественно с Γ_0 , в рус. и в.-лужиц. — с субстантивными (C_0), в белорус. яз. при образовании имен со значением лица для него характерно сочетание с C_0 , а при образовании имен с предметным значением — с Γ_0 ; причем необходимо учитывать не только частеречную принадлежность основы, но и семантическую, так как это позволит выяснить расхождения в семантической совместимости производящей основы и аффиксальной морфемы, ср., например, реализацию деминутивного значения суф. *-ic(a)₃* в укр. яз., где он способен образовывать деминутивы от имен с абстрактным значением (*правдиця*, *душиця*), тогда как в рус. и белорус. яз. категории абстрактности и деминутивности не совместимы;

4) семантическую ориентацию суффикса при образовании имен определенных ЛСГ, т.е. выявить его "семантическую специализацию": устанавливается на основе повторяющегося семантического компонента в словах, объединенных данным суффиксом (В. Дорошевский (310) называл это выявлением "ситуативного значения суффикса", И.С. Улуханов (96) — "дополнительного семантического компонента", Р.С. Манучарян (94) — "функциональной специализации аффикса"). Семантическая ориен-

тация суффикса — это выражение его своеобразной "семантической конденсации": содержание аффикса обогащается, дополняется и конкретизируется за счет общих, повторяющихся семантических признаков производящих баз, с которыми он чаще всего сочетается" (Манучарян, 94). Поэтому определение семантической ориентации суффикса является дальнейшей конкретизацией его реально-семантической функции, но уже на уровне имен одной ЛСГ. Особенно ярко различия в семантической ориентации суффикса проявляются в параллельных образованиях, в которых тождество производящих основ как бы подчеркивает его индивидуальный характер, например, мутационный суф. *-ik₁* при образовании имен со значением лица во всех славянских языках дает в основном *nominā attributiva* и сочетается преимущественно с *A₀*, однако ориентирован семантически он по-разному: в восточнославянских языках он служит прежде всего для образования *nominā professionalia* (рус. *пищевик*, укр. *річковик*, белорус. *партавік*), в западнославянских, макед. и болг. яз. — названий лиц по качественно-оценочному признаку (пол. *nędzničk* 'негодяй', в.-лужиц. *krasnik* 'славный парень', чеш. *bídník* 'подлец', словац. *ohavník* 'мерзавец'; макед. *жалник* 'бедняга', болг. *мъръсник* 'мерзавец'), в слов. и с.-хорв. яз. — по качественному и качественно-оценочному (слов. *konjeník* 'всадник', *zoprník* 'отвратительный человек', с.-хорв. *crnuk* 'брюнет', *гадник* 'противный, омерзительный человек'); ср. также ориентацию суф. *-ik₁* и *-es₁* в восточнославянских языках: оба суффикса обладают значением лица, оба сочетаются преимущественно с *A₀*, однако если суф. *-es₁* ориентирован прежде всего на образование названий лиц по их принадлежности к месту (стране, городу), где они проживают (*австриец*, *ленинградец*), национальности (*японец*), общественным, идейным течениям, партиям (*толстовец*, *гегельянец*) и т.д., то суф. *-ik₁* — на образование *nominā professionalia*. Семантическая ориентация суффиксов усиливает действующую в каждом языке тенденцию к их максимальному разграничению не только в плане выражения, но и в плане содержания (ср., например, ситуацию в пол. яз. с суф. *-nik₁* и *-nic_{1(a)}* при образовании *nominā instrumenti*: если суф. *-nik₁* используется для образования названий сложных и точных инструментов, то суф. *-nic_{1(a)}* — названий станков: *mierník* 'измеритель', *wiertnica* 'буровой станок');

5) емкость семантического поля (СП) суффикса: необходимо выявить набор и число ЛСГ имен, образуемых с помощью этого суффикса, например, у мутационного суф. *-ak₁* самое емкое СП в слов. яз., где он участвует в образовании имен 12 семантических групп: предметной (названия предметов хозяйствственно-бытового назначения: *zidak* 'кирпич'; зоонимы: *ovčjak* 'овчарка'; фитонимы: *konsčák* 'конский щавель'; *nominā instrumenti*: *prebijak* 'пробойник'; названия пород: *peščenjak* 'песчаник'; названия нечистот: *gosjak* 'гусиный помет'; частей чаловеческого тела: *požirak* 'пищевод'; названия видов пищи: *rženjak* 'ржаной хлеб'; атмосферных и погодных явлений: *gornjak* 'горный ветер'), локативной (*kozjak* 'хлев для коз'), субъективной (лицо — носитель качественного (*mrvak* 'мерт-

вец') или процессуального признака (*ležak* 'лентяй'), названного мотивирующим словом) и самое маленькое в макед. яз. — 8 семантических групп: предметная (названия предметов хозяйствственно-бытового назначения: *врзак* 'связка'; зоонимы: *крмак* 'боров'; фитонимы: *жабјак* 'водяной мох'; помина *instrumenti*: *вијак* 'винт'; названия видов пищи: *првак* 'первач'; атмосферных явлений: *сињак* 'туман'), локативная (волчјак 'волчье логово') и субъективная (лицо — носитель качественного (*левак* 'левша') или процессуального (*просјак* 'нищий') признака);

б) иерархию суффиксов в зависимости от набора присущих им функций и емкости их СП: эти критерии являются как бы последней ступенью анализа семантической функции суффикса, так как позволяют выявить наиболее и наименее функционально нагруженные суффиксы и построить шкалу их функциональной нагруженности, например, в восточнославянских языках одним из наиболее функционально нагруженных является суф. *-k(a)*, а в южнославянских — суф. *-ic(a)*.

Следует отметить, что не все из перечисленных критериев обладают одинаковой диагностирующей силой при определении сходств и различий славянских языков. Вес критерия находится в прямой зависимости от его дифференцирующей способности: чем четче дифференциация языков, тем больше вес критерия, и наоборот, чем большую территорию он охватывает, тем его вес меньше. Так, например, такой критерий, как функциональный объем суффикса для близкородственных языков часто оказывается не релевантен (исследование ядра общеславянских архаичных суффиксов с элементом *-K-*, *-C-*, *-Č-* показало, что в восточнославянских языках каких-либо различий в этом плане не наблюдается, в западно- и южнославянских языках такая ситуация возникает с суф. *-ac*, *-nik*, *-ic(a)*), хотя в ряде случаев он все-таки "работает" и в близкородственных языках (ср., например, различия в функциональном объеме суф. *-ak* в южнославянских языках: если в слов. яз. он функционирует лишь как мутационный суффикс, то в с.-хорв., макед. и болг. яз. — как мутационный и модификационный; или суф. *-nic(a)* в западнославянских языках: в пол. и в.-лужиц. он известен в основном как мутационный и модификационный, тогда как в чеш. и словац. яз. — как мутационный, транспозиционный и модификационный), поэтому применение этого критерия позволяет выявить сходства и различия как между группами языков, так и между отдельными языками (ср., например, различия в функциональном объеме суф. *-nik*, который в восточнославянских языках выступает как мутационный и модификационный, а в западно- и южнославянских — как мутационный). То же можно сказать и в отношении таких критериев, как емкость СП суффикса, иерархия суффикса в зависимости от их функциональной нагруженности, которые также для близкородственных языков чаще всего не релевантны.

Значительно больше сходств и расхождений славянских языков выявляется при использовании такого критерия, как функциональная нагрузка суффикса. Если представить модель функциональной нагрузженности полифункционального субстантивного суффикса, то она будет выглядеть следующим образом: мутационный суф. *-x₁* служит для

образования имен с общим значением лица, предметности и места; транспозиционный суф. *-x₂* — для образования *nomina actionis* и *nomina abstracta*; модификационный суф. *-x₃* используется для образования феминативов, маскулативов, деминутивов, аугментативов, сингулятивов, *nomina collectiva*, имен со значением невзрослости. При наложении этой модели на субстантивные суффиксы с элементом *-K-*, *-C-*, *-Č-* выяснилось, что среди модификационных суффиксов нет ни одного, который бы полностью соответствовал этой модели; среди мутационных можно выделить лишь суф. *-ak₁*, который в двух языках — слов. и с.-хорв. — имеет полный набор функциональных нагрузок, так как используется как суффикс лица, предметности и места, распределение функциональной нагрузки у остальных суффиксов дает вариации по языкам: они могут функционировать либо как суффиксы лица (суф. *-ak₁* в макед. яз.; суф. *-ik₁* в юж.-сл. яз.; суф. *-nik₁* в укр., белорус., с.-хорв., макед. и болг. яз.), либо как суффиксы предметности (суф. *-k(a)₁* и *-ic(a)₁* во всех языках, суф. *-ač₁* — в в.-лузиц.), либо как суффиксы места (суф. *-nic(a)₁* в макед. и болг. яз.), либо как суффиксы лица и предметности (суф. *-ak₁* в вост.- и зап.-сл. яз., болг.; суф. *-ik₁* — в вост.- и зап.-сл. яз.; суф. *-nik₁* в рус., зап.-сл. яз., слов.; суф. *-ač₁* в укр., пол., чеш., словац., с.-хорв. яз.; суф. *-ec₁* — в зап.-сл. яз.), либо как суффиксы предметности и места (суф. *-nic(a)₁* в слов. и с.-хорв. яз.). Из транспозиционных суффиксов можно отметить лишь суф. *-ic(a)₂*, который также только в двух языках — пол. и слов. — полностью реализует максимальную модель функциональной загруженности транспозиционного суффикса, так как служит для образования *nomina actionis* и *nomina abstracta*, в остальных языках транспозиционные суффиксы употребляются преимущественно либо для образования *nomina actionis* (суф. *-ic(a)₂* в укр., чеш., словац., с.-хорв., макед., болг. яз.; суф. *-k(a)₂* во всех славянских языках; суф. *-ec₂* в чеш.; суф. *-nic(a)₂* в чеш., словац., макед., болг. яз.), либо — *nomina abstracta* (суф. *-ic(a)₂* в рус. и белорус. яз.).

Анализ функциональной загруженности этих общеславянских суффиксов показал, что за суффиксами, маркирующими принадлежность производного к сущ. муж. р., закрепляются, как правило, мутационный и модификационный тип словообразовательных значений, причем мутационные суффиксы служат прежде всего для образования имен с общим значением лица (вариации по языкам возникают при использовании их в предметном и локативном значениях), а модификационные суффиксы — для образования *nomina collectiva* и только два из них — суф. *-ik₃* и суф. *-ec₃* привлекаются для образования преимущественно деминутивов, редко имен со значением невзрослости. За суффиксами, маркирующими принадлежность производного к сущ. ж.р. (суф. *-k(a)*, *-ic(a)*, *-nic(a)*), закрепляются, как правило, мутационный, транспозиционный и модификационный тип словообразовательных значений, причем мутационные суффиксы употребляются прежде всего как суффиксы предметности (исключение составляют лишь болг. и макед. яз., в которых суф. *-nic(a)* известен в основном как локативный), тогда как значение лица у них

практически не получило развития. Объясняется это, по-видимому, тем, что все эти суффиксы являются также суффиксами "женскости", поэтому значение "лицо женского пола", находясь в известном смысле в "слабой позиции", как бы растворилось в общем значении женскости, и только тогда, когда они начинают использоваться для образования названий лиц общего или муж. р., значение лица получает у них развитие, ср., например, ситуацию с суф. $-ic(a)_1$ в с.-хорв. яз. или с суф. $-k(a)_1$ в рус. Транспозиционные суф. $-k(a)_2$, $-ic(a)_2$, $-nic(a)_2$ употребляются прежде всего для образования *nominum actionis*, поэтому здесь меньше всего наблюдается различий. Модификационные суф. $-k(a)_3$, $-ic(a)_3$, $-nic(a)_3$ во всех языках служат преимущественно для образования феминативов, а суф. $-k(a)_3$, $-ic(a)_3$, кроме того, деминутивов.

Значительные расхождения славянских языков выявляются и при рассмотрении их сквозь призму такого критерия, как реализация словообразовательного значения суффикса. Здесь практически каждый суффикс дает вариации по языкам, ср., например, реализацию значения лица суф. $-nik_1$: в рус., пол., в.-лужиц., чеш., словац. яз. он служит прежде всего для образования *nominum attributiva*, в остальных языках — *nominum attributiva* и *nominum agentis*; или предметности: в вост.- и зап.-сл. яз. (кроме пол.), а также в макед. и болг. он дает преимущественно *nominum attributiva*, в пол., слов. и с.-хорв. яз. он так же активно участвует в образовании *nominum agentis*. И только суф. $-ik_1$, $-ic(a)_1$ в любом из своих значений дают одинаковую картину, так как во всех языках они употребляются прежде всего для образования *nominum attributiva* (некоторым исключением является лишь с.-хорв. яз., в котором суф. $-ic(a)_1$ при образовании имен с общим значением лица активнее используется в *nominum agentis*, ср. *издајица* 'предатель', *родица*, *родилица* 'роженица', *налетица* 'задира', *дремалица* 'соня').

Однако больше всего расхождений славянских языков наблюдается в словообразовательных связях суффиксов и их семантической ориентации. Кажущаяся на первый взгляд прихотливость словообразовательных связей суффиксов при системном подходе к ним дает чрезвычайно интересную картину. Так, например, при образовании имен с общим значением лица суф. $-nik_1$ в зап.-сл. яз. и рус. сочетается чаще всего с C_0 , а в юж.-сл., укр. и белорус. яз. — с C и Γ_0 . Различия прослеживаются даже в пределах небольших ЛСГ: например, при образовании *nominum loci* суф. $-nik_1$ во всех языках (кроме пол.) присоединяется преимущественно к C_0 (в пол. — к C и Γ_0), однако единство это относительное, так как в с.-хорв., макед. и болг. яз. C_0 часто осложнены суф. $-ar$, ср. с.-хорв. *живинарник* 'птичник', макед. *пчеларник* 'пасека', болг. *ягодарник* 'огород, засаженный клубникой', что отличает их от остальных славянских языков, где подобный вид мотивации либо вообще отсутствует, либо встречается как единичный (ср. рус. *свинарник*, укр. *скотарник* 'скотный двор').

Особенно интересно сопоставление словообразовательных связей двух генетически родственных суффиксов. Оно позволяет проследить не только направление их эволюции, но и выявить типологическое сходство и различие языков. Так, в частности, развитие основных значений

мутационного суф. *-ač₁* во многом предопределялось его генетическими и словообразовательными связями с суф. *-ak₁*. Возникнув на базе суф. *-ak* (<*-*akъ*), он унаследовал от него и ряд значений (прежде всего лица и предметности), однако развитие их пошло в несколько ином направлении. Решающую роль здесь сыграло расширение словообразовательных связей суф. *-ač₁* за счет активного соединения с Γ_0 . Это привело к тому, что он начал последовательнее, чем суф. *-ak₁*, использоваться всеми славянскими языками (за исключением в.-лужиц.) для образования имен по процессуальному признаку (в в.-лужиц. яз. в этой сфере активно "работал" суф. *-ak₁*, поэтому развитие суф. *-ač₁* пошло по пути расширения его словообразовательных связей с именными основами, в частности с C_0 , отсюда преобладание *nomina attributiva* в именах с общим значением лица). Перераспределение словообразовательных связей в процессе исторического развития языков произошло и у суф. *-ik₁* и *-nik₁*, *-ic(a)₁* и *-nic(a)₁*: если для базовых суффиксов характерно, как правило, сочетание с A_0 , то для их производных — с C_0 (для суф. *-nik₁* в рус. и зап.-сл. яз. (кроме пол.); для суф. *-nic(a)₁* в вост.- и зап.-сл. яз., макед. и болг.) или с C и Γ_0 (для суф. *-nik₁* в пол. и юж.-сл. яз., укр., белорус.; для суф. *-nic(a)₁* в слов. и с.-хорв. яз.).

Анализ словообразовательных связей суффикса позволяет не только выявить дифференциацию славянских языков, но и предположить общее направление его дальнейшей эволюции, ср., например, ситуацию с суф. *-ač₁* в вост.-сл. яз.: в укр. яз. так же, как и в большинстве зап.- и юж.-сл. яз., развитие суф. *-ač₁* шло по пути расширения его словообразовательных связей с Γ_0 , отсюда его активное использование при образовании агентивных названий лиц (*викладач* 'преподаватель', *продовжувач* 'продолжатель', *споживач* 'потребитель') и *nomina instrumenti* (*оббрізкувач* 'опрыскиватель', *розплювач* 'распылитель', *стругач* 'скребок'); в рус. яз. — по пути расширения словообразовательных связей с C_0 , отсюда преобладание *nomina attributiva* в именах с общим значением лица (*бородач*, *силач*, *циркач*); промежуточное положение занял белорус. яз., в котором суф. *-ač₁* активно сочетается как с I_0 , особенно в именах с общим значением лица (*лабач*, *лаўкач*, *кудлач*), так и с Γ_0 (особенно в именах с предметным значением, где он используется чаще всего при образовании *nomina instrumenti* и зоонимов: *капач* 'лопата', *сякач* 'тряпка'; *крумкач* 'ворон', *пугач* 'филин'). Ситуация, сложившаяся в рус. и белорус. яз., сопоставление ее с общеславянской картиной развития словообразовательных связей суф. *-ač₁* позволяет предположить, что и в этих восточнославянских языках произойдет постепенное расширение словообразовательных связей суф. *-ač₁* за счет привлечения Γ_0 , о чем свидетельствуют появляющиеся уже сейчас новообразования типа рус. *дрыхач*, *пускач*, *портач*.

Различия в словообразовательных связях суффикса часто влекут за собой и различия в его семантической ориентации. Так, например, сочетание суф. *-ač₁* с C_0 в пол. и словац. яз. приводит нередко к образованию

названий лиц оценочного характера (ср. пол. *głowacz* ‘умница’, *pyskacz* ‘горлан’; словац. *bachráč* ‘брюхан’ *gambáč* ‘губошлеп’, оба *pejor.*, разг.) и наоборот — сочетание с Γ_0 ведет к образованию *nomina professionalia* (ср. пол. *dmuchacz* ‘стеклодув’, *pakowacz* ‘упаковщик’; словац. *odlievac* ‘литейщик’, *rezač* ‘резчик’). Часто эти два признака, накладываясь друг на друга, усиливают картину дифференциации славянских языков, ср., например, использование суф. $-k(a)_1$ при образовании *nomina loci*: если в вост.-сл. яз. он ориентирован на образование локативов преимущественно по процессуальному признаку — “место, где совершается действие” (рус. *зимовка*, *свалка*; укр. *порубка* ‘вырубка’, *вилазка* ‘лаз’; блр. *раздзявалка*, *разгародка* ‘разгороженное место’), т.е. сочетается преимущественно с Γ_0 , то в зап.-сл. яз. — по качественному, т.е. сочетается чаще всего с A_0 (пол. *glinianka* ‘глиняный карьер’; в.-лужиц. *křiwka* ‘поворот дороги’; чеш. *třešňovka* ‘черешневый сад’; словац. *vozovka* ‘проезжая часть дороги’).

Различия в семантической ориентации суффикса бывают иногда настолько существенны, что позволяют выявить расхождения языков при рассмотрении даже небольших ЛСГ, например, мутационный суф. $-ic(a)_1$ во всех славянских языках существует в образовании зоонимов, однако в вост.-сл. яз. он привлекается чаще всего для образования насекомых (рус. *древесница*, *острица*; укр. *гнойовиця* ‘навозница’, *склянцица* ‘стеклянница’; белорус. *макрыца*), в зап.-сл. яз. — название рыб (пол. *glowacica* ‘дунайский лосось’; в.-лужиц. *ćorpica* ‘сепия’; чеш. *bělice* ‘плотва’; словац. *ustrica*), в юж.-сл. яз. — птиц (слов. *grlica*, с.-хорв. *жутика* ‘овсянка’; макед. *еребица* ‘куропатка’; болг. *гривица* ‘сизый голубь’), причем нередко эти различия выявляются даже в близкородственных языках (ср., например, использование суф. $-nik_1$ при образовании фитонимов в зап.-сл. яз.: в пол. и в.-лужиц. яз. он ориентирован преимущественно на образование названий трав: пол. *glistnik* ‘чистотел’, *korytnik* ‘копытень’; в.-лужиц. *jatřobník* ‘ястребинка’, *próšnik* ‘пыльник’; в чеш. яз. — название деревьев: *kaštanovník* ‘каштан’, *citrónovník* ‘лимонное дерево’; в словац. яз. — трав и деревья: *krvavník* ‘кровохлебка’, *srdcovník* ‘сердечная трава’, *korkovník* ‘пробковый дуб’, *romarančovník* ‘апельсиновое дерево’).

Учет семантической ориентации суффиксов позволит не только скорректировать картину связей и отношений славянских языков, но и построить функциональную классификацию славянских словообразовательных формантов, отсутствие которой является все более ощутимым в связи с развернувшимися сопоставительными исследованиями. Более того, он поможет ответить на главный вопрос любой функциональной грамматики: для чего используется тот или иной аффикс, какую семантическую функцию он выполняет, ср., например, ситуацию в болг. яз., где при образовании имен с общим значением лица (*nomina attributiva*) суф. $-ik_1$ используется чаще всего в названиях лиц по качественно-оценочному признаку (*греховник*, *mrъсник* ‘грязнуля’), суф. $-nik_1$ — по предметному (*конник*, *къръжочник* ‘кружковец’), суф. $-ač_1$ — по профессиональному (*тамбурач*

‘музыкант, играющий на тамбуре’, *кърмач* ‘рулевой’), суф. *-ec₁* — по признаку территориальной и национальной принадлежности (*московец, арменец*), а также по качественно-оценочному признаку (*свадивец* ‘сварливый человек’, *хубавец* ‘красавец’) и т.д.; или в рус. яз., где при образовании имен с предметным значением суф. *-nik₁* ориентирован на образование преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения (*градусник, сошник*), суф. *-nic(a)₁* — названий предметов — вместилищ того, что названо мотивирующим словом (*песочница, сахарница*), суф. *-ac₁* — *nomina instrumenti* и зоонимов (*мягач, толкач; секач, дергач, горлач*) и т.д. Особенno показательно соотнесение семантической ориентации генетически родственных суффиксов, так как часто суффиксы, возникшие на базе других суффиксов, оказываются семантически более весомыми, чем их “родители”, их использование отличается более четкой “специализацией”, ср. употребление суф. *-ic(a)₃* и *-nic(a)₃* в феминативном значении: если суф. *-ic(a)₃* участвует в образовании названий самок и лиц женского пола (в том числе названий жены по мужу), то суф. *-nic(a)₃* — во всех славянских языках — только названий лиц (ср., например, в рус. яз.: суф. *-ic(a)₃* — *медведь ~ медведица; сплетник ~ сплетница, певец ~ певица, протопоп ~ протопопица*; суф. *-nic(a)₃*: *путник ~ путница, сводник ~ сводница*); или использование суф. *-ik₁* и *-nik₁* в локативном значении: если суф. *-ik₁* дает локативы по качественному признаку (причем в семантическом отношении это довольно неопределенная группа имен), то суф. *-nik₁* — чаще всего по предметному (причем семантика этих имен во всех славянских языках имеет уже четко выраженный характер: как правило, это названия мест, где находится то, что названо мотивирующим словом), ср. суф. *-ik₁* — рус. *омшаник, тайник*; укр. *потайник* ‘подземный ход’, *цілик* ‘целина’; словац. *skleník* ‘теплица’; с.-хорв. *стареник* ‘старое русло реки’, *леденик* ‘ледник’; суф. *-nik₁* — рус. *коровник, телятник*; укр. *голубник, курчатник*; словац. *prasačník* ‘поросятник’, *senník*; с.-хорв. *хмељник* ‘поле, засаженное хмелем’, *цвећарник* ‘цветник’).

При анализе семантической функции суффикса необходимо учитывать не только реально-семантическую, но и экспрессивную функцию, в частности, квантитативно-оценочную и стилистическую, поскольку они также выявляют языковые различия, ср., например, использование деминутивного суф. *-k(a)₃* при образовании экспрессивов от имен собственных: если в вост.-сл. яз. эти образования имеют, как правило, оттенок грубоватости или пренебрежительности (ср. рус. *Танька, Ванька*), то в зап.-и юж.-сл. яз. им свойственна экспрессия ласкательности (ср. пол. *Baśka, Mirka*; чеш. *Mářenka, Žofka*; в.-лужиц. *Marka, Milka*; слов. *Nežka, Zalka*; с.-хорв. *Анка, Јулка*; болг. *Ганка, Тодорка*); о различиях в стилистической функции суффикса свидетельствует, например, использование суф. *-ak₁* при образовании имен с общим значением лица: в зап.-сл. яз. (за исключением в.-лужиц.) и болг. он дает стилистически окрашенные образования, поскольку функционирует в основном в разговорной речи (ср. пол. *chudziak* ‘хилый человек’; чеш. *sprost'ák* ‘грубиян’; словац. *hniliak* ‘лентяй’; болг.

ицурак 'сумасброд'), в в.-лужиц. и юж.-сл. яз. (за исключением болг.) — стилистически нейтральные (ср. в.-лужиц. *cōrnak* 'брюнет'; слв. *mrtvák* 'мертвец'; с.-хорв. *особењак* 'чудак'; макед. *имењак* 'тезка'), ситуация в вост.-сл. яз. неоднозначная. Вместе с тем следует отметить, что установление реальной картины связей и отношений славянских языков на основе этих функций суффиксов чрезвычайно затруднено тем обстоятельством, что данные словарей славянских языков оказываются практически непригодны для этих целей. Причина не только в ограниченности включения материалов, носящих экспрессивно-оценочный или стилистически окрашенный характер, но и в разнобое помет, дающих оценку тому или иному образованию. В результате нередко возникает ситуация, когда одно и то же слово квалифицируется, например, то как уменьшительное, то как уменьшительно-ласкательное, то как ласкательное (ср. в Академическом четырехтомном словаре русского языка слово *супец* имеет пометы *разг., ласк.*, а в словаре С.И. Ожегова — *прост., уменьш.*; или слово *морозец* — соответственно *уменьш.-ласк.* и *уменьш.*). Кроме того, при определении конкретного значения оценочного слова необходима опора на контекст, который, как правило, в словарях отсутствует. Без контекста определение семантической ориентации суффикса в экспрессивно-оценочных образованиях сопряжено с большими трудностями и может быть чревато ошибками. Поэтому анализ экспрессивных функций словообразовательных средств должен проводиться либо на основе монографических исследований, либо на основе личных наблюдений и разысканий автора.

Изложенные выше соображения свидетельствуют о том, что учет семантической функции аффиксов позволяет выявить схождения и расхождения славянских языков и представить их территориальную дифференциацию. Это доказывает возможность и целесообразность привлечения данного критерия для решения проблем, связанных с членением микро- и макроязыковых территорий. В пользу этого свидетельствует также и тот факт, что аффиксы обладают устойчивостью и воспроизведимостью, а главное — способностью сохранять "этимологическую память слова" (Григорян, 59), передавая ее от поколения к поколению и воспроизводя при создании нового слова. Эта стабильность аффиксов, исчислимость их значений и функций, способность хранить опыт человека, маркируя слово с точки зрения его принадлежности к определенному лексико-семантическому и лексико-грамматическому разряду, делает их надежными квалифиликаторами сходств и различий славянских языков.

В заключение отметим, что картина схождений и расхождений славянских языков будет более полной, если учитывать также такие признаки, как дистрибуция аффиксов и словообразовательных основ в словообразовательно-семантических полях, деривационные потенции основ и др. Однако эти параметры могут быть введены при условии решения задач первого уровня, а именно: при условии выявления семантической функции каждого аффикса, что поможет не только определить его роль и место в словообразовательной системе того или иного языка, но и рассмотреть его в более широком контексте — в связи с духовно-практической деятельностью человека, его сознанием и мышлением.

Литература

- Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками (романский лингвистический ареал). М., 1985.
- Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Григорян А.Г. Некоторые проблемы системного и методического изучения лексики и семантики // ВЯ, 1983, 4.
- Дмитриева Н.С., Новикова Л.М. К вопросу о компонентах семантики отлагольных существительных // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.
- Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej, W-wa, 1963.
- Dubois J. Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporaine. Paris, 1962.
- Манучарян Р.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981.
- Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- Улуханов И.Г. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Панов М.В. О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ. 1956. Т. 51. В. 5.
- Супрун А.Е. Дуализм словообразования, диахрония и синхрония // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.

Г.П. Нещименко, Ю.Ю. Гайдукова (Россия)

К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Настоящая статья посвящена рассмотрению проблемы выработки типа словообразовательного описания. Нет необходимости специально аргументировать теоретическую и практическую значимость поставленной проблемы, поскольку любой исследователь-дериватолог, независимо от того, с каким материалом он работает, так или иначе сталкивается с ней на практике, пытаясь найти ее оптимальное решение. К сожалению, при выборе критериев описания языкового феномена авторы словообразовательных штудий зачастую поступают эмпирически. Это снижает результативность научного поиска, затрудняет детальную прорисовку языковой картины. В силу этого не всегда удается составить адекватное представление об основных параметрах словообразовательного явления. Сказанное серьезно мешает развертыванию сопоставительных исследований, поскольку результаты конкретных описаний нередко оказываются несводимыми, в них имеется немало трудно восполнимых лакун. Трудности создает и отсутствие единообразного подхода к определению статуса словообразовательного средства в деривационной системе языка. Нередко исследователи одного и того же языка по-разному оценивают степень продуктивности идентичных словообразовательных формантов. Последнее обстоятельство весьма существенно, поскольку при сопоставительном изучении не всегда есть возможность охватить собственными силами весь разнозычный материал, поэтому какие-то данные приходится "брать на веру", полагаясь на чужую интерпретацию. В силу этого совершенствование методики лингвистического описания, в том числе и сопостави-

тельного, приобретает особую значимость. В предлагаемой вниманию читателя статье мы постараемся внести посильный вклад в ее разработку, основываясь на материале сопоставительного изучения именного словообразования ряда славянских языков.

Из широкого круга вопросов, охватываемых данной темой, нами была выделена конкретная задача — отработка и апробация на широком и, по возможности, разнообразном языковом материале одной из моделей изучения и описания словообразовательной категории (далее — СК). Отдавая себе отчет в сложности стоящей перед нами проблемы, мы отнюдь не претендуем ни на ее окончательное решение, ни на исчерпывающее освещение. Мало того, не исключено, что некоторые из высказанных ниже соображений покажутся спорными. Так или иначе, мы стремились к тому, чтобы предлагаемый тип словообразовательного описания имел достаточно широкий спектр применения, т.е. мог быть использован как на материале одного языка (в том числе и при его синхронно-диахронном рассмотрении), так и при сопоставительном изучении близкородственных языков. Важным представлялось и то, чтобы применение этого подхода позволило выявить правила системной организации СК, а также специфику ее функционирования.

По своему замыслу настоящая работа во многом носит экспериментальный характер. В ней будет апробироваться тип описания СК, примененный в свое время при изучении деминутивов в истории чешского литературного языка, основывающийся на внутриязыковой конфронтации различных синхронных срезов (Нещименко 1980). При этом для нас было важно проверить, "работает" ли использованная нами методика в новых условиях и, следовательно, имеет ли она в известной мере универсальную значимость или же носит характер всего лишь частного исследовательского приема.

Следует отметить, что тип словообразовательного описания в зависимости от характера поставленных задач варьируется. Так, при синхронном монографическом описании отдельно взятого языка важна более детализированная словообразовательная характеристика, содержащая подробный анализ дистрибуции формантов, строения производящей основы, механизмы морфонологической адаптации, т.е. всего того, что существенно для выработки алгоритма порождения слов. Сопоставительное изучение предполагает корректировку значимости некоторых параметров описания или даже их селекцию. Акцент смещается на основные системно-функциональные закономерности изучаемого феномена. Иными словами, необходимо как бы развинуть поверхностный слой языковой материи, отвлечься от фактов формального сходства и частных характеристик и сосредоточить внимание на глубинных системно-функциональных закономерностях, которые в конечном итоге и составляют основной предмет сопоставительного изучения близкородственных языков. В этой связи чрезвычайно важно, чтобы исследователь, независимо от того, на каком языковом феномене он остановил свой выбор, с самого начала руководствовался единой методикой и единой программой научного поиска. Решающую роль в этом отношении играет выработка адекватной

рабочей модели рассматриваемого языкового феномена. Прокомментируем термин "рабочая модель", поскольку он не имеет длительной традиции употребления.

Под рабочей моделью мы имеем в виду своего рода ориентационную сетку, выполняющую установочную функцию и делающую сопоставление целенаправленным. По сути дела, это набор системно-функциональных признаков, релевантных для исследуемого феномена, который в соответствии с нашей концепцией выявляется в результате предварительного обследования (в идеальном случае — синхронно-диахронного) одного из сопоставляемых языков. Желательно, разумеется, чтобы в качестве исходного использовался такой язык, в котором рассматриваемый феномен отличается наибольшей представленностью. В этом случае ориентационная сетка будет наиболее густой, с наибольшей заполненностью ячеек. Это позволит сделать более целенаправленным поиск функциональных эквивалентов в других языках. Так, например, для сопоставительного изучения феминативов и деминутивов в качестве исхода целесообразнее всего использовать данные чешского языка, поскольку в нем упомянутые СК получили наибольшее развитие. Следует заметить, что чешский язык вообще имеет особую значимость для изучения деривационных закономерностей, поскольку, как известно, он характеризуется активным использованием возможностей словообразования. Сказанное, разумеется, не означает, что ориентационная сетка, моделируемая на материале одного языка, должна насилиственно накладываться на другие языки. Это могло бы привести лишь к искажению языковой картины, тем более, что соблазн экстраполяции речевых навыков и представлений исследователя на сополагаемые иноязычные феномены при сопоставлении близкородственных языков особенно велик.

В отличие от ряда исследователей мы не склонны интерпретировать рабочую модель как некую теоретико-множественную модель, — последняя может быть сформирована лишь в итоге сопоставления как финальная корректировка исходного образа, вобравшая в себя широкий спектр иноязычных реализаций.

Следует сделать еще одно уточнение: говоря о сопоставительном анализе, мы в дальнейшем, как правило, будем иметь в виду межъязыковую конфронтацию. Вместе с тем аналогичная методика может быть использована и при внутриязыковой конфронтации. В первом случае речь идет о соположении изофункциональных феноменов на горизонтальной (пространственной) оси; во втором — на оси временной (вертикальной). Сополагая на вертикальной оси разновременные синхронные срезы одного и того же языка, мы можем наблюдать историческую динамику языковых состояний, выявить внутриязыковые универсалии. При горизонтальной проекции мы рассматриваем как рядом расположенные различные языки, устанавливая тем самым межъязыковые сходства и различия. При этом в силу неравномерности темпа развития близкородственных языков можно наблюдать различные фазы протекания одних и тех же языковых процессов (Нещименко 1983, 49), т.е. фиксировать совмещенную во времени диахронию.

В связи с тем, что в последующем речь пойдет о выработке типа описания СК, нельзя не заметить, что данное понятие принадлежит к числу часто упоминаемых в деривационной литературе. Вместе с тем, как это ни парадоксально, оно вообще не используется в таких фундаментальных описаниях, как, к примеру, словообразовательные разделы академических грамматик русского языка (Грамматика; Русская грамматика). В целом создается впечатление, что данное понятие нередко лишь декларируется, но не "работает", т.е. не становится действительным атрибутом деривационного описания. Обращает на себя внимание и противоречивость имеющихся дефиниций СК, а главное — их расплывчатость. Так, в Грамматике современного польского языка (Gramatyka, 327) СК определяется как "класс слов с общим категориальным значением" (характер этого значения не уточняется — в качестве иллюстрации приводятся названия результатов деятельности, названия субъектов деятельности, названия деятельности и т.п.). Сходным образом определено это основное словообразовательное понятие у Р. Жегорчиковой; спр.: "класс слов, имеющих то же самое категориальное значение" (Grzegorczykowa, 23—24). Многие ученые, в том числе и З.М. Волоцкая, определяют СК как "совокупность производных, характеризующихся наличием общего семантического компонента" (Волоцкая, 38). Предложенные трактовки, на наш взгляд, недостаточно конкретны. Кроме того, в их основе находится не словообразовательный, а семантический признак, хотя более логично было бы ориентироваться на показатели, релевантные для словообразовательной системы.

Большое распространение в литературе получило расширительное толкование СК, в соответствии с которым рамками данного понятия охватываются номинации, произведенные посредством различных способов словообразования. Этой позиции придерживается, например, В.В. Лопатин (Лопатин, 51). Аналогичную точку зрения высказывает Р.С. Манучарян, полагая, что СК целиком покрывает словообразовательную зону того или иного номинационного поля, вбирая в себя ряды производных с разными формантами и разными способами словообразования (Манучарян, 54—55).

В чешской лингвистике предпочтение отдается суженной интерпретации СК, опирающейся на концепцию, предложенную М. Докулилом в его основополагающем труде (Dokulil). Согласно этой точке зрения СК, помимо прочего, базируется на тождестве способа словообразования.

Не считая возможным оспаривать ту или иную интерпретацию, тем более, что речь идет о конвенциональном понятии, заметим лишь, что суженная интерпретация, на наш взгляд, предпочтительнее, поскольку она открывает больший оперативный простор для исследователя, делает описание более информативным, приближенным к языковой конкретике.

Уточняя нашу интерпретацию СК, заметим, что это — одно из важнейших понятий деривационного синтеза. По своей сути СК представляет собой обобщенную деривационную схему, являющуюся следующим шагом абстракции по отношению к словообразовательному типу (далее — СТ). Так, если конституирующему признаком СТ является идентичность: а) частичной принадлежности производного слова; б) се-

мантического отношения к производящему слову; в) способа словообразования и форманта (Mluvnice češtiny, 221), то у СК элиминируется конкретная материальная манифестация форманта, в то время как его классификационная принадлежность (в нашем случае — суффикс) и способ словообразования (деривация) остаются без изменений. Тем самым СК представляет собой множество однопорядковых изофункциональных (т.е. наделенных идентичной словообразовательной функцией, реализованной в идентичном словообразовательном значении¹) СТ, являющихся ее системообразующими компонентами.

В соответствии с этой интерпретацией СК принадлежит к числу гомогенных, а не гетерогенных, как при расширительном толковании, макросистем. Это обстоятельство, на наш взгляд, весьма существенно, поскольку оно вводит СТ в контекст себе подобных, однородных феноменов и, следовательно, дает возможность наблюдать их взаимодействие труг с другом, конкуренцию и т.п., т.е. внутреннюю динамику. Заметим, что при характеристике СК детализация лексико-грамматической (а тем более словообразовательной) характеристики производящей основы имеет вторичное, подчиненное значение. Так, например, рамками СК "суффиксальные дериваты со значением места" (*Nomina loci* — далее NL) охватываются производные от существительных, глаголов, объединенные тождеством значения ономасиологического базиса ("место"). Разведение дериватов по разным категориям в зависимости от частеречной характеристики основы (при сохранении тождества словообразовательного значения, например, "место, где"), как это делается в академической грамматике русского языка или же в Грамматике современного польского языка, не представляется нам удачным. Более приемлемо, на наш взгляд, решение, принятое чешскими и словацкими лингвистами (*Tvoření slov v češtině; Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*).

Мы полагаем также, что в рамках одной и той же СК следует рассматривать и факты альтернативных мотивировок — имеется в виду параллельное соотнесение одних и тех же дериватов с различными мотивирующими лексемами. По нашему мнению, значимость этого явления исследователями недооценивается, хотя в нем заложен один из важнейших импульсов языкового развития, приводящий в ряде случаев к перестройке СК (подробнее см. ниже).

СК является пересечением сложных взаимосвязей, позволяющих ее рассматривать под разными ракурсами. Так, набор СК составляет каркас общей деривационной системы языка, в которую они входят в качестве системообразующих подсистем. Вместе с тем СК является составной частью и такого сложного и неоднородного понятия, как ономасиологическая категория, отличающаяся гетерогенностью средств ее языковой реализации.

Несмотря на то, что между ономасиологической категорией и ее

¹ Мы не можем согласиться с Ю. Балтовой в том, что "словообразовательным значением нагружен только тип: а не отдельное производное слово" (Балтова, 7). Словообразовательное значение, присущее СТ, не возникает на пустом месте, оно куммулирует в себе словообразовательное значение, присущее соответствующим дериватам.

деривационной реализацией обычно устанавливается однозначное соответствие, т.е. одной ономасиологической категории соответствует одна СК, тем не менее вполне допустимым является и использование разных способов словообразования. В этом случае деривационный ареал ономасиологической категории покрывается несколькими СК. Так, у деминутивов представлена одна СК, объединяющая множество суффиксальных СТ с формантами *-фk-*, *-ík-*, *-фc-* и т.п.: у парных феминативов (*Nomina mota* — далее NM) это суффиксальные СТ с формантами *-фk-*, *-уn (ě)*, *-kyn (ě)*, *-ic (e)* и т.д. У прилагательных со значением интенсификации признака — две СК: суффиксальные деадъективы (рус. *тоненький*; чеш. *teponíký*); префиксальные деадъективы (рус. *сверхтонкий*, *архиопасный*; чеш. *superjetný*, *přemilý*, *roztomilý*); у прилагательных со значением ослабленного признака — три СК: префиксальные деадъективы (продуктивны в южнославянских языках), суффиксальные и префиксально-суффиксальные деадъективы (*Нещименко* 1968; 1983, 68). У NL, помимо суффиксальной СК, используется также субстантивация (наиболее продуктивна в русском языке; ср.: *шишлычная*, *рюмочная*, *сосисочная*, *закусочная*, *пельменная*, *пирожковая*, *ординаторская*, *профессорская*, *операционная*, *бойлерная* и пр.). В чешском языке в этой функции используется суффиксальная деривация: *sesterma*, *sborovna* и т.д. В чешском языке субстантивация с исключительной регулярностью применяется, например, при образовании таких лексических разрядов, как названия различного рода платежей; ср.: *bolestné*, *doporučné*, *vodné*, *plážovné*, *konferenční*, *jízdné*, *zdržné*, *ošetřovné*, *nálezné*, *skladné*, *špinavostní*, *stojné*, *všimné*, *zápisné*; ср. также рус. *чаевые*, *сурточные*, *командировочные* и пр.).

В настоящей работе к исследованию привлечено семь суффиксальных СК, манифестирующих ономасиологические категории *Nomina agentis* (далее — NAg), *Nomina actoris* (— далее NAct), *Nomina attributiva* (далее — NAT), *Nomina loci*, *Nomina mota*, *Nomina deminutiva et meliorativa* (далее — ND), *Nomina essendi* (далее — NEs).

При отборе СК мы стремились к тому, чтобы их состав был, по возможности, более широк и разнообразен. В своем большинстве рассматриваемые СК принадлежат к магистральным путям номинации, т.е. для них характерно интенсивное лексическое обновление, наряду с высокой фреквенцией в речи, что в совокупности предопределяет ускоренное протекание ряда важных языковых процессов. В первую очередь это относится к NAct, в состав которых доминирует пласт профессиональных обозначений. Общественная потребность в обозначениях различного рода производственных помещений стимулирует и прирост лексики в NL. В современных славянских языках отмечается значительная активизация NEs (особенно от относительных прилагательных, существительных; ср.: *международность*, *дурновкусие*, *самонаградность*, *октябрьскость*, *аппаратное держиморство* и т.п.).

Наряду с СК, проявляющими стабильную активность в истории языка, нами рассматриваются и такие, лексическая активизация которых отно-

сится к сравнительно недавнему времени и проявляется неравномерно в различных славянских языках. Мы имеем в виду в первую очередь NM, прирост которых стимулировался потребностью в обозначениях лиц женского пола (прежде всего по профессии, титулу, званию и т.п.). Образование и употребление данной лексики в ряде языков, в частности, польском и русском весьма регламентируется нормативными запретами. Неравномерно используются и возможности деминутивного словоизводства. Так, например, в чешском языке и феминативы, и деминутивы практически являются открытыми системами — в отношении других языков из числа нами обследованных этого утверждать нельзя.

Выбранные для анализа СК представляют собой все три типа ономасиологических категорий: мутационные (NAg, NAct, NAt, NL), модификационные (NM, ND), транспозиционные (NEs). По характеру ономасиологической структуры (*DokuliI*, 29) данные СК также разнотипны. В их числе выделяются, в частности: а) СК, у которых при обозначенном мотиве отсутствует ономасиологическая связка. Иными словами это СК с простым ономасиологическим признаком; ср.: NAg, NAt (*читатель* 'тот, кто читает', *ленивец* 'тот, кто ленив'). По польской терминологии (*Gramatyka*), это одноаргументные структуры предикативного и атрибутивного типа, у которых как предикат, так и атрибут находятся в поверхностной структуре; б) СК, объединяющие дериваты со сложным ономасиологическим признаком, у которых обозначен мотив, в то время как связка выявляется лишь при их лексической интерпретации и находится в глубинной структуре. В соответствии с польской терминологией это двуаргументные структуры (субстанция в отношении к другой субстанции); ср. NAct *houslista* 'человек, который (играет) на скрипке', *houslar* 'человек, который (делает) скрипки'; *газовик* 'человек, который (добывает) газ (занимается добывкой) газа', *газовщик* 'человек, который (обслуживает) газовые аппараты'; в) особое место занимают NL, которые, будучи комплексной, в своем роде сквозной категорией, сочетают в себе как одноаргументные дериваты предикативного типа, с предикатом в поверхностной структуре; ср.: *пекарня* 'там, где пекут (хлеб)' (тип "а"), так и двуаргументные структуры со скрытым предикатом; ср.: *kotelna* 'там, где (находятся) котлы', *kotlátna* 'там, где (производятся) котлы'.

Спецификация анализируемых СК может быть проведена и при учете иных параметров, например, частеречной характеристики производящей лексемы; ср.: девербативы (NAg, часть NL), десубстантивы (NAct, часть дериватов из NL, NEs), деадъективы (NAt, NEs); по функции суффикса (субъектное значение — NAg, NAct, NAt; объектное NEs; конкретизированное модификационное значение — NF, ND, NM). Более частные спецификации нами опускаются.

Настоящее исследование выполнялось на материале ряда славянских языков: чешского, русского, болгарского, сербохорватского (отчасти проводились параллели с польским и словацким языками). Выбор двух южнославянских языков мотивировался тем, что по ряду параметров они дают несколько отличную картину. Интерпретация языкового материала

проводилась с учетом структурно-семантических взаимосвязей, существенных для носителей современного языка.

Следует отметить, что лишь две из перечисленных СК были нами предварительно обследованы монографически, причем в синхронно-диахронном аспекте (NM, ND). Это было выполнено на материале чешского языка. Кроме того, обе названные категории были изучены (также монографически, но в основном на современном синхронном срезе) в сербохорватском языке. Что касается других категорий, то мы использовали результаты исследований ряда ученых, по мере возможности дополняя их собственными эксперциями из русского, чешского и сербохорватского языков.

Учитывая ограниченность объема статьи, а также специфику ее целевой установки, мы не рассматривали анализируемы СК по отдельности — эта часть исследования была выполнена в рабочем порядке и в основном осталась "за кадром". Вниманию же читателей будут предложены результаты целевого зондирования СК.

Предлагаемый ниже подход к описанию СК основывается на применении принципов системного анализа, поскольку СК нами понимается как гомогенная макросистема, объединяющая множество изофункциональных СТ. В связи с этим при описании СК мы ориентировались на единую программу, предусматривающую решение следующих задач: выявление строевых компонентов СК; установление правил внутренней организации СК, в частности, иерархической упорядоченности входящих в ее состав строевых компонентов; рассмотрение динамических тенденций в СК; исследование места СК в общем контексте деривационной системы и, в частности, в аспекте ее взаимодействия с другими СК, а также параллельными структурами, имеющимися в других языках и формах существования данного этнического языка.

Как видим, речь идет о принципиально важных характеристиках, касающихся специфики строения и функционирования СК.

Рассмотрим названные аспекты.

I. Строевые компоненты СК

В свете изложенного выше понимания СК мы рассматриваем в качестве ее строевых компонентов СТ, скрепленные тождеством словообразовательного значения и идентичностью классификационной принадлежности форманта.

Исследуемые нами СК (за исключением ND) реализуются в виде однофазных деривационных цепочек. Это значит, что каждый, последующий шаг в развертывании линейного ряда знаменует собой появление нового словообразовательного значения, т.е. новой фазы; ср.: *учить > учитель > учительница; глупый > глупец > глупышка; бодрый > бодрость* и т.п. Выход за пределы линейного сегмента сопряжен с изменением категориального словообразовательного значения и, следовательно, с переходом в иную СК. Тем самым в рамках СК объединяются однотипные линейные сегменты; ср.: *учить > учитель, читать > читатель;*

носить > носильщик, голосовать > голосовальщик и пр. (NAg); глупый > глупость; синий > синева (NEs); глупый > глупец; бодрый > бодряк (NAt) и т.п. Совокупность однородных линейных сегментов, скрепленных тождеством форманта, составляет СТ; совокупность деривационных фаз, характерных для той или иной лексемы, являющейся начальной точкой линейного ряда, охватывает допустимые для нее словообразовательные трансформации (словообразовательная парадигма), где численность фаз зависит от структурно-семантических свойств исходной лексемы, а также наличного инвентаря словообразовательных формантов.

Линейное развертывание деривационных цепочек и связанная с этим взаимовыводимость фаз не исключает возможности альтернативного членения структуры производного слова, основывающегося на одновременном соотнесении его с несколькими (обычно двумя) мотивирующими лексемами. Так, учительница одновременно может быть соотнесено с учить и учитель, обходчик — с обходить и обход и т.д. Смена мотивирующего, как правило, влечет за собой изменение категориального словаобразовательного значения: при глагольной мотивировке учительница, обходчик квалифицируются как NAg, при субстантивной (учитель, обход) — соответственно как NM и NAct. За исследователем, разумеется, остается право выбора одной из альтернативных мотивировок как наиболее предпочтительной. Иначе обстоит дело с ND, у которых с помощью средств словообразования может фиксироваться градация степени проявления оценочного признака при сохранении тождества категориального значения оценки; сп.:

дом — домок — домочек
—
домшка — домишечка

Набор фаз линейного ряда, равно как и его боковых ответвлений, строго не регламентируется, однако для большинства славянских языков появление деривата с модификационным значением замыкает цепочку. Сказанное, впрочем, не вполне соблюдается в сербохорватском языке, где допустимы образования типа *робиња* > *робињица* (т.е. двойная модификация: NM > ND).

Из определения СК как множества СТ, однако, не следует, что ее деривационный ареал равняется сумме дистрибутивных ареалов соответствующих формантов. В этом случае отмечаются следующие ситуации: а) полное разграничение дистрибуции формантов; б) частичное пересечение дистрибутивных сфер при варьировании величины зоны пересечения формантов; в) полное совмещение или же перекрывание дистрибутивных сфер формантов — данная ситуация сигнализирует избыточность форманта.

Распределение формантов внутри СК регулируется действием ряда факторов, в числе которых важную роль играют дистрибутивные параметры основ и суффиксов, их комбинаторная совместимость. Заметим, что анализ исследуемого материала подтвердил правомерность комбинаторных закономерностей, выявленных для ND в чешском языке (Нешименко 1980; 1981). Это касается, в частности, применения понятия

контактная зона основы (далее — КЗ). Напомним, что под КЗ имеется в виду финальный сегмент основы, т.е. ее предконечная и конечная фонемы, наиболее близко примыкающие к суффиксу при их сцеплении. Именно в КЗ регистрируются и морфологические чередования, сигнализирующие смыкание основы и суффикса. На основе манифестиации КЗ и зачина суффикса осуществляется их классификация.

Выделяются следующие типы суффиксов: а) суффиксы со стабильным зачином: аа) вокальная манифестация зачина во всех падежных словоформах; ср.: *-ař/-ař-, -ík-, -ic (e), -yp (ě), -ičØk-, -ak-, -ičØk-, ič (a), -yň (я), -ost' и пр.;* аб) консонантная манифестация зачина; ср.: *-kup (ě), -ník-, -stv (i)* или же *-чик-/ičik-, -ник-* и пр.; б) суффиксы с зачином, варьирующими при парадигматическом изменении; ср.: *VK/ØK*, где представлены следующие падежные алломорфы — *-ek-/Øk-/Øc-, -ok-/Øk-* или же *ØK/VK (-iç (o)/-eç- и т.д.).* Заметим, что вокальный алломорф суф. *-ek-, -ok-, -eç-* и пр. представлен в комбинации с нулевой флексией, в остальных словоформах — алломорф с беглой гласной. Впрочем, если исходить из доминирующего падежного алломорфа (с учетом и фреквенции суффиксального деривата в тексте), то эти аффиксы относятся к консонантным во всех славянских языках, кроме болгарского (в болгарском стабильно сохраняется предконечный вокал; ср.: *ветрец, градец, дъждец*).

Аналогично дифференцируются и производящие основы, однако здесь учитывается строение КЗ, и, в частности, манифестация прежде всего предконечной фонемы. В соответствии с этим выделяются: а) основы со стабильной манифестацией предконечной фонемы: аа) вокальный тип VK; аб) консонантный тип K₁K; б) основы с варьирующейся манифестацией предконечной фонемы, т.е. *VK/ØK* или же *ØK/VK* (при доминирующем консонантном падежном алломорфе).

Основным регулятором деривационной комбинаторики является правило притягивания противоположностей, в соответствии с которым основы с консонантной КЗ, как правило, соединяются с вокальными формантами (во избежание скопления согласных на стыке морфем) и, напротив, основы с вокальной КЗ тяготеют к консонантным формантам (хотя в целом они имеют универсальную комбинаторику, т.е. допускается присоединение любых формантов).

Проиллюстрируем сказанное примерами:

1. Основы с предконечным консонантом + вокальный формант: чеш. *dobyvačný* — *dobyvačnost, dnešní* — *dnešnost, krátký* — *krátkost, komičný* — *komičnost, rychlý* — *rychlost; docent* — *docentík, cukr* — *cukřík, hadr* — *hadřík, vítr* — *větřík; hvězda* — *hvězdář, tma* — *tmář, disk* — *diskař, pudr* — *pudřenka, mince* — *mincovna, mošt* — *moštárna, cement* — *cementárna, lampa* — *lampárna; ministr* — *ministryně, obr* — *obryně, mistr* — *mistrová; lhát* — *lhář; рус. морда* — *мордочка, дождь* — *дождик, гвоздь* — *гвоздик; банджо* — *банджист; смотреть* — *смотритель; болг. звезда* — *звездница, сестра* — *сестрица, бръсна* — *бръснарница; серб.-хорв. гнездо* — *гнездашице, брдо* — *брдашице.* Для присоединения в указанной ситуации консонантного

форманта обычно необходима морфонологическая адаптация КЗ;ср.: серб.-хорв. *письмо* — *писамце*; болг. *стъкло* — *стъкълце*, *письмо* — *писъмце*, *платно* — *платънце*, *сърб[ин]* — *сръбкиня*; рус. *сукно* — *суконце* (ср. *сукнецо*); чеш. *sukno* — *sukénce*, *světlo* — *světlko*, *svetr* — *světýrek* и т.д.

2. Основы с предконечным вокалом, как уже отмечалось, могут сочетаться с любыми формантами, однако больше всего они тяготеют к консонантным формантам. Ср.: (соединение с вокальным суффиксом) словац. *psychológ* — *psychologička*, *archeológ* — *archeologička*; чеш. *sok* — *sokyně*, *prorok* — *prorokyně*, *motor* — *motorovna*, *motorárna*; болг. *купус* — *купушиште*, *лоза* — *лозица*. Ср. также присоединение консонантных и вокальных формантов у одних и тех же основ: *nocleh* — *noclehárna*, *nocležna*.

Консонантный формант отмечен в таких случаях, как чеш. *odpověd* — *odpovědna*, *slepý* — *slepec*, *květ* — *kvítek*, (в двух последних случаях имеется в виду доминирующая падежная манифестация Øс и Øk, т.е. это консонантный формант.).

Наиболее красноречивыми являются случаи с варьирующейся манифестацией КЗ, когда ярче всего проявляются избирательные способности форманта (вокальный формант соединяется с консонантной КЗ, консонантный — с вокальной); ср. чеш. *len/lØn-* — *lnář*, *brašna/brašen* — *brašnář*, *sklo/skel* — *sklář*, *zahrádka/zahrádek* — *zahrádkář*, *kamna/kamen* — *kamnář*, *vzorek/vrorØk-* — *vzorkovna*, *oheň/obØn-* — *ohniště*, *koberec/koberØc-* — *kobercárna*, *láhev/láhØv-* — *lahvářna*, *lahvovna*, *zavazadlo/zavazadel* — *zavazadlovna*, *sestra/sester* — *sesterna*, *džbánek/džbánØk-* — *džbánkárna*, рус. *ковер/ковØр-* — *коврик*; словац. *pediater/pediatØr-* — *pediatrička*; серб.-хорв. *чамац/чамØц-* — *чамчић*. Ср. присоединение консонантного форманта: *cihla/cihel* — *cihelna*, *cimra/cimer* — *cimerka*, *kotel/kotØl-* — *kotelna* (но: *kotlárna*), *učeň/učØn-* — *učenka* (но: *učØn-ice*), *oslavenec/oslavenØc-* — *oslávenkyně*, *dravec/dravØc-* — *draveček*, *mravenec/mravenØc-* — *mraveneček*.

На дистрибуцию формантов оказывает влияние и фонемная манифестация конечного компонента КЗ. Так, например, в NAg, где преобладают КЗ на финальный гласный (открытый слог), доминируют консонантные форманты; ср. рус. *-тель*, *-льщик*, *-лØц*, *-нØц*; *искать* — *искатель*, *носить* — *носильщик*, *страдать* — *страдалец*, *шлепать* — *шлепанец*. Аналогичная закономерность наблюдается и в других языках. Манифестация финального компонента основы может влиять на выбор того или иного суффикса; ср., к примеру, рус. *-ник*, после *ст*, *зд*; *-чик* после *д*, *т* и т.п.

Изучение строения КЗ позволяет для ряда СК определить типовую, т.е. доминирующую манифестацию КЗ. В зависимости от этого можно прогнозировать и репертуар словообразовательных формантов, обслуживающих данную СК. Как было установлено, у большинства обследованных нами СК преобладают вокальные КЗ. Это особенно очевидно у NAg, где, как отмечалось, преобладают консонантные форманты; ср.: рус.

-тель, -ник, -щик/-чик, -лец. У остальных СК основы менее однотипны, хотя и здесь вокальные КЗ составляют очевидное большинство. Соответственно более разнообразным является и инвентарь суффиксов, включающий как консонантные, так и вокальные форманты; ср.: (NM) рус. *-к(a), -ин(я), -кин(я), -ичк(a), -иц(a)* и пр. или же (NL) чеш. *-n(a), -árn(a), -írn(a), -ovn(a)*.

Учитывая, что для большинства рассматриваемых СК типовой является КЗ со строением *VK*, можно предположить, что в сильной позиции (в соответствии с правилом притягивания противоположностей) здесь должны оказаться консонантные суффиксы. Допустимым, впрочем, является и использование вокальных формантов (в силу их комбинаторной неприхотливости); ср. доминирующее положение суф. *-иц(a)* в сербохорватском языке (особенно в его западном варианте) в НД, отчасти в NM.

Следует отметить, что, говоря о тех или иных комбинаторных закономерностях, мы отнюдь не склонны их глобализовать, а тем более приписывать им жесткий регламентирующий характер. Речь идет всего лишь о некоторых общих тенденциях, которые могут корректироваться и варьироваться не только по отдельным языкам, но и в одном языке. Достаточно сказать, что в идентичном фонемном окружении могут отмечаться различные суффиксы; ср.: *психолог — психологичка* (рус. разговорное), *психологиња* (серб.-хорв.), *psychologička* (словац.), *psyholožka* (чеш.). Ср. также в сербохорватском *певач — певачица*, рус. *певец — певица*, чеш. *pěvec — pěvkyně* и т.п. Примечательно и пересечение у одной и той же основы различных суффиксов; ср. чеш. *dramaturgyně, dramaturžka, dramaturgička*.

Словообразовательная комбинаторика нередко может корректироваться в результате действия устойчивых лексических связей, традиций словоупотребления, влияния других языков. Иногда оказывается и направленность проводимой в ту или иную эпоху языковой политики. Приведем в качестве примера тенденцию маскулинизации обозначений лиц женского пола, столь отчетливо проявившуюся в послевоенном польском языке, когда был наложен "запрет" на употребление феминативов, обозначающих женщин, выполняющих официальные функции, имеющих титулы, звания и пр.; ср. *pani ministr, pani doktor* и пр. Симптоматично в этом отношении появление в современном польском языке таких образований, как *menedżerka, misska* (о мисс красоты)². Активность словоизводства NM в непринужденной разговорной речи во всех славянских языках (ср. хотя бы рус. *докторша, дикторша, комментаторша* и пр.) служит красноречивым подтверждением того, что подобные дериваты не являются чужеродными элементами для системы славянских языков и что их распространение, возможно, искусственно сдерживается нормативными запретами.

Все вместе взятое влечет за собой появление не поддающихся подчас эксплицитной интерпретации отклонений от логически предсказуемых результатов словообразовательной комбинаторики.

² Примеры выявлены студенткой МГУ О. Габрукович.

Встречаются случаи, когда варьирование суффиксов обуславливается спецификой ономасиологической структуры слова, точнее характером ономасиологической связки, не отраженной в структуре деривата, а выявляемой при его лексической интерпретации; ср., например, *lampárna* 'помещение, где хранятся лампы для **железнодорожников**', *lampovna* 'помещение, где хранятся лампы для **шахтеров**'; *motorárna* 'предприятие, где **делают моторы**', *motorovna* 'помещение, где **находятся моторы**'; *houslista* 'скрипач, т.е. человек, который **играет на скрипке**', *houslař* 'скрипичный мастер, т.е. человек, который **делает скрипки**'. Таким образом, несмотря на то, что ономасиологическая связка не фиксируется в структуре слова и, следовательно, играет вроде бы вторичную роль, она тем не менее может влиять на выбор суффиксов. Ср. случаи типизации "скрытой" ономасиологической связки в дериватах типа *očař*, *srdcař*, *plicař*, *ledvinář* и пр., т.е. 'врач, который лечит, специализируется на лечении глаз, сердца и т.п.' или же *cymbalista*, *bandžista*, *klavírista*, *flétnista*, *hoboista*, *trumpetista* 'человек, который играет на ...'. Впрочем, и здесь нет жесткой взаимосвязи; ср. *internista* 'врач по внутренним болезням, терапевт' или же *bubeník* 'барабанщик'.

В числе причин, обусловливающих появление зон пересечения формантов у одних и тех же производящих основ, могут быть названы следующие: а) подключение адаптивного морфонологического механизма в виде различного рода чередований, усечений и пр., снимающих потенциальное напряжение на стыке; ср.: (консонантные чередования) чеш. *chirurg* — *chirurgyně*, *chiruržka*; *dramaturg* — *dramaturgyně*, *dramaturgička*, *dramaturžka*; *vít* — *větřík*, *větýrek*; *svetr* — *svetřík*, *svetýrek*. Наличие чередования *Ø/e*, ý делает возможным присоединение консонантных суффиксов к консонантным КЗ; ср.: *bistro* — *bistérko*, *hadr* — *hadýrek*, *jiskra* — *jiskérka*, но: *jiskřička*, *vrabec* — *vrabček*, *vrabčík*. Такую же функцию выполняет и усечение финали основы; ср.: *zástrup(ce)* — *zástupkyně*, *běž(ec)* — *běžkyne*, *let(ec)* — *letkyně*, *útočn(ík)* — *útocnice*, *bojov(ník)* — *bojovnice* и др.; б) наличие в репертуаре формантов изофункциональных суффиксов с идентичными комбинаторными предпосылками; ср.: рус. **геолог** — геология, геологичка, биолог — биология, биологичка (оба деривата разговорные), чеш. *dramaturg* — *dramaturgyně*, *dramaturgička*. Ср. также пересечение (и последующую конкуренцию) консонантных суффиксов со значением женского лица *-Øk-* и *-kyně* типа *učitelka*, *učitelkyně* (по поводу их конкуренций см. ниже); в) присоединение изофункциональных суффиксов с разными дистрибутивными предпосылками к различным алломорфам производящей основы (примеры см. выше).

Анализ деминутивов в чешском языке (Нещименко 1980) позволил выявить соотношение деривационных ареалов ряда суффиксов. Так, количество изолированных позиций, т.е. структурных позиций, исключающих присоединение других изофункциональных суффиксов, наиболее высоко у самого продуктивного форманта *-Øk-*. В современном чешском языке количество изолированных позиций у него составляет 89% (м.р.), 71% (ж.р.), 51% (ср.р.). У других формантов вероятность пересечения их структурных

связей значительно выше. Так, деривационный ареал ныне непродуктивного суф. *-Øc-* полностью перекрыт суф. *-Øk-* (у суф. *-Øc-* изолированные позиции отсутствуют). Аналогичная ситуация у суф. *-ic-*, полностью перекрываемого суф. *-icØk-* и *-Øk-*. Частичное пересечение деривационных ареалов наблюдается, например, у суф. *-Øk-* и *-ik-*. Так, у суф. *-ik-* численность случаев пересечения структурных связей в современном чешском языке составляет 41%, а суф. *-Øk-* — всего лишь 10%.

При рассмотрении суффиксального инвентаря исследуемых СК оправдало себя применение и иных, помимо дистрибутивного, критериев. Наиболее существенными были следующие оппозиции: а) аффиксы с простым — сложным фонемным строением (*-ik-*, *-Øk-* — *-icØk-*, *-inØk-* и т.д.); б) аффиксы с опорным компонентом "к" — "ц" (ср.: *-Øk-*, *-ok-* — *-Øc-*, *-ic-* и т.д.); в) аффиксы отечественные — заимствованные (*-Øk-*, *-чик-*, *-ник-*, *-иц-* — *-ист-*, *-ант-*, *-ент-* и т.д.). Разумеется, возможны и иные оппозиции, однако названные выше важны по ряду причин. Так, оппозиции а) и б), основывающиеся на структурном критерии, отражают динамические предпосылки системы, диагностируют направленность языковых изменений (см. ниже). Оппозиция в) фиксирует открытость или же, напротив, закрытость системы для иноязычного влияния. Так, наиболее открытый из рассматриваемых СК является NAct, играющая важнейшую роль в процессе пополнения номинаций, в том числе за счет заимствований, структурные компоненты которых в новых языковых условиях зачастую осваиваются и интегрируются деривационной системой. Наиболее закрытыми являются модификационные категории, у которых инвентарь словообразовательных формантов практически полностью состоит из исконных суффиксов, не заимствованных из других языков. Сказанное особенно правомерно для ND. Некоторые из заимствованных аффиксов подверглись полной ассимиляции, так что их "чужеродность" носителями языка не ощущается; ср. чеш. *-ar̥*, *-ář*, *-tel* и их соответствия в других языках.

Рассечение рельефа СК может осуществляться не только по словообразовательным критериям. Так, внутри NL, т.е. в рамках одного и того же категориального словообразовательного значения, выделяются две подкатегории обозначений: замкнутое — открытое пространство. Обе подкатегории имеют свой, специализированный суффиксальный инвентарь; ср. *-isko*, *-isté* ("открытое пространство"); вторая подкатегория имеет более многочисленный репертуар формантов. Иная ситуация складывается тогда, когда нарушается целостность словообразовательного значения. Подобные случаи стимулируют либо перестройку СК (NAg — см. ниже), либо отток лексики в иные СК (ср., например, стирание деминутивного значения и переход соответствующих лексем в иные словообразовательные разряды либо лексические пласти).

II. Правила внутренней организации СК

Входящие в состав СК словообразовательные типы тесно взаимосвязаны друг с другом, однако по своей значимости в системе они не равнозначны, образуя в совокупности иерархизованное единство. Их дифференциация

может проводиться на разных основаниях (в том числе, как мы рассматривали выше, и при учете их дистрибутивных параметров), однако наиболее распространенной является градация СТ по степени продуктивности с использованием шкалы, дробность которой варьируется у различных исследователей. Так, в Грамматике чешского языка (*Mluvnice češtiny*, 223) применяется следующая градация: практически неограниченно продуктивные, парадигматические; ограниченно продуктивные с внутренней дифференциацией на очень (сильно) продуктивные, среднепродуктивные, мало (слабо)продуктивные. В свое время нами (Нещименко, 1960) была использована сходная шкала: очень продуктивные, ограниченно продуктивные, малопродуктивные, непродуктивные.

Способность того или иного форманта, равно как и деривационной схемы, в состав которой он входит, быть продуктивным или же непродуктивным, относится к числу его сущностных свойств, раскрывающихся обычно на лексемном уровне. В ряду критериев, принимаемых в этом случае во внимание, первостепенное значение имеют такие показатели, как широта структурного и семантического диапазона (т.е. отсутствие соответствующих структурных, семантических или же стилистических ограничителей), участие в создании новообразований, позиция в конкуренции с изофункциональными формантами (см. подробно: Нещименко 1960; 1980). Важную диагностирующую роль играет и удельный вес производных и заимствованных лексем, наличие которых, в особенности производных слов, в известном смысле гарантирует приток новых лексических пополнений. Чтобы не быть голословными, приведем сказанное данными деминутивного словоизводства (срез современного чешского языка). Помещаемая ниже таблица фиксирует удельный вес новообразований, а также непроизводных и заимствованных лексем у дериватов с суф. *-Øk-*, *-i(i)cØk-*, *-Øc-*, *-ic-* (см. схему 1).

Заметим, что суф. *-Øk-* и *-i(i)cØk-* являются наиболее продуктивными деминутивными формантами, в особенности *-Øk-*. У непродуктивных формантов (*-Øc-* и *-ic-*) удельный вес непроизводных основ значительно выше, причем в их составе много слов, относящихся к старому лексическому ядру (ср.: болг. *ветрец*, *дъждец*, *хлебец* и т.д.).

Аттестуя деривационные форманты по степени их продуктивности, мы получаем ценную информацию об их качественных параметрах, о реализованной или же потенциальной словообразовательной активности. И тем не менее для выявления правил внутренней организации деривационной системы как целого, особенностей ее функционирования этих сведений, на наш взгляд, недостаточно.

Схема 1

	Новообразования				Непроизводные лексемы		Заимствованные лексемы	
	<i>-Øk-</i>	<i>-i(i)cØk-</i>	<i>-ic-</i>	<i>-Øc-</i>	<i>-Øc-</i>	<i>-Øk-</i>	<i>-Øc-</i>	<i>-Øk-</i>
М.р.	61%	94%	—	—	92%	48%	17%	26%
Ср.р.	39%	70%	—	—	100%	70%	—	13%
Ж.р.	56%	49%	—	—	—	—	—	—

Для установления значимости тех или иных СТ в общей архитектонике СК как иерархизированной системе, нами была использована известная оппозиция "центр — периферия". Распространяя эту оппозицию на СК как на гомогенную систему, мы вычленили в ее составе две функциональные ниши: центр, или же организующее ядро, и периферию. Под этим же углом зрения нами был рассмотрен и инвентарь формантов, обслуживающих данную СК. При подобном подходе выявление качественных параметров форманта становится не самоцелью, а служит решению более общей задачи — установлению его позиции в системе, т.е. его функционирования в более широком контексте.

Как следует из материала, в условиях гомогенных систем поляризация формантов и, следовательно, формирование центрального ядра является более очевидным. Несколько сложнее это протекает в гетерогенных системах, которым свойствен поликентризм. Впрочем, иногда тенденция к поликентризму может быть присуща и гомогенным системам при внутренней расчлененности деривационного рельефа — красноречивым примером этого могут служить упоминавшиеся выше NL с их дифференциацией на две автономные семантико-словообразовательные подсистемы. Обособленную группу в рамках СК нередко составляют заимствованные аффиксы, во всяком случае до их полной ассимиляции, когда они начинают "на равных" конкурировать с исконными аффиксами.

Несмотря на то, что процесс поляризации деривационных формантов между центром и периферией протекает во всех СК и во всех более частных фрагментах словообразовательной системы, его конкретные результаты не всегда очевидны при синхронном обследовании. Скорость протекания этого процесса во многом определяется социальной потребностью в данных номинациях, их фреквенцией в общеречевом потоке. Все это в немалой степени зависит от конкретной исторической ситуации, характера социального заказа. В силу сказанного для большей достоверности получаемых результатов оказывается необходимым диахроническое сопоставление различных синхронных срезов.

Считаем необходимым сделать также следующую оговорку: используя понятие "периферия", мы хотели бы предостеречь от его упрощенного толкования.

Под периферией мы имеем в виду весьма обширную и многослойную зону системы, которая имеет важное значение для функционирования как самой СК, так и деривационной системы в целом. В каком-то смысле, наверное, более уместно было бы говорить об оппозиции "центр—не центр".

Следует также отметить отсутствие жесткой демаркационной линии между центром и периферией. Как будет показано ниже, в языке постоянно развиваются динамические процессы, сопровождаемые, в частности, тем, что некоторые из периферийных явлений обнаруживают тенденцию занять более высокорангированное место в системе. Соответственно идет и обратный отток из центра на периферию. По нашему мнению, к верхнему ярусу периферии можно было бы отнести так называемые среднепродуктивные и ограниченно продуктивные форманты, которые по мере необходимости могут "обслуживать" определенные

структурно-семантические ситуации. Так, к примеру, образование NM от отлагольных существительных на *-c(e)* в чешском языке осуществляется лишь посредством суф. *-kupě*, не входящего в состав суффиксального центра;ср.: *soud(ce)* — *soudkyně*. К периферии относится и малопродуктивный суф. *-upe*, сочетающийся в основном с непроизводными лексемами;ср.: *раб* — *рабыня*; *sok* — *sokyně*, *otrok* — *otrokyně* и пр. Разумеется, степень продуктивности аффиксов в разных языках может варьироваться — так, в частности, в южнославянских языках суф. *-киня* более продуктивен. Как продуктивный для русской разговорной речи оценивается и суф. *-иня* (*шефина, филология* и т.д.), однако эта оценка нам представляется все же несколько завышенной (Русская грамматика, 202).

В отличие от центрального ядра, имеющего уплотненную структуру, периферия более разрежена, здесь не действуют строгие нормативные регламентации, в силу чего открывается больший простор для языкового экспериментирования, появления окказиональных, экспрессивно окрашенных образований (примечателен окказионализм *шайха* в речи комментатора, а также в титрах на ТВ, где для образования феминатива использован непродуктивный способ деривации). Периферия более проинициаема для воздействия других языковых систем, в том числе других СК, форм существования данного этнического языка, иных языков.

Существенные отличия отмечаются в функциональном назначении центровых и периферийных формантов.

Функциональное назначение суффиксального центра заключается в оптимальной реализации релевантного для данной СК словообразовательного значения и соответственно в оптимальном обеспечении наиболее полного инвентаря производящих основ.

По своим дистрибутивным параметрам центровые суффиксы соответствуют типовым КЗ, характерным для той или иной СК. Причем при унифицированном строении КЗ основы состав суффиксального ядра может быть максимально сжатым, т.е. включать лишь один доминирующий формант. Красноречивым примером этого являются NM (преобладающая манифестация КЗ — *VK*), где в большинстве рассматриваемых языков представлен в качестве центрового суф. *-Øk*. Широту структурных связей данного аффикса в чешском языке иллюстрирует схема 2 (Нещименко 1960, с. 169).

В сербохорватском языке, особенно в западном варианте, доминирующее положение занимает суф. *-ица* (в восточном варианте отмечается использование суф. *-Øka*).

Поскольку дистрибуция суф. *-Øka*, имеющего консонантный зачин, связана с определенными ограничениями (не всегда желательно его присоединение к консонантным КЗ, за исключением заимствований на *-ист*, *-ант* и др.), напряжение на стыке может сниматься усечением КЗ (ср.: *cizin(ec)* — *cizinka*), в результате чего суф. *-Øk* оказывается в более приемлемой для него структурной ситуации — *VK*. Сказанное не исключает возможности подключения к центровому форманту других феминных аффиксов, имеющих более ограниченную сферу употребления;

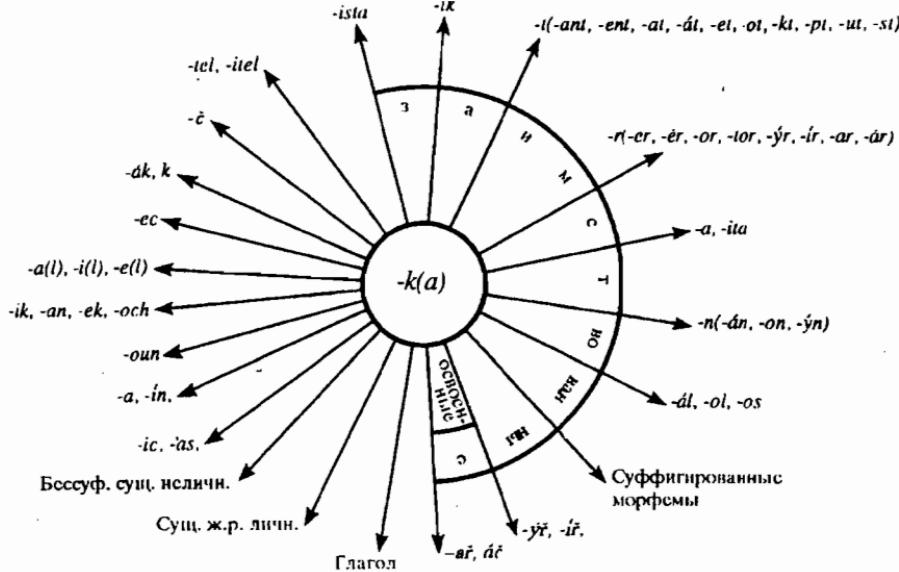

Схема 2

ср. "привязанность" суф. *-nice* в чешском к существительным мужского рода со значением лица ни *-ník*; в русском языке *-ница* отмечается у основ на *-ник*, *-тель*; ср.: *десантник* — *десантница*, *учитель* — *учительница* и т.п. Заметим, что речь идет о консонантных формантах, сочетающихся с КЗ типа *VK*. В словацком языке дистрибутивная ущербность суф. *-ók*- компенсируется присоединением многофонемного *-icØk*; ср.: *archeológ* — *archeologička*.

Абсолютное преобладание КЗ вокального типа отмечается у NAg (причем, вокальную манифестацию здесь зачастую имеет финальный компонент КЗ), в силу этого центровые суффиксы представлены консонантными формантами; ср. рус. *-тель*, *-чик/-щик*. В NAg в чешском языке сферы влияния в основном разграничены между суф. *-tel* и *-c*. Аналогичная ситуация в болгарском языке (*-тел*, *-ач*). В сербохорватском так же, как и в болгарском, в центре системы находятся два взаимодополняющих друг друга в комбинаторном отношении форманта: *-тель*, *-ач* (западный вариант), *-лØц*, *-ач* (восточный вариант). Следует отметить, что в приводимых парах формантов второй компонент (т.е. суф. *-щик*, *-c*, *-ач* и пр.) образует обозначения лиц, занятых физическим трудом; ср.: *носильщик*, *nosič*, *topič* и т.д.

Большая часть из обследованных СК имеет КЗ двух видов — *VK* и *K₁K*, где первые преобладают. В силу этого в состав центра входят суффиксы с консонантным и вокальным зачином, в дистрибутивном отношении дополняющие друг друга, т.е. в совокупности они обеспечивают возможные комбинаторные ситуации. В NEs центровой суффикс *-ость* (*-ost*), его дополняет суф. *-ství*, *-ctví* (чеш.), *-ство* (рус., болг.) —

последний формант присоединяется к субстантивным основам, основам относительных прилагательных; ср.: *молодец* — *молодчество*, *dobrák* — *dobráctví* и т.п.

В NAct в чешском языке доминирующее положение занимает *-ař/-ář*, по своим дистрибутивным параметрам свободно сочетающийся со всеми типами КЗ. Сильную позицию этот формант занимает в болгарском и сербохорватском языках. В русском языке ситуация несколько иная — здесь важную роль играют два консонантных форманта *-ник* и *-ицк/-чик*, впрочем, судя по характеру новообразований, можно прогнозировать активизацию последнего форманта, что, впрочем, стимулируется, помимо прочего, усиливающимся влиянием разговорной речи.

Правомерность вывода о том, что основным организующим принципом строения суффиксального центра СК является правило комбинаторной достаточности, полностью подтверждает материал ND; ср.: рус. *-чик*, *-ок* (у суф. *-ок* доминирующий падежный алломорф *-Øk*)/*-ик* (м.р.); *-ка/-очка*, *-ица* (ж.р.); *-ко*, *-цо/-цио*, *-ею* (ср.р.); болг. *-че/-е*, *-еу*(м.р.); *-ка/-ица*, *-ичка* (ж.р.); *-е/-це* (ср.р.); чеш. *-Øk*, *-ik-* (м.р.); *-Øk*, *-ičØk*-(ж.р.); *-i(i)čØk*, *-Øk* (ср.р.); серб.-хорв. *-ица*, *-Øка* (ж.р.); *-ић/-чић-* (м.р.), *-це/-анце*, *-аице* (ср.р.). Заметим, что в чешском языке ND по сравнению с другими языками является наиболее центрированной, так как она имеет мощную деривационную базу и высокую фреквенцию употребления.

Менее интенсивно проходит поляризация формантов в NAt в силу более периферийного положения этой ономасиологической категории, однако и здесь выделяется организующее ядро в виде консонантного форманта *-Øc* и *-ik-* (чеш.); *-ик/-Øц-* (рус.); *-еу/-ик* (болг.) и т.д.

У NL складывается следующая ситуация: в сфере наименований открытого пространства профилированным центральным формантом является суф. *-ище* (рус.), *-iště* (чеш.), *-ище* (болг.), *-иште* (серб.-хорв.); в словацком и польском доминирует *-isko*, непродуктивный в чешском языке. У наименований замкнутого, ограниченного пространства суффиксальный центр в чешском языке включает консонантный и вокальный форманты; ср. *-на* и *-árna*. В южнославянских языках центральное положение занимают вокальные форманты; ср. *-алня* в болгарском языке, *-арница*, *-ара*, *-оница* в сербохорватском.

Примечательно, что в борьбе за доминирующее положение в системе, а иногда и просто за выживание, некоторые аффиксы — обычно это наиболее продуктивные форманты — могут "обрастать" структурными наращениями, образующимися в результате отторжения части основы. Наличие подобной фонемной прокладки между основой и суффиксом расширяет комбинаторные возможности форманта. Приведем некоторые примеры: (вокальные наращения на базе консонантного аффикса) чеш. *-ár-na*, *-ov-na*, *-ír-na*, *-én-iště*; рус. *-ов-ница* (NL); рус. *-ов-ка*, *-ан-ка*, *-ич-ка*, *-ач-ка* (NM); рус. *-ов-ник*, чеш. *-ov-ník* (NAct). Ср. также новообразования в русском языке с суф. *-овØц*: *взглядовец*, *огоньковец*, *тассовец*, *щитовец* (член военного общества "Щит") и др. Далее, консонантные наращения на базе вокального аффикса: чеш. *-k-ář* (NAct),

-*k-ypē* (NM), -*l-ištē* (NL);ср. также болг. -*л-ище* (*училище*), рус. -*б-ище* (*кладбище*) и мн. др. Как мы видим, присоединение структурного наращения изменяет комбинаторные параметры форманта: из консонантного он становится вокальным и наоборот. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что наиболее продуктивные форманты не только являются опорными при присоединении структурных наращений. Они используются также в качестве средства вторичной деривации; ср.: рус. *вода* — *водица* — *водичка*; чеш. *dít* — *domek* — *domeček*; *ryba* — *rybice* — *rybička*; *ryba* — *rybka* — *rybička*; серб.-хорв. *игла* — *иглица* — *игличица*, *ружа* — *ружица* — *ружичица*, *глава* — *главица* — *главичица*. Как мы видим, в сербохорватском языке используется суф. -*ица* в качестве средства вторичной деминутивной деривации, а не -*Øk-*, как в чешском и русском языках.

Положение, занимаемое в системе СК суффиксами идентичного фонемного строения, в близкородственных языках зачастую может не совпадать. Приведем в дополнение к ранее упоминаемым и другие примеры. Так, суф. -*árna* (NL) в чешском языке принадлежит к центральным формантам, а в сербохорватском — к периферийным (*цинкарна*, *коксарна*). Аналогично обстоит дело с суф. -*pa* (также NL), который продуктивен в чешском языке и непродуктивен в русском (*бойня*, *пекарня*). Небезынтересно, что в большинстве славянских языков развил продуктивность не столько сам суф. -*я*, -*па*, а образовавшиеся на его основе форманты со структурным наращением; ср.: болг. -*алня*, -*иля* (*пералня*, *сталня*, *сушилня*, *топилня*). Весьма возможно, что и серб.-хорв. суф. -*арница* также изначально образовался на базе суф. -*на*, но с постпозиционным наращением суф. -*ица* (*посластичарница*, *млекарница*, *цвећарница*). Используется данный формант и в болгарском языке (*млекарница*, *сладкарница*). Есть основания думать, что суф. -*па* принадлежит к числу весьма жизнеспособных опорных словообразовательных формантов, поскольку в чешском языке даже искусственные образования, обозначающие производственные и торговые помещения, иногда оформляются по подобию дериватов с -*па*; ср.: *Mototechna*, *Obuna* и пр. По-разному складывается в славянских языках судьба так называемого неравнофонемного суффикса -*ce* (-*čet*/-*čat*-) (чешский язык); ср.: *jelen* — *jelínče*, *medvěd* — *medvídče* (о молодых животных), но и *kantor* — *kantürče*, *doktor* — *doktürče* (с ироническим оттенком). Значительно большую продуктивность этот формант имеет в южнославянских языках. Так, например, в болгарском языке он принадлежит к центру системы в ND (м.р.); *другарче*, *стол-че*, *мост-че*, *водопад-че* и т.д. (без значения невзрослости). Можно привести и другие примеры подобного рода. Так, суф. -*ица* в сербохорватском является центральным в ND, в чешском же он практически полностью утратил продуктивность. Суф. -*енце* в южнославянских языках используется для образования обозначений "молодых животных" (*пrase* — *прасенце*, *теле* — *теленце* в сербохорватском; *орле* — *орленце*, *семе* — *семенце* в болгарском), в чешском языке он является полностью рели-

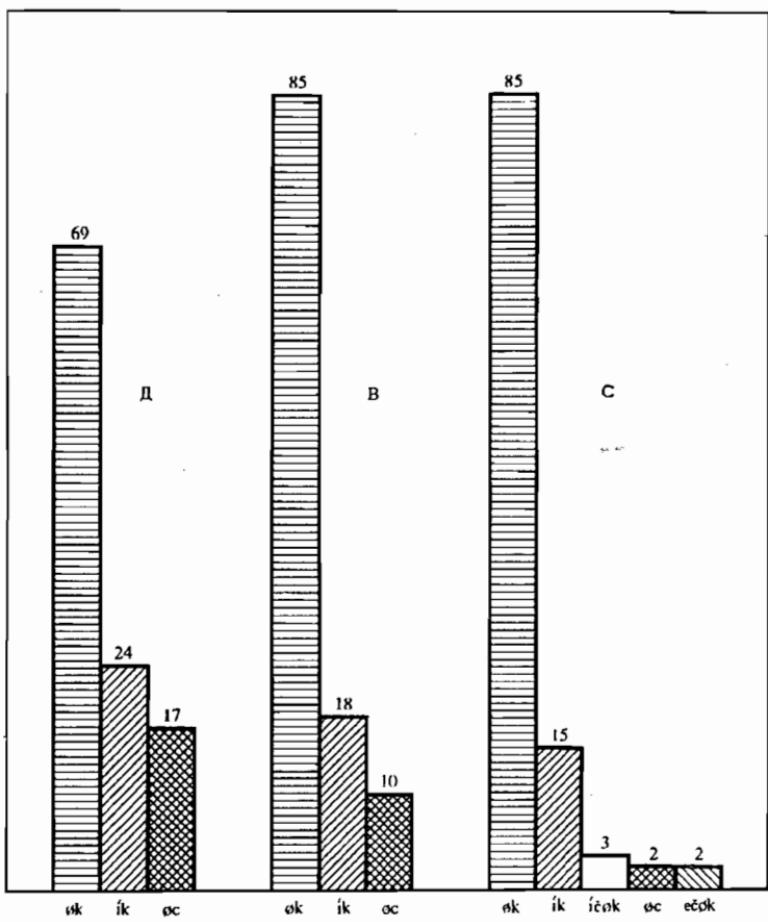

Диаграмма I.

Диаграмма родовой подсистемы мужского рода

ктовым. Количество подобных расхождений довольно велико. Это побуждает проявлять большую осмотрительность при выведении глобальных универсалий для близкородственных языков.

Подводя итог рассмотрению ситуации, складывающейся в центре системы, считаем необходимым отметить, что численность центральных формантов обычно стихийно регулируется действием тенденций языковой экономии, вследствие чего на периферию системы из центра вытесняются суффиксы, дублирующие комбинаторные параметры более продуктивных формантов. Направленность этого процесса наглядно подтверждают воспроизведимые ниже диаграммы эволюции инвентаря деминутивных суффиксов в различных родовых подсистемах в истории чешского языка (расшифруем используемые условные обозначения: С — современный чешский язык, В — чешский язык эпохи национального Возрождения (конец XVIII — середина XIX вв.), Д — древнечешский язык. Цифровые

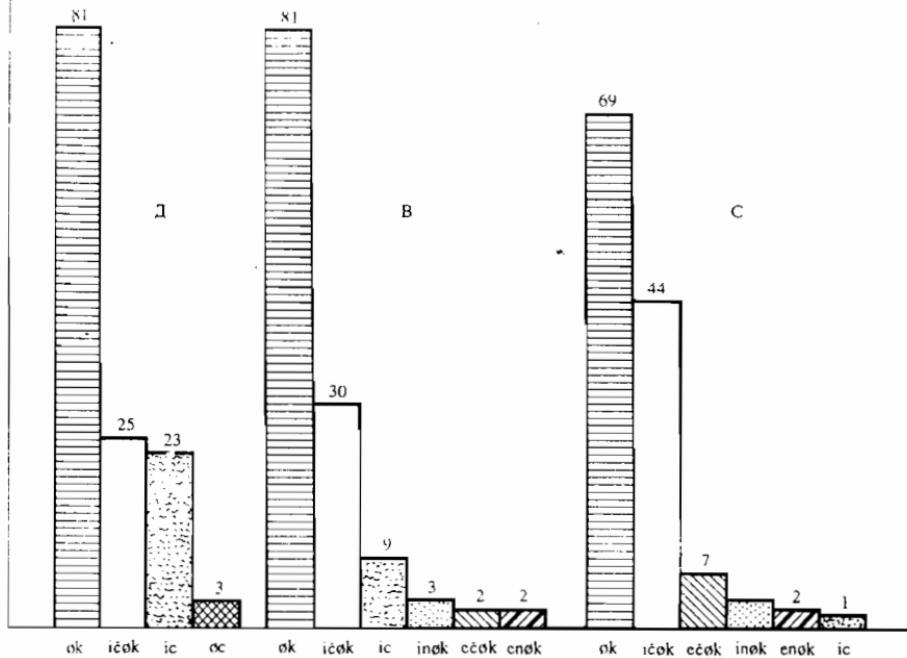

Диаграмма 2
Диаграмма родовой подсистемы женского рода

обозначения соответствуют удельному весу соответствующих деминутивов) (см. диаграммы 1, 2, 3.)

Приводимые диаграммы фиксируют устойчивую тенденцию вытеснения на периферию избыточных формантов с консонантом "с". Красноречивым является и процесс сужения состава центровых аффиксов и расширения аффиксов периферийных. Примечательно также то, что в ходе исторической эволюции наблюдается не только сужение, но и перестройка суффиксального центра; ср., в частности, инвазию многофонемных аффиксов.

Анализируя в целом состав центровых формантов, нетрудно заметить, что в большинстве СК к их числу относятся форманты, находящиеся в отношении комбинаторной взаимодополняемости (вокальный/консонантный аффикс). В некоторых СК отмечается одноформантный центр; ср. в NAct. в чешском *-ař/-ář* (вокальный аффикс), *-Øk-*, т.е. консонантный аффикс у NM либо *-ica* в сербохорватском в ND. Необходимость в комбинаторных суффиксальных компенсаторах более актуальна при консонантной доминанте в центре системы; ср.: чеш. супф. *-Øk-* и *-ik-* (ND) либо у NM супф. *-kuně*, *-ice* и т.д. При формировании суффиксального центра решающее значение имеют комбинаторные предпосылки фор-

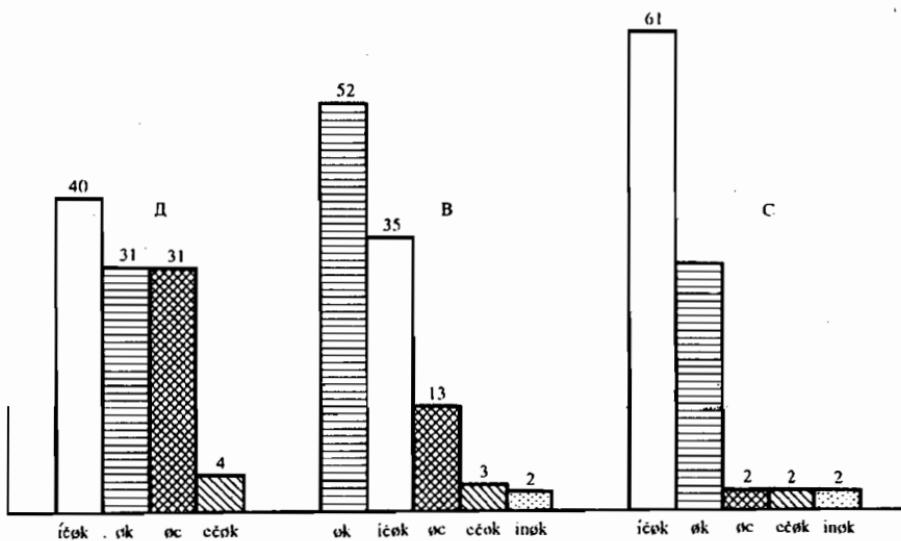

Диаграмма 3

Диаграмма родовой подсистемы среднего рода

мантов, их совместимость с дистрибутивными параметрами производящих основ и, в частности, с типовой КЗ, характерной для данной СК.

Следует, однако, подчеркнуть, что выявляемые комбинаторные закономерности носят лишь общий характер и не являются жестко предписательными. Соответственно мы не исключаем, что некоторые из приводимых оценок иерархической принадлежности тех или иных суффиксов могут показаться спорными. Важно другое: на наш взгляд, использование оппозиции "центр—периферия" применительно к деривационной системе является весьма перспективным.

Функциональное назначение аффиксов, относящихся к периферии системы, существенно отличается от функционального назначения центральных формантов. Прежде всего они обеспечивают некоторые локальные структурно-семантические ареалы (это в полной мере относится к суффиксам средней и ограниченной продуктивности). Кроме того, периферийные форманты могут использоваться для экспрессивного варьирования. Именно поэтому особенно большой пласт периферийных суффиксов отмечается в таких категориях, как ND, NAt, отчасти NAg, т.е. там, где особенно велика потребность в выразительных, броских, незатертых лексемах;ср: болг. *кричко*, *глупчо*, *плачльо*, *сънльо*; русск. *хитрюга*, *хапуга*, *ворюга*, *растеряха*, *выпивоха* и пр. Ср. также в качестве примера развернутую суффиксальную периферию у NAt в чешском языке: *-áč* (*naháč*, *zelenáč*, *bradáč*), *-och* (*tlustoch*), *-as* (*prudas*, *kruťas*), *-án* (*dlouhán*), *-oun* (*blboun*, *vztekloun*), *-oň* (*blboň*, *slepoň*), *-in* (*bolestín*) и т.д.

В отличие от центровых формантов, состав которых в ходе исторической эволюции сужается за счет вытеснения менее продуктивных аффиксов, численность периферийных формантов, напротив, расширяется путем использования как внутриязыковых (в первую очередь) ресурсов, так и ресурсов других языков. Кроме того, на периферию смещаются избыточные аффиксы, "вытолкнутые" из центра. Так, в ряде СК (ND, NM) отошли на периферию аффиксы с консонантом "с" во всех языках, кроме сербохорватского; *-упё, -ыня* (NM) и т.п. Из числа заимствованных аффиксов можно было бы назвать, к примеру, для NM суф. *-есса* (*шефесса, прозаикесса, критикесса, патронесса* и т.п.). Основной костяк среди периферийных формантов составляют аффиксы архаические, непродуктивные, входящие в состав СТ с нарушенными системными признаками. Образованные по этим схемам дериваты имеют размытое, лексикализованное значение, состав производящих основ некомплектен, с большим количеством лакун.

Периферию системы в определенном смысле правомерно рассматривать как своего рода запасник, компоненты которого в случае необходимости могут быть востребованы носителем языка. Так, например, в современном чешском языке активизировалось употребление дериватов на *-no* (NEs) в текстах философского, литературоведческого и т.п. характера; ср.: *nevyslovitelno, duševno, estetično* и т.д. К периферии относятся и многие окказионализмы, образованные по малопродуктивным схемам; ср. чеш. *vlakuška* 'проводница в поезде' по образцу *letuška* 'стюардесса' или же русские новообразования *несун, везун* (и соответствующие производные типа *несунизм, васькизм* и т.п.); ср. также новейший неологизм в чешском *převlékač kabátů* со значением 'хамелеон, политический флюгер'.

III. Динамические тенденции в СК

По своей природе язык представляет собой многослойное явление, развитие которого осуществляется с неодинаковой скоростью в различных звеньях и пластиах его системы. Неравномерность развития отчетливо проявляется и в словообразовательной системе в целом, на разных ее уровнях, в том числе отдельных фрагментах. Не имея возможности детально рассмотреть здесь эту важнейшую проблему, затронем лишь отдельные ее аспекты, представляющиеся нам особенно существенными.

Направленность деривационных процессов, наблюдавшихся в близкородственных языках, во многом сходна, однако их конкретная реализация, а также скорость протекания может варьироваться как по отдельным языкам, так и в истории одного и того же языка. Не является она одинаковой и в разных формах существования языка — так, например, разговорная речь гораздо динамичнее, чем литературный язык (к этому вопросу мы еще вернемся ниже).

Общий организационный принцип строения СК, т.е. выделение центра и периферии, на наш взгляд, стабильно сохраняется в языке. Однако конкретная наполненность этих зон, скорость и результаты поляризации формантов исторически изменчивы. Стабильной является общая тенденция

формирования максимально компактного центра в противовес более аморфной периферии. Следует, однако, иметь в виду, что языковая динамика в центре СК является более замедленной, чем на периферии, поскольку она сдерживается в числе прочего и кодификационными нормативами.

Динамические процессы, происходящие внутри СК, отличаются разнонаправленностью: они носят как центробежный, так и центростремительный характер. Причем обе эти тенденции проявляются при формировании как центра, так и периферии. Так, наиболее жизнеспособные периферийные форманты с течением времени могут повысить свой статус в системе и проникнуть в ее центр. Именно так и обстояло дело с многофонемным суффиксом *-i(i)čØk-*(-иЧØк-), который в силу своей семантической выразительности не только "проник" в центральную зону у чешских деминутивов ж. и ср.р., но даже повлек за собой перестройку центральных формантов в ср.р., где этот аффикс более активен, чем *-Øk-*, доминирующий в м. и ж.р. Активные позиции занимает этот формант у NM в словацком языке, где он практически автоматически присоединяется к заимствованным основам, сочетаясь с существительными м.р. на *-lög*. В современном чешском языке использование суф. *-ičØk-* в этой функции пока что отмечается лишь спорадически, притом, возможно, под влиянием словацкого языка; ср. разговорные *bohemistická, psychiatrička* и некоторые другие.

Симптоматично и проникновение в центральную зону перспективных заимствованных формантов; ср. *-ista* (с данным аффиксом образуются многочисленные гибридные лексемы, выразительные в экспрессивном отношении; ср.: чеш. *nápad* — *nápadista*, *čitat* — *čitalista*; рус. *отсохист*, *ручнист* и др.), *-джия/-чия* в болгарском и др. (ср. *бетонджия*, *паркетчия* и т.п.).

Вместе с тем действует и встречная центробежная тенденция, особенно характерная для эволюции центральных аффиксов. Вследствие этого из центра по закону языковой экономии вытесняются форманты, дистрибутивные параметры которых оказались идентичными с более продуктивными суффиксами. В результате взаимодействия обеих тенденций устанавливается подвижное равновесие, проявляющееся в наличии компактного центрального ядра, самодостаточного в дистрибутивном отношении, т.е. обеспечивающего основные комбинаторные ситуации.

Аналогичные тенденции действуют и на периферии системы, однако здесь отток формантов существенно ниже их притока, что приводит к разрастанию периферии, имеющей более проницаемую и восприимчивую к влиянию других языковых систем структуру.

Одной из примечательных тенденций, характерных для современных славянских языков, является активизация в целом ряда СК многофонемных аффиксов, имеющих препозиционные фонемные начертания. Несмотря на их фонемную громоздкость, они зачастую оказываются более предпочтительными в силу своей семантической выразительности, а также комбинаторной неприхотливости; ср.: (N_{Ag}) *-лыщик* (рус.): *головальщик*, *говорильщик*, *роверяльщик*, *потакальщик* и т.п.; *-овик* (N_{Act}) *шестовик* (о спортсмене), *бытовик* 'работник службы быта', *орго-*

вик 'специалист по оргвопросам', *поисковик* 'участник группы "Поиск"', *зерновик* 'специалист по зерну, в зерновом хозяйстве' (многие из этих лексем носят разговорный характер и в принципе могут рассматриваться как универбы); ср. также *NAct* с -овец: *агитпереходовец*, *огоньковец*, *ринговец* 'участник "Музыкального ринга"', *щитовец* 'член организации "Щит"', *взглядовец* и мн. др. Попытку инвазии в другие славянские языки осуществляют самый продуктивный в русском языке суф. -чик; ср. в болгарском: *азотчик*, *апаратчик*, *дестилаторчик*, *инструменталчик*, *ремонтчик* и пр. Есть примеры подобного рода и в чешском: *praporčík*, *sovětčík*, *kulometčík*, *minometčík*, *regulovčík*, *automatčík*, *atomčík*. Впрочем, вряд ли есть основания думать, что данный формант выйдет за пределы "цитатных" слов. Так, чешские словари приводят, к примеру, деривационные аналогии *kulometník*, *kulometák* (равно как заимствование *šturmovština* со временем было потеснено аналогом с чешским суффиксом — *šturmování*).

Для выявления направленности эволюции словообразовательных закономерностей большое значение имеет изучение очагов конкуренции деривационных аффиксов. Особый интерес, в частности, представляет их пересечение у одних и тех же производящих основ. С точки зрения языковой экономии дублирование является нецелесообразным, поэтому рано или поздно язык избавляется от подобных дублетов, либо "разводя" их семантически или же стилистически, либо вытесняя менее перспективное по тем или иным причинам образование. Тем не менее сам факт возникновения очагов пересечения структурных связей разных формантов свидетельствует о наличии в системе очагов напряжения, своего рода болевых точек. По сути дела, осуществляется поиск более адекватного способа выражения методом "проб и ошибок". Ср., например, мучительная попытка освоения новейшего заимствования *рекетир*, *рекетер* и даже *рекетист* в русском языке. Ср. также наличие в одном контексте двух разнооформленных феминативов: *flotily slavné pirátky...* *Vdova-piratessa*, Haló-sabota, 1969.

Анализ случаев пересечения формантов, а также изучение размежевания дублетов позволяет судить о направленности деривационного процесса.

Из материала следует, что очаги конкуренции могут появляться как при совпадении дистрибутивных параметров суффиксов, так и при их различии. Наибольший интерес для исследователя представляют случаи конкуренции изофункциональных суффиксов, на основе которых можно сделать типологические выводы. Сказанное в первую очередь относится к упоминавшимся выше случаям конкуренции "к" и "ц"-формантов. Примечательно, что, вопреки довольно устойчивому представлению о сильной позиции "ц"-формантов в сфере деминутивного словоизводства в болгарском языке (для сербохорватского языка этот факт бесспорен), есть основания утверждать, что на него наступает "к"-формант (Нещименко 1983, 47). Ср. также конкуренцию деминутивных суф. -ка и -ца в истории русского языка (*рыбка*, *речка*, *ручка* вм. *рыбца*, *речица*, *ручица* и т.д.). В NM картина не столь однозначна, так как даже в сербохорватском языке

при доминирующем положении суф. *-ица* его позиции потесняются суф. *-ка*, *-киња*. Симптоматично, что в восточном варианте литературного сербокорватского языка в РМСХ³ из 38 дериватов с *-ица*, образованных от основ на *-иста* — 36 имеют параллельные образования с *-киња* (*статистица/статисткиња*); из 18 дериватов с *-ица* от основ на *-ант* в 17 случаях имеются дублеты с *-киња* и *-ица* (*трафикант-тица/трафиканткиња*); ср. также *адвокатица/адвокаткиња*, *аристократица/аристократкиња*. Впрочем, в западном варианте сербокорватского языка суф. *-ица* у заимствованных основ занимает более прочное положение. Важно отметить, что и в западном варианте есть симптомы потеснения *-ица*. Так, он не сочетается с заимствованиями на *-лог*. Примечательно, что у новых лексических поступлений отмечаются прежде всего суф. *-ка* и *-киња*: *коzмонауткиња*, *дактилографкиња*, *детективка*, *шампионка* и т.п. Эти наблюдения представляются нам симптоматичными, поскольку они дают "зажепку" для дополнительной проверки вывода об узурпирующем положении суф. *-ица* в сербокорватском языке. Не исключено, что будущее развитие несколько скорректирует наше представление о продуктивности данного форманта.

Процесс размежевания словообразовательных дублетов в ряде славянских языков, например, русском, чешском, активно проходил в XIX в. Так, если в XIX в. еще были возможны контексты типа *pajaly se služky*, *učitelkyně* и *učitelové* (B. Némcová. Báchorky), то в XX в. образования типа *učitelkyně* были полностью вытеснены из употребления дериватами с *-Ока*: *učitelka*. Аналогично для начала XIX в. еще были возможны дублеты *herečka* и *herkyně* в одном контексте. Впоследствии производные с *-кунě* существенно сузили сферу своего употребления (в отличие от сербокорватского языка). Впрочем, было бы наивным думать, что процесс размежевания дублетов полностью завершился. Приток новой лексики, в особенности заимствований, приводит к возникновению новых комбинаторных ситуаций, стимулирует поиск оптимальных деривационных решений. Информация, получаемая при изучении случаев конкуренции, имеет большую научную ценность, однако для достоверности наблюдений необходимо, чтобы они были достаточно хорошо документированы. Так, например, при изучении конкуренции суф. *-Ок(a)* и *-кун(é)* в чешском языке нами было обследовано 160 случаев конкуренции, в 127 была зафиксирована сильная позиция *-Ок(a)*, в 10 — *-кун(é)* или же *-ун(é)*, в 23 — исход был неясен (Нещименко, 1960, 190). У суф. *-Ок-* и *-ик-* (ND м.р.) было рассмотрено 245 случаев конкуренции (122 — победа *-Ок-*, 78 — *-ик-*, 45 — процесс не завершен) и т.д. См. подробную статистику (Нещименко 1980).

Изучение фактов конкуренции словообразовательных формантов позволяет убедиться в достоверности некоторых наблюдений. Так, получает подтверждение вывод о доминирующем положении суф. *-Ок-* практически для всего славянского региона (за теми исключениями, о которых говорилось выше), об инвазии многофонемных суффиксов в ряде СК. Интерес

³ Речник српскохорватскога књижевног језика. Књ. I—VI. Нови Сад: Загреб, 1967—1976.

представляет анализ фактов дублетности чешских суф. *-ar-/ář* и *-ník-* (*NAct*), приводимых Д. Шлосаром (*Historický vývoj češtiny*, 256), которые красноречиво свидетельствуют об укреплении позиций суф. *-ar-/ář-* в данной СК в истории чешского языка; ср.: *lyžar* — *lyžník*, *sochař* — *sošník*. Аналогичная ситуация складывается в отношении суф. *-щик/-чик*, с одной стороны, и *-ник*, — с другой, в русском языке. Множественные очаги пересечения суффиксов отмечены в NL в чешском языке. Так, Фр. Данешом зафиксировано не менее 100 подобных случаев; ср.: *soustruh* — *soustruhovna*, *soustružna*, *soustruhárna*, где у одной и той же основы пересекаются аффиксы с вокальным зачином (*-ovna*, *-árna*) и консонантным зачином *-n(a)* (в последнем случае отмечается морфонологическое чередование). Во многих приводимых примерах зарегистрирована сильная позиция суф. *-árna* (*Tvoření jmen podstatných* 1967, 438). В NL в сербохорватском языке отмечаются факты конкуренции суф. *-ap(a)* и *-an(a)*, используемых для образования обозначений производственных помещений; ср.: *стаклара* — *стаклана*, *пивара* — *пивана*, где суф. *-ap(a)* оказывается в более сильной позиции (*железара*, *кожара*, *пивара* и пр.).

Как уже ранее отмечалось, важное стимулирующее воздействие на динамические процессы внутри СК оказывает ее значимость в системе номинации. Высокая социальная потребность в тех или иных обозначениях ускоряет обновление лексического состава, приток новообразований. В ходе интенсивной репродукции деривационных схем активнее осуществляется селекция словообразовательных формантов. Важно отметить, что происходящие при этом изменения затрагивают не только репертуар СТ, входящих в состав СК, их иерархию, но и взаимоотношения между самими СК. Это особенно очевидно для таких СК, как *NAct* (см. ниже), *NEs*, где также интенсивно проходит поляризация формантов, приводящая к образованию значительной дистанции между центром и периферией (*-ость*, *-ство*, с одной стороны, и *-ота*, *-изна* и пр., — с другой). Несколько в стороне от магистралей номинации находятся *NAt*, однако и здесь в результате действия тенденции окачествления относительных прилагательных, как и в *NEs* (ср. новообразования в чешском языке: *mezinárodnost*, *meziororovost*, *prášivost*, *kusovost*, *zvířecost*, *rozhodnutelnost*, *rizikovost*, *faustovství*, *gigantomanství*, *absentérství*), стимулируется словообразовательная активность некоторых формантов, например, *-ик* (*скоростник*, *международник* и пр.).

В этой связи следует остановиться на NM, особенно интенсивно пополняющейся новой лексикой в течение последнего столетия. Так, по мере активизации словоизводства данной лексики все более отчетливо прорисовывается доминирующая роль суф. *-ка* практически во всех обследуемых языках. Значительная дистанция отделяет его от остальных изофункциональных аффиксов в чешском языке, несколько сглажен этот разрыв в других языках, в частности, в сербохорватском. Непродуктивным практически во всех языках является суф. *-ыня*, *-иня*, сочетающийся в основном с непроизводными основами.

IV. СК в контексте деривационной системы, а также в аспекте взаимоотношений с параллельными структурами

Как уже отмечалось выше, деривационная система объединяет в своем составе множество СК, функционирующих в качестве ее системообразующих подсистем. Несмотря на наличие внутренней расчлененности, структура деривационной системы не является аморфной и мозаичной, поскольку СК не только тесно взаимосвязаны друг с другом, но и образуют континуальное единство с плавным переходом от одной СК к другой.

Контактное взаимодействие СК может осуществляться на разных уровнях их структуры. Как правило, это происходит в наиболее проницаемой зоне, т.е. периферии СК. Отмечаются, впрочем, и случаи взаимодействия СК на уровне их центров. Это приводит, как правило, к серьезным "подвижкам" внутри СК, обусловливает ее внутреннюю перестройку.

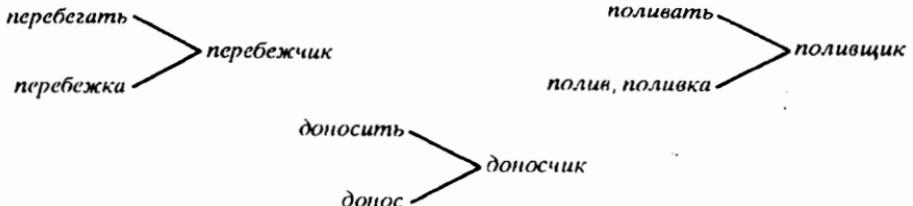
Наибольший интерес в этой связи представляют взаимоотношения, сложившиеся между NAg и NAct во всех славянских языках, т.е., на наш взгляд, это универсальная закономерность. Разумеется, следует иметь в виду, что доступное нашему наблюдению современное состояние является результатом длительного исторического развития.

Оценивая взаимоотношения, сложившиеся между обеими СК, следует отметить, что сильным партнером в конце концов оказались NAct, занимающие центральное место в номинационной системе имени. Указанное верховенство во многом обусловлено цельностью этой СК в противовес внутренне неоднородной NAg.

По типу семантико-сintаксической структуры (см. выше) NAg является зеркальным отражением NAct: в обеих СК важное значение имеет предикат, однако в NAct (сложный ономасиологический признак) он находится в глубинной структуре, т.е. подразумевается, выявляется лишь при семантической интерпретации — в структуре слова он не фиксируется, поскольку она является двухаргументной, не отражающей в поверхностной структуре взаимоотношения между субстанциями; ср.: *cistotář* ' тот, кто (заботится, любит) чистоту'; *kaktusář* ' тот, кто (разводит) кактусы'; *наперсточник* ' тот, кто (играет) в наперсток (азартную игру)' и пр. У NAg (простой ономасиологический признак) предикат как бы выведен наружу, т.е. зафиксирован в поверхностной структуре; ср.: *читатель* ' тот, кто читает'; *uchovatel* ' тот, кто воспитывает' и т.д. Далее, NAct в семантическом отношении является очень емкой категорией: она фиксирует широкий спектр отношения к субстанции (*газовщик* — объект воздействия, *лекальщик* — инструмент воздействия, *видеосалонщик* — место деятельности, *барьерист* — род занятий, т.е. вид спорта), однако вся эта детальная спецификация отношения к субстанции раскрывается на глубинном уровне, не отражена в структуре слова и, следовательно, не является регламентированной, предоставляя носителю языка полную свободу в насыщении слова самой различной информацией.

Рассматривая под этим углом зрения NAg, мы должны отметить, что, помимо собственно агентивных обозначений (с выраженной глагольностью), они включают блок дериватов (многие из них являются

профессиональными обозначениями), соотносимых одновременно как с глаголами, так и с существительными:

Следует заметить, что субстантивная мотивировка поддерживается и морфонологически, так как в структуре деривата глагольная основа воспроизводится в усеченном виде, без инфинитивных показателей; кроме того, совпадает постановка ударения, характер стандартных альтернаций и т.п. Сказанное подтверждается и направленностью исторической эволюции, заключающейся в ослаблении глагольной мотивировки (Суффиксальное словообразование, 58).

Таким образом, в отличие от NAct у NAg подразделяются два под поля: с выраженной глагольностью (*поливать* > *поливальщик*, *доносить* > *доноситель*, *léčitel* 'целитель' в противовес *lékař* 'врач'); с глагольностью ослабленной, а, по сути, нивелированной. Указанная ситуация создает напряженность в СК NAg, близкую к ее расколу. Тем самым складываются благоприятные предпосылки для втягивания второго под поля, т.е. профессионального блока, в состав NAct, у которых субстантивная мотивировка является единственной возможной.

Следует отметить еще одно существенное обстоятельство: на наш взгляд, у профессиональных обозначений субстантивная мотивировка является более важной, чем глагольная, в силу ее большей конкретности: по мере усложнения трудового процесса спецификация по выполненному действию становится недостаточной, более информативной является предметная отнесенность; ср.: *спасатель* и *лавинщик*, *плетельщик* и *корзиночник*. Неслучайно, обозначения ремесленников основывались на предметной конкретизации (*шляпник*, *обувщик* и т.д.); на этой же оппозиции (действие—субстанция) основывается противопоставление *hasič*—*požárník* в чешском языке.

Возникновение зоны пересечения с NAct обусловило перестройку структуры NAg, в результате чего "профессиональный блок", перешедший в NAct, оказался втянутым в деривационную сферу наиболее продуктивного суф. -щик/-чик (в чешском -*ař/-ář*). В оставшейся части NAg (с выраженной глагольностью) доминирующее положение занял специализированный формант *-тель*, а также *-льщик*. Заслуживает внимания и тот факт, что, судя по характеру новообразований, NAg во многом приобрела экспрессивный характер; ср.: *доноситель*, *потакатель*, *маратель*, *кропатель*, *пенкосниматель*, *прихлебатель*, *ухаживатель*, *очернитель*, *спаиватель*, *исказитель*, *наводитель* (порядка), *возглавитель*, *запретитель*, *оскорбитель*, *опровергатель*, (велеречивый) *выступатель*, *опошлитель*, *медлиттель*, *агент-языкознатель*, *делатель* (гигантов) и пр.

В этом отношении NAg сближается с NAt, для которой также характерен простой ономасиологический признак, выведенный в поверхностную структуру; ср.: рус. *несун, нюхач* 'дегустатор запаха; токсикоман'; чеш. *nenechavec, rouštěc desek* (дискжокей), *kradoš, lhář, žvanil, klepar, staral* и др. Сказанное, разумеется, не исключает возможности использования суффиксов -тель, -ник для образования неэкспрессивной лексики, имеющей выраженный книжный оттенок; ср.: *умиротворитель, завоеватель, увещеватель, преследователь, обольститель, спаситель, преподаватель, заступник, защитник*.

Следует отметить, что NAct в современном языке в системе номинаций занимают исключительно сильные позиции, вбирая в себя лексику из других категорий, в частности, асимметричных феминативов (см. ниже), NAt и т.п. Немалую роль в укреплении позиций NAct играет то, что они принадлежат к числу наиболее востребуемых носителями языка категорий. Потребность в данной лексике стабильно проявляется во все исторические периоды существования языка.

Континуальность деривационной системы проявляется и в наличии переходных зон между NAg и *Nomina instrumenti* (ср. инструментальное значение у дериватов с -тель в русском языке и с -c- в чешском; ср.: рус. *измеритель*; чеш. *měřic* и т.д.); между ND и названиями молодых существ; между NM и обозначениями жен (ср.: чеш. *profesorka* 'женщина-профессор', *profesorová* 'жена профессора' и т.д.). Иллюстрацией непрерывности системы могут служить и деминутивы (исковные) со стертym значением деминутивности; *шляпка* (гвоздя), *донышко* (шляпы), *глазок* (в двери); ср. также чеш. *hlavice, hvězdice*, обозначающие ныне соответственно 'головка, в том числе боеголовка ракеты', 'морская звезда' и т.п. Указанные и им подобные лексемы переходят в другие лексические разряды. Следует отметить, что у ND утрата деминутивного значения сопровождается трансформацией их семантико-сintаксической структуры, в частности, изменением функционального назначения суффикса: из модификационного он становится мутационным, фиксирует субстанциональное значение.

Континуальность системы укрепляется и за счет периферии отдельных СК, так как именно в эту зону смещаются дериваты, становящиеся избыточными и переходящие в другие категории. Ярким примером появления переходной зоны на периферии СК являются так называемые асимметричные феминативы (Нещименко 1966), т.е. непарные феминативы, которые, строго говоря, не являются NM и могут рассматриваться в составе других СК, например, NAt (чеш. *pívabný – pívabka, otylý – otylka*), NAg (*plakat – plačka*; ср. пол. *praczka*), NAct (чеш. *fabrika – fabrička, skript – skriptka*; ср. Sověty – sovětka). Можно привести также в качестве примера деадъективный окказионализм *советичка* 'советская женщина, вышедшая замуж за иностранца': "советичка" — кличка-то какова! Лит. газ., 1988). Особого внимания заслуживают феминативы, которые, хотя и образованы без промежуточной стадии существительного м.р. со значением лица, однако в составе сложного аффикса все же имеют

сегмент, материально совпадающий с суффиксом м.р. со значением лица; ср.: чеш. *šatářka*, *kartonářka*, *paličkářka*, *batikářka*, *salatářka*, *sukařka*, *kabinářka*, *přešíváčka*; ср. пол. *bukieciarka*. В некоторых случаях соответствующая лексема м.р. имеется, но с другим значением: *vařička* — *vařič N instrumenti*, *cigaretářka* 'работница сигаретной фабрики' — *cigaretář* 'курильщик'; *sálovka* 'хирургическая медсестра' — *sálovec* — 'спортсмен, выступающий на крытом стадионе'. Ср. также в восточном варианте сербохорватского языка: *читалац* — *читателька*, *гледалац* — *гледателька*, где адекватные в структурном отношении существительные м.р. со значением лица являются устаревшими и поэтому не употребляются.

Важным фактором, динамирующим деривационные процессы, является влияние разговорной речи. Есть все основания говорить, что целый ряд словообразовательных тенденций, отмеченных в литературном языке, имеет свои корни именно в непринужденной разговорной речи, являющейся одной из важнейших форм существования этнического языка. Зачастую устойчивость позиций того или иного форманта в разговорной речи укрепляет и его позиции в литературном языке: ср.: активизация суф. *-arz*, *-ář/-ař*, *-ap* (болг.), потеснившего своих конкурентов в NAct. Примечательна значительная активизация суф. *-щик/-чик* в русском литературном языке, чему немало способствует разговорная речь; ср. рус. *лимитчик*, *переговорщик*, *телевизионщик*, *панорамщик* ('участник Панорамы по РВ'), *самиздатчик*, *аппаратчик*, *номенклатурщик*, *видеосалонщик*, *алиментщик*, *компьютерщик*, *безальтернативщик*, *застойщик*, *уотергейтщик* и мн. др. Примечательно, что данный формант может присоединяться к уже готовому деривату; *межрегионал* — *межрегиональщик*, *неформал* — *неформальщик* или же *кооператор* — *кооператорщик*. Несмотря на то, что многим из этих дериватов сопутствуют нежелательные для строгой литературной нормы стилистические коннотации разговорности, тем не менее иная деривационная альтернатива (пожалуй, кроме *перестроенщик*) здесь отсутствует: литературный язык им может противопоставить лишь громоздкие описательные конструкции, что не всегда приемлемо с точки зрения языковой экономии (ср.: *сторонник перестройки*, *участник переговоров*). Имеются, впрочем, и новообразования с конкурирующим аффиксом *-ник*; ср.: *перестроечник*, *отказник*, *рефьюзник*, *вайтник*, *рыночник*, *чернорыночник* и пр., однако в целом доминирующее положение суф. *-чик/-щик* является бесспорным. Общая тенденция потеснения суф. *-ник* прослеживается во всех славянских языках. Дериваты, образованные с помощью этого форманта, зачастую имеют оттенок книжности. В чешском языке очень продуктивным является суф. *-ař/-ář*, однако активную инвазию осуществляет и суф. *-ák* (тот же процесс наблюдается и в других славянских языках). Ср.: *uraňák*, *pojišťovák*, *imprumák*, *dražák*, *cundrák*, *kiňák*, *radiák* 'дозиметрист' *dopravák*, *kádrovák*. Ср. NAt: *notorák*, *skromňák*, *důležák*, *cizák*, *drsňák*. Активен этот формант и в русской разговорной речи, где он вторгается даже в сферу образования наречий; ср. *стабильняк*, *верняк*, *точняк* и т.д. Важно отметить, что для разговорной речи не является препятствием полисемия

форманта, хотя многие исследователи именно в этом видят ограничитель продуктивности суффикса. По нашему мнению, полисемия форманта, вероятно, может затруднять его использование в таких специфических сферах коммуникации, как профессиональная речь, где желательна четкая соотнесенность с обозначаемым или же в экспрессивной речи, где важна броскость, незатертость средства выражения. В отличие от литературного языка разговорный обладает множеством компенсаторов,нейтрализующих полисемию, к примеру, уточняющий контекст, жестикуляцию и пр.⁴

Интересно, что в ряде случаев в разговорной речи имеются своего рода параллельные структуры, конфронтирующие с литературным языком; ср. чеш. рус. *синхронист* — *синхронщик*, *журналист* — *журнальщик*, *компьютерист* — *компьютерщик*; серб.-хорв. *гитариста* — *гитараиш*, *флаутиста* — *флауташ*⁵; чеш. *bagrista* — *bagrák*, *houslista* — *houslák*, *výčerpní* — *výčerpák*, *cvičiště* — *cvičák*, *učiliště* — *učňák*, *diskotéka* — *diskárna*, *stadión* — *stadák*, *dělník* — *dělnás*, *četník* — *četňas*, *rentgenolog* — *rentgenář* и др. Большая регулярность отмечается в разговорной речи при образовании NM; ср.: *лекторша*, *дикторша*, *комментаторша*, *докторша*, *репортёрша*, *профессорша*, *директорша* (лит. *директриса*), *авторша*, *импровизаторша* и мн. др. Значительно активизирован в чешской разговорной речи суф. *-árna*: *nudárna* 'нудистский пляж', *rybárna* 'рыбный ресторан' и пр. Иногда он встречается в иной огласовке: *betonárka*, *сemenárka*, *vegetárka*. Данный формант широко используется в иной функции — в качестве экспрессивного средства; ср.: *dobytcárna*, *lumpárna*, *sprostárna*, *všívárna*, *štěničárna*, *chuligárna*, *opičárna*, *krysárna* и пр.

Заключая, мы хотели бы отметить, что высказанные выше соображения отнюдь не являются "истиной в последней инстанции". В наши задачи входило наметить направление возможного научного поиска и предложить интерпретацию, весьма, возможно, дискуссионную, языковых фактов, существенных для разработки проблем сопоставительного изучения славянских языков.

Литература

- Балтова Ю. Рабочая модель для сопоставительного исследования близкородственных языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
Волоцкая З.М. К сопоставительному описанию славянских языков // ВЯ. 1975. № 5.
Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorczykowej, R. Lasko-wskiego, H. Wróbla. W-wa, 1984.

⁴ Ср. для наглядности функциональную нагрузку ряда суффиксов чешского языка. Извлечение делалось на основе *Tvoření jmen podstatných* (1967. С. 746—769): -ek 8; -ík 8, -ec 11; -ka 14, -ička 6, -ice 13; -ko 2, -čko 1, -ce 3; -tel 2, -ník 10, -ce 5, -yne 4; -kyně 3, -č 2, -árna 2, -na 6, -nice 11, -ovna 2, -ost 3, -ství 3, -ota 4, -icna 1. Как мы видим, продуктивности суф. -ka отнюдь не мешает его полифункциональность.

⁵ Примечательно, что с *-ist(a)* сочетаются основы, обозначающие общеизвестные инструменты (виолончелист(a), пианист(a), гитарист(a), у названий народных инструментов отмечен суф. -аш (фрулаш, хармоникаш, тамбураш); ср. рус. *кобзарь*, *ложкарь* и т.д.

- Grzegorczykowa R.* Zarys słownictwa polskiego. Słownictwo opisowe. W-wa, 1979.
- Historický vývoj češtiny (Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.). Pr., 1977.
- Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Pr., 1962.
- Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny (Horecký J. a kol.). Br., 1989.
- Лопатин В.В.* Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Мануцарян Р.С.* Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования // Там же.
- Mluvnice češtiny (I). Foneútka. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. Pr., 1986.
- Нечименко Г.П.* Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 19. М., 1960.
- Она же.* Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке // Сов. славяноведение. М., 1966.
- Она же.* История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII—XX вв. (Прилагательное). М., 1968.
- Она же.* Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка. Прага, 1980.
- Она же.* Проблематика деривационной морфонологии // Славянское и балканское языко-знание. Проблемы морфонологии. М., 1981.
- Она же.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.
- Русская грамматика. I. М., 1980.
- Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen. Za red. Fr. Daneše, M. Dokulila, J. Kuchaře). Pr., 1967.
- Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV—XVII вв. М., 1974.
- Помимо названных работ, учитывались также публикации: Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. С., 1983.
- Мурдаров В. Съвременни словообразователни процеси. С., 1983.
- Радева В. Българското словообразуване. С., 1987.

М.А. Осипова (Россия)

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ГЛАГОЛЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: К ПРОБЛЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МОРФЕМНОЙ ЧЛЕНИМОСТИ

Заимствования, интерес к которым проявляется по большей части диахронической лингвистикой (установление языков-источников и путей проникновения слов в данный язык), в то же время ex definitione подлежат изучению на синхронном уровне как состоявшиеся факты языка-рецептора. Описание заимствований связано не только с необходимостью представить полную картину избранного участка языковой системы (напр., глагольного словообразования). Можно утверждать, что для постановки и решения проблемы именно заимствования оказываются благодарным материалом в силу периферийного положения, занимаемого ими в словообразовательной системе. К периферии же относится и часть исконной лексики, пережившая более или менее значительные сдвиги в словообразовательных отношениях, поставившие эту лексику за пределы продуктивных моделей. Как и заимствования, это слова, с одной стороны,

слишком прозрачные для этимологии, а с другой — представляющие трудности для синхронного описания и вследствие этого малоизученные или получившие противоречивую интерпретацию. На этом фоне заимствования представляют не менее обширный и специфический по отношению к словообразованию слой лексики славянских языков.

Данные заметки возникли в ходе работы над синхронно-словообразовательной и морфемной интерпретацией глаголов с заимствованной основой¹ (восходящих прежде всего к классическим языкам), содержащих префиксальные элементы (ПЭ), в современных польском, сербохорватском и русском языках. Насколько нам известно, эта проблема не ставилась в связи с заимствованной глагольной лексикой. В то же время представленные ниже результаты тем более интересны, что морфемная членимость префиксальных образований изучена в значительно меньшей степени, чем те же явления при суффиксации (известен факт морфемной и словообразовательной автономности славянских префиксов сравнительно с суффиксами).

Вычленение глагольных ПЭ вроде бы не представляет трудностей для лиц, знакомых с европейскими языками, но именно вследствие давления на исследователя внутренней формы в синхронных лингвистических описаниях приходится встречаться с самой произвольной трактовкой ПЭ. В работах по словообразованию славянских языков приводятся, как правило, только два префикса, отражающие *de(z)-* и *re-* языка-источника² и обнаружающие сравнительно высокую продуктивность. В работах по морфемике хотя и указываются ряды заимствованных глаголов с прочими ПЭ, однако их вычленение на основе этимологической интуиции исследователя происходит без учета (или с непоследовательным учетом) синхронной семантической стороны вопроса.

Это относится не только к попыткам использовать формальный критерий повторяемости начального отрезка слова в различных контекстах³, но и к стремлению обойти семантику при помощи, напр., понятия условной членности, допускающей отсутствие у вычленяемых частей слова значений, свойственных им в других контекстах⁴. Будучи примененным к обширному корпусу материала, такой подход, как уже указывалось, приводит к абсолютно не удовлетворительным результатам. Тогда пришлось бы членить, напр., глагол пол. *interpolować* на основании формальной соотнесенности с *polować* 'охотиться', а *parować* — с *parować* 'испарять(ся)', что ничем не отличалось бы от выделения префиксов в таких производных, как *porolować* 'поохотиться', *odparować* 'испарить(ся)'. Или, поскольку неприемлемость полученного результата можно связать с отсутствием в польском префиксов *inter-* и *pre-* (см. ниже), возьмем пол. *impasować* 'быть карту противнику': этот глагол членился бы на том основании, что существует префикс пол. *im-* (см. ниже) и глагол *pasować* 'приспособливать; соответствовать', что не менее абсурдно. Очевидно, что проблема словообразовательной (в отличие от словоизменительной) морфемной членности слова неразрешима без семантического анализа.

Попробуем исходить из понимания морфемы (аффиксальной и кор-

невой, в том числе связанной) как минимальной значимой части слова, повторяющейся в ином внутрисловном контексте в том же значении⁵. Рассмотрим пару глаголов: пол. *adustować* 'подготавливать текст к печати' и *adaptować* 'приспосабливать, приспособить'. Можно предположить, что общее этим глаголам значение приспособления и выражается ПЭ *ad-*. Однако мы не можем этого с уверенностью утверждать, поскольку общность значения способна характеризовать и предполагаемую беспрефиксную основу этих глаголов или фразеологическую надбавку. То же относится и к объединенным материальной общностью (гипотетической) беспрефиксной части пол. *adsorbować* хим., физ. 'поглощать' при *resorbować* хим., физиол. то же, *absorbować* то же, тождество семантики которых может объясняться и приставочной синонимией⁶. Следовательно, к определению морфемы необходимо добавить, что слова, составляющие минимальный контекст ее употребления, должны обладать полной свободной или связанной членностью. В последнем случае имеются в виду глаголы со связанной основой, отвечающие условию взаимно- или равнопроизводности по отношению к связанной вершине гнезда⁷.

Тогда членными на словообразовательном (и, следовательно, на морфемном) уровне будут слова, в составе которых как корневая (или относящаяся к основе), так и префиксальная части имеют признаки морфемы (в используемой ниже шкале ступень членности 1 для глаголов со свободной членностью и 2 — со связанный⁸). Аффиксальный элемент в этом случае имеет статус словообразовательного форманта и отличается типовым словообразовательным значением. Членными только на морфемном уровне будут слова, не отвечающие одному из двух требований, предъявляемых к производному и словообразовательно членному слову: содержать производящую и формантную части, повторяющиеся в той же функции в других словах. Это глаголы, включающие лишь одну морфему, у которых вторая часть выделяется как остаток⁹ (ступень членности 3). Здесь мы не рассматриваем такие глаголы из их числа, где морфемой является ПЭ, а основа имеет остаточную выделимость. Выявление корпуса подобных глаголов в данном случае непринципиально, поскольку ему должно предшествовать установление морфемного статуса ПЭ на словообразовательном уровне (ступени 1, 2), что и является нашей задачей.

Тогда слова, обладающие морфемной, а не словообразовательной членностью, следует считать непроизводными, хотя это и может противоречить интуиции исследователя и установленной практике. Так, только морфемной членностью характеризуются слова с уникальными ПЭ, хотя эти ПЭ могут быть семантически определенными. К тому же классу относятся и слова с десемантизованными аффиксальными элементами, т.е. такими, которые встречаются также в составе образований с нормальной словообразовательной членностью. Ср. пол. *delimitować* 'определять границу (особенно государственную)' при *limitować* 'определять верхнюю границу ч.-л.': префикс *de-* в данном случае не проявляет типового значения аннулирования действия и, следовательно, не может считаться словообразовательным формантом. Этот момент представляется важным в связи с тем, что в описаниях префиксации, как правило, оба типа глаголов помещаются в одном ряду¹⁰.

Как показывает наш анализ, выделение незначащих частей в слове возможно лишь на основании остаточного членения. Неважно, совпадают ли эти части материально с полнозначными морфемами. Не выдерживает проверки материалом понятие субморфа, который выделяют в словах типа *чепец*, *чулок* по причине их формальной соотносительности с *любимец*, *сынок*, где *ец* и *-ок* — живые суффиксы¹¹. Как членить в таком случае пол. *kotunikować*: с выделением начального *ko-* или *kot-*? Для польского отмечаются оба префикса (при отсутствии обеих мотивирующих основ). Здесь мы приходим к тому же сопротивлению материала, что и в случае пол. *impasować*, причем примеры легко умножить. Слова типа *чепец*, *чулок* мы считаем нечленимыми¹², а термин "субморф" использовали бы по отношению к остаточным элементам, выделяемым на ступени 3 нашей шкалы, и "унисубморф" — по отношению к уникальным элементам.

Важно подчеркнуть, что третьей ступенью членности характеризуется большое число заимствованных слов, что и составляет их морфемную специфику¹³. Техника необходимого анализа, результаты которого представлены ниже, с очевидностью раскрывается на следующем примере. Что можно сказать о членности глаголов пол. *restytuować* 'возвращать, вернуть ч.-л. в ранее установленное состояние (= заново установить)', *konstytuować* 'устанавливать', *substytuować* книжн. 'устанавливать, установить к.-л. (ч.-л.) вместо к.-л. (ч.-л.)', объединенных материально тождественными (предполагаемыми) беспрефиксными основами и частью лексического значения 'устанавливать/установить'? У глагола *restytuować* префикс имеет типовое словообразовательное значение повторности, *kon-* (*konstytuować*) десемантизировался, а *sub-* (*substytuować*) не имеет типового значения в принципе. Поскольку предполагаемая корневая часть в данном случае не имеет морфемы (нет минимального контекста из двух слов с полной членностью), только *restytuować* членится на морфемном уровне как глагол с остаточной корневой (resp. относящейся к основе) частью, тогда как два других нечленимы. Таким образом, для выделения остаточного ПЭ у глагола со связанный основой необходимо, чтобы та же связанный основа входила в состав еще двух соотносимых глаголов, членных на словообразовательном уровне. Без соблюдения этого условия не может быть уверенности в том, какие элементы значения принадлежат основе, а какие — фразеологической надбавке и проч.¹⁴

Номер высшей ступени, характеризующей глаголы с ПЭ данного языка, определяет статус ПЭ. Если ПЭ представлен в глаголах первой или второй ступени членности, ему приписывается статус префикса, если в глаголах только третьей ступени — префиксона или, соответственно, унипрефиксона. Сопоставление данных по отдельным ПЭ позволяет судить об их иерархии в каждом языке, на место в которой влияет в первую очередь статус ПЭ, а также количество образований с данным ПЭ, их стилистическая принадлежность и ступени членности соотносительных глаголов со связанный основой¹⁵. Устанавливается, далее, сравнительная иерархия ПЭ в указанных славянских языках¹⁶.

Источниками материала послужили: Речник српскохорватског књижевног језика. I—VI. Нови Сад; Загреб, 1967—1977; *Slownik języka polskiego*. I—III. W-wa, 1979—1981; Словарь русского языка. I—IV. М., 1981—1984. Данные этих словарей положены в основу толкований, составленных с учетом периферийной и метафорической мотивации¹⁷ как характерной особенности словообразовательной структуры заимствований. Ниже приводится весь имеющийся материал в соответствии с принятой шкалой по ПЭ, расположенным в алфавитном порядке; ПЭ разных языков разделяются точкой с запятой.

A-; a-; an-, ak-, an-: в сербохорватском и польском префикс с типовым значением 'соединить'¹⁸ с помощью действия, названного мотивирующим глаголом' (ср. синонимичные *c-/z-; s-/z-*); в русском префиксOID (с фонематическим содержанием *⟨a⟩* и рядом орфографических вариантов).

1. С.-х. *акумулирати* СВ, НСВ 'накопить, сконцентрировать' ← ← *кумулирати* 'накоплять, концентрировать'; пол. *akumulować* книжн. то же ← *kumulować* то же (с плеонастическим префиксом).

2. С.-х. *асоцирати* СВ, НСВ 'сосредоточить, соединить' при *дисоцирати се* СВ, НСВ 'разделиться, разъединиться' (2); *асимилирати, асимиловати* СВ, НСВ 'уподобить' при *дисимилирати, дисимиловати* СВ, НСВ 'расподобиться' (2); *асонирати* 'звучать складно, вместе' при *дисонирати* СВ, НСВ 'прозвучать нескладно, не вместе' (2); *аранжирати* СВ, НСВ 'соединить в порядке' при *деранжирати* СВ, НСВ 'нарушить порядок' (2); пол. *aglomerować* 'сосредоточивать, соединять' при *deglomerować* экон. 'рассредоточивать' (2); *asocjować* книжн. 'сосредоточивать, соединять' при *dysocjować* хим. 'разъединяться, распадаться' (2).

3. С.-х. *аперципирати* СВ, НСВ 'заметить и воспринять к.-л. понятие, представление' при *перципирати* 'воспринять к.-л. впечатление'; *аклиматизирати, аклиматизовати* СВ, НСВ 'приспособить к к.-л. условиям' при *клима, климат* 'условия'; *акомодирати* СВ, НСВ 'приспособить, сделать удобным' при *комодан* 'удобный'; *анектирати* СВ, НСВ 'насилием присоединить, связать' при *нексус* 'союз, связь'; *анулирати* СВ, НСВ 'уничтожить (= свести к нулю)' при *нула* 'ноль'; *арондирати, арондисати* СВ, НСВ 'округлить' при *рондо* 'круг'. Пол. *apercyjowować* психол. 'воспринимать' при *percypować* 'в процессе познания: воспринимать'; *afiliować* 'создать филиал' при *filia* 'филиал'; *aklimatyzować(się)* биол. 'о живом организме: приспособливать(ся) к изменившимся условиям, особенно климатическим' при *klimat* 'климат; условия'. Рус. *аперципировать* СВ, НСВ психол. 'воспринять на основе имеющегося опыта' при *перципировать* психол. 'воспринять'; *акклиматизировать(ся)* СВ, НСВ 'приспособить(ся) к новому климату, к новым жизненным условиям' при *климат* 'условия существования'; *аккредитировать* СВ, НСВ фин. 'уполномочить к.-л. на получение денег или на производство торговых операций (= наделить коммерческим доверием)' при *кредит* 'коммерческое доверие'; *аннулировать* СВ, НСВ 'признать

недействительным (= свести к нулю)' при нуль; *апробировать* СВ, НСВ 'в результате испытания официально одобрить' при проба 'испытание'.

Анти-/анте-; *anty-/ante-*: унипрефиксOID в сербохорватском и польском: с.-х. *антидатирати*, *антедатирати* СВ, НСВ 'поставить более раннюю дату, чем фактическая дата возникновения или публикации документа' при *датирати* 'поставить дату'; пол. *antydatować*, *antedatować* НСВ то же при *datować* то же.

Де-/дез-; *de-/dez-*; *де-/дез-*. Префикс, продуктивный во всех трех языках, образует модель с типовым значением 'аннулировать результат действия, названного мотивирующим глаголом' (ср. синонимичные с.-х. *раз-/рас-*, *од-/от-* и соответствующие польские и русские приставки). Алломорф *де-*; *de-* выступает перед основой, начинающейся с согласного; *дез-*; *dez-* — перед основой, начинающейся с гласного.

1. С.-х. *дезорганизирати*; *дезорганизовати* СВ, НСВ 'аннулировать результат действия по глаголам *организирати*, *организовати*', *дезориентирати*, *дезориентисати* СВ, НСВ 'аннулировать результат действия по глаголам *ориентирати*, *ориентисати*', а также *дебалканизирати се*, *деблокирати*, *дезинтересирати се*, *дезинтересовати се*, *дезинфицирати* и др. (более 20 глаголов). Пол. *decentralizować* 'аннулировать результат действия глагола *centralizować*', *dekompromować* 'аннулировать результат действия глагола *kompromować*', *deformować*, *dehumanizować*, *dekodować*, *dekompłetować* и проч. (около 40 глаголов). Рус. *деблокировать* СВ, НСВ 'аннулировать результат действия по глаголу блокировать', *дезинформировать* СВ, НСВ 'аннулировать результат действия глагола информировать'; *дезорганизовать*, *дезориентировать*, *демаскировать*, *демилитаризовать* и др. (менее 20 глаголов).

Достаточно продуктивной является и модель отымененного образования глаголов префиксально-суффиксальным способом ' лишить [аннулировать] того (то), что названо мотивирующим существительным': с.-х. *детронизирати*, *детронизовати* СВ, НСВ ' лишить престола' ← *tron* 'престол', *декуражирати* СВ, НСВ ' лишить храбости' ← *кураж*, *куража* 'храбрость', а также *деклассирати*, *дегазирати*; пол. *dekartelizować* ' уничтожать картели' ← *kartel*; *detronizować* ' лишать престола' ← *tron* 'престол', ср. также *deklasować*, *denaturować* хим., *detonować* муз. (ср. *ton* и *intonować* (1); *dewaloryzować* экон.; рус. *деклассироваться* СВ, НСВ 'быть исключенным из социального класса' ← *класс*; *денатурировать* СВ, НСВ хим. 'изменить свойства действия к.-л. веществ' ← *натуря* 'свойства').

Как отсубстантивные можно рассматривать и многие из приведенных выше отглагольных образований: сама возможность неединственной словообразовательной интерпретации говорит о высокой степени освоения рассматриваемого префикса в словообразовательных системах глагола. Ср. с.-х. *демаскирати* ← *маска*, так же и *деформирати* и вар., *децентрализирати* и вар., *десиффирати* и вар.; пол. *decentralizować* ← *centrum*, как и *deformować*, *dekompłetować*, *demineralizować*, *demitologizować* и др.; рус.

дезориентировать ← *ориентир*; *десифровать*, *денационализировать*, *демонизировать* и др.

Ряд сербохорватских и польских глаголов может иметь и неединственную отадъективную мотивацию по формуле 'лишить признака, названного мотивирующим прилагательным': с.-х. *деморализирати* и вар. СВ, НСВ 'аннулировать результат действия *морализирати* и вар.'; при толковании 'лишить храбрости' глагол мотивируется существительным *морал* 'храбрость', а при толковании 'сделать безнравственным' ← *моралан* 'нравственный'. В том же духе ср. и *депалатализирати* и вар. ← *палатализирати* и вар. ← *палаталан*. Так же и пол. *depopularyzować* 'делать непопулярным' ← *popularny*, ср. также *dezaktyalizować*, *delegalizować*.

2. С.-х. *деранжирати* СВ, НСВ 'нарушить порядок, расстроить' при *аранжирати* (2); *дегенерирати*, *дегенерисати* биол. СВ, НСВ 'выродиться' при *регенерирати*, *регенерисати* СВ, НСВ ' заново создать, возродить' (2). Пол. *degenerować* 'вызывать вырождение (= уничтожать)', ср. *regenerować* биол. 'возрождать' (2)¹⁹; *degłomerować* экон. 'рассредоточивать' при *aglomerować* (2). Рус. *дегенерировать* СВ, НСВ 'выродиться, уничтожиться' при *регенерировать* СВ, НСВ биол. 'возродиться' (2).

Менее частотна в сербохорватском и польском (при отсутствии в русском) модель 'удалить с помощью действия, названного мотивирующей основой': с.-х. *депонирати*, *депоновати* СВ, НСВ 'отдать на хранение' при *диспонирати*, *диспоновати* СВ, НСВ 'расположить, разместить' (3), *експонирати*, *експоновати* СВ, НСВ 'выставить на обозрение' (2), *компонирати*, *компоновати* СВ, НСВ 'составить целое из элементов' (2), *транспонирати*, *транспоновати* СВ, НСВ 'переместить, перенести' (2; -*понирати*, -*поновати* 'перемещать'); *депортирати*, *депортовати* СВ, НСВ 'насильственно удалить, выслать' при *експортирати*, *экспортовати* СВ, НСВ 'вывезти товары и под. за границу' (2), *импортирати*, *импортовати* СВ, НСВ 'ввезти товары и под. из-за границы' (3), *транспортирати*, *транспортировати* СВ, НСВ 'перевезти, переслать' (2; -*портирати*, -*портовати* 'перемещать'). Пол. *deponować* 'отдавать на хранение' при *komponować* 'составлять целое из элементов' (2), *eksponować* 'выставлять на обозрение, на первый план' (2), *transponować* СВ, НСВ книжн. 'перенести из одной области в другую' (2; -*ponować* 'перемещать'); *deportować* 'вывозить, ссылать' при *eksporciować* СВ, НСВ 'вывезти товары и под. за границу' (2), *importować* СВ, НСВ 'ввезти товары и под. из-за границы' (2), *transportować* 'перевозить товары, грузы' (2; -*portować* "перемещать").

3. С.-х. *дегустирати* СВ, НСВ 'пробуя, оценить качество к.-л. продукта питания и под.' при *густирати* 'пробуя (на вкус), наблюдая, употреблять'; пол. *delimitować* (см. выше), *denerować* 'действовать на нервы' при *nerw*; *defibrować* 'расщеплять древесину на волокна' при *fiba* 'вид искусственного волокна'; рус. *декалькировать* СВ, НСВ спец.

'перевести рисунок на бумагу, дерево и под.' при *калькировать* спец. 'снять копию ч.-л. посредством кальки'; *депонировать* СВ, НСВ юр. 'передать на хранение' при *экспонировать* СВ, НСВ 'выставить на обозрение' (2); *транспортировать* СВ, НСВ муз. 'переложить к.-л. музыкальное произведение из одной тональности в другую' (2; -*понировать* 'перемещать').

Ди-, дис-; *dy-/dys-*; *дис-*. С.-х. *ди-* и *дис-* — независимые морфемы, префиксы с аннулирующим значением; пол. *dy-* и *dys-* — алломорфы (*dy-* соединяется с основами, начинающимися на согласный *s*, а *dys-* — с прочими) префикса с типовым аннулирующим значением; в русском представлен префикс *дис-* с тем же значением.

1. С.-х. *дисхармонирати*, *дисхармонисати* СВ, НСВ 'быть в несогласии' ← *хармонирати*, *хармонисати* 'быть в согласии', так же и *дисориентирати* ← *ориентирати*; *дисквалифицирати*, *дисквалифицировати*; *дисконтинуирати*; *дистонирати* СВ, НСВ ← *тонирати* или ← ← *тон*, ср. *дискредитирати*, *дискредитовати* СВ, НСВ 'лишить доверия' ← *кредит* 'доверие'. Пол. *dyskwalifikować* 'отрицательно оценивать' ← *kwalifikować* 'оценивать'. Рус. *дисгармонировать* муз. 'находиться в несоответствии, разладе' ← *гармонировать* муз. 'находиться в соответствии'; *дисквалифицировать* СВ, НСВ 'отрицательно оценить' ← *квалифицировать* 'оценить'.

2. С.-х. *диссоцирати се* СВ, НСВ 'разделиться, разъединиться' при *асоцирати* (2); *дивергирати* СВ, НСВ 'разойтись, удалиться друг от друга' при *конвергирати* СВ, НСВ 'сблизиться друг с другом' (2); *диссимилирати*, *диссимиловати* СВ, НСВ 'расподобиться, удалиться друг от друга' при *асимилирати*, *асимиловати* (2); *дисонирати* СВ, НСВ 'звучать нескладно, не вместе' при *асонирати* (2). Пол. *dysonować* муз. 'звучать негармонично' при *konsonowować* муз. 'звучать гармонично' (2); *dysocjować* хим. 'разъединяться, распадаться' при *asocjować* (2; если усматривать здесь наложение префиксальной и корневой морфем, пол. *dy-* выделяться не будет).

3. С.-х. *дифамирати* СВ, НСВ 'пустить дурную молву' при *фама* 'молва'; *диспонирати*, *диспоновать* СВ, НСВ 'расположить, разместить' при *депонирати*, *депоновать* (2) и др. Пол. *dyslokować* устар. 'размещать' при *lokować* то же; *dyskredytować* 'лишить доверия' при *kredyt* 'доверие'. Рус. *дискредитировать* СВ, НСВ 'лишить доверия' при *кредит* 'доверие'.

Екс-; *eks-*; *экс-*. Глаголы с данными префиксами во всех трех языках описываются формулой 'удалить с помощью действия, названного мотивирующей (связанной) основой' (при синонимии с исконными приставками).

2. С.-х. *экспортирати*, *экспортовать* СВ, НСВ 'вывезти товары и под. за границу', см. *депортирати*, *депортовать* (2) и др.; *экспонирати*, *экспоновать* СВ, НСВ 'выставить на обозрение' при *депонирати*, *депоновать* (2) и др.; *экспатирати* СВ, НСВ 'выселить к.-л. за пределы родной страны' при *репатирати* СВ, НСВ 'вернуть, заново

поселить в родной стране' (2); *ekstrahirati*, *ekstrahovati* СВ, НСВ 'вытянуть, извлечь' при *kontrahirati* СВ, НСВ, *kontrahovati* НСВ 'стянуть, сжать' (2). Пол. *ekspatriować* СВ, НСВ 'выселить к.-л. за пределы родной страны', ср. *repatriować* 'возвращать, заново поселять в родной стране' (2); *eksponować* выставлять на обозрение', см. *deponować* (2) и проч.; *eksportować* СВ, НСВ 'вывезти товары и под. за границу', см. *deportować* (2) и др. Рус. экспортировать СВ, НСВ 'вывезти товары и под. за границу', ср. импортировать СВ, НСВ 'ввезти товары и под. из-за границы' (2), транспортировать СВ, НСВ 'перевести из одного места в другое' (2; -портировать 'возить'); экспатриировать СВ, НСВ 'выселить за пределы родной страны', ср. *repatriować* СВ, НСВ 'вернуть, заново поселить в родной стране' (2); экспонировать СВ, НСВ 'выставить на обозрение', см. транспонировать (2), депонировать (3).

E-; e-; э-: в сербохорватском и польском префикс, синонимичный *eks-*; *eks-*; в русском — унипрефикссоид.

1. С.-х. *emigriрати* СВ, НСВ 'уехать из родной страны' ← *migrirati* 'перемещаться'; пол. *emigrować* СВ, НСВ 'уехать из родной страны' ← ← *migrować* 'перемещаться'.

2. С.-х. *emitирати* СВ, НСВ 'пустить в оборот деньги или ценные бумаги', ср. *remitирати* СВ, НСВ 'послать, отправить назад; доставить деньги или ценные бумаги' (2), *трансmitирати* СВ, НСВ 'перенести, передать' (2; -митирати 'приносить, давать'). Пол. *emitować* СВ, НСВ 'передать радио- или телепрограмму', ср. *transmitować* 'передавать радио- или телепрограмму из места, находящегося вне студии' (2).

3. С.-х. *енервирати* СВ, НСВ 'раздражить', ср. *нервирати* то же. Пол. *enimerować* книжн. 'перечислять, называть по порядку (= как по номерам)', ср. *numerować* 'ставить номера'. Рус. эмигрировать СВ, НСВ 'уехать из родной страны' при *migrировать* книжн. 'перемещаться'.

Им-/ин-; im-/in-; им-/ин-. В польском и русском языках глаголы с данными префиксами обозначают 'с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, поместить во ч.-л., проникнуть внутрь ч.-л.' (ср. синонимичные *w-*; *b-*). В сербохорватском, польском и русском языках префикс участвует в отсубстантивной модели 'поместить на том (там) то, что названо мотивирующим существительным; ввести то, что названо мотивирующим существительным'. Алломорф *им-*; *im-*; *им-* выступает перед основой, начинающейся с губного согласного; *ин-*; *im-*; *ин-* — в прочих случаях.

1. Отглагольные образования: пол. *imigrować* СВ, НСВ 'прибыть в чужую страну на постоянное жительство' (с наложением префиксальной и корневой морфем) ← *migrować* 'перемещаться'; *infiltrować* 'о жидкых и газообразных веществах: проникать, просачиваться, впитываться' ← ← *filtrować* 'пропускать через фильтр' (с классифицирующей функцией префикса). Рус. иммигрировать СВ, НСВ 'прибыть в чужую страну на постоянное жительство' ← *migrировать* книжн. 'перемещаться'.

Отыменные образования: с.-х. *инсциенирати* СВ, НСВ 'поставить на

сцене' ← *сцена; интонирати, интоновати* СВ, НСВ 'задать тон' ← *тон* (при возможной мотивации ← *тонирати* 'дать основной тон', тогда с классифицирующей приставкой, ср. *дистонирати* (1); пол. *intronizować* СВ, НСВ 'возвести на престол' ← *tron* 'престол', см. *detronizować* (1); *inscenizować* СВ, НСВ 'поставить литературное или музыкальное произведение на сцене' ← *scena; intonować* 'в хоровом пении: задавать нужное звучание' ← *ton, tony* 'звукание', ср. *detonować* (1); *indoktrynować* ← ← *doktryna*; рус. *инсценировать* СВ, НСВ 'приспособить литературное произведение для постановки на сцене' ← *сцена; интонировать* муз. 'исполнять ч.-л. с точным и чистым звуком', лингв. 'произносить ч.-л. с чередованием повышений и понижений тона' ← *тон* 'характеристика звука' (при возможной мотивации *тонировать*, тогда с классифицирующей приставкой).

2. Пол. *importować* СВ, НСВ 'ввезти товары из-за границы', см. *deportować* (2), *eksportować* (2); *implantować* мед. 'внедрять в организм чужеродные тела в качестве протезов', ср. *transplantować* СВ, НСВ 'пересадить ткани или органы (в одном организме или из одного организма в другой)' (2; *-plantować* 'сажать'). Рус. *импортировать* СВ, НСВ 'ввезти товары и под. из-за границы', ср. *экспортировать* (2) и др.

3. С.-х. *импортирати, импортировати* СВ, НСВ 'ввезти товары и под. из-за границы', ср. *экспортирати, экспортовати* (2); *инкомодирати* СВ, НСВ 'досадить, быть неудобным для к.-л.' при *комодан* 'удобный'. Рус. *иммобилизовать* СВ, НСВ мед. 'создать неподвижность поврежденной части тела' при *мобилизовать* 'привести ч.-л. в деятельное состояние', *мобильный* 'подвижный'.

Ko-; ko-. В сербохорватском и польском глаголы с указанными префиксами обозначают 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить совместно; объединить с помощью действия, названного мотивирующим глаголом' (ср. *c-з-; s-з-*, а также *a-*; *a-*, см. выше).

1. С.-х. *коегзистирати* 'существовать (о государствах с различным общественно-политическим устройством)' ← *егзистирати* 'существовать'; *кооперирати* НСВ, *кооперисати* СВ, НСВ 'совместно работать в одном направлении, сотрудничать' ← *оперирати, оперисати* 'действовать, работать'; *кореспондирати* 'писать друг другу письма, отвечать на письма' ← *респондирати* 'ответить'; *корепетирати* СВ, НСВ 'повторить уроки со школьниками' ← *репетирати* 'повторить'. Пол. *koegzystować* книжн. 'существовать' ← *egzystować* 'существовать'; *kooperować* 'действовать совместно' ← *operować* 'действовать'; *kooptować* 'о членах к.-л. выборного органа: совместно выбирать члена того же органа собственным решением' ← *optować* 'выбирать'; *kolokować* ист. 'помещать к.-л. в качестве кредитора вместе с другими кредиторами на части имения должника' ← *lokować* 'помещать'.

3. С.-х. *комеморирати* СВ, НСВ 'в память о покойном: держать речь' при *меморирати* 'запомнить'; *комутирати* СВ, НСВ 'изменить направ-

ление тока' при *мутирати* 'изменяться (о голосе юноши); биол. 'об особенностях организма: изменяться'.

Ком-/кон-; kom-/kon-; кон-. В сербохорватском и польском глаголы с данными ПЭ обозначают 'действие, названное мотивирующей основой, совершить совместно; объединить с помощью действия, названного мотивирующей основой' (ср. *ко-*; *ко-*). От свободных слов глаголы не образуются. Алломорф *ком-*; *ком-* выступает перед основой, начинаящейся с губного согласного; *кон-*; *кон-* — в прочих случаях. В русском *кон-* — унипрефиксOID.

2. С.-х. *контрахирати* СВ, НСВ, *контраховати* НСВ 'стянуть, сжать', см. *екстрахирати*, *екстраховати* (2); *конвергирати* СВ, НСВ 'сблизиться', *дивергирати* (2); *компонирати*, *компоновати* СВ, НСВ 'составить целое из элементов', см. *депонирати*, *депоновати* (2) и др. Пол. *komponować* 'составлять целое из элементов', см. *deponować* (2) и др.; *konsonować* муз. 'звучать гармонично', см. *dysonować* (2).

3. С.-х. *концедирати* СВ, НСВ 'допустить, уступить' при *цидирати* юр. 'уступить (свое право) и под.'; *концентрирати*, *концентрисати*, *концентровати* СВ, НСВ 'сосредоточить, собрать' при *центрар*; пол. *koncentrować* 'сосредоточивать, собирать' при *centrum*; рус. *концентрировать* 'сосредоточивать' при *центр*.

Контра-; kontr-/kontra-; контр-. В сербохорватском и польском глаголы с этими префиксами обозначают 'совершить ответное действие на действие, обозначенное мотивирующими глаголом' (ср. исконные *от-/од-*; *од-*); алломорф *kontr-* выступает перед гласной основы (впрочем, здесь можно видеть и наложение корневой и префиксальной морфем), *kontra-* — перед согласной. В русском это унипрефиксOID.

1. С.-х. *контраминирати* СВ, НСВ 'поставить мины в ответ на установку мин противником' ← *минирати* 'поставить мины'; *контрасигнирати* СВ, НСВ 'поставить подпись рядом с другой подписью' ← *сигнирати* 'поставить подпись'. Пол. *kontrasygnować* 'ставить вторую подпись (-подписывать второй раз) для того, чтобы документ был действительным' ← *sygnować* 'подписывать'; *kontratakować* 'атаковать атакующего противника' ← *atakować* 'атаковать'. В приведенных случаях допустима и мотивация именем, содержащим соответствующий ПЭ; последние активно присоединяются к именам. Ср. ниже: З. Рус. *контратаковать* СВ, НСВ 'атаковать атакующего противника' при *атаковать* и *контратака*.

Post-: унипрефиксOID в польском, ср. *postdatować* 'снабдить ч.-л. датой более поздней, чем действительная' при *datować* 'снабжать датой'.

Пер-: унипрефиксOID в сербохорватском, ср. *пермутирати* СВ, НСВ 'изменить облик или порядок' при *мутирати* 'изменяться (о голосе юноши)', биол. 'об особенностях организма: изменяться'.

Пре-; pre-: унипрефиксOIDы в сербохорватском и польском: с.-х. *предоминирати* СВ, НСВ 'превзойти' при *доминирати* то же; пол.

prefabrykować 'производить строительные материалы' при *fabrykować* 'производить (в большом количестве)'.

Pe-; re-; pe-. Продуктивная во всех трех языках модель со значением 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить заново (и иначе)', ср. синонимичные *pre-; prze-; per-*.

1. С.-х. *reorganizati, reorganizowati* СВ, НСВ 'снова (и иначе) осуществить действие по глаголу *organizati, organizowati*'; *renumerirati, renumerisati* СВ, НСВ 'снова (и иначе) осуществить действие по глаголу *numerirati, numerisati*', а также *reprodukowati, reproducyrati*; *reformirati, reformisati*; *renegirati*; *remontirati* и др. (всего 21 глагол). Пол. *rekonstruować* ' заново осуществлять действие по глаголу *konstruować*'; *rekompensować* ' заново осуществлять действие по глаголу *kompensować*' (с классифицирующим префиксом), также *reorganizować*; *reformować*; *repolonizować*; *reprodukować* и др. (11 глаголов). Рус. *реэвакуировать* СВ, НСВ ' заново совершить действие по глаголу *эвакуировать*', *ремилитаризовать*, *ремилитаризовать* СВ, НСВ ' заново осуществить действие по глаголу *милитаризовать*, *милитаризовать*', а также *реконструировать*, *ремонтировать*, *реорганизовать*, *ретранслировать*, *реформировать*.

В сербохорватском и польском действует модель отадъективного префиксально-суффиксального образования глаголов ' заново наделить признаком, обозначенным мотивирующим прилагательным': с.-х. *reagrarizati* СВ, НСВ ' вернуть сельскохозяйственную ценность ч.-л.' ← *агарни, агарски* ' сельскохозяйственный'; *renomirati* СВ, НСВ ' заново сделать новым' ← *нован* ' новый', а также с двойственной (отглагольной и отыменной) мотивацией *reaktivirati, reaktivisati*, ср. *активирати, активисати* и *активан*; пол. *resocjalizować* ' заново приспособливать к.-л. лицо к социальной жизни' ← *socjalny*; *reprywatyzować* СВ, НСВ ' вернуть к.-л. конфискованное и обобществленное имущество (=снова сделать частным)' ← *prywaty*. Аналогично могут трактоваться *reaktywować*, *repolonizować*.

2. С.-х. *регенерирати, регенерисати* СВ, НСВ ' заново создать, возродить', см. *дегенерирати, дегенерисати* (2); *ремитирати* СВ, НСВ ' послать, отправить назад', см. *емитирати* (2), *трансмитирати* (2); *репатрирати* СВ, НСВ ' вернуть, заново поселить в родной стране', см. *экспатрирати* (2). Пол. *repatriować* ' возвращать в родную страну (= заново поселять)', см. *ekspatriować* (2); *regenerować* биол. ' возрождать', см. *degenerować* (2). Рус. *регенерировать* СВ, НСВ биол. ' возродиться', см. *дегенерировать* (2); *репатрировать* СВ, НСВ ' вернуть, заново поселить в родной стране', см. *экспатрировать* (2).

3. С.-х. *рессекрати* СВ, НСВ мед. ' отсечь больной орган' при *секирати* мед. ' рассечь труп', а также *репрезентирати*: *презентирати*; *реосигурати*: *осигурати*; *рекогносцирати*: *когносцирати*. Пол. *repräsentować* ' быть представителем ч.-л.' при *prezentować* ' представлять, демонстрировать ч.-л.'.

Транс-; trans-; транс-. Во всех трех языках глаголы с этим префиксом обозначают 'действие, названное мотивирующим глаголом, направить из одного места в другое' (ср. синонимичные *pre-*; *prze-*; *пере-*). В сербохорватском и русском представлена также модель 'действие, названное мотивирующим глаголом (основой), осуществить заново (и иначе)'.

1. С.-х. *трансформирати, трансформисати* СВ, НСВ 'придать новую форму, изменить' ← *формирати, формисати* 'придать форму, создать' (или ← *форма*, тогда ср. *трансфигурирати, трансфигурисати* СВ, НСВ 'придать новый облик, переиначить' ← *фигура* 'облик, вид'). Пол. *translokować* книжн. 'перемещать' ← *lokować* 'помещать'; *transliterować* 'записывать к.-л. текст иначе, при помоши букв иной письменности' ← *literować* 'по очереди называть буквы слова'. Рус. *трансформировать* СВ, НСВ 'видоизменить, придать новую форму' ← *формировать* 'придавать форму'.

2. С.-х. *транспортирати, транспортировати* СВ, НСВ 'перевезти, переслать', см. *депортирати, депортовати* (2) и др.; *транспонирати, транспоновать* СВ, НСВ 'переместить, перенести', см. *депонирати, депоновать* (2) и др.; *трансмитирати* СВ, НСВ 'перенести, передать', см. *эмитирати* (2) и др. Пол. *transplantować* СВ, НСВ 'пересадить ткани или органы (в одном организме или из одного организма в другой)', см. *implantować* (2); *transportować* 'перевозить товары, грузы', см. *deportować* (2) и др.; *transmitować* 'передавать радио- или телепрограмму из места, находящегося вне студии', см. *emitować* (2); *transponować* СВ, НСВ книжн. 'перенести из одной области в другую, приспосабливая к ч.-л.', см. *dertonować* (2) и др. Рус. *транспонировать* СВ, НСВ муз. 'переложить к.-л. музыкальное произведение из одной тональности в другую', см. *экспонировать* (2) и др.; *транспортировать* СВ, НСВ 'перевезти из одного места в другое', см. *импортировать* (2) и др.

Описанные факты представлены в таблице (см.), где ПЭ расположены в порядке убывающей сравнительной словообразовательной активности: от ПЭ с высшим статусом во всех сравниваемых языках к ПЭ с более низким статусом, представленным в отдельных языках. Знак "+" обозначает наличие образований (образования) с данным ПЭ на указанной ступени членности; знак "—" — отсутствие таковых.

ПЭ	de(3)- de(2)- de(3)-	ре- ре- ре-	ди —	dy(s)- —	дис- дис-	транс- trans- транс-	и(m,n)- и(m,n)- и(m,n)-	е е э	а- а- а-
яз. ст.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.
!	+	+	+	+	+	—	+	+	+
2	+	+	+	+	+	—	—	+	+
3	+	—	+	+	—	—	+	—	+

ПЭ	<i>ко-</i> <i>ко-</i> —	<i>контра-</i> <i>kontr(a)-</i> <i>контр-</i>	<i>екс-</i> <i>eks-</i> <i>экс-</i>	<i>ко(м, н)-</i> <i>ko(m, n)-</i> <i>кон-</i>	<i>ант(u,e)-</i> <i>ant(y,e)-</i> —	<i>пре-</i> <i>pre-</i> —	<i>пер-</i> <i>per-</i> —	<i>по-</i> <i>post-</i> —
яз. ст.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.	с.-х. п. р.
1	+	+	-	+	+	-	-	-
2	-	-	-	-	+	+	-	-
3	+	-	-	-	+	+	+	-

Как видим, членимым на словообразовательном и морфемном уровнях оказывается лишь небольшое — сравнительно с общим количеством заимствованных — число глаголов. В сербохорватском и польском языках заимствованные глагольные ПЭ адаптируются легче, чем в русском, что находит выражение как в большем наборе вычленяемых ПЭ, так и в их более высокой словообразовательной активности. В русском нет аналогов для префикса *ко-*; *ко-*, унипрефиксOIDов *ант(u, e)-*; *ант(y, e)-*; *пре-*; *ре-*; *пер-*; *по-*. Статус префиксов только в сербохорватском и польском имеют *е-*; *е-*; *а-*; *а-*; *контра-*; *kontr(a)*; *ко(м, н)-*; *ко(m, n)-* (последний выделяется у глаголов со связкой основой); в русском *а-* и вар. — префиксOID, *э-*, *кон-*, *контр-* — унипрефиксOIDы.

Наибольшей активностью характеризуются *де(z)-*; *de(z)-*; *де(з)-*; *ре-*; *ре-*; *ди-*; *дис-*; *dy(s)-*; *дис-*; *транс-*; *trans-*; *транс-*; *и (м, н)-*; *i(m, n)-*; *и(м, н)-*, присоединяющиеся к свободным глаголам во всех трех языках; только в составе глаголов со связкой основой вычленяется *екс-*; *eks-*; *экс-*. Однако количество образований с перечисленными префиксами, как и набор используемых словообразовательных моделей, в сербохорватском и польском намного больше, чем в русском, что особенно ярко проявляется у глаголов с *де(z)-*; *de(z)-*; *де(з)-* и *ре-*; *ре-*; *ре-*.

Факторы, влияющие на различную адаптацию заимствованных глаголов в сербохорватском, польском и русском языках, раскрывающие аспекты словообразовательной и морфемной специфики этих языков, рассматриваются нами в другом месте²⁰. Здесь хотелось бы отметить еще одно обстоятельство: важность проделанного выше анализа для установления связей слов в словообразовательном гнезде. Это касается, прежде всего, направления мотивации в паре "имя" — "глагол", что для нас существенно и в связи с выявлением мотивирующих (не мотивированных) глаголов и тем самым правильного ограничения материала. Следуя в общем положениям, сформулированным в монографии И.С. Улуханова, в частности, о мотивации глагола безаффиксным процессуальным именем, исправим содержащуюся здесь неточность. Если в парах *ввезти* — *ввоз*; *вывезти* — *вывоз* господствующим считается направление "глагол" → "имя", так как имена содержат префикс, "выступающий в том же значении в соотносительном глаголе и в ряде других соотносительных глаголов", то в парах *импорт* — *импортировать*; *экспорт* — *экспортировать* — обратное²¹. Между тем и в последнем случае имена являются производными, поскольку в их состав входят глагольные префиксы с

типовыми словообразовательными значениями (именное словообразование славянских языков не знает префиксов *им-*, *экс-* и прочих с пространственными значениями).

Предпочтительно то направление мотивации, при котором мотивирующее членится на морфемы. В связи с этим заимствованные глаголы, содержащие ПЭ, можно поместить в рамках соответствующих цепочек, как, напр., *форма* → *формировать* → *реформировать* → *реформа*, и парадигм, ср. *реформировать*, *деформировать*, *трансформировать*²². Точно так же мотивированы глаголами и бессуффиксальные имена с конкретными значениями, содержащие префикс, в соотношениях типа *транспортировать* — *транспорт*: с одной стороны, глагол обладает здесь полной членностью, с другой, — данный случай отвечает семантической модели 'действие' → 'средство, орудие действия', широко представленной в славянских языках²³.

Мотивация имен типа *импорт*, *реформа*, *транспорт* глаголами действительна лишь в связи с глаголами, членными на словообразовательном уровне. Глагол рус. *прогрессировать*, напр., мотивирован более простым по составу морфем безаффиксным существительным *прогресс*, а не наоборот, так как в русском языке не представлен глагольный префикс *про-*. Аналогичным образом направление "имя" → "глагол" действует и в парах рус. *анонс* — *анонсировать*; *реклама* — *рекламировать*.

Примечания

- 1 Именуемых для краткости заимствованными глаголами.
- 2 ПЭ в составе заимствованных имен исследованы лучше, ср., напр., специальные работы на материале польского и русского языков: *Szymczak M. O nowym typie prefiksacji rzeczowników i przyimionków w językach słowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 5. Językoznanstwo. W-wa, 1978; Kaliszak J. Internacjonalne przepozycyjne mormfemę grecko-latinńskiego pochodzenia w współczesnym rosyjskim i polskim słowoobrazowaniu // Uniwersytet im. A. Mickiewicza. Ser. filologia rosyjska. N 14. Poznań, 1980.*
- 3 Подробнее см. *Осипова М.А. Статус префиксальных элементов в заимствованных глаголах современного польского языка // Studia z filologii polskiej i śląskiej. T. 27. 1991*; из литературы последнего времени ср.: *Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Л., 1987. С. 72—73*, где приводится достаточно случайный набор заимствованных глагольных префиксов, а также: *Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986*, где подобные элементы вообще не учтены.
- 4 Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). 1. М., 1974. С. 53 и сл.
- 5 Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I. М., 1985. С. 18.
- 6 Обе рассмотренные группы включают нечленные глаголы. Ср.: *Осипова М.А. Указ. соч.*, где использовался менее строгий и последовательный подход.
- 7 К данному понятию см.: *Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 436*. В связи с этим мы не считаем соотносительными по связанной основе глаголы, оформленные различными суффиксами, как, напр., рус. *компоновать*, не входящее в парадигму *депонировать*, *экспонировать*, *транспортировать* (см. ниже). Тем более некорректным был бы поиск соотносительности с процессуальными существительными, которые в современных славянских языках к тому же развили способность к образованию непосредственно от именных основ (к ним же, минуя глагольную стадию, присоединяются и префиксы, см.: *Kaliszak J. Op. cit. С. 26 и сл.*). Предлагаемая А.Н. Тихоновым трактовка глаголов со связанной основой как немотивированных и не находящихся в словообразовательных отношениях друг с другом

намного усложняет описание словообразовательной системы; ср. используемое им же понятие "корневых подгнезд", не связанных между собой, но объединяемых в одном "корневом гнезде": Тихонов А.Н. Указ. соч. С. 50.

8 Подробнее см.: Осипова М.А. Указ. соч.

9 Ср. сходную с нашей трактовку: Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. С. 157—158.

10 Даже если приписывать десемантизованным аффиксам уникальное значение в каждом конкретном случае, то и тогда образования, в которые они входят, будут обладать только морфемной членностью ввиду наличия одного ряда одноструктурных соответствий — по корню (или основе), но не по аффиксу.

11 См., напр.: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 81—82 со ссылкой на И.А. Мельчука; также Земская Е.А. Словообразование. С. 173—174.

12 Носр. рус. *простуда* и *усиление*, связанные с соответствующими глаголами *простудить(ся)* ← *студить*; *усилить(ся)* ← *силиться*. Иначе трактует эти случаи В.В. Лопатин, который видит у приведенных слов префиксальные субморфы, материально совпадающие с полизначными префиксами: Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 60.

13 Именно эти случаи в литературе, как правило, не учитываются, ср.: Крысин Л.П. Ступени морфемной членности иноязычных слов // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975.

14 В связи с последним отметим, что оказывается нечленным большое число глаголов, на первый взгляд, содержащих остаточные ПЭ. Ср. с.-х. *аспиратори лингв.* 'произносить с приподханием' при *спирант*' приподхатательный согласный': здесь нет условий для выделения корневой морфемы, а следовательно, не вычленяется и ПЭ; то же и для рус. *ассимилировать* 'уподобить, уподоблять' при *диссимиляция* 'расподобление'.

15 См. об этом: Панов М.В. О степенях членности слов // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975.

16 В описании используется графический облик ПЭ, в основном соответствующий их фонематической структуре (при понятных различиях алфавитов и фонетики), которую мы из соображений краткости опускаем; особо оговариваются лишь отступления от этого правила.

17 См. об этом: Земская Е.А. Словообразование. С. 136—137.

18 В толкованиях двувидовых глаголов используется совершенный вид — СВ (несовершенный вид обозначается как НСВ).

19 Известно, что стилистически маркированное слово не может мотивировать стилистически нейтральное или относящееся к другому стилю, что распространяется и на взаимомотивирующие глаголы. Однако в связи с тем, что заимствования чрезвычайно быстро выходят за пределы специальных стилей, чего словари часто не фиксируют, мы считаем возможным рассматривать как связанную и основу, реализующуюся в глаголах различных стилей.

20 См.: Осипова М.А. Условия словообразовательной и морфемной адаптации заимствованных префиксальных элементов // Synochroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich. W-wa, 1992.

21 Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977. С. 28, 32—33.

22 Показательно, что в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова к гнезду с вершиной *форма* причислен лишь глагол *деформировать*, в то время как *реформировать* соотносится с *реформа*, а *трансформировать* немотивирован (Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. II. М., 1985. С. 39, 254, 314—315).

23 Ср. аналогичные рус. *запахнуть* — *запах*; *поездить* — *поезд*; *насосать* — *насос*: бессуффиксальные имена с конкретными значениями не имеют в лингвистической литературе достаточно убедительной интерпретации; ср. противоречивую подачу приведенных слов: Тихонов А.Н. Указ. соч. Т. I. С. 656, 730, 726; Т. II. С. 254, 147. Подробнее эта и смежные проблемы рассматриваются: Осипова М.А. Морфемная структура слова и мотивационные отношения "имя" — "глагол" // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Сопоставительное, или конфронтационное¹, исследование славянских языков можно проводить двумя основными методами. Первый из них состоит в описании языка А, исходя из языка Б, или, наоборот, в описании языка Б, исходя из языка А. Такой подход ставит в привилегированное положение один из сопоставляемых языков, подчиняя ему систему второго языка. На этом основании считаем его недостаточно объективным. Равенство обоих языков при сопоставительном исследовании может быть достигнуто, если при описании языка А, исходя из языка Б, на первом этапе изучался язык Б с отправным пунктом — языком А. Процедура эта, как справедливо отметили в своей работе З. Тополинская и Б. Видоески², не только неэкономна, но она по-прежнему не дает объективных результатов. В итоге мы получаем два отдельных порядка сопоставления языков.

Данный метод апробируется в лексикографических работах, точнее, в переводе, где отправным пунктом являются средства выражения одного языка (языка А или языка Б), т.е. языка, с которого мы переводим, в то время как второй язык — намеченная нами цель. Подчеркивая, что сопоставление довольно большого целого должно быть однородным, А. Богуславский³ предлагает в лингвистическом переводе сопоставлять некоторые комплексы, относящиеся к общему *tertium comparationis*. Таким общим знаменателем в области перевода автор считает конкретную ситуацию употребления языковых средств, т.е. семантико-информационную интенцию сообщающего лица, приспособление к общественной и актуально-коммуникативной обстановке, практическую цель и эмоциональную интенцию.

Попытки определить и использовать язык-посредник отражают новый подход к сопоставительным исследованиям, подход, связанный с возникающими в течение последних 20 лет семантическими теориями языка. К сожалению, лингвисты не нашли четких и объективных критериев выделения данной единицы сопоставления. Описания расходятся в понимании характера выделяемого языка-посредника, при этом чаще всего называются логико-понятийные категории, функционально-семантические категории или языковые модели⁴. Одни из возможных подходов к решению выше упомянутой проблемы, а также другие аспекты сопоставительного описания словаобразования славянских языков будут представлены в нашей работе.

Сопоставительное изучение словаобразования мы проводим в направлении от семантики к форме. Данный подход позволяет более объективно и глубоко изучить явления, общие для всех сопоставляемых языков, т.е. универсалии. Направленность же модели к формальному выражению способствует выявлению различий, являющихся *differentia specifica* словаобразования данных языков. Заметим, что выбор модели сопоставительного описания словаобразования по направлению семантика → форма не деза-

вирует метод, исходящий из формального выражения. Последний тоже может дать положительные результаты, например, предоставляя возможность составления подробного набора формальных языковых средств. Однако исследование, берущее за основу сопоставления формальную структуру, представляется нам методологически необоснованным, поскольку формальное выражение само по себе идиоматично, оно не может служить основой сопоставительного исследования. Оно должно быть подчинено универсальной величине, общей для сопоставляемых языков.

Применяя модель семантика → форма, мы следуем концепциям У. Чейфа⁵, Ч. Филлмора⁶, И. Мельчука⁷ и других лингвистов, которые внесли свой вклад в теорию языка, понимаемого как механизм преобразования информации (смысла) в текст. Особое место в разработке данной модели принадлежит теоретическим и методологическим положениям концепции С. Кароляка⁸. В целом модель, основанная на семантической структуре, делает возможным порождение так называемого элементарного предложения как информационно исчерпывающей и автономной единицы⁹, семантическую основу которого составляет первичная предикативно-аргументативная структура (ППАС), а также описание механизмов преобразования ППАС в производные (непервичные) предикативно-аргументативные структуры (НПАС). Затем с помощью структурализующих правил как ППАС (и другие компоненты элементарного предложения: пространственно-временные и модальные), так и НПАС превращаются в поверхностные, формальные структуры.

Семантическая структура элементарного предложения соотносится с его денотативным аспектом и описывается в терминах предикатной логики. Итак, семантическими компонентами элементарных предложений (семантических моделей)¹⁰ являются аргументы и предикаты. В состав их языковых коррелятов (структурных моделей)¹¹, структурализующих семантические модели, входят аргументативные выражения и предикативные выражения. Следует подчеркнуть, что несмотря на соотнесенность ППАС и внеязыковой ситуации, их нельзя отождествлять. ППАС является теоретическим конструктом, построенным на семантических отношениях между компонентами элементарного предложения, в отличие от внеязыковой ситуации, для которой характерны экстралингвистические отношения между ее компонентами, т.е. между предметами или между предметами и их свойствами. Аргументы в языке — это референция выражений, предикаты — это значения (смысл) выражений. Аргументные выражения по своим семантическим свойствам предназначены для того, чтобы указывать на предметы, т.е. они выполняют референтную функцию. Предикативные выражения по своим семантическим свойствам характеризуют указанные предметы, т.е. выполняют характеризующую функцию.

Предикаты и аргументы органически взаимосвязаны. Предикаты не существуют без характеризуемых ими аргументов¹², аргументы, в свою очередь, не являются самостоятельными величинами (бытиями), но принадлежат к семантике предикатов. Такие органически взаимосвязанные величины информируют об определенных фрагментах внеязыковой действительности.

Семантические свойства предикатов находят отражение в синтаксических

ких свойствах. Это заключается в обязательной синтаксической соотнесенности предикатов с аргументами: они открывают позиции (места) для аргументов, аргументы же занимают позиции, открываемые предикатами. Итак, в ППАС, создаваемых предикатами и аргументами, существует взаимосвязь между семантическими и синтаксическими свойствами компонентов этих структур. Предикат, обладающий характеризующим свойством, всегда является конституирующими компонентом ППАС, имплицирующим другие компоненты (аргументы). Аргумент, обладающий референцией, является всегда компонентом ППАС, имплицированным конституирующими компонентом, или занимающим позицию при конституирующем компоненте ППАС. Таким образом, предикат играет в ППАС центральную роль как конституирующий компонент, который предписывает отбор сопровождающих его аргументов и определяет типы отношений к нему данных аргументов (каузатор, агенс, пациенс, бенефициент, экспериенцер, локатив, результат, инструмент¹³). Типы ППАС предопределяются семантическими свойствами предикатов, отражающимися в числе и типах открываемых позиций аргументов, или иначе, порождение данного типа ППАС понимается как соотношение (комбинации) семантически непроизводных компонентов смысла на синтаксическом уровне.

Так как ППАС отличаются универсальным характером (те же формулы правомерны для разных языков), вполне обосновано избрать именно их исходной точкой сопоставления языков. Тем самым постулируемое нами направление от общего к специальному реализуется в поэтапном описании словообразования как цикла операций, превращающих семантическую структуру (лексическую) в поверхностную.

В лингвистической литературе уже были попытки выделить язык-посредник на семантическом уровне. Чаще всего они сводились к интуитивному и априорному указанию на логико-понятийные категории. При таком подходе было затруднительно точно определить как набор, так и сам объем отдельных категорий. Более объективным и перспективным представляется нам наше предложение. Будучи компонентами цельной модели языка, выделяемые нами как язык-посредник, ППАС не имеют интуитивного характера.

Избирая языком-посредником ППАС, а не априорно выделяемые понятийные категории или внеязыковые ситуации, мы достигаем того, что лингвистический анализ не отрывается от лингвистической действительности. Используя ППАС, мы оперируем семантическими моделями, информирующими о фрагментах внеязыковой действительности, в дальнейшем структуризованными формальными моделями¹⁴.

Другим аргументом в пользу ППАС как общего знаменателя сопоставительного словообразования является их динамический характер. В них отражаются не отдельно взятые, статичные объекты действительности, а связи, отношения между ними. Внутренний динамический характер ППАС проявляется в единстве закономерно расположенных и взаимосвязанных компонентов. Каждый элемент ППАС выполняет в ней свою роль, тесно связанную с функциями других компонентов. Таким образом, говоря о внутренней динамике ППАС, мы имеем в виду их функциональный динамический характер.

Исходя из того, что аргументы не существуют сами по себе, что они задаются предикатом — конституентом данного типа ППАС, мы приписываем им некоторые роли, функции, предложенные впервые Ч. Филлмором¹⁴. Несмотря на то, что вопрос об интервале семантических ролей аргументов можно считать открытым, сама идея использования этого инструмента исследования при сопоставительном словообразовании оказывается плодотворной¹⁵. Соотнесение семантических ролей аргументов с излагаемым методом исследования позволяет установить набор ролей, если не всех, то по крайней мере полезных или нужных для работы, делает возможной углубленную интерпретацию ППАС (также НПАС). Наше понимание семантических ролей как определенных позиций аргументов объективирует их первоначальную трактовку как понятий, не поддающихся анализу и отвечающих элементарному восприятию человека¹⁶. Называние позиций аргументов целесообразно, так как в процессе словообразования ППАС регулярно преобразуются в названия их аргументов с определенными семантическими функциями.

В результате анализа была установлена парадигма соотношений между компонентами ППАС, определяющими типы позиций аргументов и фиксирующими некоторые общие значения, смыслы. Во всех славянских языках инвентарь семантических ролей предметных аргументов (и соответствующих им словообразовательных мутационных¹⁷ категорий) идентичен. Различия касаются возможностей словообразовательной реализации отдельных семантических ролей (см. напр. роль инструмента) и самих моделей структурализации ролей (см. напр. агенс и бенефициент¹⁸). Проиллюстрируем это на примере польских и русских дери-ватов:

каузатор	—	польск. <i>pisarz, twórca</i> рус. <i>писатель; творец; создатель</i>
агенс	—	польск. <i>rybak; wędkarz, biegacz</i> рус. <i>рыбак; рыболов; удильщик; бегун</i>
бенефициент	—	польск. <i>posiadacz; rencista</i> рус. <i>владелец; пенсионер</i>
экспериенцер	—	польск. <i>miłośnik; znałca</i> рус. <i>любитель; знаток</i>
пациенс	—	польск. <i>lizak; roślina; Amerykanin</i> рус. <i>растение; американец</i>
результат	—	польск. <i>pismo, pisanka; twór</i> рус. <i>письмо, писание (Священное писание); творение, создание, леденец</i> (ср. выше польск. <i>lizak</i>)
инструмент	—	польск. <i>pisak; czytnik; ostrzałka</i> (техн.) рус. <i>точилка</i>
локатив	—	польск. <i>pisarnia</i> (устар.), <i>pisalnia</i> (устар.) ¹⁹ , <i>wieszak</i> рус. <i>вешалка</i>

Принятый в работе методологический подход, связанный с моделированием на вступительном этапе сопоставительного анализа семантико-сintаксической структуры ППАС, характеризует процесс словообразования как комбинаторику смыслов, структурализованную в структурной модели предложения. Механизм словообразования можно представить тремя типами операций, традиционно определяемыми в лингвистике как мутация, модификация и транспозиция.

Мутацию мы трактуем как заполнение открытых позиций аргументов или заполнение позиций предикатов. Напр., в ППАС 'X пиш(ет) у-а z-ом на/в l' с выраженным на поверхности предикатом 'писать' в современном польском и русском языках могут заполняться следующие позиции, заданные конституентом структуры:

каузатор x, структурализующийся в *pisarz*, *писатель*,

результат у, структурализующийся в *pismo*, *письмо*, *писанье*,

инструмент z, структурализующийся только в польском языке: *pisak*.

В ППАС 'X (лов(ит)) у-а z-ом на/в l' на поверхности со скрытым предикатом и выраженным аргументом объекта 'рыба' может заполняться позиция агента x, структурализующаяся в *rybak*, *рыбак*, *рыболов*, а на поверхности со скрытым предикатом и выраженным аргументом инструмента может заполняться позиция агента x, структурализующаяся только в современном польском языке *wędkarz*²⁰.

Заполнение позиции предиката происходит в нескольких типах ППАС, из которых перечислим основные:

1. при разных позициях аргументов, напр. инструмента, ср. *гильотина*; заполняется позиция каузативного предиката 'x каузирует, что у становится мертвым': 'x гильотинирует у-а'; ср. также некаузативные, напр. польск. *wędkować*. При других позициях аргументов: локатива, чаще в польском языке, напр. каузативы: *garażować* (*samochód*), *butelkować*, *bęczkować*, также в русском языке: *складировать*; некаузативы: *leżakować*, *plażować*, *werandować*, *квартировать*; при результате только каузативы, чаще в польском языке, напр. *cieniować*, *kropkować*, *plisować*, *haftować*, *rowkować*, рус. *рифлить*; при материале, напр. *асфальтировать*, *клеить*;

2. при предикативном элементе; ср. *белеть*, *хаметь*. Происходит преобразование ППАС 'X бел(еет)', 'X хам(еет)' с аргументом пациента и с элементом предикативным, открытую предикативную позицию заполняет предикат высшего ранга 'становиться';

3. при предикативном элементе; ср. *белить*, *газифицировать*, ППАС 'X бел(ит) у-а', 'X газ(ифицировал) у-а' преобразованы таким образом, что открытые предикативные позиции при предикативных элементах заполняют каузативные предикаты высшего ранга 'X каузирует, что у становится'. Ср. структуру 'X газировал z-а', где 'газ' выполняет функцию инструмента в ППАС, т.е. заполняет позицию инструментального аргумента. Этот пример служит очередным аргументом в пользу сопоставительного метода, исходящего из ППАС. Ср. еще польские примеры: *gazować* ('X gazuje rośliny', 'X gazuje wodę' =

'X газирует у-а с помощью z-а (газа)' и 'X gazuje węgiel' = 'X газифицирует у-а'), а также *proszkować, cukrzyć* и другие.

Отдельно надо рассматривать структуры типа: 'X заездил у-а', 'X загнал у-а'. Примеры представляют собой полипредикативные структуры 'X, езда на у-е, измучил у-а' и 'X замучил у-а погоней', в структуре которых 'X измучил у-а' занимает позиции предиката с его аргументами, он несет главную информацию в полипредикативной структуре и конституирует эту структуру, не требуя второго предиката ('ездить', 'гнать').

Модификацию мы трактуем как операцию добавления предиката к ППАС (или к НПАС), в которой позиция предиката и всех аргументов заняты. Новый предикат не преобразует ППАС, а только развивает ее содержание; ср. напр. дериваты *запеть, начинать (книг), собачка, студентка*. Нередко это операция оценки аргумента (*собачка*).

Транспозиция является синтаксической операцией, не имеющей семантического характера — это преобразование ППАС в непредметный аргумент (номинализация); ср. напр. дериваты: *езды, полет*.

В статье были рассмотрены лишь методологические аспекты сопоставительного изучения славянского словообразования. Речь идет об одном из возможных методов сопоставления. Мы старались доказать, что подход, исходящий из ППАС как общего знаменателя и использующий семантические роли аргументов, позволяет сделать сопоставительное исследование более объективным, выявляет сходства и различия сопоставляемых языков, ведет к углубленному познанию закономерностей каждого из них.

Примечания

- 1 В западнославянской лингвистике преобладают термины "badania konfrontatywne", "konfrontační studia", "konfrontace". В настоящей статье мы употребляем термин, традиционно принятый в советской лингвистической литературе — "сопоставительное изучение".
- 2 Topolińska Z., Vidoeski B. Polski — macedoński. Gramatyka konfrontatywna (Zarys problematyki), z. 1: Wprowadzenie. Wrocław, 1984. S. 9.
- 3 Bogusławski A. Problem "tertium comparationis" w porównaniu lingwistycznym, Kwartalnik Neofilologiczny XXIII (1976), 3. S. 295—303.
- 4 Ограничимся названием только некоторых из них: Wstęp. Studia konfrontatywne polsko-pofudniowosłowiańskie, Wrocław 1984. S. 5—9; Koseska-Toszewska V. O języku pośredniku i badaniach konfrontacyjnych // Problemy teoretyczno-metodologicznych badań konfrontacyjnych języków słowiańskich. Slavia 89. W-wa, 1991, 7—19. Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий // ВЯ. 1967, № 2. С. 18—31; Он же. Категории и разряды славянской функциональной морфологии // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1973. С. 42—62; Daneš F. Some Thoughts in the Semantic Structure of the Sentence, Lingua 21, 1968; Horecký J. Ke konfrontačnému výzkumu slovnej zásoby // Československá rusistika. 19. 1974. С. 2. S. 55—57; Topolińska Z., Vidoeski B. Op. cit.; Нещиженко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983. С. 30—51.
- 5 Chafe W.L. Meaning and the Structure of Language. Chicago; London, 1971.
- 6 Fillmore Ch. The Case for Case. // Universals in Linguistic Theory. New York, 1968. P. 1—88.

- ⁷ Мельчук И. Опыт теории лингвистических моделей: Смысл. Текст, М., 1974.
- ⁸ Karolak S. Z problematyki opisu wyrażeń predykatowo—argumentowych. // Studia gramatyczne, I, Wrocław 1977. S. 75—102; *Idem.* Składnia wyrażeń predykatywnych. // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnią. W-wa, 1984.
- ⁹ Здесь излагаем концепцию С. Кароляка по академической грамматике. См. сноску выше: Składnia wyrażeń predykatywnych, s. 19.
- ¹⁰ Цитирую за Кароляком: Składnia wyrażeń predykatywnych, S. 14,20.
- ¹¹ Там же. С. 14.
- ¹² Bogusławski A. O analizie semantycznej. // Studia semiotyczne IV. Wrocław, 1973. S. 50.
- ¹³ О семантических функциях, или ролях, аргументов будет речь ниже.
- ¹⁴ Fillmore Ch. Op. cit.
- ¹⁵ На это указывали, напр.: Baltowa J., Siatkowski J. Konfrontatywny opis słowotворства języków w blisko spokrewnionych // Z polskich studiów slawistycznych, seria 7, Językoznanstwo. W-wa, 1988. S. 9—10.
- ¹⁶ Fillmore Ch. Subjecty, mluvčí a role. // Studie z transformační gramatiky. 2. Interpretativní a generativní semantika. Pr., 1976. S. 227.
- ¹⁷ Мутацию мы анализируем дальше в работе.
- ¹⁸ Это относится как к словообразовательным значениям, так и к словообразовательным типам.
- ¹⁹ Siatkowski J. За българско-польското съпоставително словообразуване // Втори колоквиум по български език, 20—24 август 1984 г., Научни материали, ч. II. София, 1984. С. 106—111.
- ²⁰ Современное русское 'удильщик' заполняет позицию агента в ППАС с предикатом 'удить', выраженным на поверхности: 'Х уд(ит) у-а з-ом'.

А.Н. Тихонов (Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА КАК ЕДИНИЦЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

I. Гнездо однокоренных слов является многоуровневой единицей языка. На лексическом уровне оно выступает как совокупность однокоренных слов в их лексических связях и взаимоотношениях. Ср.: *петь* (птицы поют) и *пение* (пение птиц), *певчий* (певчие птицы), *певец* (оловьи — хорошие певцы), *запеть* (птицы запели), *попеть* (птицы перестали), *пропеть* (где-то пропел петух), *распеться* (в саду распелись, раскричались птицы) и т.д.

На словообразовательном уровне гнездо — это тоже совокупность однокоренных слов, но в их словообразовательных связях и отношениях. Ср.: *петь* и *пение* (действие по производящему глаголу; ср.: *визжать* — *визжание*, *мычать* — *мычание* и т.п.), *запеть* (начать действие, названное в производящем глаголе; ср.: *петь* — *запеть*, *визжать* — *завизжать*, *мычать* — *замычать*), *попеть* (действие, названное в производящем глаголе, совершать в течение некоторого времени; ср.: *петь* — *попеть*, *визжать* — *повизжать*, *мычать* — *помычать*) и т.п.

В лексикологии и в дериватологии лексические и словообразовательные гнезда обычно не различаются, хотя для называния их в нашем языкоznании давно существуют два самостоятельных термина — лексическое гнездо и словообразовательное гнездо. К сожалению, часто каждый из них используется для обозначения обоих типов гнезд.

Ряд интересных положений о взаимоотношении и границах лексических и словообразовательных гнезд содержится в работах Е.Л. Гинзбурга. Под лексическим гнездом он понимает "совокупность однокоренных лексических единиц"¹. "Лексическое гнездо — это совокупность лексических единиц, общность которых по смыслу отражена в общности слов по корню"².

Важным свойством лексического гнезда является его семантическая непрерывность. Этот признак в различных лексических гнездах проявляется по-разному. В большинстве гнезд семантическая непрерывность четко просматривается на всем их лексическом пространстве. Однако в связи с тем, что в процессе развития языка лексические гнезда могут распадаться, расщепляться на несколько гнезд, на различных его синхронных срезах нередко существуют объединения однокоренных слов, в которых слова, относящиеся к периферийной зоне, имеют настолько слабые смысловые связи с центром, что возникает вопрос об их принадлежности к данному гнезду. Так, "для гнезда с *красить* большинство генетически связанных с ним гнезд к его лексической среде не принадлежит: гнезда с *красивый* и *краса*, или с *красоваться* и, конечно, гнезда с *красный* или с *прекрасный* в значительной мере обособились от гнезда с *красить*, а если и имеют контакты (ср. *красочный*, *красочность*), то настолько слабые по сравнению с контактами внутри каждого из них, что говорить о семантической непрерывности не приходится"³.

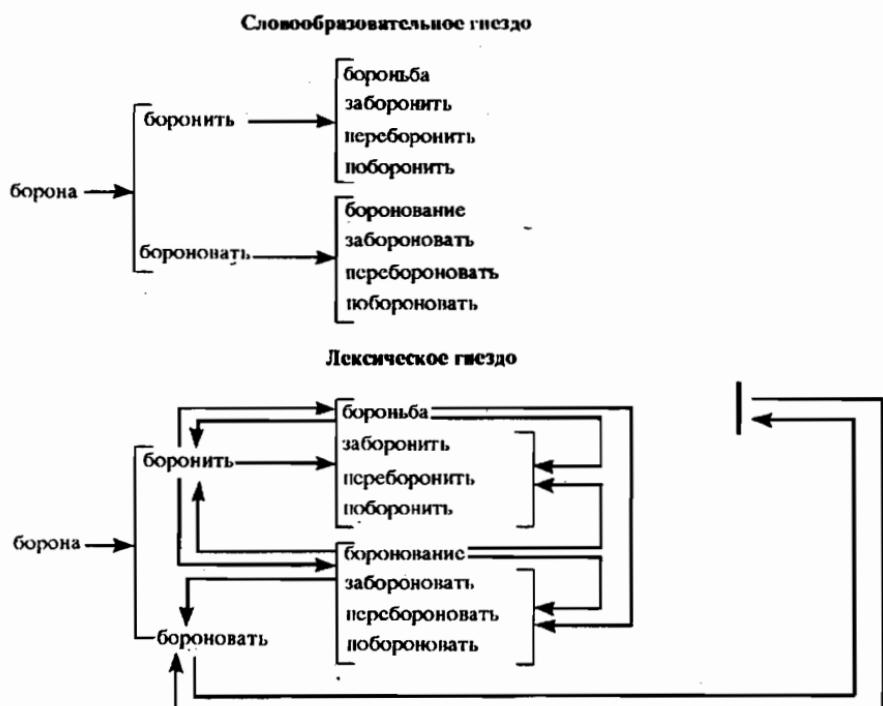
Другим существенным признаком лексического гнезда является его индивидуальность, неповторяемость. "Ни одно лексическое гнездо не имеет своего повторения ни в лексической системе какого-либо одного единственного языка, ни в системах других языков, если брать гнездо во всей полноте его характеристик"⁴.

В концепции Е.Л. Гинзбурга, "словообразовательное гнездо является наиболее сложной и наиболее завершенной формой организации производных"⁵. По отношению к лексическому гнезду оно выступает как его структура: "Каждое лексическое гнездо организовано, обладает структурой. Та часть этой структуры, которая обязана словообразовательным отношениям, в частности отношениям производности, естественно, может быть названа словообразовательной структурой лексического гнезда, или словообразовательным гнездом"⁶. Ср.: "Словообразовательное гнездо это не совокупность слов с "тождественным" корнем, а структура этой совокупности, которой может обладать и другое лексическое гнездо или его часть"⁷.

Вопросы взаимоотношения лексических и словообразовательных гнезд рассматриваются также в работах М.Н. Янценецкой. В них основное внимание уделяется несовпадению лексических и словообразовательных отношений однокоренных слов в гнезде, что и определяет принципиальные различия между лексическими и словообразовательными

гнездами. ЛГ отличаются от СГ по принципам организации и по своей структуре. Ср., например, словообразовательные и лексические связи однокоренных слов в одной и той же их совокупности:

Ср. гнезда⁸:

Как видим, лексические и словообразовательные связи одних и тех же слов в гнезде могут существенно отличаться. "В лексическом гнезде денотативное, вещественное тождество глаголов *боронить* и *бороновать* и их синтаксических дериватов *бороньба*, *боронование* приводит к возникновению взаимных и двойных мотивационных связей, что и составляет специфику лексического гнезда по сравнению со словообразовательным"⁹.

Естественно, в схеме отражены лишь основные, наиболее существенные лексические связи однокоренных слов. На самом деле они разнообразнее и богаче. Намного богаче и само гнездо. В нем 41 слово. Ср. также лексически: заборонить и забороновать, переборонить и перебороновать, поборонить и побороновать; борона и заборонить (забороновать), борона и переборонить (перебороновать), борона и поборонить (побороновать); забороновать и перебороновать, взбороновать и перебороновать, взборонить и переборонить; пробороновать и взбороновать, взбороновать и набороновать, разбороновать и взбороновать; боронование и боронильщик, боронование и боронильщица, боронить и боронильщица (бороновальщица) и т.п.

В лексические связи в гнезде вступают не только словообразовательно мотивированные слова, но и все остальные однокоренные образования. Однако лексические связи слов, находящихся в отношениях словообразовательной производности, являются более тесными, прочными и богатыми. Они носят более упорядоченный и системно организованный характер, чем лексические отношения однокоренных слов, устанавливаемые вне словообразовательных связей. "В связи с этим изучение типов лексических и словообразовательных гнезд и их сопоставительное описание является одной из важнейших задач современного словообразования"¹⁰ и лексикологии.

Лексические и словообразовательные гнезда во многих случаях отличаются и по своему объему, составу однокоренных слов. Словообразовательные гнезда объединяют в своем составе только однокоренные слова, находящиеся в словообразовательных отношениях. В каждом СГ имеется сходное слово и энное количество производных слов, образующих вместе единую, непрерывную сеть иерархических отношений. В СГ не входят однокоренные слова, не вступающие с одним из его членов в словообразовательную пару.

Лексические гнезда объединяют все однокоренные слова, независимо от того, находятся они в словообразовательных отношениях или нет. Так, *даром* и *даровой* не составляют словообразовательной пары. Каждый из них возглавляет отдельное словообразовательное гнездо: *даром* — *дармовой*, *дармощина*, *дагмовицнка*, *задаром*, *дармоед*, *дармоедка* и др.; *даровой* — *даровщина*, *даровщикна*. Тем не менее они входят в одно лексическое гнездо со всеми своими производными: общий для них корень *дар-* выражает их лексическую общность, общий для них смысловой элемент. Кроме того, прилагательное *даровой* (по данным САН-17, *устар.* и в *просторечии*) обозначает 'то же, что *дареный*': '[Хозяйка] пила чай из *даровой* чашки, с надписью золотом: "в знак великолодушия". Даль, В.С. Чайкин, IX. *Даровому* коню в зубы не смотрят. П о с л.'. Значит, хотя и слабая, но на лексическом уровне сохраняется связь с гнездом *дарить*. Ср.: *даровые* чашки — *дареные* чашки — *подаренные* чашки — чашки, преподнесенные в *дар*. Таким образом, в одно гнездо входят не только *даром* и *даровой* с их производными, но и *дарить* — *дариться*, *дарение*, *дар*, *дарственный* (ср.: *даровой*), *даритель*, *дарительный*, *дарёный*, *задарить*, *надарить*, *одарить*, *обдарить*, *отдарить*, *передарить*, *подарить*, *подарок*, *подарочек* и т.п. Это корневое гнездо¹¹. В современном русском языке среди лексических гнезд такие корневые гнезда занимают значительное место.

Корневые гнезда возглавляют не слова, а связанные корни. Такие гнезда обычно состоят из двух и более подгнезд, во главе которых стоят слова со связанными корнями, не находящиеся между собой в словообразовательных отношениях. Подгнезда организованы по принципу словообразовательных гнезд. Иначе говоря, корневое гнездо включает два и более словообразовательных гнезд, исходные слова которых характеризуются общностью корневой морфемы.

Примеры:

-питать

в/питать

впитать-ся

впитыва-ться 1

впитыва-ть

впитывать-ся 2

впитыва-чи-е

на/питать

напитать-ся

напитыва-ться 1

напитыва-ть

напитывать-ся 2

напитыва-чи-е

про/питать

пропитать-ся

пропитыва-ться 1

про/питать

пропитыва-ть

пропитывать-ся 2

пропитыва-чи-е

пропита-ин(ый)

пропитан-ость

пропит-к(а)

пропит-чик

пропиточ-и-й

мачт-о-пропиточ-и-й

шпал-о-пропиточ-и-й

у/питать

упитать-ся

упитыва-ться 1

упитыва-ть

упитывать-ся 2

Общая для всех исходных глаголов словообразовательных гнезд (*впитать, напитать, пропитать, упитать*) сема — ‘вобрать жидкость, влагу’. Она реализуется во всем корневом гнезде, вводит в семантику всех производных. Носителем ее является корень **-пит-**(ать).

Расхождения между лексическими и словообразовательными гнездами разнообразны, чаще всего они индивидуальны. Ср. смысловые, стилистические и т.п. отношения между однокоренными словами *дева, девка, девочка, девушка* и т.п.

Для рассматриваемых слов общим лексическим элементом является ‘лицо женского пола’. Имена существительные *дева, девушка, девка* объединяет также компонент ‘достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке’, отсутствующий у слова *девочка*, которое в отличие от них обладает своим дифференциальным семантическим признаком невзрослости — ‘ребенок или подросток’. Лексические взаимоотношения однокоренных слов здесь усложнены также стилистической ущербностью некоторых членов ряда. Так, *дева* и *девка* относятся к разным стилистическим сферам языка, оба находятся на периферии лексического гнезда. Именно из-за своей стилистической ущербности слово *дева* не может рассматриваться как исходное слово словообразовательного гнезда. В современном русском языке оно уже не определяет смысловую и формальную структуру остальных слов, не является для них производящим.

Слова *девушка* и *девочка*, имеющие одинаковую формальную сложность, также не находятся в отношениях производности. Они образуют самостоятельные словообразовательные гнезда.

Таким образом, в одном лексическом гнезде функционирует несколько словообразовательных гнезд:

1. **Дева.** Сюда относятся: *девонька, девица, девичество, девичник, девичий, девичья, по-девичьи, по-девичьему, девнический, девнически, старо-*

девический, стародевичий, царь-девица, девство, девственный 1-2, **девствовать** 1-2, **девственность, девственno, девственник, девственница.** Стилистические расхождения между исходным словом и его непосредственно производными связаны с определенными семантическими сдвигами в их отношениях. Однако дело нигде не дошло до разрыва мотивационных связей.

2. **Девка.** В это гнездо входят: **девчонка, девчата, девчачий, девочнoчка, девчонochий, девчурка, девчурочка, девчушка, девчушечка, девкин, бой-девка.** И здесь налицо формально-семантическое единство однокоренных слов. Стилистические отклонения вполне укладываются в рамки допустимых расхождений между производящими и производными словами.

3. **Девочка.** От него непосредственно образовано прилагательное **девочкин.** Семантически в это гнездо могут быть включены также **девчушка, девчурка, девчачий** с своими производными. Повод для этого дают прежде всего их толкования в словарях. Так, в САН-4 читаем: **девчурка** ‘Разг. Ласк. к девочка’; **девчушка** ‘Разг. Ласк. к девочка’; **девчачий** ‘Разг. Прил. к девочка; принадлежащий, свойственный ей’. Препятствуют этому материальные показатели, затруднительность формальной выводимости их на базе производящего **девочка.** Ср.: **девчонк(a) — девч-урк-a, девчонк(a) — девч-ушк-a.** Усечение **-онк-** перед суф. **-урк(a)** и **-ушк(a)** ни в одном слове не зафиксировано. Например: **снегурка, печурка, дочурка, кошурка.** В материалах обратных словарей нет ни одного слова на **-ушк(a),** которое было бы образовано от производящего с суффиксом **-онк-.**

4. **Девушка.** Имеет лишь одно производное” **девушкин.** Но ср.: **девичий** и **девийчий** ‘Прил. к девица; принадлежащий, свойственный девице, девушке’; **девичник** ‘В русском народном свадебном обряде: прощальная вечеринка с подругами с доме невесты накануне свадьбы. // перен. Вечеринка, на которую собираются девушки, женщины’, формально соотносительные только с **девица.** Сюда же: **девчачий** ‘Прил. к девочка; принадлежащий, свойственный ей’. Ср.: **девчат(a) — девчач-ый,** так как **девчата** ‘Разг. Девушки; девочки’.

Очень сложную семантическую структуру имеет лексическое гнездо, объединяющее глаголы **лежать, лечь, ложиться, вложить, выложить, дложить, уложить** и др. со всеми их производными. В современном русском языке слова **лежать, лечь, ложиться** не являются словообразовательными коррелятами. Однако для них характерны тесные смысловые контакты, обусловленные корневой общностью, в семантическом плане отчетливо сохраняемые и в синхронной системе, но формально слабо выраженные в ней из-за больших нерегулярных фонемных преобразований корня, неповторяющиеся в других однокоренных словах, носящих скорее реликтовый характер. Ср. значения глаголов **лежать** и **лечь**, реализуемые во фразах: Иван Петрович лежал на диване и [Коврин] лег на диван (Чехов); **лежать** на боку — лечь на бок, **лежать** на спине — лечь на спину, **лежать** ничком — лечь ничком, **лежать** пластом — лечь пластом; **лежать** в больнице — лечь в больницу; **лежать**

в могиле — лечь в могилу, лежать в гробу — лечь в гроб; *Лежат* на щеках загорелых морщины (И. Никитин) — Под глазами легли морщины (М. Горький); Всегда бледное лицо казалось еще бледнее и прозрачнее от лежавшего на нем следа бессонной ночи (Лесков) — Выражение нежной мягкости легло вокруг рта и на прогнувшем подбородке штабс-капитана (Куприн); На поникшей от холода траве лежит нежный, легкий иней (Г. Марков) — На землю легла изморозь (Бабаевский); Пол был освещен, и на нем лежали тени (Чехов) — От столбов полосами легли тени по классу (Помяловский); На крестах и полисадниках кладбища шапками лежал снег (Голубева) — Кто видел край, ... Где на холмы под лавровые своды *Не смеют лечь* угрюмые снега? (Пушкин); Наш путь лежал по левому берегу реки (Арсеньев) — Отец и мать объявили решительное намерение ехать в Чурасово немедленно, как только ляжет зимний путь (С. Аксаков); Складки хорошо лежат — Платье легло ровными складками. Волосы лежат волнами — Волосы легли волнами; [Озеров] ощутил ту ответственность, какая лежит на нем за исход боя (Бубеннов) — В случае военных действий на вас большая ответственность ляжет (Сергеев-Ценский); Дума, печаль, грусть и т.п. лежит на сердце, на душе — Дума, печаль, грусть и т.п. легла на сердце, на душу.

Глагол *ложить* ‘класть’, зафиксированный в САН-17 (— Видите, Герш, я ложу вам десять грошей, — сказал он торжественно. Куприн) и употребляемый в живом просторечии, занимает в гнезде периферийное положение. В силу этого он уже не является производящим для возвратного *ложиться*, который в современном русском языке выступает в видовой паре с *лечь*, что, однако, не принимают во внимание составители некоторых толковых словарей. Например, авторы САН-17 не отмечают видовую парность *лечь* и *ложиться*, а разрабатывают их в отдельных словарных статьях как два самостоятельных глагола. Между тем у них совпадают все лексические значения, вследствие чего они даже приближаются к идеальным видовым парам. Ср.: 1. *Лечь спать — ложиться спать. Лечь на диван — ложиться на диван. Лечь в постель, в кровать — ложиться в постель, в кровать.* 2. Отец и два родные брата За честь и вольность там легли (Лермонтов) — Готовься, друг, на смертную сечу; Теперь ложись средь здешних мест (Пушкин). 3. Семена легли в рыхлую и влажную землю, как в люльку (Лаптев) — Тихо ложились в воду весла (Первенцев). 4. Свет, тени и т.п. легли — Свет, тени и т.п. ложатся. 5. Ответственность, забота, обязанность и т.п. легла — Ответственность, забота, обязанность и т.п. ложится. 6. Тоска, горе, печаль и т.п. легла на сердце, на душу — Тоска, горе, печаль и т.п. ложится на сердце, на душу. 7. *Лечь в дрейф — ложиться в дрейф. Лечь на курс — ложиться на курс* (о судне, самолете).

В лексическом гнезде с корнем *леж-/лёж/ляг-/лег/лёг-/лож-* лечь выделяются прежде всего словообразовательные гнезда: *лежать* —

лежаться, леживать, лежание, лёжка, лежак, лежачок, лежбище, лежбищный, лежень, лежневой, лежина, лежинка, лежанка, лежаночка, лежаночный, лежняк, ложе, цветоложе, лежалый, лежачий, лежа, лежмя, возлежать, возлечение, вылежать, вылеживать, вылеживание, вылежаться, вылеживаться, вылежка, вылежальный, долежать, долеживать, долежаться, долеживаться, залежаться, залеживаться, залеживание, залёжка, залежь, залежный, старозалежный, залежалый, залежалость, залёжный, излежаться, излеживаться, належать..., належаться и т.п. (119 слов); **лечь** — ложиться, лёгкий, возлечь, возлегать, возлегание, залечь, залегать, залегание, налечь, налегать, налегание, поналечь, приналечь, отлечь, перелечь, полечь, подлечь, прилечь, пролечь, разлечься, слечь, улечься, получечь, поч/лег, почлежка и т.п. (66 слов).

Примыкают к этому лексическому гнезду некогда производные от глагола **ложить** префиксальные образования, в современном русском языке имеющие связанный корень: **возложить**, **вложить**, **выложить**, **дложить II**, **заложить**, **наложить**, **низложить**, **обложить**, **переложить**, **положить**, **подложить**, **проложить**, **приложить**, **разложить**, **сложить**, **уложить** (видовой коррелят несовершенного вида образуют преимущественно с помощью супплетивного корня: **вложить** — вкладывать, **выложить** — выкладывать и т.п., но: **возложить** — возлагать, **вложить** — влагать и т.п.). Каждый из них возглавляет самостоятельное словообразовательное гнездо: **возложить** — возлагать, возлагаться, **возложение** (4); **вложить** — вложиться, влагать, **вложение** и др. (8); **выложить** — выложитьсь (2); **дложить II** — доловиться (2); **заложить** — заложиться, заложение, залог и др. (18); **наложить** — налагать, налагаться, наложение, налог и т.п. (18); **низложить** — низлагать, низлагаться, низложение (4); **обложить** — обложиться, облагаться и др. (19); **переложить I** (переместить) — перелагать и др. (6); **переложить II** (заново уложить); **переложить III** (положить сверх меры); **подложить** — подлагать (2); **положить** — полагать, расположить и др. (29); **приложить** — прилагать, приложение и др. (8); **проложить** — пролагать, пролагаться, пролагатель, проложение (5); **разложить** — разложиться, **разложение** и др. (21); **сложить** — сложиться, **сложение** и др. (20); **уложить** — уложиться, **уложение** (3).

Эта часть лексического гнезда во многих случаях слабо связана с его центральными ЛСВ. У многих слов развились такие вторичные значения, которые далеко отошли от основной семантики гнезда. Например: **низложить** 'Книжн. Лишить власти; свергнуть. Низложить монарха. // Показав несостоятельность, ничтожность и т.п. чего-л., лишить незаслуженного признания, уважения; развенчать. **Низложить** чей-л. авторитет'; **возложить** '1. Торжественно положить. Возложить венки на могилу. 2. Поручить кому-л. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Арсеньев'; **заложить** '1. Положить, поместить куда-л., за что-л. Заложить руки в карманы. // Разг. Положить не на место, так, что трудно найти; засунуть. — Насилу нашла [чепец]... Сама

его заложила. Тургенев. 2. Положить, поместить куда-л. с какой-л. целью (определенное количество, порцию чего-л. и т.п.) [Дед] распутал кобылу, заложил корму и пошел в избу Л. Толстой. // Положить, поместить для хранения. Отборное зерно заложено на семена. Полторацкий. // *перен.* Дать начало, основание чему-л. (каким-л. свойствам, качествам). В человеке заложены безграничные источники творчества. А.Н. Толстой. 2. Отметить нужное место в книге, вложив закладку. — Я заложу тебе эту страницу, перечитай ее. Катерли. 4. Заполнить чем-л. отверстие, пустое пространство. В угловых домах окна были заложены кирпичом. Н. Чуковский // Положив что-л. в большом количестве, занять, заполнить всю поверхность чего-л. Посреди кабинета находился стол, весь заложенный книгами и рукописями. Достоевский. 5. *Прост.* Закрыть, запереть с помощью какой-л. задвижки, запора. Дверь, которую забыли заложить палкой, приоткрылась. Катаев. 6. *безл. Разг.* О болезненном ощущении тяжести в ушах, носу, груди. Грудь что-то заложило. Тургенев. 7. Начать постройку чего-л.; положить основание чему-л. Заложить дом. Заложить памятник. 8. Впрячь в экипаж, запрячь. Зимой, бывало, в ночь глухую Заложим тройку удалую. Пушкин. // Приготовить экипаж, впряженный в него лошадь (лошадей). Заложить коляску. 9. Отдать что-л. в залог под ссуду. Именьишко-то, какое было, заложено да и перезаложено. Мамин-Сибиряк'.

В исходных своих лексических значениях большинство префиксальных глаголов сохраняет тесную смысловую связь с основной семантикой корня — обозначает изменение пространственного положения субъекта или объекта действия. При этом словообразовательные значения приставок выступают довольно отчетливо и ясно. Ср.: *вложить, выложить, переложить, подложить, обложить, наложить* и т.п. Например: *переложить* '1. Положить в другое место. Я видел, как он переложил ключ в левую руку. Гаршин. 2. Освободив кого-л. от чего-л., возложить на другого. Переложить часть работы на помощника. 3. Уложить что-л., поместив между отдельными укладываемыми предметами, частями слой чего-л. другого. Переложить яблоки стружкой. Переложить посуду соломой. 4. Сложить, уложить заново, иначе. Переложить кирпичи штабелями. // Произвести заново кладку чего-л. Переложить каменную стену. 5. *Разг.* Положить слишком много, больше, чем нужно. Переложить сахару. 6. *Прост.* Выпить слишком много спиртных напитков. Лишнее другой раз *переложим*, а в компании нельзя. Мамин-Сибиряк. 7. Изложить в иной форме (музыкальное или литературное произведение), приспособить для исполнения в иной форме. Я прошу прощения у читателей в том, что *переложил* в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой. Лермонтов. 8. *Разг. устар.* Заложить, запрячь заново; перепрячь. Сейчас новых лошадей *переложат*. Достоевский. 9. *Спец.* Повернуть (руль, штурвал). Костя *переложил* руль — "Бойкий" накренился и стремительно понесся к берегу. Дубов'.

Таким образом, в современном русском языке лексические гнезда часто выступают как более крупные объединения однокоренных слов, чем

словообразовательные гнезда. В одном корневом гнезде может быть множество словообразовательных гнезд.

В составе лексического гнезда слова всех словообразовательных гнезд находятся в отношениях лексико-семантического родства, т.е. лексически связаны. Эти связи весьма разнообразны. Значение одного слова в нем нередко полностью определяется лексическим значением другого, входит в него целиком. Однокоренные слова вступают не только в отношения полного, но и частичного лексического соответствия. Они могут взаимодействовать на базе конкретных ЛСВ или определенных семантических компонентов ЛСВ. Лексические связи однокоренных слов часто организуются на основе различных типов переносных значений. При этом в формировании и расширении родственных отношений однокоренных слов в лексическом гнезде важную роль играют их ассоциативные связи.

В ЛГ, состоящих из ряда СГ, выделяется несколько семантических зон: слова каждого СГ составляют одно относительно самостоятельное лексико-семантическое объединение. И это естественно: слова одного словообразовательного гнезда имеют более тесные лексические связи, чем слова с тем же корнем (или его вариантом), но входящие в разные словообразовательные гнезда. Ср., с одной стороны, *сидеть* и *сидячий*, *посидеть*, *просидеть* и т.п.; с другой стороны, *сидеть* и *сесть* (ср. *сидеть*, *сидение*, *засидеть* и *седок*, *засесть* и т.п.), *сесть* и *сажать* (*насесть*, *пересесть*, *просесть...* и *насажать*, *пересажать* и т.п.), *сидеть* и *сажать* (*досидеть*, *засидеть*, *усидеть* и *досаждать*, *засажать*, *усажать* и т.п.).

Смыловые зоны лексического гнезда объединяют в одно непрерывное семантическое пространство родственные связи слов, стоящих во главе словообразовательных гнезд (ср. *сидеть*, *сесть*, *сажать*; *лежать*, *лечь*, *-ложить*). На этой же базе формируются лексические взаимоотношения производных слов различных зон и участков гнезда.

В большинстве случаях лексические гнезда по составу лексем не отличаются от словообразовательных. Таковы гнезда *асфальт*, *атом*, *балалайка*, *барсук*, *бензин*, *бетон*, *синий*, *алый*, *бурлить*, *быстрый*, *вербовать*, *вibrировать* и мн. др. Это, однако, не значит, что у них стираются границы лексического и словообразовательного. Они остаются единицами разных уровней языка. Однокоренные слова в своих лексических значениях принадлежат лексике, а в словообразовательных отношениях являются элементами его словообразовательной системы.

Случаи расхождения состава лексем в ЛГ и СГ объясняются различными изменениями в их формально-семантической структуре. Гнезда однокоренных слов находятся в постоянном движении. В результате семантических сдвигов в однокоренных словах изменяются и их взаимоотношения, место и роль в гнезде. Происходит перемещение определенной части лексем в структуре гнезда. Многие слова при этом переходят из центра в периферийную часть гнезда. Семантические изменения иногда приводят к формальным и стилистическим различиям. Изменения в лексических значениях часто преобразуют словообразовательные отношения однокоренных слов. В этом свете заслуживают

внимания такие ряды слов, как *вера, верить и вверить, доверить, заверить* и т.п.; *война, воевать, войско; весть и вещать; длить, длина; дохнуть, дышать; диктовать, диктатор, диктат; знаменовать, знаменательный; истечь и исток, источник; крыть и кров, кровля; лечить, лекарь и лекарство; жена и женщина; муж и мужчина*; ср. также с точки зрения возможности объединения в одно гнездо *сорт и ассортимент, адсорбировать и абсорбировать, асонанс и диссонанс* и мн. др. Составляет ли каждый такой ряд слов одно лексическое гнездо или каждое слово такого ряда образует самостоятельное лексическое гнездо, требует специального семантического и словообразовательного анализа с привлечением широкого круга слов из их лексического окружения — всех их родственников, а также подозреваемых в родстве с ними слов.

Лексические и словообразовательные гнезда отличаются тем, что в основе организации их смысловой структуры лежат разные типы мотивированности однокоренных слов. Мотивационные отношения членов лексического гнезда строятся на базе лексической мотивации, а мотивационные связи членов словообразовательного гнезда покоятся на словообразовательной мотивированности.

Лексическая мотивированность объединяет все типы смысловых связей, имеющих отношение к лексической семантике. К ее ведению относятся: связи однокоренных слов по линии ЛСВ и его компонентов; частичная и полная лексическая соотносительность однокоренных слов; отношения родственных слов, основанные на их прямых значениях и разнообразных видах переноса; непосредственные и опосредственные лексические связи родственных слов; лексические отношения словообразовательно связанных и не связанных отношениями производности однокоренных слов; семантические отношения исходного слова со всеми производными словами в гнезде, а также лексические отношения всех производных слов друг с другом, т.е. все типы парадигматических и синтагматических связей однокоренных слов, образующих гнезда.

Каждая лексическая мотивация носит индивидуальный характер. Лексической мотивированности свойственна многолексемность.

Словообразовательная мотивированность характерна только для однокоренных слов, находящихся в отношениях словообразовательной производности, т.е. образующих словообразовательную пару: производящее (мотивирующее) — производное (мотивированное).

Словообразовательные мотивации всегда двуплановы — структурно-семантические. Они всегда односторонние (от производящего направлены к производному) и выражаются с помощью словообразовательного форманта. Лексические отношения слов не имеют формальных средств выражения. Материальным выразителем семантической общности однокоренных слов является корень — носитель лексической семантики (в отличие от форманта, который выступает как носитель словообразовательного значения).

II. Гнездо однокоренных слов может быть использовано в качестве единицы сравнительного изучения лексики и словообразования восточнославянских языков.

До сих пор сравнительное исследование лексики русского, украинского и белорусского языков осуществлялось на базе лексем или отдельных лексико-семантических групп слов (например, наименования лица, животных, растений, прилагательные-цветообозначения, глаголы речи и т.п.). Лексические гнезда пока не стали объектом сравнительного изучения. Между тем они, будучи крупными лексическими объединениями слов, обладают огромными возможностями для выявления общего и различного в лексических системах восточнославянских языков. Сравнение гнезд, общих для всех трех языков, обнаруживает большое сходство их лексического состава, производных лексем. Исходные многозначные слова гнезд нередко обладают общими лексико-семантическими вариантами, которые в большинстве случаев одинаково передаются производным словам различных цепочек, парадигм. Как непроизводные, так и производные слова в гнездах могут полисемантизироваться на базе одних и тех же переносов. Формируется не тождественная, но очень близкая семантическая структура лексических гнезд во всех трех языках. Ср. ЛСВ исходных слов лексических гнезд *висеть*, *вісець* и *висіти* и семантическую структуру однокоренных производных в этих гнездах.

В то же время лексический состав таких больших гнезд полностью никогда не совпадает. Ср., например, состав производных слов в гнездах русского глагола *нести* и белорусского *нісцы*. В белорусском гнезде не имеют однокоренных соответствий русские слова *нашивать*, *носить*, *носость*, *заношенность*, *неизносный*, *неизносимый*, *поизносить*, *поизноситься*, *пообносить*, *пообноситься*, *перенашивать*, *поношенность*, *понашивать*, *превознести*, *превозносить*, *превознесение*, *заносчивый*, *заносчивость*, *позанести*, *понанести*, *предподнести*, *преподносить*, *преподнесение*, *вразнос*, *сносный*, *сносно*, *сносность*, *пренесносный*, *несносимый* и др. И наоборот, русских соответствий не имеет ряд однокоренных белорусских слов: *паданошаць*, *пазаношаць*, *пазношацца*, *пазношаць*, *пананошацца*, *пананошаць*, *папраношаць*, *папраношацца*, *паразношаць*, *паразношацца*, *пазношаць*, *пазношацца* и т.п.

По составу производных не совпадают также рус. гнездо бежать и белорусское бегчы. Русские слова *бегивать*, *бегство*, *бега*, *бегунки* (беговые дрожки), *забег*, *бегучий*, *побег*, *выбегивать*, *обегаться*, *побегушка* (лицо для мелких услуг), *сбегаться* (о лошадях: привыкнуть бегать в паре), *убегать*, *набегом*, *вперебежку*, *подбегание*, *подбег*, *прибегание*, *прибежище*, *прибеглый*, *перепробег*, *разбежка*, *убежать* (убегать), *убегание*, *убежище* и др. не имеют аналогичных по структуре белорусских соответствий. Русские соответствия отсутствуют у белорусских лексем *папабегаць* (*папабегваць*), *запабегчы*, *подбежкам*, *уподбежкі*, *уподбежжу*, *уподбег*, *збежны*, *збежнась* и др.

С точки зрения лексического состава, а также лексико-семантической структуры большой интерес представляет изучение лексических гнезд типа *лечь* (*ложиться*)/ *лежать* и *сесть* (*садиться*)/*сидеть*/ *сажать* (*садить*) и т.п. на материале всех трех языков.

В сравнительном плане плодотворным может быть исследование семантической структуры корневых лексических гнезд, т.е гнезд, состоящих из однокоренных слов с связанным корнем типа *впрячь* (*впрятать*) / *выпрячь* (*выпрятать*) / *запрячь* (*запрятать*) / *распрячь* (*распрятать*) и т.п. Особую ценность здесь имеет диахронический анализ гнезд.

III. Сравнительное изучение словообразования восточнославянских языков осуществлялось до сих пор главным образом на базе словообразовательных типов и словообразовательных категорий — совокупности синонимичных словообразовательных типов. Однако такое изучение не раскрывает всех особенностей систем словообразования родственных языков. Оно не использует главной системной единицы словообразования — словообразовательного гнезда.

С чего начинать сравнительное изучение словообразовательных гнезд на материале восточнославянских языков?

Можно сравнивать формально-семантическое устройство конкретных словообразовательных гнезд, но более эффективно сразу исследовать группы гнезд. При этом гнезда следует объединять по принадлежности исходных слов к тем или иным лексико-семантическим группам. Так, для сравнения можно избрать гнезда имен прилагательных со значением цвета, гнезда параметрических прилагательных, глаголов звучания, созиания и разрушения, вещественных существительных, существительных со значением лица, гнезда зоонимов, фитонимов и т.п. Такой путь является результативным потому, что гнезда, объединенные по принадлежности исходных слов к той или иной лексико-семантической группе, обладают формально-семантической общностью не только в пределах одного языка, но и во всех трех языках. Слова каждой ЛСГ формируют определенный структурно-семантический тип гнезда. Каждое конкретное гнездо реализует конкретный набор производных на различных ступенях словообразования, в различных парадигмах и цепочках. Например, по нашим предварительным подсчетам, зона общности словообразовательных гнезд глаголов движения русского, украинского и белорусского языков составляет 70—80%. Ср. префиксальные производные в гнезде бежать:

вбежать	вбігти	убегчы
вбегать	вбігати	убягаць
выбежать	вибігти	выбегчы
выбегать	вибігати	выбягаць
повыбегать	повібігти	павыбягаць
д побежать	добігти	дабегчы
д побегать	добігати	дабягаць
з забежать	забігти	забегчы
з забегать	забігати	забягаць
	позабігати	пазабягаць
...

Глагольный блок дает довольно регулярный набор префиксальных образований. Расхождения касаются отдельных словообразовательных типов: из- и вы-; вторичных префиксов и т.д. Высокую степень

имеют соответствия в области отглагольных имен, прилагательных и др.

Явно преобладает зона общности в словообразовательных гнездах *идти/iczi/ići* (*йти*). На первой ступени словообразования она достигает чуть ли не 100%. Однако на второй ступени наблюдается явный перевес расхождений. В русском языке постфиксация префиксальных глаголов первой ступени представлена лишь одним производным *пройтись* (ср. *пройти*), в то время как в белорусском и украинском она развита более широко (белор. *зайсціся*, *адысціся*, *прийсціся*; укр. *дійтися*, *зайтися*, *перейтися*, *прийтися*, *пройтися* и др.). Кроме того, в украинском весьма активны производные второй ступени, имеются и слова третьей ступени производности. Например, у глагола *найти* масса производных: *знайти*, *винайти*, *віднайти*, *перенайти* и т.п.

По нашим наблюдениям, в структурной организации словообразовательных гнезд всех типов четко просматривается одна закономерность: чем ближе производные к исходному слову, тем больше у них общего. Первая ступень (иногда вторая, реже третья) составляет зону общности. На пятой, шестой ступенях словообразования исключительно преобладают расхождения. Эта закономерность касается не только словообразовательных цепочек, но и словообразовательных парадигм.

Таким образом, сравнительное изучение словообразовательных гнезд должно строиться с учетом их структурных элементов — словообразовательных типов, словообразовательных цепочек и словообразовательных парадигм, так как гнездо, во-первых, это совокупность словообразовательных типов; во-вторых, это совокупность словообразовательных цепочек; в-третьих, это совокупность словообразовательных парадигм.

Примечания

¹ Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979. С. 21.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же. С. 162.

⁷ Там же. С. 162 (сноска 1).

⁸ Янценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984. С. 15.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Подробнее см.: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. Т. 1. М., 1985. С. 50—51.

ТИПЫ БЕССОЮЗНЫХ СОСТАВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В русском языке имеется довольно "разношерстная" группа так называемых бессоюзных составных существительных. Мы имеем в виду образования типа: *бой-баба, жар-птица, пай-мальчик, царь-колокол, плац-палатка; томат-пюре, штаб-квартира, дизель-мотор, генерал-лейтенант, киловатт-час, альфа-лучи; Караганда-уголь, Грузия-фильм; член-корреспондент, вагон-ресторан, изба-читальня, музей-квартира, летчик-истребитель, инженер-конструктор, город-герой; отец-мать, брат-сестра, руки-ноги, марксизм-ленинизм; купля-продажа, вход-выход, экспорт-импорт, приемка-сдача; правда-истина, путь-дорога, сила-моцъ, капиталист-буржуй; чудо-юдо, гоголь-моголь, фокус-покус, фигли-мигли, кишки-мишки, нация-мация и пр.* В силу упомянутой "разношерстности", а также специфики оценки их статуса в лингвистике они неоднократно были предметом специального изучения.

Вслед за Н.М. Шанским (Шанский 1968; 1975) большинство ученых относит эти образования к сложным словам. Другие, напротив, считают их устойчивыми словосочетаниями или же подразделяют на сложные слова и словосочетания. Существует и точка зрения о возможности квалификации этой лексики как фразеологических аппозитивов (Ройзензон). Независимо от того, какой позиции в данном вопросе придерживаемся мы, считаем необходимым отметить, что данные образования весьма трудны для нерусских. Впрочем, и самим русским не так уж просто ответить на следующие вопросы:

1. Нужно ли писать эти образования через дефис или же нет? Этой, на первый взгляд, орфографической проблеме в значительной мере посвящен словарь-справочник Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой (Букчина, Кала-куцкая).

2. Следует ли склонять оба компонента или же только один, но тогда, какому из них нужно отдать предпочтение?

3. По роду какого из компонентов происходит согласование в контексте?

В последнее время при решении этой проблемы были определены соответствующие нормы, однако пока еще не во всех случаях учитывается разговорный узус. В своем докладе на 21. семинаре преподавателей русского языка в Москве я с учетом установленной нормы говорил о проблеме переводимости и эквивалентности этих образований в русском и немецком языках. В настоящей статье я буду оперировать данными южнославянских языков — факты немецкого будут учитываться лишь по мере необходимости. Целесообразность обращения к немецкому языку обусловлена тем, что как в русском, так и в южнославянских языках определенная часть этих образований, бесспорно, представляет собой заимствования или же кальки из немецкого языка. Начиная с работ

В. Ягича (Ягич, 28—43), и Г.С. Келлера (Келлер), эти образования неоднократно исследовались. Информация по этому поводу есть в работе В. Буша (Буш, 15—34). В советской лингвистике дебатировался прежде всего вопрос о том, являются ли эти образования сложными словами или же словосочетаниями. Так, Л.И. Ройзензон (Ройзензон, 161) полагал, что *плац-палатка* и *изба-читальня* являются фразеологическими аппозитивами, поскольку они характеризуются воспроизведимостью, в них наличествуют два вполне самостоятельных ударения, они допускают различного рода изменения своих компонентов. Большинство же ученых, напротив, склоняется к мнению о том, что это различные виды сложных слов. Например, К.С. Горбачевич (Горбачевич, 180) вслед за Н.М. Шанским (Шанский, 1978) приводит следующую характеристику двух основных групп:

1. Признаки составных сложных слов (*изба-читальня*, *летчик-истребитель*):

- а) относительная расчлененность, большая информативность первой части (второй компонент служит как бы определением к первому);
- б) склоняемость первой части;
- в) общая родовая характеристика сложного слова соответствует роду первой части.

2. Признаки слитных сложных слов (*бой-баба*, *плац-палатка*, *дизель-мотор*):

а) большая смысловая слитность компонентов и информативная значимость второй части (первый компонент служит как бы определением ко второй части);

- б) неизменяемость первой части при склонении;
- в) соответствие общей родовой характеристики сложного слова грамматическому роду второго компонента.

Впрочем, сам Горбачевич отмечает, что предложенная им схема "может служить лишь общим ориентиром в нормативной практике", т.к. в языке беспрерывно происходит процесс перераспределения языковых единиц между намеченными группами. При этом для современного состояния русского языка характерно усиление слитности компонентов и постоянная утрата склоняемости первой частью (в *вагон-ресторане* вместо в *вагоне-ресторане*) (Горбачевич, 182). Колебания в грамматическом роде наблюдаются сравнительно реже и, по Горбачевичу, особенно в тех случаях, когда первым компонентом является неизменяемое слово (ср., напр.: *кафе-столовая* *открылась*, но: *открылось кафе-дансинг*) (Горбачевич, 183; Абакшина, 60—63).

При сопоставлении субстантивных словосочетаний в славянских языках Т.Н. Молошная (Молошная 1973; 1975) выдвигает три формальных критерия разграничения словосочетания и сложного слова: фонетическую, морфологическую и синтаксическую цельнооформленность. Впрочем, основным признаком для нее является только морфологическая цельнооформленность/раздельнооформленность или неизменяемость/изменяемость первого компонента по падежам и числам. С помощью этого критерия ею выделяются следующие группы:

- 1) аппозитивные словосочетания (если первый компонент склоняется);
- 2) сложные слова аппозитивного типа (первый компонент не склоняется);
- 3) образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами (при варьировании: первый компонент иногда склоняется, иногда не склоняется).

В аппозитивных сочетаниях *изба-читальня*, *ракета-носитель* обычное распределение компонентов: определяемое — определительное существительное, хотя изредка возможно и обратное распределение компонентов: *чудак-человек*, *старец-море*. Порядок компонентов не может меняться без изменения смысла словосочетания в целом: *магазин-школа* = магазин, который является школой, *школа-магазин* = школа, которая является магазином. У сложных слов определяемый компонент расположен на втором месте: *жар-птица*, *плац-палатка*, *альфа-лучи*, *Тула-уголь*. Только сложные слова, первый компонент которых является основой имени собственного, имеют определяемый компонент на первом месте. Здесь, по мнению Молошной, известную роль играет обобщающее ударение, привязанное обычно к определяемому компоненту. Впрочем, она признает, что вопрос об обобщающем и второстепенном ударениях в сложном слове "нельзя пока считать исчерпывающе изученным и ясным" (Молошная, 1975, 39). Все промежуточные образования, приводимые Т.Н. Молошной, в принципе могут быть отнесены к первой группе (ср.: *Москварека*, *вагон-ресторан*, *член-корреспондент*, *матч-реванши*). Однако в связи с тем, что в разговорной речи их первая часть не склоняется, они, по сути, приближаются ко второй группе. Исключение составляет лишь приводимый ею пример *салон-вагон*, принадлежность которого ко второй группе является несомненной, поскольку речь идет о заимствовании из немецкого языка, в котором определяемый компонент стоит на втором месте, т.е. в русском языке это никак не "салон, который является вагоном", а как раз наоборот (см. ниже).

Как и большинство других исследователей, Т.Н. Молошная, помимо названных групп, выделяет еще существительные с устойчивым порядком равноправных компонентов, соединенных с помощью соединительной связи. При этом различаются три разных вида:

1. суммирующие сочетания: *отец-мать*, *руки-ноги*, *марксизм-ленинизм*
2. антонимичные сочетания: *купля-продажа*, *экспорт-импорт*
3. синонимичные или тавтологические сочетания: *путь-дорога*, *капиталист-бургжуй*.

От этих парных сочетаний она отграничивает так называемые "рифмовки" типа *кишки-мишки*, *шурвы-муры*, *фигли-мигли*, *фокус-покус*, поскольку "это особые образования, требующие отдельного рассмотрения" (Молошная, 1975, 44).

В перечне всех способов номинации в русском языке А.Ф. Журавлев называет все эти типы под рубрикой "аппозитивное словосложение", выделяя при этом рифмованное сложение слов, когда второе слово может быть асемантичным (*каша-малаша*, *страсти-мордасти*, *фигли-мигли*) как особую группу, обозначаемую термином "гендиадис" (Журавлев, 45—109).

Полагаем, что некоторые из трудностей при определении и классификации этих единиц можно объяснить, лишь прибегая к истории их возникновения, становления или заимствования. Сказанное касается и русских, и южнославянских образований этого типа. Весьма возможно, что обращение к истории тех или иных языков позволит объяснить или же подтвердить некоторые предположения.

Уже А.А. Потебня в третьем томе "Из записок по русской грамматике" и В. Жирмунский (Жирмунский, 183—203) писали о том, что в русском народном языке и в фольклоре, подобно древнеиндийским *Bahuvrīhi composita*, имеются формулы, в которых имя в функции постоянного атрибута приобретает свойства качественного слова, сохраняя при этом форму неизменяемого существительного (*бой-баба, жар-птица*). По мнению Жирмунского, прилагательные в индоевропейских языках развились из существительных в синтаксической функции определения. Но Жирмунский указывает и на параллели в тюркских и монгольских языках, в которых атрибутивные качественные имена (они в этих языках играют роль прилагательного) всегда стоят в неопределенном падеже (*casus indefinitus*), т.е. не изменяются и не согласуются с существительными, перед которыми они стоят.

Несмотря на невыясненность вопроса о происхождении старых русских образований типа *жар-птица, царь-пушка* и пр., представляющих собой хотя и довольно малочисленную, но вполне устойчивую группу, остальная часть образований этого типа численно неуклонно разрастается — это заимствования или кальки из немецкого и английского языков. Сюда относятся все образования типа *дизель-, мотор-, блок-* и т.п. и заимствования вроде *мини-, миди-, макси-* + *-мода, -пальто, -юбка*, тяготеющие к большей слитности (так, уже без дефиса пишутся сложные слова с *кино-, телевизор-, радио-*; см.: Плотникова, 50—54). По-русски, очевидно, были бы правильнее передать эти аппозитивные конструкции, как *юбка мини, мода макси* и т.п. К названной выше группе старых обозначений, у которых первой частью является имя собственное (*Угрюм-река, Дунай-река, Ильмень-озеро*), формально близка группа наименований фирм *Караганда-уголь, Грузия-фильм, Тула-уголь*. Исходя из морфологического критерия, Т.Н. Молошная относит их к сложным словам. Образования, "в которых первая часть наименования представлена полной основой" (*Грузия-фильм, Таллин-фильм*), Б.З. Букчина более склонна квалифицировать как словосложение или сращение, состоящее из двух морфологически оформленных слов (Букчина, 1981, 41—54). На наш взгляд, это не вполне убедительно, хотя в этих наименованиях фирм мы имеем иные семантические отношения, чем в аппозициях к топонимам или гидронимам, где вторая часть является родовой характеристикой первой части. В названиях же фирм вторая часть служит не родовым уточнением, а составной частью имени собственного, выражающей признак деятельности или продукции.

Аппозитивные словосочетания с первым определяемым и вторым определительным компонентами являются весьма продуктивными. Незначительная часть с обратной последовательностью компонентов —

это стилистически маркированные старые образования или же заимствования из других языков, ср.: *пила-рыба* (из немецкого языка) при *рыба-попугай*, *рыба-молот* и пр. Итак, обычная "русская" последовательность компонентов — определяемое-определительное, а немецкая или же английская — определительное-определяемое. Любопытно, что, по наблюдениям ученых, в немецкий язык ГДР некоторые из подобных образований проникали под влиянием русского (Эйхлер, Хенгст, 142—152). Так, сложные немецкие слова *Flieger-kosmonaut*, *Kosmonaut-Ingenieur* калькированы с русских образований *летчик-космонавт*, *космонавт-инженер*. Точно так же, как и в русско-немецком словаре "Лепинг-Страхова" *Ingenieur-Ökopot* является калькой русского *инженер-экономист*. По нормам немецкого языка ФРГ и Австрии этим обозначениям соответствуют *Weltraumflieger*, *technischer Kosmonaut*, *Wirtschaftingenieur*.

В названных выше группах с сочинительной связью компонентов также целесообразно различать более старые и более новые образования. Так, уже Г. Келлер называет в группе суммирующих сочетаний старинные русские образования *отец-мать*, *хлеб-соль*. Это так называемые древнеиндийские двандва. Они могут иметь иные формы в других языках. Новые сочетания типа *марксизм-ленинизм*, *вейсманизм-морганизм* почти во всех славянских языках передаются одинаково. Все антонимичные сочетания, кроме некоторых фольклорных, имеют более позднее происхождение. В группе синонимических или тавтологических сочетаний наоборот почти все образования взяты из фольклора, кроме незначительного числа обозначений типа *капиталист-буржуй*. С учетом способа образования, здесь следует выделить особую подгруппу сочетаний типа *ум-разум*, *честь-почесть*, у которых усиление выразительности или интенсификации общего значения достигается не простым синонимом, а повторением корня + префикса. У "рифмовок" следует различать заимствования типа *гоголь-моголь* (обе части склоняются) и *хоппель-поппель*, *жалам-балам* (склоняется лишь вторая часть) от звуко-подражательных и неизменяемых междометно-наречных сочетаний, как *тары-бары*, *трали-вали*, *шуры-муры*, *тети-мети* и т.п. Кроме этих образований, в русский язык уже прочно вошла из алтайских языков особая форма гендиадис *Hendyadioin*. Этим языкам "свойственно было особое пристрастие к синонимическим повторам и рифмующимся парным словам" (Рамстед, 222). Недавно немецкий славист Й. Плэн (Plähn, 37—41) обратил внимание на способ образования таких единиц в русском языке, где заменяется первый согласный одного слова другим согласным (чаще всего "м") и повторяется остальная часть этого слова. При этом получается сочетание с бессмысленным, но рифмующимся словом. Он не нашел объяснения подобным образованиям, которые и в 19 веке еще были чуждыми для многих русских. Факт наличия подобных образований отметил уже в 1928 г. украинский ученый А. Крымский (Кримський, 139—148). Ср. также по этому поводу Н.А. Янко-Триницкая (Янко-Триницкая, 48—52), С.Г. Николаев (Николаев, 141—144). Данные обозначения вошли в русский язык из тюркских языков через посредство кавказских народов.

Хотя такие образования и являются ныне прочной частью русской лексической и словообразовательной системы, тем не менее "посредничество", сопутствовавшее их внедрению в русский язык, и сегодня легко "просматривается" у русских писателей кавказского происхождения. Так, в повести пишущего на русском языке, абхазского писателя, Ф. Искандера "Созвездие Козлотора" нами были обнаружены образования *зелень-мелень, лобиа-мобиа, суперфосфата-муперфосфата*.

Правомерно задаться вопросом, существуют ли все эти образования в той же мере и в южнославянских языках? Каковы их общесистемные сходства и отличия? Заметим, что мы оставляем в стороне глобальные вопросы о том, как повлияла утрата категории падежа в болгарском языке на указанные образования или же в какой мере русским аппозитивным сочетаниям соответствуют в сербохорватском сочетания прилагательное + существительное и т.п. Нас интересует вопрос, какие типы бессоюзных существительных имеются в южнославянских языках, и как они соответствуют русским образованиям. С. Радева (Radewa, 384—417) обозначила болгарские бессоюзные сочетания типа *самур-калпак, сирак-сиромах, паун-пиле* термином Миклошича "Zusammengrückungen". Е. Георгиева в статье о сложных существительных в болгарском языке объединяет все существительные без соединительного гласного в одну группу. Разграничивая непостоянные и постоянные сложные существительные этого типа, она подразделяет последние на три подгруппы:

- а) с первым определительным компонентом *заместник-министр, помощник-тракторист, кандидат-член, пляж-хотел, вакуум-фильтр*;
- б) со вторым определительным компонентом *мастор-строител, съдия-испълнител, член-кореспондент, инженер-технолог, вагон-ресторант, къща-музей*;
- в) особые случаи с сохраняемой самостоятельностью компонентов, без выраженного их подчинения: *марксизъм-ленинизъм, тетрадка-сметанка, тераса-градина, плод-зеленчук, хотел-ресторант*.

Помимо этого, она еще приводит спортивные термины типа *ски-плац, ски-спорт, ръгби-мач, тенис-корт*, сочетания с именем собственным (*Москва-река, Прага-юг*) и наконец, как пишет Е. Георгиева, редкие в болгарском языке сочетания с повторением одинаковых слов или с антонимичными словами типа *пренос-превоз, покупко-продажба, заем-наем* (Георгиева, 157—202).

Судя по орфографическому словарю болгарского языка 1983 г. (редактор — Е. Георгиева), в третьей группе морфологически объединены разные образования; ср.: *хотел-ресторант, хотел-ресторантът, хотел-ресторанти и марксизъм-ленинизъм, марксизъмът-ленинизът*. Возможно, что в первом случае представлено отношение с первым определительным членом.

Ю. Балтова именует образования с первым определяемым членом (в болгарском языке они встречаются уже в 19-м веке, впоследствии их численность быстро возрастает) сращениями или же композитоидами, если второй компонент получает артикль. Остальные сочетания с артиклем у первого компонента (их она считает типичными приложными сочетаниями,

появившимися уже в период болгарского Возрождения) в современном болгарском языке превратились, по мнению исследовательницы, в устойчивые синтаксические словосочетания (Балтова, 197—204).

Опираясь на определение Е.А. Захаревич (Захаревич, 350—352), Т.Н. Молошная выделяет в болгарском только две группы бессоюзных существительных (Молошная, 1975). При этом отличительным признаком служит согласование компонентов в числе и наличие членной формы или у первого, или у второго компонентов:

1. Аппозитивные словосочетания характеризуются согласованием обоих компонентов в числе и членной формы только у первого, определяемого компонента; с.: *писателят-историк*, *писатели-историци*, *вагонът-хладилник*, *вагоните-хладилници*. Образование существительных ж.р. осуществляется добавлением суффикса или к первому компоненту или к обоим; ср.: *писателка-историк* или *писателка-историчка*. Только у имен собственных, не имеющих в болгарском языке членной формы, artikelъ прибавляется ко второму определительному компоненту.

2. Сложные слова характеризуются отсутствием формы числа и членной формы у первого компонента; ср.: *генерал-полковник*, *генерал-полковникът*, *генерал-полковници*. При образовании соотносительных существительных ж.р. суффикс прибавляется ко второму компоненту; ср.: *помощник-аптекар*, *помощник-аптекарка*.

В болгарской грамматике 1983 г. также отмечается подобное разграничение, однако здесь рекомендуется написание аппозитивных или устойчивых сочетаний типа *къща-музей* не через дефис. Фиксируется, что большая распространенность этих конструкций в современном болгарском языке создает немало теоретических и практических проблем (Грамматика, 96).

Как утверждается в грамматике, функцию приложения в болгарском языке в принципе могут выполнять как первый, так и второй компоненты, однако чаще всего первый компонент является конкретизирующим, а второй — основным. Видимо, поэтому в данной грамматике сложные существительные без соединительного гласного подразделяются на три группы:

1. С первым конкретизирующим компонентом: *заместник-министр*, *помощник-тракторист*, *кандидат-член*, *ски-плац*, *ски-състезание*.

2. Со вторым конкретизирующим компонентом: *министр-председател*, *съдия-испълнител*, *инженер-химик*, *вагон-ресторан*, *дом-паметник*.

3 С равноправными компонентами: *марксизъм-ленинизъм*, *хотел-ресторант*, *пренос-превоз*.

Для того, чтобы уяснить себе современное состояние указанных обозначений в болгарском языке, а также понять имеющийся разнобой в классификации этих единиц, необходимо рассмотреть историю их появления. При этом современное дефисное или бездефисное, слитное или же раздельное написание нередко отражает разные этапы одного и того же процесса: *ски-плац* и *шеллак*, *блок-ширифт*, *тонфилм* это разновременные заимствования из немецкого языка. Какие пластины аппозитивных или бессоюзных сочетаний в болгарском языке существуют? Почти все примеры, приводимые Ю. Балтовой, относятся к 19 в. (*писател-рационалист*,

турчин-разбойник). Это аппозитивные конструкции с последовательностью: определяемое — определительное существительное (*determinatum* — *determinans*). По мнению ученых (Молошная, 1973, 90 и 99), это обычная "славянская" последовательность аппозитивных конструкций. Однако в болгарском языке существует, с одной стороны, значительное влияние так называемых изафетных конструкций из турецкого языка и, — с другой, в нем имеется множество заимствований из немецкого и все возрастающее количество заимствований из английского языка с определительным существительным на первом месте. Играет роль и заимствование аппозитивных конструкций из русского языка, включающих обе последовательности. Норвежский славист А. Граннес написал подробное исследование (A. Grannes) о турецких заимствованных изафетных конструкциях с перечнем сочетаний, рефлектирующих турецкие индефинитные изафетные конструкции в болгарском языке. Он отмечает, что эти конструкции были восприняты в болгарском языке как существительные, однако они не адаптировались морфологически, т.е. не имели множественного числа и членной формы. Впрочем, в орфографическом словаре даже конструкции, прочно вошедшие в болгарский язык, трактуются по-разному; ср.: *чамсакъз*, *кервансарай* и *тахан-жалва*, *шкембе-чорба*. Только те сложные существительные турецкого происхождения пишутся через дефис, у которых первая часть существует как отдельное слово болгарского языка (Правописен речник..., 45). Однако и *чам*, и *керван* тоже существуют в болгарском языке отдельно! Проблема влияния изафетных конструкций касается не только болгарского языка, поэтому мы будем привлекать и факты сербохорватского языка. Уже Миклошич писал, что встречающиеся в балканославянской поэзии факты слияния *Zusammenrückungen* двух существительных возникли под влиянием турецкого (Miklosich). В этом случае существительное выполняет функцию прилагательного, причем, если заимствование из турецкого языка в приложении занимает первое место, оно не изменяется. В зависимости от происхождения компонентов К. Костов различает три типа этих конструкций:

1. Оба компонента славянского происхождения: *серебро плоча, раип pero*.
2. Оба компонента иноязычного (турецкого) происхождения: *мермер дувар, мермер калдъръм*.
3. Первый определительный компонент — существительное турецкого происхождения: *мермер плоча, баѣ-knez* (Kostov, 162—198).

В первой группе К. Костов усматривает "славянскую" основу, и именно эту основу он и хочет объяснить русскими параллелями *жар-птица*, *царь-колокол* и т.п. Впрочем, и в этих русских конструкциях можно видеть влияние тюркских языков. Вторым славянским способом образования аппозитивных конструкций он называет именно то, что мы вслед за научной традицией именуем "славянской аппозицией". В подтверждение приводятся примеры из народных песен: *коња ластоица*, *трева омраза*, *sokoli mitari*, *devojke даволице*. Указываемые Костовым примеры "Гендиадис" (в них отражено отношение: вид — род или род — вид) являются или турецкими, или славянскими аппозициями; *божур дѣрво*, *мряна риба*,

vir voda, šljiva drveta, slavuj pile, badem drvo — дръво яблина, трева детелина, пиле соколове, дрво врбовина, тика препелица. Интересно, что Костов, как позднее и Кювлиева, квалифицирует сочетания народной поэзии, типа очи череши, вежди пиявицы, снага топола, лице трендафил как сокращенные сравнения. Как считает В. Кювлиева (Кювлиева, 55—60), они могут быть и славянскими аппозициями, несущими печать турецкого изафета. Однако их нельзя рассматривать как результат семантической конденсации устойчивых сравнений, обусловленной языковой экономией. Как показывает исследование А. Граннеса, подавляющее большинство примеров — это сочетания с обоими компонентами из турецкого;ср.: *билюр шише, шекер шербет, демир ълмъ, altun-top, demir kapija*. Первое определительное существительное в болгарском и сербохорватском языках зачастую воспринималось как прилагательное, о чем свидетельствует добавление турецкого суфф. *-li*;ср.: *demirli pender*. Этот суффикс имел в турецком иное значение, однако здесь он стал морфологическим признаком прилагательного (Skok, 39—48). Впоследствии при постпозиции эти образования с добавлением *-ия, -лия* стали даже "нормальными" склоняемыми существительными этих языков;ср.: *шекерлия, капия, šećerlija, kapija*.

В третьей, смешанной, группе представлена лишь одна последовательность: определительное (турецкое) — определяемое (славянское) существительное;ср.: *г'ул девойка, алтън Мара, демир ракия, дукат чело, çakmak obrve, srma-devojče, sumbulj-tomče, amber-duša*. Как русские парные сближения воспринимаются почти синонимичные сочетания турецкого и славянского слов;ср.: *гул-трендафил, овчарче чобанче, мермер камък, singir-gvožde, post ramazan, almaz-kamen*. К. Костов трактует их не как поэтические повторы, а как переводы или же уточнения для славянской публики, не понимающей турецких слов. Трудно согласиться с мнением Костова о том, что строгую последовательность компонентов турецкого языка в славянском можно изменять без нарушения их соотношения. Несмотря на то, что в турецком мы имеем нечто вроде конструкции с родительным падежом и, следовательно, подчинительную связь, а в славянском — скорее связь сочинительную, настоящие славянские аппозиции с последовательностью "определенное — определительное" склоняются в обеих частях. С изменением последовательности изменяется и отношение между частями; сочетания с обратной последовательностью компонентов являются заимствованиями или кальками с несклоняемой первой частью или с тенденцией к ее несклоняемости. В современных болгарском и сербохорватском языках эти пласти и тенденции трудно различимы, но они сосуществуют параллельно: старые "славянские" аппозиции, заимствованные турецкие, изафетные конструкции, немецкие заимствования (на последних мы не будем специально останавливаться, т.к. они, как правило, и ныне легко выделяются), современные заимствования из русского и английского языков;ср., напр., *шоу-программа, бийтмузыка* и пр.

В результате итогового сопоставления болгарских сочетаний с русскими можно выделить следующие группы и тенденции.

— Старые изафетные конструкции *самур-калпак*, *тахан-жалва*, *шкембе-чорба*, *чамсақъз*, *кервансарай*, *паун-перо*, *гайтан-вежди*; старые заимствования из немецкого (иногда через русский язык — ср.: Damerau): *дизелмотор*, *тонфильм*, *бор-машина*, *фрезмашина*, *генерал-полковник*; новые заимствования и кальки из немецкого и английского языков: *ски-спорт*, *ски-плац*, *алфа-лъчи*, *шоу-програма*, *хени-енд*, *уик-енд*. Сюда же относятся и старые русские образования в болгарском языке типа *жар-птица*. Это сложные слова, у первого компонента которых формы числа и определенности отсутствуют.

— Старые и новые (иногда по русскому образцу) аппозитивные словосочетания (*писател историк*, *работник зидар*, *град герой*, *къща музей*, *майстор копач*, *майка героиня*, *летец космонавт*), которые, судя по грамматике болгарского языка 1983 г. и орфографическому словарю 1983 г., уже пишутся без дефиса и у которых членная форма у первого компонента и форма мн.ч. у обоих компонентов.

— Сюда относятся и славянские соответствия изафетным конструкциям из народной литературы: *очи-череши*, *вежди-пиявици*, *вежди-гайтани*, *снага-топола*.

Большая часть словосочетаний, рассматриваемых еще в исследованиях 70-х гг. как аппозитивные (*вагон-хладилник*, *вагон-цистерна* и пр.) ныне уже превратились в сложные слова. Установление жестких правил здесь затруднительно, однако общее направление динамики таково: все сочетания с последовательностью определительное — определяемое существительное остаются сложными словами (*помощник-аптекар*, *помощник-тракторист*, *заместник-министръ*, *кандидат-член*). Сочетания со вторым определительным компонентом (старые славянские аппозитивы) активно проявляют тенденцию (возможно, под влиянием изафетных и немецких конструкций?) перейти в группу сложных слов; ср.: *съдия-изпълнител*, *инженер-химик*, *член-кореспондент*, *вагон-ресторант*, *вагон-хладилник*. Названия фирм и предприятий в болгарском языке существуют обычно как сложные слова; ср.: *Булгарплод*, *Балкантурист*. Старых суммирующих сочетаний нами в болгарском языке обнаружено не было. Возможно, к этой группе относится сочетание "вземане-даване" со значением "счеты, расчеты". Сюда же, разумеется, относятся и новообразования типа *марксизъм-ленинизъм*, *марксист-ленинец*, с членной формой и формой мн.ч. у обоих компонентов. В этом ряду находится и обычно неизменяемое атрибутивное название *плод-зеленчук*. Антонимы типа *ход-изход*, *пренос-превоз*, *заем-наем*, *експорт-импорт* в болгарском языке не изменяются. Синонимы-тавтологизмы — это, с одной стороны, изафетные конструкции *вир-вода* (ныне в переносном значении "весь в поту"), *шекер-шербет*, *овчарче-чобанче*, а, с другой, сочетаний типа *сирак-сиромах*, *капиталист-собственик*, у которых изменение (там, где это возможно) касается обеих частей; ср.: *овчарчете-чобанчете*, *сиракци-сиромаси*, *капиталисти-собственици*. Как почти во всех языках, в болгарском имеются разные формы повторения и редупликации слов. О редупликации как особом явлении балканских языков писала, впрочем,

бегло, с учетом конструкций, известных в русском языке, Д. Буркхарт (Burkhardt, 121—135). В болгарском языке, помимо рифмовок типа *охлюв-бохлюв*, *ежко-бежко*, практически всем словам можно придать пренебрежительный оттенок путем замены первого согласного на "м" и повторения остальной части лексемы. Обычно это бессмысленные повторения (хотя есть единичные сочетания, в которых второй член имеет значение: *калинка-малинка*); ср.: у П. Яворова *тръне-мръне*. Как правило, эти единицы не лексикализованы; ср.: *каша-маша*, *доктор-моктор*, *Тодор-модор*, *столове-молове* и пр. Интересно, что подобный способ есть и в македонском: в грамматике Б. Конеского (Конески, 70) он характеризуется как способ фиксации эмоционального отношения, прежде всего пренебрежения говорящего к сообщаемому (первому слову); ср. приводимые им примеры: *кал мал*, *котли-мотли*, *тепсии-менсии*. Другие примеры приводит О. Яшар-Настева (Яшар-Настева, 35—60), отмечающая наличие отзвуков-повторений и с другими губными "п" и "б" в македонском языке — впрочем, в большинстве случаев второй компонент начинается на "м". По ее мнению, эти повторения означают либо "еще что", "что-то подобное", либо придают сочетанию в целом пренебрежительную окраску. Исследовательница констатирует наличие турецких параллелей, хотя и не говорит о турецком влиянии, бесспорно, имеющем здесь место. А. Граур в статье о рифмовках (Graur, 449—452) в румынском языке на довольно богатом материале заключает, что, несмотря на известные параллели в западных языках (ср. в немецком *Schacher-Macher*, *Schorle-Morle*, *Kuddel-Muddel* — В.Э.), румынские рифмовки (в большинстве случаев первый согласный одного слова заменяется на "м" при повторении остальной части слова, т.е. получается бессмысленная вторая часть) заимствованы из турецкого. Ср. его примеры: *sârac-mârac* 'очень бедный', *sahâr-mahâr* 'проделка', *cigâ-migâ* 'пустяки', *gîrâ-mîrâ* 'спор' и др. Построение и значение второго компонента и конструкции в целом совпадает с русскими и болгарскими рифмовками. Удивительно, что автор, цитирующий работы советских тюркологов и приводящий множество примеров из других языков, этого не замечает. Однако его вывод о том, что и в румынском языке этот прием заимствован из турецкого, правilen и подтверждается примерами из русского, болгарского и македонского.

"Для выяснения древности на индоевропейской почве тех заумных пар слов с начальным лабиальным элементом... которые и позднее характеризуют заговорные тексты в частности восточнославянские (тип *шагадам* *магадам*, ср. *Заря Маря*)" В.В. Иванов приводит примеры из хеттских и древнегерманских заговоров (Иванов, 66—68). Он считает, что "наличие такого же типа парных слов в западно-иранском... и восточно-иранском... не обязательно нужно выводить только из позднейших влияний тех индоевропейских языков, в которых этот тип широко представлен (как в семитских и тюркских языках, ср. также картвельские и т.п.)". Хотя этот прием на индоевропейской почве может иметь более глубокие корни, в той, вышеприведенной форме, в русском и южнославянских языках он заимствован из тюркских языков.

В сербохорватском имеются те же тенденции и влияния, что и в болгарском. К сожалению, материалы, приводимые Т.Н. Молошной, очень скучны и не дифференцированы. Она выделяет только аппозиции и сложные слова аппозитивного типа, причем смешивает то и другое, называя *клин-чорба* аппозицией, а сочетания типа *бисер-гора*, *бисер-эрна* сложными словами аппозитивного типа (Молошная, 1975, 189).

По сербохорватскому словообразованию существует богатая литература, однако о статусе, написании и акцентуации интересующих нас образований, находящихся на грани словосложения и словосочетания, единое мнение и даже решение отсутствуют. Нередко исследователи попросту игнорируют спорные и нерешенные случаи.

На основе семантических и акцентологических критериев в грамматике М. Стевановича вычленяются как явления синтаксиса слова сложные, полусложные (когда обе части сохраняют самостоятельное ударение) и аппозиции. Он возражает против термина "аппозитивные сложные слова", поскольку усматривает здесь детерминативную связь, квалифицирует *кромпир=*, *дуван=* в образованиях *кромпир-чорба*, *дуванкаса* как атрибуты, а не оппозиции (Stevanović, 407). Уже Р. Цетт обнаружил в сербохорватском так. наз. дванда-сложения, однако все подчинительные и сочинительные сочетания двух существительных, приводимые им для древнесербского периода, соединены или с помощью соединительного гласного, или же первый компонент является склоняемой формой (Zett, 47, 85). В своей монографии о немецких кальках в сербохорватском М. Раммельмайер критикует работы Стевановича и Игова (Игов, 241,315) за то, что в них не различаются турецкие и немецкие кальки, напротив, они их даже смешивают не только с русскими сложениями типа *жар-птица*, но и с русскими аппозитивными конструкциями типа *кандидат-студент* в болгарском языке. По его мнению, в сербохорватском существуют два типа этих калек: очень продуктивные образования общеевропейского происхождения (*blanko-potpis*, *bruto-prihod*, *dizel-motor*, *iks-noge*, *kilovat-sat*); турецко-немецкие старые образования, воспроизводящие старый турецкий образец *duvan-kesa*, замененный потом немецким типом словообразования *imendant*. Сказать сегодня наверняка, о каком типе образования идет речь, трудно;ср.: *biser-školjka*, *divot-izdanje*, *krompir-čorba*, *naliv-pero*, *paradajz-čorba*, *remek-djelo*, *spomen-dan*, *spomen-ploča*, *spomen-knjiga*. Можно согласиться с Раммельмайером, что сфера употребления этих сочетаний — народный язык и народная литература или лирика, а новообразований общеевропейского типа — язык города, литературный язык или же язык определенных терминологических дисциплин (Rammelmeyer, 71). В новейшей литературе по словообразованию не только настоящие аппозитивные конструкции, но и так наз. полусложные слова (polusloženice) зачастую попросту исключаются, как это делает С. Бабич, т.к. они стоят "на границе между синтаксисом и словообразованием" (Babić, 32). В своей книге о синтаксисе хорватского языка Р. Катичич пишет, что аппозиция может стоять и до и после определяемого существительного, и что обычная последовательность является нейтральной. Впрочем, не всегда ясно, какое существительное является аппозицией какого (Katičić, 449). И

для хорватского языка обычная и нейтральная последовательность — это: определяемое — определительное. И Катичич называет полусложные слова бывшими аппозициями. Вопросами словосложения в разных статьях, в грамматике и в специальной монографии занимается и Е. Барич (Barić, 1976—1977, 90—104; 1979, 1980. Она различает в сложении слов в хорватском языке сложение двух слов с помощью интерфиксса или соединительной морфемы (чаще всего "о"); сращение, когда представлена Ø-морфема (ср.: *domazet*, *kućevlasnica*), к ним близки образования типа *duhankesa*, *crvenperka*, *Jadranfilm*, *Zagrebtekstil* и полусложения, или полусложные слова, в которых оба слова сохраняют свой акцент, а первая часть не изменяется; пишутся они через дефис (*spomen-ploca*, *uzor-majke*). Они, действительно, не отличаются от сложений без соединительного гласного. Возможно, это лишь разные степени сращения, во всяком случае и эти образования сохраняют два акцента и отличаются только условным способом написания. Аппозитивные образования типа *Banja Luka*, *asistentica pripravnica*, *jezik model* Е. Барич считает двучленными понятиями или названиями, т.к. обе части по ударению и в своем изменении вполне самостоятельны. Этим она исключает из словосложения образования, которые как устойчивые сочетания не допускают перестановки компонентов и по традиции пишутся через дефис. В своем стремлении упорядочить орфографию и грамматику сербохорватских бессоюзных сложений она иногда пренебрегает языковой традицией и современной речевой практикой. Так, она предлагает написание *Mehmed-paša*, *Smail-agá*, *remek-djelo*, *pik-sedmica*, *general-major*, *general-pukovnik*, но: *duhankesa*, *rahatlokum*, *tahanhalva*, *nadižakbaba*, *snekbar*, *kartblans*, *markgrov*, *Zagrebtekstil*. Автор объясняет написание через дефис или же без дефиса наличием-отсутствием двух акцентов, хотя у тех и других сочетаний имеются два ударения, а ассимиляция звонких и глухих (в том числе и на письме, как это принято в сербохорватском) проводится непоследовательно. Частое нарушение ассимиляции (ср. орфографический словарь Анича/Силича *nadižakbaba* — Anić, Silić) как раз и подтверждает, что это не обычные сложные слова, а именно слова еще полусложные (polusloženice). Фонемные последовательности *auto-*, *foto-*, *kino-*, *radio-* она уже считает морфемами, а не лексемами; ср. разницу в словаре Анича/Силича *radiotelevizija* и *Radio-televizija Zagreb*, где Барич в обоих случаях предлагает бездефисное написание. Не получили распространения рекомендуемые Е. Барич сочетания (более соответствующие духу сербохорватского языка) типа *šahovski klub*, *tamponska država*, *hokeaška utakmica*, *ovca merino*, *naranča jafa* вместо более привычных ныне сочетаний *šah-klub*, *tampon-država*, *hokej-utakmica*, *rabat-konto*, *žiro-račun*, *džez-pjevac*, *merino-ovca*, *jafa-naranča*. И это невзирая на тенденцию языковой экономии и, в частности, возможность использования суффикса, что вполне соответствует закономерностям сербохорватского языка; ср.: *vikend-kuća*, *iks-noge*, *long-play-ploča*, *termos-boca* — *vikendica*, *longplejka*, *termosica*. В целом мы можем наблюдать в сербохорватском несколько разных видов влияния, т.е. это старые славянские аппозиции, старые

турецкие изафетные конструкции, немецкие заимствования и кальки, новейшие образования того же типа из различных западных языков, заимствованные из русского языка аппозитивные конструкции. Разнобой в написании сложных и полусложных слов, на наш взгляд, неоправдан: у всех у них первая часть не склоняется, имеются два ударения. Это касается и названий фирм и предприятий,ср.: *Zagrebtekstil*, *Bosnafilm*, *Sava-centar* (од *Sava-centra*). Слова *bubamara*, *bubašvaba*, *babaroga* надо считать старыми аппозициями. Новые аппозиции *čovjek-žaba*, *lovac-presretač*, *brod-tegljač*, *žena-heroj*, *pilot-lovac* пишутся или через дефис или без дефиса: *ligečnik ranar*, *ligečnik zubar*, *zemlja članica*, *žena majka*, *radnik migrant*, *seljak radnik* (при обязательном склонении обеих частей). Интересно, что в сербохорватском языке, в котором от любого названия лиц по профессии можно образовать соответствующую женскую форму, есть и такие аппозиции, как *žena vazac* при *vazacica*, *žena radnica*, *žena majka*. Много русских заимствований имеется в военной терминологии. Вместе с тем анализ именно русско-сербохорватского словаря Перишича убеждает в ошибочности некоторых сопоставлений;ср.: в качестве эквивалента в русск. *ракета-носитель* дается *носач ракета*, что соответствует русск. *ракетоноситель*. Сербохорватских соответствий русским суммирующим сочетаниям мною было обнаружено немного. Иногда они употребляются в народной литературе (*otac-majka*, *bez osa-majke*) или же с иным значением (*bratsestra* — название цветка). Современными конструкциями этого типа являются *marksizam-leninizam*, *bratstvo-jedinstvo*. Антонимичные сочетания в сербохорватском обычно не склоняются, когда они употребляются без союза (*eksport-import*, *uvoz-izvoz*, *ulaz-izlaz* и пр.) И в сербохорватском имеются разного рода повторения ономатопоэтического типа (*mile-lale*, *lale-mile*). Однако в нем отсутствует способ с заменой первого согласного через "м" и с повторением остальной части слова, что имеется в русском, болгарском, македонском и румынском языках.

Особняком стоит словенский язык, в котором сложение самостоятельных существительных, по Топоришичу, не очень распространено. Отсутствие турецкого влияния (и незначительность влияния немецкого) при сочетании или же сложении существительных заметно уже с первого взгляда. Словенский язык, в большей мере, чем другие сопоставляемые языки, в этом случае использует "славянские" способы. Конечно, влияние немецкого и других западноевропейских, а также русского языков в нем все же заметно, тем не менее он сохраняет славянскую аппозицию, часто отдает предпочтение сочетанию с помощью союза или атрибутивному сочетанию (в других языках этому соответствуют бессоюзные существительные). Уже А. Баец в монографии о словообразовании словенского языка пишет, что и в словенской топонимике очень редко встречаются дванадца-сложения, и что бессоюзные сочетания у современных словенских писателей появились под влиянием русской народной песни, а также словенского народного языка. При этом он приводит русские образования разных типов (жар-птица, царь-колокол, птица-певица) и как соответствие дает словенское *ptica pevka* (Вајес, 84). Заметим, что единственный тип старой "славянской" аппозиции, встречающийся в словенской

народной литературе это: *zmaj ljudožer, možiček-kopitljac̄ek, car-ponos, možiček-vstajač*. Кроме этих аппозиций из народной литературы (ср. современные образования по этой модели *ptica selivka, ptica stalnica*) имеются редкие примеры, образованные по немецкой модели (определительное — определяемое существительное), что хорошо видно из некоторых калек: *pešpot, prhrogaca, figa-mož, kuc-kruh, žalig-žena* (форма *žar-žena* в словаре Плетершника была обнаружена им в сборнике Kres V, является диалектной *žalig-žena*; ср. и формы *žalk, žal, žark žena*), *kljuka-nos, brustmajor, pedenj-clovek, lakei-brada*. В своей грамматике словенского языка Топоришич (Toporišić, 147), упоминая о сложении существительных (*sklapljanje*) не приводит примера сложения двух существительных. Он рассматривает аппозиции как словосочетания и дает примеры их склонения (*clovek žaba, ptica pevka*). Но и аппозитивные конструкции не употребляются в словенском так часто, как, напр., в русском. Возможно, некоторые из них образованы по русскому образцу; ср.: *pilot pripravnik, pilot samotorilec, pilot lovec, raketa nosilka*. Современные сложения из немецкого и английского языков (*angoravolna, bitglasba, dralonperilo, bekprojekcija, bantamkategorija*) А. Видович-Муха (Vidović-Muha, 181—193) объясняет как сложные слова, первые части которых в словенском легко можно заменить системными соответствиями, т.е. прилагательными. В словенском, кроме некоторых старых бессоюзных сочетаний, возникших под влиянием немецкого, существуют только новые, общеевропейские. Как и во всех языках, имеются и названия фирм с первой неизменяемой частью; ср. *Slovenijales, Slovenijavino, Primorjeeksport*. Есть также старые и новые аппозитивные словосочетания по славянскому образцу. Суммирующие сочетания, кроме *marksizem-leninizem*, нами обнаружены не были (подходящее по типу *pekel-vice* — это название цветка). И антонимичных бессоюзных сочетаний в словенском мало, и они обычно в бессоюзном сочетании не склоняются (*eksport-import*). Не были нами обнаружены и бессоюзные тавтологизмы русского типа, в том числе в повторениях и рифмовках; ср.: *cire-care, curi-muri, hokus-pokus, rutka tutka*. Нет системных соответствий русским и болгарским повторениям с начальным "м".

В заключение можно сказать, что близость или соседство с тюркоязычными народами, очевидно, повлияли на определенные формы бессоюзных сочетаний в славянских языках. Примеры из южнославянских и русского языков ставят под сомнение вероятность исконнославянского происхождения древнего употребления определительного существительного в бессоюзных русских сочетаниях на первом месте (равно как и сочинительных бессоюзных сочетаний). Как убедительно показал В. Станкович (Stanković, 43—65), настоящая аппозиция и в сербохорватском, и русском языках — в постпозиции.

Литература

- Абакшина Г.М. Какого рода "вагон-библиотека"? // РР. 1981. 2. Anić V., Silić J. Pravopisni priručnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1986.
Букчина Г.З. Об образованиях типа *Грузияфильм, Тула-уголь* и под. // Ономастика и грамматика. М., 1981.

- Букчина Г.З., Калакуцкая Л.П.* Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). М., 1982.
- Балтова Ю.* За гран щата между сложна дума и словосъчетание // Български език. 21. 1971. 2—3.
- Babić S.* Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Nacrt za gramatiku. Zagreb, 1986.
- Bajec A.* Besedotvorje slovenskega jezika. III. Zloženke. Ljubljana, 1952.
- Barić E.* O problemu polusloženica // Jezik. 1976—1977. 3—4.
- Jdem.* Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979.
- Jdem.* Imeničke složenice neprefiksalne i nesufiksalne tvorbe. Zagreb, 1980.
- Burkhart D.* Zu den Doppelwörtern in Balkansprachen. Semantische und pragmatische Aspekte der Reduplikation // Zeitschrift für Balkanologie. XXI. 1985.
- Busch W.* Zu russischen nominalen Asyndeta-Kompositionen des Typs *gorod-geroj* // Studia slavica et baltica. I. Munster, 1980.
- Vidović-Muha A.* Skladenjska tipologija zloženk slovenskega knjižnega jezika (Ob kontrastivni naslonitvi na nemške zloženke) // Slavistična revija. 36. 1988. 2.
- Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М., 1978.
- Георгиева Е.* Сложни съществителни в съвременния български книжовен език // Изв. на инст. за бълг. език. 13. 1967.
- Грамматика на съвременния български книжовен език. 2. Морфология. София, 1983.
- Grannes A.* Loan Compounds in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Izafet-Construction. Oslo; Bergen; Tromso. 1980 // Det Norske Videnskaps-Akademii. II. Hist.-Filos. Klasse. Skrifter. Ny Serie. 15.
- Graur A.* Sur un type de formules rimées // Studime filologjike dhe pedagogjike per ndër te Prof. Dr. Aleksander Xhuvanit. Tirana, 1986.
- Damerau N.* Russische Lehnwörter in der neubulgarischen Literatursprache. Berlin, 19607
- Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der FU Berlin. 24.
- Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Жирмунский В.М.* Происхождение категорий прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-историческом освещении // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 5. 1963. 3.
- Захаревич Е.А.* Признаки на неделимост на думите от типа помощник-аптекар // Бълг. език. 17. 1967. 4.
- Иванов Вяч. Вс.* Проблемы восстановления общеиндоевропейских заговорных текстов // Этнолингвистика текста. I. М., 1988.
- Игов А.* Структура на сложните думи в южнославянските езици // Годишник на Софийския университет. 61. 1967.
- Кримський А.* "Калач.-малач, Кішміш-мішміш" // Українська АН. Збірник Іст.-філології відділу. 57. 1928.
- Кювлиева В.* Прояви на семантична кондензация при някои традиционни (устойчиви) сравнения // Език и литература 1982. 5.
- Конески Б.* Грамматика на македонскиот литературен јазик. 2. Скопје, 1954.
- Katičić R.* Sintaksa hrvatskog književnog jezika. Nacrt za gramatiku. Zagreb, 1986.
- Keller G.S.* Das Asyndeton in den balto-slavischen Sprachen. Slavica 4. Heidelberg, 1922.
- Kostov K.* Zur Entstehung und Anwendung einer substantivischen Fügung in den balkanslavischen Sprachen // Welt der Slaven. 13. 1968.
- Молошная Т.Н.* Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Она же.* Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.
- Miklosich F.* Über die Einwirkung des Türkischen auf die Grammatik der südosteuropäischen Sprachen. Sitzungsberichte der philos.-histor. Klasse der kaiserl. Akademie d. Wissenschaften. 120. Wien, 1890.
- Николаев С.Г.* Что такое хухры-мухры? // РР. 1985. 4.
- Плотникова Г.Н.* Кино-, телев., радио... слова // РР, 1983. 6.
- Правописен речник на съвременния български книжовен език. София, 1983.
- Perišić M.* Ruskovo srpskohrvatski vojni rečnik Beograd, 1980.
- Plähn J.* Хуйня-муйня и тому подобное // Russian Linguistics 11, 1987.
- Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.
- Рамстед Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.

- Rammelmeyer M.* Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen. Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik. 23. Wiesbaden, 1975.
- Radewa S.* Budowa i znaczenie wyrazów złożonych w języku bułgarskim // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. I. W-wa, 1955.
- Stanković B.* Apozicija u srpskohrvatskom i ruskom jeziku // Južnoslovenski filolog. XLII 1986.
- Stevanović M.* Savremenii srpskohrvatski jezik. Beograd, 1975.
- Skok P.* Turski sufiks -li u epitetima. Leksikologische studije // RAD JAZU. 272. 1948.
- Toporišić J.* Slovenska slovnica. Maribor, 1976.
- Zett R.* Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen // Slavistische Forschungen. 9. Köln; Wien 1970.
- Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию М., 1968.
- Он же. Русский язык. Лексика. Словообразование. М., 1975.
- Он же. В мире слов. М., 1978.
- Эйхлер Э., Хенгст К. Русско-немецкие языковые связи в современный период // Великий Октябрь и русский язык. Киев, Лейпциг, 1977.
- Янко-Триницкая Н.А. "Штучки-дрючки" устной речи // РР. 1968. 4.
- Jashar-Nasteva O.* За формалните и функционалните особености на редупликацијата во македонскиот јазик // Македонски јазик. 29. 1978.
- Jagić V.* Die slavischen Komposita in ihrem ersten sprachgeschichtlichen Auftreten // Afs 1 Ph. 20. 1898; 21. 1899.

АКЦЕНТОЛОГИЯ, МОРФОЛОГИЯ, МОРФОНОЛОГИЯ

P.B. Булатова, Г.И. Замятин (Россия)

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В МЕХАНИЗМЕ ПОСТРОЕНИЯ АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМ СУФФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН В СЕРБОХОРВАТСКОМ И СЛОВЕНСКОМ

Сопоставительное изучение славянских языков крайне редко имеет дело с акцентологией, и потому методика сопоставительного анализа акцентологического материала остается слабо разработанной. Предлагаемый в данной работе подход определен поставленной задачей и спецификой объекта исследования. Сопоставляются акцентные системы производных (суффиксальных) классов имен в двух близкородственных южнославянских языках — сербохорватском и словенском на фоне восточнославянского — русского.

Для сопоставительного анализа обычным является параллельное рассмотрение одинаковых основ с одним и тем же суффиксом. Другими словами, исследователь исходит из двух параллельных списков аналогичных образований, обнаруживая в них совпадения, схождения, лакуны и т.д. и, в конечном итоге, получая представление о современной системе анализируемых явлений в каждом из сопоставляемых языков.

Когда же сопоставляются системы, в данном случае — акцентные системы, состоящие из акцентных типов, которые, в свою очередь, представлены исчислимыми списками лексем, их составляющих, то сопоставление идет не по общим лексемам, а по акцентным типам, акцентным системам.

В ходе исторической эволюции акцентные системы, акцентные типы трансформируются под действием определенных закономерностей (как общих, так и специфических), а также происходят изменения в составе лексем, составляющих акцентные типы. Поэтому непосредственное полексемное сопоставление только затушует соотношение современных акцентных систем. Диахронический подход и факт сопоставления систем гарантирует вычленение сопоставимых акцентных объектов.

Предлагается исходить прежде всего из праславянской общности, которая была единой отправной точкой для развития и становления современных систем. Такая степень допущения диахронии в данном типе сопоставительного анализа необходима, чтобы не впасть в ошибочную интерпретацию современных систем.

Сопоставление современных южнославянских акцентных систем дериватов не подменяется сравнительно-историческим анализом этих систем, хотя его место в исследовании этого уровня велико. Сравнительно-исторический анализ не ставит своей задачей сопоставление современных фактов, он останавливается на уровне констатации того, к чему привела историческая эволюция. Диахронический подход обеспечивает объяснительную сторону сопоставительного анализа современных систем, т.е. чаще всего он способен объяснить отступления от системы внутри каждой системы, а также установление тех, а не иных акцентных отношений, различия сопоставляемых систем.

Итак, поставленная проблема рассматривается на примере отадъективных имен существительных, образованных с помощью суффиксов разных классов: доминантного класса (*-ota*) и недоминантного класса (*-ostъ*). Речь идет о формировании современных литературных акцентных систем и, следовательно, об акцентной характеристике суффиксов на современном уровне. Именно такое определение этих суффиксов выводится А.А. Зализняком для современного русского языка¹. Исконная же валентность обоих суффиксов, происхождение которых индоевропейское, определяется как минусовая².

Еще Р. Башкович отмечал, что "нет ни одного суффикса, который бы отделял сербохорватской от словенского языка"³. Выбранные суффиксы вычленяются на праславянском уровне. Первый из них в обоих языках имеет фонетическую модификацию *-o'а*, наличие которой отделяет эти языки "как от языков восточной и западной славянских групп, так и от старославянского и болгарского языков"⁴ (суффиксы *-ota* и *-o'а* функционируют в обоих языках параллельно, без семантико-функциональных различий).

Если историко-функциональное развитие указанных суффиксов в сербохорватском и словенском рассматривалось исследователями (в частности, *-ota/-o'а*)⁵, то проблема развития и становления акцентных систем у этих дериватов еще не изучалась в сопоставительном аспекте.

Свою задачу мы видим в том, чтобы проследить, как от общеюжнославянских моделей (позднепраславянский уровень) проходила эволюция и становление современных литературных акцентных систем рассматриваемых дериватов. Какие механизмы построения акцентных систем действовали в данных близкородственных языках — в чем они совпадали, а в чем отличались друг от друга? Сопоставление сербохорватского и словенского языков ведется в русле следующих понятий: тенденция развития (под которой понимается общая направленность перестройки старых (исконных) акцентных отношений) и механизм перестройки акцентных типов (который включает в себя конкретные акцентные формы и способы формирования современных акцентных систем).

О группе дериватов с доминантным суф. *-ota*

По реконструкции В.А. Дыбо⁶ для праславянского периода выводятся два правила построения акцентной системы дериватов на *-ota*: первое выведено из южнославянских материалов (среднеболгарских памятников с

Таблица!

$a^a (= A)$	$a^b (= E)$	$c^c (= C)$
* ništeta — * ništetq (Acc. sg.)	* dobr̄ota — * dobr̄otq (Acc. sg.)	* lěpotā — * lěpotq (Acc. sg.)

"системой Киприана" и чакавско-кайкавского диалекта XVII в. Крижаница), второе — из восточнославянских материалов*.

Первая (южнославянская) система (см. табл. 1)

Вторая (восточнославянская) система отличается от первой отсутствием подвижного акцентного типа С ($= c^c$), вместо которого представлен тип В ($= b^c$) — с наконечным ударением во всей парадигме склонения *lěpotā, *lěpotq. Вопрос о том, какое из двух праславянских правил первично, остается дискуссионным. Не нашел пока окончательного решения и вопрос о праславянской акцентной системе, поскольку если материал староштокавских памятников свидетельствует о том, что здесь действовало 1-е правило, то данных о том, что и в словенском была аналогичная система, нет; вместе с тем материал, свидетельствующий в пользу 2-го правила в словенском, может быть интерпретирован как результат позднейшего собственно словенского выравнивания форм.

Однако, как показывает современное состояние, в литературных языках (да и в диалектах), независимо от исходной акцентной системы в сопоставляемых южнославянских (сербохорватском и словенском) и восточнославянском (русском) языках действует единая тенденция к унификации акцентных типов дериватов на -ota. Т.е. доминантный суф. -ota определил у отадъективных дериватов тенденцию к унификации одного акцентного типа — с ударением на конечном гласном суффикса (окситонное ударение) от всех типов основ. Иными словами, произошла генерализация восточнославянского типа В ($= b^c$).

Эта тенденция довольно последовательно проведена в современном русском литературном языке: (исконная а.п. a) *долгота, нищета, правота, чистота* и т.д. (исконная а.п. b) *доброта, нестрота, теплота, хромота* и т.д.; (исконная а.п. c) *нагота, простота, пустота, сирота, сухота* и т.д.

Аналогичный процесс выравнивания ударения по акцентному типу В представлен и в южнославянских языках. Современная сербохорватская литературная система сложилась в результате действия тенденции к установлению единого акцентного типа в классе производных на -ota — с постоянным кратким восходящим ударением на суффиксе (кроме форм

* Согласно акцентно-словообразовательному правилу в праславянском, дериваты обычно получали акцентный тип производящей основы. В данном случае это хорошо прослеживается у основ акцентной парадигмы (а.п.) a и а.п. c в южнославянской системе. Присутствие суффиксальной морфемы может вносить корректировки в акцентный облик деривата. Так, у конечноударенных основ а.п. b дериваты с суф. -ota получали акцентный тип (условно названный E) с постоянным ударением на кратком гласном суффикса.

Voc. sg.: *дѣброто*), который восходит (если "снять" штокавскую ретракцию ударения) к конечноударенному типу*.

Выборка примеров дана по акцентологическим описаниям Даничича и Матешича (латиницей), а также по обратному словарю Матешича и по словарям РСХКJ и РСАН⁸. Основы исконной а.п. *a*: *бистрѣтъ / бистрѣтъна, висѣтъ, малѣтъ, милѣтъ, пунѣтъ, слабѣтъ / слабѣтъна, тихѣтъ, хитрѣтъна, храбрѣтъна, чистѣтъ / чистѣтъна; а.п. b: белѣтъ / белѣтъна, глупѣтъна, голѣтъ / голѣтъна, грехѣтъ* (образование от существительного), *добрѣтъ, злѣтъ* (ср. *злѣтъ m./ f. 'злой человек, злыденъ'*), *красѣтъ, мокрѣтъ / мокрѣтъна, мудрѣтъ, мртвѣтъна, наглѣтъна, оштрѣтъ / оштрѣтъна, топлѣтъ, хромѣтъ, црнѣтъ, штедрѣтъ*; от прилагательных с суф. -ѣк: *краткѣтъна, лакѣтъ / лакѣтъна; с суф. -ьп: мразнѣтъна; а.п. c: благѣтъ / благѣтъна, бледѣтъна, брзѣтъна, глухѣтъ, (глувѣтъ) / глухѣтъна (грувѣтъна), гњилѣтъна, грдѣтъна, грубѣтъно, густѣтъса, драгѣтъ / драгѣтъна, jakѣтъ, крутѣтъна, љепѣтъна, нагѣтъна / нагоћтъна, немѣтъна / немѣтъна, новѣтъна⁹, плавѣтъна, преснѣтъна, простѣтъна, пустѣтъна, светѣтъна, 'святость', седѣтъна, сирѣтъна, сландѣтъна, слепѣтъна / слепѣтъна, сухѣтъна (сувѣтъ) / сухѣтъна, тврдѣтъна, тегѣтъна, тунѣтъна, туствѣтъна; от прилагательных с суф. -ѣк: *мекѣтъна, tankѣтъ, teшкѣтъса; с суф. -ьп: bjesnѣтъса, vrednѣтъна, дивѣтъна, jasnѣтъна, трезнѣтъна, hladnѣтъса*.*

Примечание: Отметим, что данная универсальная модель для образований на *-ota* / *-ot'a* имеет в литературном сербохорватском редкие отступления, связанные, по всей вероятности, прежде всего с отголосками старых акцентных типов. К ним можно отнести примеры *сујета* (от основы исконной а.п. *a*); *рѣбота* (<*рабѣтъ* — от основы исконной а.п. *b*); кстати, эта лексема во всех языках стойко сохраняет старый акцентный тип ввиду ее семантической изоляции от дериватов на *-ota* с их абстрактным значением); и, наконец, остатки былой подвижности можно видеть в форме Acc. sg. основ, восходящих к исконной а.п. *c*: *срамѣтъ — срѣмоту, сирѣтъ — сирѣмоту / сирѣтъна, љепѣтъ — љѣпоту, на љепоту*¹⁰.

Современная словенская литературная система также складывается под действием тенденции к установлению единого акцентного типа производных с доминантным суффиксом *-ota* — с постоянным восходящим ударением на открытом гласном суффикса, который восходит к конечноударенному акцентному типу В (*b^c*). Мягкая разновидность суф. *-ot'a* в словенском языке распространена преимущественно в диалектах северо-восточной зоны (об акцентуации данного класса производных в этих диалектах см. ниже). Образования с суф. *-oса* в словенском литературном языке единичны и, как правило, с акцентологической точки зрения не отличаются от дериватов с суф. *-ota*.

* Прямое подтверждение этому находим в архаичных штокавских северночерногорских говорах — пиперский⁷: *доброта, гревота, красота, сирота, дивота, љепота, (х)ладноћа*.

Выборка примеров дана по словарям Plet., SSKJ, SP¹¹. Основы исконных а.п. *a*: *bistróta*, *cistóta* / *čistóča*, *dolgóta* (Plet.)*, *istóta* (Plet.), *malóta*, *milóta*, *mнogóta* (Plet.), *mrzóta*, (Plet.), *polnóta*, *pravóta* (Plet.), *sivóta*, *slabóta* / *slabóča*¹², *tihóta*; от прилагательных с суф. -ък: *gladkóta* (Plet.), *mrzkóta* (Plet.), *trpkóta* (Plet.); а.п. *b*: *belóta*, *črnóta*, *golóta* (SSKJ), *hromóta*, *mědlóta* (Plet.), *mokróta*, *naglóta* (Plet.), *novóta*⁹, *ostróta* (SSKJ), *pěstróta* (Plet.), *skopóta*, *toplóta* (Plet.), *visóta* / (Plet.) *visokóta* (Plet.); от прилагательных с суф. ък: *kratkóta* / *kratkóča*, *lahkóta* / *lahkóča*, *nizkóta*, *ozkóta* (Plet.), *redkóta* (Plet.); ък: *žarkóta* (Plet.); от прилагательных с суф. -ып: *praznóta*, *ravnóta*; от прилагательных с суф. -ок: *globokóta* (Plet.), *širokóta* (Plet.); а.п. *c*: *blagóta*, *bledóta*, *bosóta*, *brzóta* (Plet.), *celóta*, *čvrstóta*, *debelóta* (Plet.); *dragóta*, *gluhóta*, *gnilóta* (Plet.), *grdóta* / *grdóča*, *hudóta*, *krivóta* (Plet.), *lepóta*, *nagóta*, *nemóta*, *prostóta*, *pustóta*, *slanóta*, *slepóta*, *suhóta*, *togóta*, *topóta* (Plet.), *trdóta*; от прилагательных с суф. -ък: *bridkóta* (Plet.), *grenkóta*, *krepkóta* (Plet.), *krhkóta* (Plet.), *krotkóta*, *mehkóta*, *sladkóta* / *sladkóča*, *šíbkóta* (Plet.), *težkóta*; от прилагательных с суф. -ып: *hladnóta*, *tesnóta*.

Однако несмотря на то, что данный акцентный тип включает в себя образования от основ всех а.п., он еще не подчинил себе окончательно все образования на -ота, у которых представлены также акцентные типы:

— с восходящим ударением на корне: *lákota* (изолированный характер этого образования, вероятно, вызван тем, что в отличие от основного корпуса производных на -ота, оно образовано не от адъективной основы; другие отглагольные производные с суф. -ота включены в продуктивный акцентный тип В: *dremóta*, *grmóta*, ср. также диал. *lakóta*¹³);

— с долгим нисходящим ударением (рефлексом нового циркумфлекса) на суф. *dobr̄ota*. В современном словенском литературном языке и некоторых диалектах¹⁴ представлены лишь следы этого акцентного типа: *dobr̄ota*, диал. *dabrb̄eta*, *gorkóta* / *gorkóča*, диал. *yarlk̄eta*, диал. *makr̄eta*; *siróta*, диал. *sr̄eta*. Более широко он представлен в словаре Плетеरшника и диалектном описании М. Валявца¹⁵, где (кроме приведенных выше) к этому акцентному типу относится целый ряд производных от основ а.п. *b*: *golóta*, *mokr̄ota* / *mokróta*, *novóta*⁹, *ostróta*, *toplóta* / *topl̄ota*, от прилагательных с суф. -ък: *krotkóta*, *lahkóta* / *lahkóča*, от прилагательных с суф. -ок: *širokóta* / *širokóča*, *visokóta* / *visokóča*; а.п. *c*: *bosóta*, *grenkóta*¹⁶.

Опираясь на данные словенского литературного языка и словенских диалектов, можно сделать вывод, что данный акцентный тип является рефлексом праславянского акцентного типа Е¹⁷, его появление у производных имен, образованных от основ а.п. *b* закономерно и представляет собой следы состояния акцентной системы, предшест-

* Отадъективные образования с суф. -ота представлены в Plet. более широко, чем в SSKJ, так что ссылка на Plet. свидетельствует об отсутствии данной лексемы в SSKJ, в то время как ссылка на SSKJ — о том, что в Plet. данная лексема относится к иному акцентному типу.

вующего генерализации акцентного типа В, а не совпадение акцентного типа Е с подвижным акцентным типом С с последующим выравниванием по формам-enclinomena (напр., Acc. sg.), как это предполагали некоторые словенские исследователи¹⁸. Возникновение данного акцентного типа у основы а.п. *c sirota* связано, по-видимому, с ее изолированностью среди других имен на *-ota* (конкретное значение в отличие от характерного для большинства других абстрактного, отсутствие в словенском языке производящей основы в несвязанном виде). Менее ясны причины перехода в акцентный тип Е производного *bosôta* (возможно, это связано с вокализмом корня — большинство прилагательных с **o* в корне относится к а.п. *b*, или с аналогией *golôta* ~ *bosôta*; случаи перехода основы прилагательного *bos* в окситонированную парадигму в словенских диалектах нам неизвестны).

Тенденция к унификации акцентных типов дериватов на *-ota/-ot'a* столь же последовательно действует и в северо-восточных словенских диалектах, однако здесь перестройка акцентной системы проходит в другом направлении — генерализуется акцентный тип Е: (а.п. *a*) *bistrôča*, *čistôča*, *dolgôča*, *gladkôča*, *hitrôča*, *polnôča*, *milôča*, *tihôča*; (а.п. *b*) *dobrôča*, *kratkôča*, *krotkôča*, *lahkôča*, *mokrôča*, *ostrôča*; (а.п. *c*) *bledôča*, *bridkôča*, *brzôča*, *čvrstôča*, *debelôča*, *dragôča*, *gnilôča*, *grdôča*, *krepkôča*, *krhkôča*, *lepôča*, *mehkôča*, *nagôča*, *prostôča*, *pustôča*, *sladkôča*, *slanôča*, *suhôča*, *težkôča*, *trdôča* (качество гласного суффикса указывает на нерецессивный характер ударения и вторичность исходящей интонации; следует отметить также отсутствие интонационных оппозиций в большинстве северо-восточных словенских говоров), хотя в отдельных говорах¹⁹ при генерализации акцентного типа Е (а.п. *a*: *bistrôúča*; а.п. *b*: *mokrôúča*, *velikôúča*; а.п. *c*: *bridkôúča*, *debelôúča*, *težkôúča*, *tisnôúča*) могут сохраняться следы старых акцентных типов: (а.п. *a*) *tîhoča* (акц. тип А); (а.п. *c*) *drágoča*, *mékoča*, *sû(h)oča* (<*dragôča* < *dragòča*) (акц. тип В).

Материал, почерпнутый из памятников письменности и диалектных описаний рассматриваемых языков, указывает на хронологическую отнесенность действия тенденции к унификации акцентных типов и проливает свет на механизм действия этой тенденции, показывает, какие этапы прошел процесс становления единой модели акцентуации дериватов на *-ota*.

Материал староштокавских текстов XIV—XVI вв. и диалектные данные показывают, что тенденция к унификации акцентного типа у дериватов с доминантным суффиксом *-ota* появилась давно (ее действие налицо уже в XIV в.) и протекала последовательно и неуклонно, охватывая всю штокавскую территорию. Механизм действия этой тенденции выглядит так: прежде всего подвергся перестройке акцентный тип Е (если считать, что в староштокавском действовало 1-е праславянское правило, о чем могут свидетельствовать лишь отдельные примеры из памятников: *добротою*, *щедрótъ*, *щедрótамъ* Dat. pl., *щедрótами* и *рабóта* — *рабóтъ*)²⁰. Основы акцентного типа Е рано переходили в акцентный тип С (т.е. модель **lêpolâ* — **lêpotô* устанавливались

Таблица 2

A (a ^b)		E (a ^b)		C (c ^g)	
		длогосложные	краткослож- ные	длогосложные	краткослож- ные
Sg.					
Nom.	чистота / чистотà	красота / красота	доброта	лъпота	—
Gen.	Не чистоты	красоты / красоты	доброты / доброты	слъпоты	пъстроты
Dat.	чистотъ	красотъ / красотъ	добротъ 14x / добротъ 3x	слъпотъ	простотъ
Acc.	чистотъ	красотъ / красотъ	добротъ	лъпотъ часто / лъпотъ 1x	простотоу
Instr.	чистотою	красотою	добротою 8x / добротою 1x	лъпотою	простотою
Loc.	въ чистотѣ	красотѣ	добротѣ	въ теснотѣ	—
Voc.	—	красото	доброто	—	—
Pl.					
Nom.	чистоты	красоти	доброты, тъщеты	—	—
Gen.	въ сътъ	—	щедротъ	—	—
Dat.	—	—	щедротамъ	сиротамъ	—
Acc.	—	красоты	щедроты / щедроты / щедроты	теготы	—
Instr.	—	красотами / красотами	щедротами / добротами	—	—
Loc.	въ въ съта ^x	—	щедрота ^x	—	—

валась в типе Е): добротоу П. 1x, Сб. ХУ в. 5x, Сб. 1509 15x; красотъ Кн. ц. 103, Сб. 1509 22x / красо/тоу) (красотоу) 2x; пастротъ Сб. 1509 1x; топлотоу П. 1x, Сб. ХУ в. 1x, Сб. 1509 1x; тъщету Сб. 1509 4x.

Отметим, что в древнерусском (где действовало 2-е праславянское правило) при совпадении со штокавским общей направленности тенденции к унификации конечноударенного типа в отличие от штокавского сразу же генерализовалась модель **dorota* — **dorotъ*²¹.

Затем в штокавском перестройка коснулась основ исконной а.п. а, где накоренное ударение распространилось прежде всего на исходную форму (Nom. sg.). Возможно, и здесь был какое-то время подвижный акцентный тип, на что может указывать архаичная штокавская диалектная форма (Дубровник): *cistotā* — *cistotū*.

Приводим сводную таблицу состояния акцентных типов дериватов на -ota в староштокавских текстах XIV—XVI вв. (см. табл. 2).

Список всех лексем на *-ota* из использованных староштокавских текстов: (акц. тип А) высота, дългота, нищета, правота, чистота, нечистота; (акц. тип Е): доброта, красота, мокрота, работа, топлота, тъщета, широта щедрота; (акц. тип С): лѣпота, нагота, простота, поустота, пыстрота, сирота, слѣпота, срамота, тегота, тльстота, тѣснота.

Словенские печатные памятники XVI в.²² показывают, что тенденция к унификации акцентных типов у отадъективных производных с суф. *-ota* появилась рано, ибо уже в XVI в. она проведена столь же последовательно, как и в SSKJ. Акцентный тип Е сохраняется только у основ а.п. *b*: *dobruta*²³ Bibl., PP, *gorkuta* НМТР, непоследовательно *mokrute /mokrote* Gen. sg., но *mokrota* Bibl. Все остальные дериваты (кроме отглагольного а.п. *a lakota* Bibl.) относятся к конечноударенному акцентному типу В: (а.п. *a*) *merzota* RNB, *tihota* Bibl., производное от заимствования *glihota* Bibl.; (а.п. *b*) *krotkoto* Acc. Bibl., *na ūrokoto* Bibl., *vissokota* Bibl.; (а.п. *c*) *Gluhota* Bibl., *s'grenkoto* Bibl., *kripkota* Bibl., *nagota* Bibl., *v'puštoti* Bibl., *v'suhoto* Bibl., *šibkoto* Acc. Bibl., причем у ряда основ сохраняются формы акцентного типа в с наконечным ударением (подвижность вызвана рецессией ударения с конечных кратких гласных): Nom. sg. *dragóta* RNB, *lipota* Bibl., *ſlipota* Bibl., *ſorota* (= *sirota*) Bibl., Gen. sg. *lipoté* Bibl., *mehkoté* Bibl., *ſlipoté* Bibl., Acc. sg. *ſramoté* Bibl., Acc. pl. *Siroté*.

В памятниках XVI в. не отмечены случаи перехода основ из акц. типа В в акцентный тип Е: *ſorota Siroté* (но *sirute* Acc. pl., PP) (колебания *sorot / sirut*, *Vissokot / Vissokut* связаны не с колебаниями в сторону акцентного типа Е, а с процессом выравнивания качества у ударного гласного в Gen. pl. по формам с рецессивным ударением, ср. *kos / kus*, *nog / nug*, *vod / vud* Bibl., диал. *lepót / lepót* (Валявец)).

Таким образом, данные словенских старопечатных памятников лишь в незначительной степени могут проиллюстрировать механизм унификации конечноударенного типа в словенском языке, однако они убедительно свидетельствуют о том, что две стадии фиксации литературной нормы в области акцентуации (конца XIX в. — Plet. и современная — SSKJ) отражают не столько синхронный процесс генерализации акцентного типа В у дериватов с суф. *-ota* в словенском языке, сколько состояние в различных словенских диалектах центральной зоны, отличающихся в том числе и степенью воздействия тенденции к унификации акцентных типов на отадъективные дериваты с суф. *-ota*. В целом по сравнению с сербохорватским унификация в современном словенском литературном языке выражена слабее, на что оказали влияние и принципы, положенные в основу нормирования акцентуации в SSKJ (кодификация акцентуации путем учета данных анкетного опроса, с одной стороны, и традиции — с другой).

О группе дериватов с недоминантным суф. *-ostъ*

Акцентная система этих дериватов в позднепраславянском реконструируется как единая для всех славянских языков²⁴ (см. табл. 3).

Таблица 3

a ^a (= A)	a ^b (= E)	c ^c (= C)
*rādostъ — *rādostъ јо (Instr. sg.) — * rádosti (Loc. sg.)	*mōdrōstъ — *mōdrōstъ јо (Instr. sg.) — * mōdrōsti (Loc. sg.)	* lēnōstъ — *lēnōstъ јо (Instr. sg.) — *lēnōsti (Loc. sg.)

Недоминантный суффикс *-ostъ* не перетягивал на себя ударение. И в результате в современном русском литературном языке все отадъективные дериваты с этим суффиксом имеют на коренное ударение: (исконная а.п. а) *жáлость, милость, ráдость, слáбость, старость, хýтрость* и т.д.; (исконная а. п. б) *бéлость, люtость, мýдрость, náглость, скúпость* и т.д.; (исконная а.п. с) *блáгость, грúбость, крéпость, лéнность, молодость, твérдость, тóпость* и т.д.

В современном сербохорватском литературном языке представлено два акцентных типа: I (с накоренным кратким нисходящим ударением и с вариантою формой в Loc. sg. с восходящим ударением на суффиксе): *ráдост — ráдости G. sg. — ráдости / radioštu Instr. sg. — ráдости / radosti Loc. sg.*; II (с восходящим ударением на корне, т.е. перенесенным с суффикса) *drágost — drágosti Gen. sg. — drágoshi Instr. sg. — drágosti Loc. sg.*.

Списки дериватов на *-ostъ*, расположенные по исключенным акцентным парадигмам: (а.п. а) *бíстраБст, вíткбст, жáлбст, мáлбст* (РСАН), *мíлбст, прáвбст, при́снбст / при́снбст, пýнбст, ráдбст, слáббст, стáрбст, сítбст, тíхбст, хýтрбст, сýjetнбст ~ дýжнбст, рéвнбст, хýтбст, хрáбрбст; (а.п. б) *бáдрбст (бóдрбст), крóтбст, мýдрбст, мртвбст, хрóмбст, штéдрбст ~ бéлбст, глúпбст, давнбст, жýтбст, крúглбст, лýтбст, náглбст, скúпбст, црнбст;* от прилагательных с суф. -ък: *лáхкбст ~ краткбст, с суф. -ьп: прáзнбст, rávnбст, ráзнбст, (а.п. с) жи-вбст, лüдбст, млáдбст, мрзбст / мрзбст, нбвбст / нöвбст⁹, свéтлбст ~ блáгбст, блéдбст, грýббст, drágбст, злáтбст (возможно, от основы существительного?), jáрбст, jýнбст, крúтбст, лéнбст, лéпбст, náгбст, némбст, свéтбст, сéдбст, слáнбст, срdbст, тврдбст, тóпбст, цéлбст, от прилагательных с суф. -ък: крéпбст, слáдбст, тáнкбст, с суф. -ьп: врéднбст, мíрнбст, rúжнбст, сjájnбст, тáйнбст, трéзнбст, хárнбст.**

В основе I акцентного типа (по характеру акцентовки) лежит а. п. а и по составу лексем он в основном состоит из основ исключенной а.п. а; кроме того, в него входит примерно половина образований от исключенной а.п. б, а также среди четвертой части основ а.п. с можно найти образования I акцентного типа.

II акцентный тип восходит по характеру акцентовки к типу Е — с ударением на суффиксе, а составляют его в большей степени основы

Таблица 4

	A (= a ^a)	E (= a ^b)		C (= c ^c)	
		долгосложные	краткосложные	долгосложные	краткосложные
Sg.					
Nom.	радость Ев. XV в.	моудрость Сб. 1509	—	свѣтлость Сб. 1509	скрѣсть Сб. XV в.
Gen.	о́ радости Ев. XV в.	моудрости Сб. XV в.	—	гроубости Кн. ц. 1418	о́ скрѣости Кн. ц. 1418
Dat.	по правости Кн. ц. 1418	по моудрости Кн. ц. 1418	—	—	кѣости Сб. 1509
Acc.	въ старость Ев. XV в.	—	—	въ свѣтло ^c Сб. 1509	твѣрдость Сб. 1509
Instr.	съ радостю Ев. XV в.	моудростю Сб. 1509	—	свѣтлостью Сб. 1509	скрѣстю Кн. ц. 1418
Loc.	въ радости Сб. XV в.	въ моудрости Сб. XV в.	—	въ крѣости Сб. 1509	въ кѣости Сб. 1509
Voc.	—	—	—	—	—
Pl.					
Nom.	хѣстости Сб. 1509	моудрости Сб. 1509	—	—	кѣости Сб. 1509
Gen.	—	—	—	—	мрѣбстей Кн. ц. 1418
Dat.	радостемъ Сб. 1509	—	—	—	мрѣбстемъ Кн. ц. 1418
Acc.	хѣстости Сб. 1509	прѣмоудрости Сб. 1509	—	—	мрѣбстии Кн. ц. 1418
Instr.	—	—	—	свѣтлостми Сб. 1509	—
Loc.	—	—	—	свѣтлостех ^x Сб. 1509, Ж.Р.	по мрѣбстехъ Кн. ц. 1418

Примечание: Отметим, что в памятниках I группы (кроме Ев. XV в.) встречаются изредка примеры, характерные для II группы текстов (т.е. с насуффиксальным ударением основы исконной а.п. с): Сб. XVв.: сладѣсть Iх, лѣностю Iх, Кн. ц. 1418: крѣпости G. sg., съ скрѣстю, мрѣбстей G. pl., мрѣбстемъ G. pl.; Сб. 1509: гроубстю Iх, въ твѣрдости Iх, твѣрдѣстн pl. 3х, тѣнѣстии G. pl. 1х, младѣстю, 1х, хоудѣстии D. sg., грядѣстии G. sg. 1х, свѣтлость 1х, лѣность 2х, въ лѣнѣстии 1х; Ж.П. XVI в.: грядѣстии G. sg. 1х, свѣтлостю Iх.

исконной а.п. с, половина наличного состава а.п. b и в небольшой части — а.п. a.

Обращение к материалу староштокавских памятников и к диалектному сербохорватскому материалу показывает там наличие двух групп, имеющих различные акцентные системы дериватов на -ost.

I группа староштокавских текстов XIV — начала XVI вв. (см. табл. 4)

Таблица 5

	А (= a ^a)	Е (= a ^b)		С (= c ^c)	
		долгослож- ные	краткослож- ные	долгослож- ные	краткослож- ные
Sg.					
Nom.	радость Сл. Г. Б. XV	прѣмѣдрость Сл. Г. Б. XV	—	юность П. XIV	грѣдѣсть Леств. XIV— XV
Gen.	радости П. XIV	моудрости П. XIV	—	младости Сл. Г. Б. XI	кротости Леств. XIV— XV
	до сѣгости П. XIV	равности Сл. Г. Б. XV		сладости Леств. XIV—XV	
				юности Леств. XIV— XV	
Dat.	—	по моудрости П. XIV	—	—	—
Acc.	радо ^с П. XIV	тѣгость Леств. XIV— XV	—	лѣнность Леств. XIV—XV	тврьдость Леств. XIV— XV
Instr.	радостию П. XIV	моу ^л ростию П. IV		таростию Леств. XIV—XV	круостию Леств. XIV— XV
Loc.	—	—	—	въ лѣнности Леств. XIV— XV	—
Pl.					
Dat.	—	—	—	сладостѣмъ Леств. XIV—XV	—

Примечание: 1. Перечислим все лексемы исконной а.п. с, встретившиеся в памятниках II группы с насуффиксальным ударением (только один пример ю сладости Сл. Г.Б. XV — с накоренным ударением): гроубость, грѣдѣсть, кротости, крѣпость, лѣнность, младости, скоудѣсть, сладость, тврьдость, хѣдѣсть, юность, тарость, Марг. XVI в.: блгость, гнилость, скорость, тынкость, честость.

2. Следует отметить, что насуффиксальное ударение проникло в основы исконной а.п. а; так, лексема хыбрѣсть перешла в тип *mudrostъ во всех памятниках (П. XIV в., Леств. XIV—XV вв., Сл. Г.Б. XV в.), встретились также примеры радѣсть Сл. Г.Б., ревнѣсть Сл. Г.Б., Леств., храбрѣсть и тихѣсть П. XIV в.

(Ев. XV в., Сб. XV в., Кн. ц. 1418, Сб. 1509, Ж.П.Ж.Р. XVI в.) отражают исконное состояние *radostъ ~ *modrostъ ~ *krêpostъ с тенденцией объединения в один акцентный тип основ исконных акц. типов А и С и противопоставления его акц. типу Е.

II группа староштокавских памятников XIV — начала XVI вв. (см.

Таблица 6

	a ^a (= A)	c ^b (= C)	c ^c (= C)
Nom. sg.	радость	кróость	крéость
Gen. sg.	радости	кróости	крéости
Loc. sg.	радости	кróосты	крéосты

табл. 5) (Пат. XIV в., Леств. XIV—XV вв., Сл. Григ. Бог. XV) отражает следующую акцентную систему: *rādost ~ *mqdrostъ, *krēpōstъ, т.е. с тенденцией объединения в один акцентный тип на базе типа Е основ исконных а.п. *b* и а.п. *c*. Заметим, что аналогичная система наблюдается в восточноболгарских текстах среднеболгарского периода, а также у Крижанича (мíлост ~ мëдрóст, лíнóст)²⁵.

В то же время ситуация в древнерусском (Чудовский Новый Завет XIV в.) отличается как от I, так и от II староштокавских систем²⁶ (см. табл. 6).

Экскурс в диалектный материал также показывает две зоны с различными системами, соответствующими описанным староштокавским. Первая — условно обозначенная как юго-восточная (центральная и южная Черногория, Зета, косовско-метохийский ареал, а также южная Барания и центральная Шумадия)²⁷ с общим акцентным типом у основ а.п. А и а.п. С: *vљérnōs(m)*, *dúžnōs(m)*, *mílōs(m)*, *rādōs(m)*, *stārōs(m)*, (*x*)*umrōs(m)*, *blágōs(m)*, *járōs(m)*, *lúdōs(m)*, *mládōs(m)*. Поскольку в диалектных описаниях отсутствуют образования от основ исконной а.п. *b* (Е), кроме одной лексемы *glúpōs(m)* (Реметић), то об этом акцентном типе говорить трудно. Очевидно, что данная акцентная система (из-за малочисленности образований от основ а.п. *b*) располагает к унификации типа с кратким нисходящим ударением (‘) на корне. Эта группа говоров соответствует I группе староштокавских текстов.

Вторая акцентная зона — северо-западная (северная Черногория, южная Герцеговина — Пива и Дробняк, новопазарско-сенические говоры)²⁸, соответствующая староштокавским текстам II группы, имеет акцентную систему типа: (а.п. *a*) *vјérnōs(m)*, *dúžnōs(m)*, *žálōs(m)*, *mílōs(m)*, *rādōs(m)*, *stārōs(m)*, (*x*)*umrōs(m)*, (а.п. *b*) *glúpōs(m)*, (а.п. *c*) *љénōs(m)*, ~ (а.п. *c*) *blágōs(m)*, *drágōs(m)*, *járōs(m)*, *lúdōs(m)*, *mrzōs(m)*, *májnos(m)*; (а.п. *b*) *múdrōs(m)*, *náglōs(m)*; (а.п. *a*) *slábōs(m)*, *krađbōs(m)*.

Таким образом, литературная сербохорватская акцентная система дериватов на *-ostъ* ближе к староштокавским текстам и диалектам II группы. По-видимому, в ее основе лежит система II типа, а наличие в литературном сербохорватском форм типа *бáдрост*, *мùдрост*, а также *жíвост*, *свèтлост*, *крéпост*, и т.д. следует объяснять воздействием говоров I диалектной зоны.

Производные с недоминантным суффиксом *-ost* в словенском литературном языке относятся к двум акцентным типам: I с ударением на

корне (< акц. типа А) *mílost*, II с ударением на суффиксе (< акц. типа С, после передвижки циркумфлекса на следующий слог) *bledôst*.

Нормативными в словенском литературном языке являются две системы соответствий отадъективных производных с суф. *-ost* праславянским акцентным типам, что позволяет думать, что каждая из этих систем представлена в определенных словенских диалектах. I тип — акцентуация дериватов с суф. *-ost* в словаре М. Плетершика (акцентуация такого типа содержится и в SSKJ в качестве одного из возможных вариантов). К акцентному типу с ударением на корне относится примерно половина основ, образованных от прилагательных а.п. *a: gotôvost, hrábrost, kíslost, mílost, právost, sínjost, sítost, sívost*, от прилагательных с суф. *-čk: gíbkost, mřzkost, rézkost, žídkost, žólkost*, а также около трети основ а.п. *b: kráglost, náglost, váglost*, от прилагательного с суф. *-čk: žárkost*, от прилагательных с суф. *-bn: dávnost, práznost, ráznost*. К акц. типу с ударением на суффиксе, (восходящему к акц. типу С), относятся все имена, образованные от а.п. *c: blagôst, bledôst, brzôst, celôst, čvrstôst, dragôst, gluhôst, gnilôst, grdôst, hudôst, kosôst, krivôst, lenôst, lepôst, mladôst, nagôst, prostôst, pustôst, slanôst, slepôst, suhôst, svetlôst, svetôst, togôst, tolstôst, topôst, trdôst, vranôst, živôst*, от прилагательных с суф. *-čk: bridkôst, mehkôst, sladkôst, šibkôst, težkôst*, (ср. также *veselost* — рефлекс акц. типа С, *debelôst, veselôst* — выравнивание по формам акц. типа С, образованного дериватами односложных имен прилагательных) и две трети имен, образованных от прилагательных а.п. *b: helôst, blizôst, črnôst, dobrôst, glupôst, golôst, grobôst, hromôst, mèdlôst, modrôst, mokrôst, mrtvôst, novôst⁹, ostrôst, pestrôst, ploskôst, žoltôst*, от прилагательных с суф. *-čk: kratkôst, krhkôst, krotkôst, lahkôst, nizkôst, ozkôst*, от прилагательных с суф. *-ok: globokôst, širokôst, visokôst*, — и половина имен, образованных от основ а.п. *a* (не только от основ прилагательных, перешедших в подвижный акц. тип (*slâb — slába — slabô*) или склонных к такому переходу (*tih — tîha — tihô*), но и от имен прилагательных, сохраняющих исконный баритонированный акц. тип: *bistrôst, dolgôst, hitrôst, malôst, mnogôst, polnôst, ranôst, slabôst, tihôst*, от прилагательных с суф. *čk: gladkôst*.

Колебания между акц. типами А и С наблюдаются только у основ, образованных от а.п. *a* и а.п. *b: čistost / čistôst, rádost / radôst, stárost / starôst, sérost / serôst, rédkost / redkôst, rávnost / ravnôst*.

Подобное перераспределение основ формируется на базе распада акц. типа Е и его частичного совпадения с акц. типами С и А. В акц. типе С утрачивается подвижность (явление характерное в словенском языке для многосложных основ а.п. *c*), в результате чего место ударения у имен акц. типа С совпадает с местом ударения в косвенных падежах акц. типа Е, в то время как в Nom. sg. в результате рецессии ударения совпадают формы акц. типов Е и А. Сформировавшийся на базе акц. типа С тип с

ударением на суффиксе охватывает большую часть образований с суф. -ost, что делает возможным его дальнейшее распространение на основы, первоначально принадлежавшие к акц. типу А.

II тип — акцентуация производных с суф. -ost в современном словенском литературном языке. К акцентному типу с накоренным ударением относятся все основы а.п. a (кроме основ, образованных от прилагательных, перешедших в подвижный акц. тип *slabost*): *bístrost, málost, pólnost, tíhost, gládkost*; у всех основ а.п. b, кроме *modrōst*, *novost⁹*, у подавляющего большинства основ а.п. c (в качестве одного из возможных вариантов), а у имен *célost, čvrstost, gr̄dost, húdost, lénost, nágost, pústost, slánost*, от прилагательных с суф. -čk: *krhkost, šibkost* и ряд других — в качестве единственного возможного варианта.

Акцентный тип с насуффиксальным ударением представлен у некоторых основ а.п.с: *mladost, debelost, prostost, tolstost, topost*, от прилагательных с суф. -čk: *bridkost, težkost*, и вышеперечисленных основ а.п. a и а.п. b.

Вариативность нормы широко представлена у имен, образованных от прилагательных всех а.п., но наиболее широко у основ, образованных от прилагательных подвижной а.п.

Для этой системы характерна тенденция к выравниванию акцентуации от адъективных дериватов с суф. -ost по формам производящей основы, ср. *gróbost/gróbost/grobost, strógot/strógot/strogost*.

Очевидно, что оба типа перераспределения основ на -ost существуют на территории центральнословенского ареала, однако границы их распространения неизвестны, так как в диалектных описаниях они фиксируются чрезвычайно редко.

Система II менее архаична, однако невозможно с уверенностью утверждать, что она приходит на смену системе I, поскольку процесс выравнивания акцентуации дериватов на -ost по формам производящих основ никоим образом не связан с совпадением/несовпадением праславянских акц. типов Е и С.

Старопечатные памятники XVI в. показывают, что действие тенденции к выравниванию акцентуации производных по производящей основе начинается достаточно рано.

В XVI в. в словенских памятниках наблюдаются следующие типы перераспределения основ:

а) как было показано Я. Риглером²⁹, в языке П. Трубара частично сохранились следы противопоставления трех акц. типов: *čistost, Gen. čistosti* (< акц. тип А), *módrost, Gen. modrōsti* (< акц. тип Е), *mladost, Gen. mladostti, od mlâdosti, Loc. mladostí* (< акц. тип С), что уже в то время следует отнести к архаизмам;

б) система, по составу не тождественная, но находящаяся в русле тенденции, зафиксированной словарем М. Плетершника, лежит в основе НМТР: акц. тип С широко представлен не только у производных от основ а.п.с, но у дериватов основ а.п.a и а.п.b: *kiselišt, labušt, tíhušt, shalušt, volnušt, okroglušt* и производных от заимствований, входящих в словенском

Таблица 7

	а.п. а	а.п. б	а.п. с
Sg. Nom.	dolgo ^h 5x/dolgu ^h 5x	vi ^h koku ^h 9x/vi ^h koko ^h 6x	bridku ^h 9x/bridko ^h 15x
Gen.	polnu ^h i	modru ^h i 49x/modro ^h i 9x	bridku ^h i 4x/britko ^h i 1x od britku ^h i 2x/od brit- ko ^h i 1x
Dat.	dolgo ^h i	modru ^h i 3x/ погто ^h i 2x	—
Loc.	dolgo ^h i	modru ^h i 13x/modro ^h i 2x	britku ^h i 4x/britko ^h i 6x
Instr.	dolgo ^h jo	modru ^h jo 4x/modro ^h jo 3x	s'britko ^h jo 3x/s'britk ^h jo 1x

языке в неподвижный акцентный тип: *fajhtnu^ht*, *ferderbnu^ht*, *ofertnu^ht*, *shlahnu^ht*;

в) система, аналогичная кодифицированной в SSKJ, представлена в Bibl. К акц. типу с накоренным ударением относятся дериваты основ а.п.а: *zhistro^ht*, *mylost^h/milo^ht*, *mogost^ht*, *dosito^hti*, *starost^ht*; а.п.б: *dërsost^ht*, *kratko^ht*, *naglo^ht*, *vo^hkost^ht*, *prasno^ht*, *shiroko^ht*. К акц. типу с насуффиксальным ударением относятся некоторые основы а.п.с: *grenku^ht*, *kripku^ht*, *flanu^ht*, *fvetu^ht*, в то время как большинство основ а.п.с и а.п.б, а также некоторые основы а.п.а (*dolgost^ht*, *polnost^ht*, а также *slahost^ht*) имеют формы как акц. типа А, так и акц. типа С (см. табл. 7).

В Bibl. мы, по всей вероятности, встречаемся с началом процесса выравнивания акцентуации производных основ с суф. *-ost* по формам местоименных прилагательных, причем этот процесс захватывает имена акц. типа С несколько шире (или раньше?), чем имена акц. типа Е. Невозможно представить в таком объеме выравнивание акцентовки основ подвижного акц. типа³⁰ по формам в предложно-падежных сочетаниях или Loc. sg. (при том, что для словенского языка характерен противоположный процесс — утрата следов так называемой "оттяжки" ударения на предлог и выравнивание парадигмы основ женского рода на согласный по формам-enclitomena).

Данные старопечатных памятников показывают, что два типа распределения основ с недоминантным суф. *-ost* сложились уже к XVI в. Однако в основе обоих этих типов распределения лежит тенденция к формированию двухакцентной системы на базе противопоставления акцентных типов А и С. II система, возможно, отражает действие тенденции к дальнейшей унификации акцентуации дериватов на *-ost*.

Проведенное сопоставление современных литературных акцентных систем двух групп дериватов в близкородственных языках — сербохорватском и словенском основано на диахроническом анализе этих систем, что дало возможность проследить тенденции их развития от единой или близких южнославянских систем до современного состояния³¹.

Выявленные тенденции определяются прежде всего акцентными свойствами суффиксов (суффиксальных морфем), их потенцией в конкуренции за ударение. Согласно разработанным В.А. Дыбо, П. Гардом,

П. Кипарским-М. Халле, А.А. Зализняком и др. акцентным маркировкам для морфем, один из рассматриваемых суффиксов относится к доминантному классу (т.е. суф. *-ota* иктус принадлежит), другой — недоминантному (т.е. суф. *-ost'* иктус не принадлежит).

Доминантный суффикс *-ota* определил в отадъективных дериватах тенденцию к унификации одного акцентного типа — с ударением на конечном гласном суффикса (окситонное ударение) от всех типов основ. Иными словами, произошла генерализация восточнославянского типа В (= b^c). Эта тенденция довольно последовательно проведена в современном русском литературном языке. Аналогичный процесс выравнивания ударения по акцентному типу с ударным суффиксом представлен и в сопоставляемых южнославянских языках: в сербохорватском это тип с кратким в о с х о д я щ и м ударением на *-đta* (а значит перенесенным с конечного *-otā* по штокавской ретракции), а в словенском — с восходящим ударением на о т к ры т о м гласном *-bla*, возникшем в результате рецессии ударения и также восходящем к конечноударенному типу. Только в словенском современная литературная норма (с которой согласуются данные таких старопечатных памятников, как Библия 1584 г.) несколько отличается от литературной нормы, зафиксированной в конце прошлого века фундаментальным словарем М. Плетершика, что объясняется, по-видимому, различной диалектной природой этих двух литературных норм.

Недоминантный суффикс *-ost'* не перетягивал на себя ударение. В результате в современном русском литературном языке все отадъективные дериваты с этим суффиксом имеют накоренное ударение. Однако в сербохорватском и словенском в отличие от русского не проявляется тенденция к выравниванию ударения по одному акцентному типу с ударением не на суффиксе. В них складываются д в у х а к ц е н т н ы е системы, в которых аналогичны только акцентные типы с ударением на корне (по происхождению — полностью (из акц. типа А), а по окончательному оформлению — не полностью: в сербохорватском допускаются дублетные формы в Loc. sg.): схрв. *rādōst'* — *rādōsti* — *rādōsti/rādōsti* Loc. sg. ~ слн. *mīlost'* — *mīlosti*. В основе акцентных типов с ударением на суффиксе в словенском и перенесенном с суффикса на корень в сербохорватском лежат р а з н ы ё праславянские акцентные типы: схрв. *drāgōst'* — *drāgōsti*, *bēlōst'*, *xrābōst'* (< акц. типа Е), слн. *blagōst'*, *blagōsti* (< акц. типа С).

Заметим, что в древнерусском (по материалам Чудовского Нового Завета XIV в.) также зафиксирована двухакцентная система, в которой I акц. тип (восходящий к а.п.а) — с постоянным накоренным ударением, II акц. тип (составленный из основ исконных а.п.б и с) — с подвижным ударением: в Gen. sg. баритонеза, в Loc. sg. окситонеза. Можно предположить, что двухакцентная система дериватов на *-ost'* была следующей общеславянской стадией развития от исконной трехакцентной. И в южнославянских языках она удерживается благодаря т о н о в о й характеристике акцентного строя сербохорватского и словенского языков.

Итак, какими же факторами определяется развитие акцентных систем рассматриваемых дериватов?

1. Прежде всего в **внутренними закономерностями** развития языковой системы. Проявляемые тенденции к упрощению трехакцентной системы — пружины этой эволюции. Действие этой группы факторов дает в результате то обще в направлении построения акцентных систем, что наблюдается и в сопоставляемых юнославянских языках и в русском. При наличии сильного объединяющего феномена в формировании системы — в данном случае доминантного суффикса (*-ota*) — результат получается аналогичный во всех языках: налицо упрощение трехакцентной праславянской системы до одноакцентной с постоянным ударением на суффиксе. Причем неодинаковость исходных систем, как мы видели, не влияет на тенденцию развития и на результат ее реализации. Когда же такой сильный феномен отсутствует — в случае с недоминантным суффиксом, — то в русском языке упрощение все равно доведено до одноакцентной системы с ударением не на суффиксе, а в юнославянских языках получились в результате двухакцентные системы, благодаря различию глубинных характеристик акцентных систем этих двух групп языков (наличие/отсутствие тоновой характеристики), а также неаналогичным процессам — специфически штокавским и специфически словенским.

2. Вторая группа факторов относится к более позднему периоду развития языковой системы — периоду формирования литературного языка. Эти факторы имеют характер в неших регуляторов и связаны с языковой политикой, которая включает в себя (а) ориентированность на определенный диалектный ареал и (б) проведение целенаправленных мер по нормированию литературного языка.

Появление специфических особенностей в механизме построения акцентных систем конкретных языков обусловлено именно этими внешними факторами. Сравни особенно диахроническую картину смены литературных норм в словенском языке.

Опускаем такие аспекты исследования, как скорость реализации тенденций (форсирование или торможение закрепления инноваций в акциях нормирования), как сила влияния факторов II группы на разные уровни языка (большая в лексике, семантике, меньшая в сфере акцентологии).

Анализ общих и специфических факторов, определяющих построение современных акцентных систем, показал, что русский язык имеет более строгую симметричную акцентную систему в дериватах с доминантными и недоминантными суффиксами, чем сербохорватский и словенский. А последний из-за своеобразия принципов кодификации акцентуации уступает в стройности сербохорватскому языку.

Примечания

¹См.: Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985, § 1.42, 53.

²Там же, § 2.25.

³Р. Башковић. Развитак суфикса у јунословенској језичкој заједници // Одабрани чланци и расправе. Титоград, 1978. С. 52.

⁴Там же. С. 151.

- ⁵ Там же. С. 151—154.
- ⁶ Дыбо В.А. Акцентология и словообразование в славянском. // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1968. С. 161, 163.
- ⁷ Стевановић M. Систем акцентуације у пиперском говору // Српски дијалектолошки зборник, X, 1940. С. 123, 126.
- ⁸ Даничић Б. Српски акценти. Земун; Београд, 1925; Matešić J. Der Wortakzent in der serbokroatischen Schriftsprache. Heidelberg, 1970; Ibidem. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. L. I—4, Wiesbaden, 1965—1967; Речник српско-хрватскога книжевног језика. Књ. I, II. Нови Сад; Загреб, 1967; књ. III. Нови Сад; Загреб, 1969; књ. IV, V, VI, Нови Сад, 1971, 1973, 1976 (PCXKJ); Речник српскохрватскога книжевног и народног језика. I—II. Београд, 1959—1984 (PCAИ).
- ⁹ Основа **noč* в праславянском относилась к а.п.д, которая затем в большинстве славянских диалектов совпала с а.п.б или а.п.с. В сербохрватском акцентуации данной основы совпала с а.п.с, в словенском — с а.п.б. В соответствии с этим образования от этой основы рассматриваются в дальнейшем как дериваты либо от основы а.п.с (в сербохрватском), либо от основы а.п.б (в словенском).
- ¹⁰ Даничић Б. Op. cit. С. 11.
- ¹¹ Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. D. I, II. Ljubljana, 1894, 1895 (Plet.); Slovar slovenskega knjižnega jezika, I—IV. Ljubljana, 1971, 1975, 1979, 1985 (SSKJ); Slovenski pravopis. Ljubljana, 1962 (SP).
- ¹² Имя прилагательное *slab* в словенском языке рано переходит в подвижную а.п.; полностью — напр., доленьск. *slab slabā slabō*, или частично — сли. литер. *slab slabā slabō*; возможно, и производные от него следует рассматривать как образования от основы а.п.с.
- ¹³ Valjavec M. Prinos k naglasu u (novo) slovenskom jeziku // Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Rad XLIII. Zagreb, 1876. S. 63.
- ¹⁴ Например: Tominec I. Čmrvrski dialect. Kratka monografija in slovar // Slovenska akademija znanosti i umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Dela. 20. Ljubljana, 1963.
- ¹⁵ Valjavec M. Op. cit.
- ¹⁶ Ibid. S. 62.
- ¹⁷ Дыбо В.А. Указ. соч. С. 162.
- ¹⁸ Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika. I. Izpeljava samostalnikov // Slovenska akademija znanosti i umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Dela. I. Ljubljana, 1950. S. 69.
- ¹⁹ Novak F. Slovar prekmurskega belinskogovora. Murska Sobota, 1987.
- ²⁰ Староштокавский материал представлен следующими памятниками письменности: П. XIV в. — Патерик алфавитный из Колашина. Устав, серед. XIV в., 383 л. ГПБ — Собр. Гильфердинга 50; Кн.ц. 1418 г. — Книги царства 1418 г. 334 л. + 3. Полуустав. ОГНБ — собр. Григоровича I/106; Ев. XV в. — Евангелие-апракос (полный). Полуустав первой трети XV в. 410 л. + III л. (предисловие). ГБЛ — ф. 178 № 7364; Сб. XV в. — Сборник XV в. (жития и подвиги великих чудотворцев) из монастыря св. Пантелеимона на Афоне. Устав, 265 л. РПМА — Слав. 22. Фонд микрофильмов библиотеки РАН; Леств. XIV—XV вв. — Лествница Иоанна Лествичника конца XIV — начала XV в. Найдена на Афоне. Полуустав, 307 л. ГБЛ — собр. Егорова, Ф. 98 № 380; Сб. 1509 г. — Сборник слов из монастыря Пива. Полуустав, 1509 г., 561 л. ГПБ — собр. Гильфердинга № 56; Ж.П.Ж.Р. XVI в. — Житие преп. Петки и Иллариона Мегленского (лл. 65—83); отрывок из четыминеи. Житие преп. Иоанна Рыльского (лл. 40—50). ГПБ — собр. Гильфердинга. (I) 488. М. XVI в. — Маргарит из монастыря Доволя в Герцеговине. Мелкий полуустав к. XVI в. 296 л. ГПБ — собр. Гильф. № 38. Писался в монастыре св. Архангелов на реке Таре (кого-восточн. Герцеговина) одним писцом.
- ²¹ Зализняк А.А. Указ. соч. § 2.25, с. 151.
- ²² [Bibl.] — BIBLIA, TV IE, VSE SVETV PISMV, STARIGA i nu Noviga Testamenta, folmazhena skuši IVRIA DALMATINA. WITTEMBERG, 1584; [RNB] — Regijer nekataříh be/ed... в [Bibl.], 1584; [HMTP] — Stabej J. Hieronymus Megiser. Thesaurus Polyglottus // Slovenska akademija znanosti i umetnosti. Dela. 32. Ljubljana, 1977; [PP] — TA CELI CATEHISMUS, ENI PSALNI, INV TEH VEKSHIH GODOV STARE INU NOVE KERSHANSKE PEJSNI ANNO M.D. LXXXIII (faksimile), Ljubljana, 1984.
- ²³ Место ударения в слове в словенских старопечатных памятниках устанавливается как по надстрочным знакам, так и по рефлексам долгот: долгий (следовательно, удариый)

- циркумфлектированный или новоакутированный (в некоторых позициях, напр., Gen. pl.) *o > i; долгий (следовательно, ударный) *ē > ej; краткий (следовательно, в неконечном слоге безударный) *ē > i; шипящие обозначаются следующим образом: zh = [č], ſh, sh = [š, ž].
- 24 *Дыбо В.А.* Указ. соч. С. 159—161; Он же. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981. С. 56, 58, 59.
- 25 *Дыбо В.А.* Акцентология и словообразование..., с. 159.
- 26 Там же. С. 160.
- 27 *Пешикан М.* Староцрногорски средњокатунски и љешански говори // Српски дијалектолошки зборник, XV, 1965 (см. указатель к книге); *Стевановић М.* Систем акцентуације у писарском говору, с. 129; *Елезовић Гл.* Речник косовско-метохиског дијалекта. I, 2. Београд, 1932—1935; *Sekereš St.* Govor Srba u Južnoj Baranji // Зборник за филологију и лингвистику, XXIII/2, Нови Сад, 1980, с. 149; *Реметић С.* Говори централне Шумадије. Београд, 1985, Српски дијалектолошки зборник, XXXI, с. 258, 217.
- 28 *Вуковић Ј.* Акценат говора Пиве и Дробњака // Српски дијалектолошки зборник, X, 1940, с. 244; *Барјактаревић Д.* Акценат новопазарско-среничских говора // Зборник филозофског факултета у Приштини, I. Приштина, 1963. С. 41—42.
- 29 *Rigler J.* O akcentuaciji sufiksa -ost // Slavistična Revija, 1967, let. 15, № 1—2. S. 218 и сл.
- 30 *Ibidem.* S. 230.
- 31 Ратуя за сопоставительное изучение южнославянских языков, Д. Йович справедливо замечает, что если такие исследования будут опираться на результаты разработок, сделанных в плане диахронии, то картина эволюции и состояния системы будет полнее и выводы надежнее. См.: *Jović D.* Mogućnosti i domeni kontrastivnih izučavanja južnoslovenskih jezika // Македонски азик. XXXII—XXXIII. 1981—1982. Скопье, 1982. С. 312.

В.А. Дыбо (Россия)

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ВНЕШНЕЕ СРАВНЕНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

1. *О структуре сравнительно-исторической реконструкции.* Каждая сравнительно-историческая языковая реконструкция складывается из результатов компаративистской процедуры, в принципе формальной, и конкретной интерпретации этих результатов, получаемой путем внесения экстракомпаративистского знания, по большей части типологического (в широком смысле слова этого слова), т.е. полученного в результате сопоставления некоего корпуса различных языков. Типологический характер этого компонента реконструкции часто эксплицируется в современных работах, однако не следует упускать из виду, что имплицитно он был таковым с момента возникновения компаративистики. Уже над этой "первичной" реконструкцией надстраивается ряд научных заключений и гипотез более общего характера: причинно-следственных, телеологических и т.п., вплоть до различного рода чисто исторических и культурологических выводов. Связь между "первой реконструкцией" и "вторичными" гипотезами, по крайней мере при современном состоянии науки о языке, односторонняя: при изменении "первой реконструкции" должны изменяться надстроенные над ней гипотезы; напротив, общие положения и гипотезы не имеют запретительного характера по отношению к "первой реконструкции". Более того, даже типологический (интерпретацион-

ный) компонент "первичной реконструкции" (в силу его вероятностного характера) не может иметь запретительного значения по отношению к результатам компаративистской процедуры, если она внутренне безупречна.

В основе любого этимологического предложения (в широком смысле, т.е. предложения о генетической идентификации) лежит, однако, далеко не формальная операция генетического отождествления элементов сравниваемых языков или элементов внутри одного языка, не отождествляемых в синхронной системе языка. Эта операция опирается на интуитивно оцениваемое "сходство" идентифицируемых элементов или иногда на другие экстракомпаративистские соображения, в том числе исторические, культурологические, этнологические и под. Уровень "научности" таких предварительных соображений не имеет существенного значения. Сама компаративистская процедура построена таким образом, что на каждом последующем этапе ее проведения уровень неформальности резко снижается: феномен внешнего сходства заменяется принципом регулярности соответствий, возможность семантического сближения подтверждается регулярностью наблюдаемых "семантических переходов", корневые этимологии обосновываются посредством установления морфонологического, словообразовательного и морфологического механизмов порождения и т.д. Именно с этим процессом снижения неформальности связывается результативность компаративистской процедуры. Сравнительно-историческое исследование рассматривается как успешное, если оно устанавливает новые регулярности в сравниваемом материале, и, напротив, мы считаем его неудачным, если исследователь не установил никаких строгих соотношений.

Компаративистская процедура складывается из двух групп приемов, первая из которых обычно относится к приемам внутренней реконструкции, или морфонологического анализа, а вторую называют приемами внешнего сравнения. Несколько огрубленно процесс введения этих приемов в исследование можно представить таким образом: сначала производится внутренняя реконструкция вводимых в исследование систем, затем — внешнее сравнение систем, затем исследователь устанавливает стратификацию элементов, полученных, путем внешнего сравнения, повторяя, таким образом, процесс внутренней реконструкции (в расширенном виде), после чего вновь переходит к внешнему сравнению на расширенной базе и т.д. Опыт сравнительно-исторических исследований и особенно исследования таких сложных объектов, как, например, акцентуационные системы в языках с морфонологизованными акцентными и тоновыми системами, показывает, что успеха достигают лишь те исследования, в которых циклично используются обе группы приемов.

Вторая сторона реконструкции — интерпретационная, — как уже говорилось, в значительной степени построена на введении в результат компаративистской процедуры экстракомпаративистской, в основном типологической информации. Это типологическое знание имеет по отношению к самим результатам компаративистской процедуры чисто вероятностный характер. Если сама компаративистская процедура указывает на те соотношения, которые есть, то типологическая информация — это

информация о том, что бывает. Именно поэтому типологическая информация не может иметь запретительного характера по отношению к результату компаративистской процедуры. Приписывание ей такого характера в некоторых современных работах следует рассматривать скорее как неудачную формулировку. Выдвигаемые подчас возражения против той или иной реконструкции из типологических соображений могут относиться лишь к интерпретационной стороне этой реконструкции, но никак не к чисто компаративистским результатам. Хотя интерпретационная сторона реконструкции имеет большое эвристическое значение для дальнейшего сравнительно-исторического исследования, вероятностный ее характер должен учитываться исследователем и интерпретационная сторона должна как бы сниматься при включении компаративистской основы реконструкции в дальний виток компаративистской процедуры.

2. *Парадигматические акцентные системы*. Сравнительно-историческое исследование славянских и балтийских акцентуационных систем привело к реконструкции праславянской и балто-славянской акцентных систем, которые явно не укладывались в круг представлений компаративистов о том, какие бывают и могут быть акцентуационные системы. Доказательство реальности этой реконструкции потребовало от автора поиска подобных систем среди языков разных семей, достаточно полного описания их и, хотя бы, предварительного их сравнительно-исторического анализа. Класс акцентных систем, подобных реконструированной праславянской и балто-славянской акцентным системам, получил название "парадигматические акцентные системы".

Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами (а.п.), по которым распределены все слова соответствующего языка следующим образом:

1. В корпусе непроизводных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а является присущим данному слову (приписаным ему) традиционно.

2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип).

Первое положение я называю "первым принципом парадигматического акцента", второе — "вторым принципом парадигматического акцента".

В сущности, языков, акцентная система которых покрывалась бы полностью этими двумя принципами организации акцента, до сих пор не обнаружено. Как правило, в языках, даже в наибольшей степени соответствующих характеристике языков с парадигматическим акцентом, определенная часть лексики, обычно часть словообразовательных типов, выбирает определенный акцентный тип механически, независимо от акцентного типа производящего; таким образом, в этой группе лексики (соответственно, части словообразовательной системы) акцентный тип оказывается непосредственно связанным с категорией лексики (словообра-

зовательным типом). Этот характер связи акцентного типа получил наименование "категориальный принцип организации акцентной системы". Сравнительно-историческое исследование парадигматических акцентных систем позволяет предполагать в общем случае вторичное проникновение в них "категориального принципа" в результате генерализации определенных акцентных типов внутри соответствующих категорий лексики, словообразовательных типов или грамматических категорий.

Морфонологический анализ подобных систем приводит к выводу, что они могут быть экономно описаны, если мы разделим все морфемы соответствующего языка на акцентуационные классы, определяемые приписанными им "валентностями" — морфонологическими сущностями, посредством которых выражается некое отношение, обнаруживаемое между морфемами разных классов, которое было названо отношением доминантности (доминируемости) — рецессивности (термины заимствованы из генетики).

Согласно этому отношению все морфемы "нижних валентностей" при наличии в словоформе морфем "высших валентностей" (доминирующих) считаются как бы несуществующими (скрытыми — лат. *recessus* 'скрытый') при применении *контурного правила*, т.е. правила, описывающего тип акцентного контура — порядка размещения ударного слога (следовательно, ударения — иктуса) по отношению к другим слогам словоформы.

Практически во всех изученных нами акцентных системах наблюдается по два класса валентностей: доминирующие (высшие), маркируемые знаком +, и рецессивные (нижние), маркируемые знаком -. Но теоретически таких валентностей, вероятно, может быть и больше, важно лишь, чтобы между ними существовала градация и правило, согласно которому в словоформе морфемы, самые высокие по шкале градации, рассматривались бы как доминирующие, а все морфемы, низшие по этой шкале, относились бы в разряд рецессивных и не учитывались бы правилом постановки иктуса (контурным правилом).

Встречено два типа парадигматических акцентных систем, различаемых видом контурного правила: 1) акцентные системы балто-славянского типа: два класса валентностей (+ и -), контурное правило предписывает постановку иктуса на начало первой последовательности морфем высшей валентности (Дыбо 1981; Дыбо, Николаев, Замятин 1990; Дыбо 1980, с. 65—89); 2) акцентные системы абхазско-убыхского типа: два класса валентностей (+ и -), контурное правило предписывает постановку иктуса на конец первой последовательности морфем высшей валентности (Дыбо 1977, с. 41—45; Дыбо 1989₁, с. 7—45).

3. *Акцентуационные валентности и контурное правило*. Как же получены акцентуационные валентности и как получено контурное правило в балто-славянском? Установление акцентуационных валентностей¹ полу-

¹ Для создания этого термина я воспользовался соссюровским термином *valeur*, несколько russифицировав его; к термину "валентность", употребляемому в синтаксисе, он непосредственного отношения не имеет.

ностью вытекает из наблюдения за поведением иктуса² в реконструированной системе, это лишь отражение системных отношений между иктусом и морфемами³ реконструированного пражзыка. Для введения валентностей мы опираемся на две особенности, характерные для всех парадигматических акцентных систем (два принципа парадигматического акцента) и на две группы фактов, относящихся непосредственно к реконструированной акцентной системе: 1) вид акцентных кривых и 2) фонологический статус форм-энклиноменов, и следуем такому рассуждению:

1. Тот факт, что традиционные акцентные типы непроизводных определяют выбор акцентных типов производных свидетельствует о том, что именно корневой морфеме (а не основе или слову в целом) следует приписать это морфонологическое качество, определяющее выбор акцентного типа, которое мы назвали валентностью. Таких валентностей оказывается две. При одном классе корней положение иктуса явно определено корнем, т.е., зная, что данный корень входит в этот класс (принадлежность к которому определяется исключительно списком), мы можем указать место иктуса в любой реконструированной словоформе с этим корнем. Этому классу корней мы можем приписать доминантную, или (+)-валентность. Доминантный характер этих корней эксплицируется в дальнейшем исследовании, но имплицитно он заключен уже в том, что при определении места иктуса в словоформах с такими корнями вопрос о валентности других морфем в этих словоформах даже не возникает. При втором классе корней, напротив, положение иктуса в словоформе никак не связано с корнем, оно полностью определяется окружением. Конечно, при его определении мы должны справиться со списками корней, убедиться, что данный корень относится именно ко второму классу, а не к первому, но такая связь класса корня с правилами, определяющими положение иктуса, является чисто отрицательной. Этому классу корней мы можем приписать рецессивную, или (-)-валентность. Очевидно, выбор знаков маркировки (+ или -) ясен из изложенного рассуждения. Продолжая процедуру установления правил, определяющих положение иктуса, мы должны обратиться к морфемному окружению корня, т.е. к аффиксам и окончаниям. Естественно, что при этом нам необходимо исключить из рассмотрения весь корпус словоформ с корнями первого класса, так как в них правило постановки иктуса уже определено валентностью корня. Таким образом в рассмотрении остается лишь корпус словоформ с корнями

² Этот термин был выбран исключительно лишь, чтобы снять все нежелательные (фонетические, просодические и под.) коннотации.

³ Конечно, с самого начала было ясно, что "валентности" должны были относиться не к морфемам, а к слогам, их составляющим. Однако введение слога в морфологический анализ, во всяком случае на начальном его этапе, крайне затруднительно. Отделить слог от морфемы можно, лишь введя в исследование достаточно большое количество заведомо двусложных морфем, обнаруживающих различия в поведении иктуса, да и в этом случае их маркировка производится в значительной степени по аналогии с маркировкой сочетаний морфем, т.е. сохраняет интерпретационный характер. Случай, когда мы уже в компартивистской процедуре получаем доказательство слогового характера валентностей, будет разобран ниже. Следует, однако, отметить, что даже после получения такого доказательства возможности надежной маркировки слогов двусложных (и многосложных) морфем остаются весьма ограниченными.

второго класса. Анализируя суффиксальные основы, мы обнаруживаем, что суффиксы (подобно корням) также разбиваются на два класса. При первом классе суффиксов положение иктуса уже определено наличием этого суффикса, и ему, следовательно, можно приписать доминантную, или (+)-валентность. При втором классе суффиксов какой-либо вывод о месте иктуса в словоформе сделать нельзя, и суффиксам этого класса следует приписать рецессивную, или (-)-валентность. Переходя к окончаниям, мы, естественно, исключаем из рассматриваемого в предшествующей процедуре корпуса словоформ все словоформы с суффиксами первого класса. Таким образом, в рассмотрении остается лишь корпус словоформ с корнями и суффиксами второго класса. Оказывается, что и морфы окончаний распадаются на два акцентуационных класса: При морфах первого класса мы можем точно указать на положение иктуса. Им мы можем приписать доминантную, или (+)-валентность. При морфах второго класса иктус расположен на начале словоформы, но это его положение не постоянно, оно встречается лишь, когда словоформа находится в абсолютной позиции, т.е. между потенциальными паузами (иначе говоря, когда словоформа совпадает с фонетическим словом), при окружении словоформы клитиками иктус менял свое положение в зависимости от характера клитик и их позиции. Так как место иктуса в таких словоформах определялось структурой фонетического слова, в которое они входили, такие словоформы фактически не имели фонологического ударения (эти словоформы получили наименование "формы-энклиномены"). Это дает основание заключить, что морфы окончаний второго класса не определяют постановку иктуса, и приписать им рецессивную, или (-)-валентность.

2. Произведя разбиение морфем на акцентуационные классы и приписав им акцентуационные валентности, мы можем приступить к выведению общего правила постановки иктуса, т.е. контурного правила. Для получения его проведем маркировку достаточно представительного корпуса словоформ, введя специальные пометы при морфемах: морфема доминантной валентности получит помету (+), морфема рецессивной валентности — помету (-).

(1) *star-ъc-ъ* (gen. pl.); *brjúx-at-ě-ti* (inf.); *vý-děl-a-ti* (inf.) — в последовательности, состоящей только из (+)-морфем, иктус — на первой морфеме.

(2) *lěn-ъ* (nom.sg.m), *lěn-ost-ъ* (nom.sg.); *lěn-ost-ъ-nø* (nom.sg.n); *krъv-av-a* (acc.sg.f.), *ø-krъv-av-i-l-ъ* (l-part., nom.sg.m) и т.д. — в последовательности, состоящей только из (-)-морфем, иктус — на первой морфеме.

(3) *lěn-ost-ъ-jø* (instr. sg.) — — +

měx-ov-ъj-e (nom.sg.n.) — + —

mold-ъc-ъ-mъ (instr.sg.m.) — + — —

glad-ъk-о-mъ (instr.sg.m.) + — — —

— в последовательности, включающей лишь одну (+)-морфему, иктус — на этой (+)-морфеме, независимо от числа и расположения (–)-морфем.

(4) *stār-ost-ь-jq* (instr. sg.), *bog-āt-o-jq* (instr. sg.f.), *mēd-ēn-ic-e-jq* (instr.sg.), *mēd-ēn-ic-a* (nom.sg.) и под. — в последовательности, состоящей из нескольких (+)-морфем, разделенных (–)-морфемами, иктус — на первой (+)-морфеме.

(5) *kōz-ьj-e-jq* (instr.sg.f.), *stōl-ič-ьn-o-jq* (instr.sg.f.), *č̄ern-ič-ьn-ik-ъ* (gen. pl.), *č̄ern-ič-ьn-ik-o-mq* (instr.du.m), *žēn-ьstv-ьn-ost-ь-jq* (instr. sg.) и под. — в последовательности, состоящей из нескольких однородных последовательностей ("платформ") (+)-морфем, отделенных одна от другой (–)-морфемами — иктус на первой морфеме первой последовательности (+)-морфем.

Правила (1) и (2) показывают, что последовательности морфем одинаковой валентности получают иктус на первой морфеме.

Правила (3) и (4) показывают, что последовательности морфем разной валентности получают иктус на первой доминирующей морфеме.

Учитывая правило (5), общее "контурное правило", регулирующее постановку иктуса во всех типах последовательностей морфем в балто-славянском, можно сформулировать следующим образом: *иктус ставится в начале первой последовательности морфем высшей валентности*⁴ (последовательностью в данном случае считается и одиночная морфема).

В нашей процедуре есть, однако, одна слабая сторона. Проводя маркировку и устанавливая контурное правило, мы исходим из представления об абсолютной равнозначности по отношению к просодике морфем разных типов: корневые морфемы, морфемы суффиксов и морфемы флексий рассматриваются как абсолютно однородные по отношению к валентностям, к их градации и к контурному правилу. Такой подход явно противостоит всей традиции просодических исследований⁵ и требует специальной аргументации, которая может быть получена лишь в результате широких типологических (сопоставительных) исследований.

4. *Абхазская акцентная система*. Поиски типологически аналогичных систем приводят к западнокавказским акцентным системам, из которых абхазская система резко бросается в глаза тем, что прием, примененный нами для анализа балто-славянской системы в итоге ее изучения, может быть введен здесь почти механически в самом начале исследования.

В абхазском языке у непроизводных имен усматриваются три акцентных типа, определяемые поведением акцента в трех словарных формах: тип I — чл. ф. *a-lá*, едч. ф. *lā-k*, мн. ч. *a-la-k°a* 'собака'; тип II — чл. ф. *ā-bla*, едч. ф. *bla-k̄ə*, мн. ч. *ā-bla-k°a* 'глаз'; тип III (неподвижный) — чл.

⁴ Так как "начальная (первая) морфема первой последовательности морфем" — то же, что просто "первая морфема", это правило можно было бы сформулировать как "иктус ставится на первой морфеме высшей валентности", однако типологические соображения (см. ниже) заставляют нас сохранить более развернутую формулировку.

⁵ Этим, по-видимому, объясняется, почему Ф. де Соссюр, обнаружив идентичность по просодическому поведению первого класса суффиксов первому классу окончаний, не решился распространить эту идентификацию на корневые морфемы, см. Дыбо 1989.

Таблица I

№	Формы и типы окружения	Акц. тип I (a)	Акц. тип II (b)
1.	Изолированная форма	<i>la</i> 'собака' <i>wasá</i> 'овца'	<i>blá</i> 'глаз' <i>sasé</i> 'гость'
2.	Единичная форма	<i>la-k</i> , <i>wasd-k</i>	<i>bla-ké</i> , <i>sasə-kə</i> (> <i>blá-k</i> , <i>sasé-k</i>)
3.	Instr.	<i>šá-la</i> 'кровью' <i>xá-la</i> 'головой' <i>špá-la</i> 'ногой, пешком' <i>čnó-la</i> 'днем' <i>žá-la</i> 'водой' <i>labá-la</i> 'палкой'	<i>męč-lá</i> 'сильой' <i>męg-a-lá</i> 'брюхом' <i>męs-lá</i> 'днем' <i>stax'-lá</i> 'следом' <i>cax-lá</i> 'ночью' <i>bzg-lá</i> 'пополам'
4.	Casus caritivus	бзыб. <i>vasa-da</i> , 'без овцы'	бзыб. <i>mər-dá</i> 'без солнца'
5.	Чистая основа с союзом <i>g</i> э	<i>nc°a-g~é</i> 'и бог' <i>pha-g~é</i> 'и дочь' <i>pa-g~é</i> 'и сын'	<i>mōg-a-g~é</i> 'и путь' <i>par-g~é</i> 'и поп' <i>harak-g~é</i> 'и высокий'
6.	Нечленное мн.ч.	<i>pa-c</i> á 'сыновья'	<i>sas-c</i> á 'гости'
7.	Неопредел.-мн. форма	<i>ža-k</i> á-k 'несколько зайцев' <i>la-k</i> á-k 'несколько собак'	<i>žma-k</i> á-k 'несколько коз'
8.	Чл. форма	<i>a-lá</i> , <i>a-wasá</i>	<i>á-bla</i> , <i>á-sas</i>
9.	Притяж. форма	<i>s-lá</i> 'моя собака' <i>s-wasá</i> 'моя овца'	<i>sá-bla</i> 'мой глаз' <i>sá-sas</i> 'мой гость'
10.	Притяж. единич. форма	<i>jə-la-k</i> 'одна его собака'	<i>jə-mah</i> é-k 'один его зять'
11.	Членн. форма <i>instr.</i>	<i>a-xá-la</i> 'головой' <i>a-špá-la</i> 'ногой'	<i>d-xa</i> á 'жердью' <i>d-mg_a-la</i> 'животом' <i>d-yba-la</i> 'кораблем'
12.	Мн.ч. (чл.ф.)	<i>a-la-k</i> á 'собаки' <i>a-wasa-k</i> á 'овцы' <i>a-pa-c</i> á 'сыновья'	<i>á-bla-k</i> á 'глаза' <i>á-žma-k</i> a 'козы' <i>d-sas-c</i> a 'гости'
13.	Мн.ч. (притяж. форма)	<i>s-la-k</i> á 'мои собаки' <i>s-wasa-k</i> á 'мои овцы' <i>s-pa-c</i> á 'мои сыны'	<i>sá-bla-k</i> a 'мои глаза' <i>sá-žma-k</i> a 'мои козы' <i>sá-sas-c</i> a 'мои гости'
14.	Чл. форма с союзом <i>g~é</i>	<i>a-la-g~é</i> <i>a-wasa-g~é</i>	<i>á-bla-g~é</i> <i>á-sas-g~é</i>
15.	Притяж. форма с союзом <i>g~é</i>	<i>s-la-g~é</i> <i>s-wasa-g~é</i>	<i>sá-bla-g~é</i> <i>sá-sas-g~é</i>
16.	Мн.ч. (чл.ф.) с союзом <i>g~é</i>	<i>a-la-k</i> a-g~é <i>a-wasa-k</i> a-g~é <i>a-pa-c</i> a-g~é	<i>á-bla-k</i> a-g~é <i>á-žma-k</i> a-g~é <i>d-sas-c</i> a-g~é
17.	Мн.ч. (притяж. форма) с союзом <i>g~é</i>	<i>s-la-k</i> a-g~é <i>s-wasa-k</i> a-g~é <i>s-pa-c</i> a-g~é	<i>sá-bla-k</i> a-g~é <i>sá-žma-k</i> a-g~é <i>sá-sas-c</i> a-g~é

Примечание. Для редко встречаемых форм и позиций в таблице приводится материал, зафиксированный в научной литературе и в текстах (в большинстве своем диалектных).

Комментарии

(a) Можно утверждать, что акцент в изолированных словоформах (равных корневой морфеме) обоих акцентных типов расположен на конце словоформы: это очевидно на примере двусложных кориевых морфем.

(b) В формах 2, 3, 4 конечное ударение словоформы сохраняется в типе II, но оттягивается на основу в типе I. Эта способность основ, входящих в тип I, оттягивать ударение не имеет никакого фонологического объяснения и относится к уровню морфонологии.

(c) Морфемы, обладающие способностью оттягивать акцент в данных формах, можно отметить знаком (+), морфемы, у которых такой способности нет, — знаком (-).

(d) В формах 8, 9 присоединение члена к притяжательным префиксам вызывает перемещение ударения в типе II на член и, соответственно, на префиксы. Повторяя операцию (c), мы можем этим формантам приписать знак (+).

(e) Обнаруживается, что ударение данным формантам отдают лишь морфемы, отмеченные знаком (-), тогда как морфемы, отмеченные знаком (+),держивают акцент.

(f) В связи с последним можно расширить основу маркировки: морфемы *қə*, *-la*, *-da*, отдающие в формах 2, 3, 4 ударение предшествующей (+)-морфеме, можно рассматривать как отмеченные знаком (-), морфемы *-c^oa*, *-k^oa*, *-g^oa*, сохраняющие ударение в формах 5, 6 (а также 12, 13, 14, 15) с предшествующей (+)-морфемой (тип I), — как отмеченные знаком (+).

(g) Распространив теперь эту маркировку на все остальные словоформы, получаем картину, представленную в таблице.

ф. *a-pzəz*, еднч. ф. *pzəz-k*, мн. ч. *a-pzəz-k^oa* ‘рыба’. Последний тип аналогичен III типу словосложений, и, если исключить многочисленные заимствования, входящие в него, его составят в большинстве своем деэтиологизированные словосложения III акцентного типа, второй элемент которых содержал выпавший в безударной позиции гласный -ə (III акцентный тип наблюдается у тех словосложений, первый элемент которых относился к типу I, второй — к типу II; закономерность неподвижности акцента при таком сочетании компонентов будет ясна из дальнейшего⁶). В тех же случаях (относительно редких), в которых можно предполагать первичную одноморфемность соответствующего абхазского слова, оно восходит, по-видимому, к двуслоговой основе типа *CVCə* с просодическими характеристиками слогов, соответствующими просодическим характеристикам компонентов словосложений III акц. типа.

Поведение акцента I и II типов в парадигме тесно связано с его перемещениями при постановке словоформы в минимальное фразовое окружение (т.е., главным образом, при соединении с “энклитикой”), поэтому оба явления могут рассматриваться совместно. Наблюдается следующее распределение (см. табл. 1, способ введения подстрочной маркировки объясняется ниже в Комментариях).

Опираясь на введенные обозначения (см. табл. 1 и комментарии), легко сформулировать единое правило акцентовки разобранных морфемных последовательностей. Введя понятие морфонологических ступеней акцентуационных валентностей (высшая — морфемы, маркованные знаком +, низшая — морфемы, маркованные знаком -), можно утверждать, что *ударение всегда ставится в конце первой последовательности морфем высшей валентности*.

⁶ Об акцентовке абхазских словосложений см. Дыбо 1989, с. 7 — 45; ср. Дыбо 1973, с. 8—9, — где были даны предварительные результаты анализа этих образований.

Легко показать, что этот способ маркировки и правило, регулирующее постановку акцента, распространяются на всю систему абхазского языка лишь с незначительными усложнениями (преимущественно в глаголе), имеющими историческое объяснение (см. Дыбо 1989₁).

Сопоставление балто-славянской и абхазской акцентных систем естественно снимает предположение о природе акцентуационных валентностей как имманентно присущей морфологически определенным категориям морфем. Не следует недооценивать этот, казалось бы, чисто отрицательный результат данной операции. Он не только отклоняет запреты на распространение единообразной маркировки на морфологически различные категории морфем, но и выделяет класс языков с морфологически определенными разрядами акцентуируемых и неакцентуируемых морфем, ставя проблему исторического объяснения этого их состояния.

5. Сопоставление систем и фонетическая интерпретация результатов компаративистской процедуры. Сопоставление балто-славянской и абхазской акцентных систем имеет тем большее значение, что здесь мы встречаемся с нетривиальностью типологической аналогии: различные контурные правила при наличии одинаковых систем валентностей. Срегулированность этих правил с началом (в одном случае) и с концом (в другом случае) последовательности плюсов (и, соответственно, с началом и концом слова при однородном по +/- составу словоформы) заставляет предполагать, что в обоих случаях мы имеем дело с фонологизацией деформации разных типов демаркационного акцента (в балто-славянском — начального, в абхазском — конечного) под влиянием просодических характеристик, которые имеют свойство находиться в отношении "доминантность—рецессивность" к иктусу.

По типам ударения языки принято делить на языки со свободным и фиксированным ударением. К последним относятся языки, в которых место акцента связано с фонетической структурой слова. Такое ударение функционально является демаркационным.

Способы фиксации ударения довольно разнообразны, однако все они — модификации одного основного способа — счета слогов. В элементарном случае ударение падает на какой-либо по счету слог от конца или начала слова. Все остальные способы фиксации, по-видимому, возникают в результате деформации основного посредством введения в правило фиксации дополнительного фактора: структуры, количества или качества слога (в последнем случае может выступать как сегментное, так и суперсегментное качество слога — тон).

Таким образом, по способу фиксации и характеру правил определения места ударения в языках с фиксированным ударением могут быть выделены следующие типы. 1) Языки, в которых место ударного элемента (слога) определяется в терминах порядка (счета) слогов (*слогосчитывающие языки*), например, польский язык, где ударение падает на предпоследний слог, или чешский, в котором ударение падает на первый слог от начала слова. 2) Языки, учитывающие количество слога при счете порядка слогов (*могосчитывающие языки*), например, латынь, где ударение на втором слоге от конца при двуморовости этого слога и на третьем от конца при од-

номоровости предконечного слога. 3) Языки, учитывающие структуру слога при счете слогов, например, ударение ставится на конечном слоге, если он закрытый, и на втором слоге от конца, если последний слог открытый: предполагаемое прасемитское состояние, отраженное, правда, с определенными отклонениями в староиспанской грамматике арабского Pedro de Alcala (см. Sarauw 1939, S. 36 и след.); принципиально, но с усложнениями правила, по-видимому, сохраняется в магрибских арабских диалектах. 4) Языки, учитывающие качество гласных при счете слогов, например, мокшанский мордовский; подобные же системы, по-видимому, лежат в основе марийских и пермских морфонологизированных систем ударения. 5) Языки, учитывающие просодическую характеристику слога при счете слогов, например, восточносахарские: в тубу, канури (во всяком случае, в его диалекте бадави), канембу ударение ставится на первый высокотоновый слог (см. Дыбо 1987). То же правило у хауса, йоруба и бамбара (см. Herms 1982, Brauner 1982). Более сложное правило отмечают в усаруфа (Новая Гвинея): ударение ставится в конце слова, если оно состоит исключительно из низкотоновых слогов, но в начале платформы высоких тонов (соответственно, на одиночном высокотональном слоге), если слово состоит из высокотональных слогов или включает в себя высокотональные слоги. Однако, если слово, начинаясь платформой высокотональных слогов, заканчивается низким тоном, ударение ставится на последнем высокотональном слоге (см. StNGL 1962, с. 114; с. 115–127).

Нетрудно обнаружить, что постановка акцента, подобная той, которую мы видим в праславянском (балто-славянском) и в абхазском, наблюдается в тоновых языках (случай 5⁷), а именно: в ряде тоновых языков обнаруживается постановка ударения в начале (или в конце) платформы высоких тонов (последовательности слогов или морфем с высоким тоном), при этом предшествующие ей и следующие за ней низкие тоны (слоги с низкими тонами) в расчет не принимаются, полностью же низкотональные фонетические слова имеют начальное ударение. Это наблюдение позволяет поставить системы парадигматического акцента в типологическое соответствие подобным тоновым системам и выдвинуть тонологическую гипотезу происхождения парадигматических акцентных систем.

Следует внимательно рассмотреть этапы проведенного нами сопоставительного анализа. Освободившись в результате сопоставления нашей реконструкции с абхазской акцентной системой от презумпции связи иктуса с морфологически определенными классами морфем и обнаружив, что контурное правило в обюх языках связывает иктус с границами, которые могут быть соотнесены с границами фонетического слова, мы получаем возможность сопоставить наши морфонологизованные акцентные

⁷ Сходную картину мы наблюдаем также в группе 4, однако в этих системах отсутствует та равномерность в распределении противопоставленных групп "сильных" и "слабых" гласных в системе языка, которой характеризуется распределение акцентных типов в языках парадигматического акцента. По-видимому, этим объясняется то, что морфонологизованные системы, возникшие из систем этой группы, обладают в большей степени признаками категориального акцента, чем парадигматического. Теоретически можно допустить существование языков с "равномерным" распределением групп "сильных" и "слабых" гласных, но такая система скорее всего может быть результатом преобразования групп, противопоставленных по фонационной корреляции, что возвращает нас к группе 5.

системы с системами фиксированного акцента с деформацией основного способа фиксации посредством введения в правило фиксации дополнительного фактора. Сопоставление же общих для обеих морфонологизованных акцентных систем закономерностей применения контурных правил с различными "подвидами" "деформированного" фиксированного акцента позволяет сопоставить наши морфонологизованные акцентные системы с тоновыми системами группы 5. Правомерность этого сопоставления и построенной на нем интерпретации поддерживается тем, что в языках этой группы наблюдаются процессы, приводящие к возникновению парадигматических акцентных систем (см. Дыбо 1987, Dybo 1994). Такой сопоставительный анализ я называю установлением места системы в типологическом пространстве. Достаточно полное проведение сопоставительной процедуры представляется совершенно необходимым для построения корректной интерпретации результатов компаративистской процедуры. В данном случае результаты этого анализа приводят к интерпретации акцентуационных валентностей (–) и (+) как отображений пражзыковых низкого и высокого регистровых тонов, что хорошо поддерживается типологическими сопоставлениями с восточносахарскими языками, ср. контурные правила, тождественные балто-славянским, системы акцентных парадигм, возникающие в результате "затухания" тонов и фонематизации акцента в ряде диалектов этой группы, а также, по-видимому, наличие в последних тенденции к расширению категориального принципа выбора акцента (см. Дыбо 1987, Dybo 1994).

6. *Акцентуационные валентности и слоги.* Примечательной особенностью материала, на котором был проведен представленный выше морфонологический анализ, было то, что доминантные суффиксы, попавшие в его поле зрения, представлены исключительно так называемыми вторичными суффиксами. Этот феномен легко понять, если внимательно посмотреть на процедуру, посредством которой устанавливается доминантность и рецессивность суффиксов. Для установления рецессивности достаточно показать, что производному с этим суффиксом при рецессивном корне присуща подвижная акцентная парадигма. Для установления доминантности необходимо доказать, что именно суффикс определяет место иктуса во всех словоформах данного образования, что становится очевидным и допускает убедительную элементарную интерпретацию лишь на том уровне реконструкции, на котором место иктуса совпадает с суффиксальным слогом. Однако первичные прикорневые суффиксы не имеют "собственного" слога, их слоги образуют гласные основнообразующие элементы, часто называемые темами, рецессивный характер которых устанавливается тем фактом, что в праславянском и балто-славянском у всех типов основ наличествовала подвижная а.п. Это создает впечатление, что в праславянском все первичные прикорневые суффиксы были рецессивными. Однако этот вывод наталкивается на два противоречия. Во-первых, непонятно, каким образом возникли вторичные суффиксы с доминантной валентностью, состоящие в большинстве из "темы" и первичного суффикса. Во-вторых, ряд "разломов" (см. Дыбо 1981, с. 259–260) в системе выбора акцентных типов явно связан с прикорневыми первичными суффиксами. Эти противоречия, однако, не могут быть однозначно

разрешены методом внутренней реконструкции. При морфонологическом анализе все факты, отклоняющиеся от проявляемой им системы и не обнаруживающие собственной системности (типа той, которую мы наблюдаем в "разломах"), рассматриваются как результат языковых флуктуаций, то есть как вторично возникшие по неустановимым или неустановленным причинам (или, если рассматривать этот анализ как процесс принятия некоторой генетической информации, как шумы, налагающиеся на информационный сигнал). Поэтому они снимаются, то есть устраняются из рассмотрения. Однако при такой "очистке" "информационного сигнала" наряду с "шумами" из рассмотрения должно устраиваться также определенное количество фактов, несущих генетическую информацию, но которым мы не можем дать рационального или однозначного толкования. Выделить их из "шумов" и тем самым возвратить в поле зрения анализа мы можем, или расширив само "поле зрения", что собственно и происходит, когда мы устанавливаем системность "разломов" (здесь мы вводим дополнительное членение по морфологическим и морфонологическим категориям), или обратившись к внешнему сравнению.

Такое внешнее сравнение, которое содержало одновременно и расширение "поля зрения" анализа, перенеся его в большой мере в область сегментной морфонологии, было проведено С.Л. Николаевым и С.А. Старостиным. Им удалось показать, что двум балто-славянским просодическим классам глагольных корней соответствуют два греко-арийских класса глагольных корней, выделяемых в основном по особенностям формообразования первичных глагольных слов, т.е. по особенностям морфологических парадигм глагольных слов, в которых данные корни встречаются (поэтому эти классы корней были названы парадигматическими, см. Николаев, Старостин 1982). Затем было установлено, что греко-арийские материалы позволяют провести бинарное разбиение прикорневых индоевропейских суффиксов (Николаев 1983 и 1986, Николаев 1986). В дальнейшем С.Л. Николаев показал, что I классу греко-арийских суф. соответствует класс балто-славянских прикорневых суф., которые можно рассматривать как "доминантные", т.е. (+)-суффиксы, а II классу греко-арийских суф. – класс балто-славянских прикорневых "рецессивных" суф., т.е. (-)-суффиксов. Как и следовало ожидать, при "рецессивных" суф. производные сохраняли а.п. производящих, тогда как при "доминантных" суф. производные получали неподвижный акц. тип независимо от а.п. производящего.

Наряду с этим предсказываемым теорией результатом был получен также результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с "доминантными" суффиксами от акутированных корней "рецессивного", т.е. (-)-класса, происходит метатония "акут ⇒ циркумфлекс", тогда как в этих же производных от акутированных корней "доминантного", т.е. (+)-класса, метатония отсутствует:

а) суф. *-ta-s*

1. лит. *stōtas* 2 'телосложение' (лит. *stóti*, лтш. *stāt*; слав. *-stājQ*, а.п. с);
2. лит. *klōtas* 2 'мостки' (лит. *klōti*, лтш. *klāt*; слав. *klādQ*, а.п. с);
3. лит. *gražtas* 2 'огрызок' (лит. *gráužti*, лтш. *gražt*; слав. *grýzQ*, а.п. с);

4. лит. *dōtas* 2 ‘подарок’ (лит. *dúoti*, лтш. *duōt*; слав. *dājq*, а.п. *c*);
 5. лит. **nuo-dētas* (> жемайт. *nū-dēšas*) 2 ‘Sünde’ (лит. *dēti*, лтш. *dēt*; слав. *dējq* (а.п. *c*);
 6. лит. **mōtas* 2 в adv. *mōtais* ‘in Betracht’ (лит. *mōti*, лтш. *māt*; слав. *mājq*, а.п. *c*);
 7. лит. *sōstas* 2 (SkŽD 321) ‘tron, престол’ (вторично *sōstas* 1), *pa-sēstas* 2 ‘сидение’ (лит. *sēsti*, лтш. *sēst*; слав. *sādjq*, а.п. *c*);
 8. лит. *džiaūtas* 2 (SkŽD 320) ‘pintinaitė sūriams džiovinti’ (лит. *džiáuti*, лтш. *žauūt*);
 9. лит. *plaūtas* 2 ‘полок’ (лит. *pláuti*; слав. *plovq*, а.п. *c*);
 10. лит. *ap-maūtas* 2 ‘чехол’, *pa-maūtas* 2 ‘недоуздок’ (лит. *māuti*, лтш. *maūt*);
 11. лит. *plaūstas* 2 (Šlap. 352) ‘паром’ (вторично *plaústas* 1) (лит. *pláusti*, лтш. *plaüst*);
 12. лит. *kliūtas* 2 (Jušk. II, 167) ‘замоина’ (лит. *kliáuti*, лтш. *kļauūt*);
 13. лит. *nařtas* 2 ‘норов’ (лит. *nérти*; слав. *n̄rq*, а.п. *c*);
 14. лит. *spraūtas* 2 ‘шпунт’ (лит. *spráusti*, лтш. *spraūst*);
- б) суф. *-sta-s*
1. лит. *klōstas* 2, pl. ‘жерди, которыми надавливается мочимый лен; мостки’ (лит. *klōti*, лтш. *klāt*; слав. *klādq*, а.п. *c*);
 2. лит. *mōstas* 2 ‘жест’ (лит. *mōti*, лтш. *māt*; слав. *mājq*, а.п. *c*);
 3. лит. *aūkštas* 2 ‘этаж, ярус, чердак’ (лит. *augti*, лтш. *aūgti*);
 4. лит. *šluōstas* 2 ‘тряпка для вытирания’ (лит. *sluōti*, лтш. *sluōt*);
 5. лит. *pa-grēbstai* 2 ‘сгребки, сгребенные остатки’ (лит. *grēbti*;ср. слав. *grēbo*, а.п. *c*);
 6. лит. *narstas* 2 (SkŽD 324) ‘verknötete Stelle der Peitsche, damit sie kürzer wird’ (лит. *nérти*; слав. *n̄rq*, а.п. *c*);
- с) суф. *-kla-s*
1. лит. *dēk-las* 2 ‘футляр’ (лит. *dēti*, лтш. *dēt*; слав. *dējq*, а.п. *c*);
 2. лит. *pa-būklas* 2 ‘орудие’ (лит. *būti*, лтш. *būt*; слав. (*l-part.*) *býlъ*, *bylá*, *býlo*, а.п. *c*);
 3. лит. *tiñklas* 2 ‘сеть’ (лит. *tiñti* ‘пухнуть’, лтш. *tít*);
 4. лит. *pa-neřklas* 2 ‘wiązadło, którym przywiązuje sie bat do biczska’, *pri-neřklas* 2 ‘virvelē botagui prie koto pririšti (prinerti); spragilo jungas’ (лит. *nérти*, лтш. *niñt* (?));
 5. лит. *spiñklas* 2 ‘пинок’ (лит. *spirti*, лтш. *speřt*; слав. *pērq*, а.п. *c*).
- Те же словообразовательные типы, но без метатонии:
- а) суф. *-ta-s*
1. лит. *káltas* 1 ‘долото’ (лит. *kálti*, лтш. *kalīt*; слав. *kōlti*, а.п. *b/a*);
 2. лит. *būrtas* 1 ‘жребий, ворожба’ (лит. *būrti*, лтш. *būrt*);
 3. лит. *gniáužtas* 1 ‘кулак, тиски’ (лит. *gniáužti*, лтш. *ḡnāužt*);
 4. лит. *miltai* 1 ‘мука’ (лит. *málti*, лтш. *małt*; слав. *mělti*, а.п. *b/a*);
 5. лит. *sietas* 1 ‘сито’ (слав. *séjq*, а.п. *a*);

6. лит. *viltas* 1 'предательство, обман' (лит. *vilti*, лтш. *vilt*);
 7. лит. *rēžtas* 1 'заведенный порядок; старая дорога' (*sāvo rēžtu* 'своим чередом; по-своему'); *rūožtas* 1 'полоса, участок, область' (*sāvo rūožtu* 'своим чередом; по-своему') (лит. *rēžti*; слав. *rēžjq*, а.п. *a*); в лтш. в глагольных корнях на шумные обобщение прерывистой интонации.
- б) суф. *-sta-s*
- лит. *žiōstas* 1 (SkŽD 324) 'tai, kiek vienu kartu galima apžioti' (лит. *žiōti*; слав. *žējQ*, а.п. *a*);
 - лит. *vāistas* 1 'средство, лекарство' (слав. *vēdēti*, а.п. *a*).
- с) суф. *-kla-s*
- лит. *dūrklas* 1 'штык' (лит. *dūrti*, лтш. *dūt*);
 - лит. *irklas* 1>3 'весло' (лит. *irti*, лтш. *īt̄*);
 - лит. *piūklas* 1 'пила' (лит. *piāuti*, лтш. *plāuit*);
 - лит. *žénklas* 1 'знак, знамение' (лит. *pa-žīnti*, лтш. *pa-žīt̄*);
 - лит. *pa-véikslas* 1 'изображение, образец' (слав. *vīdēti*, а.п. *a*);
 - лит. *sékla* 1 f. 'семя' (лит. *séti*, лтш. *sēt̄*; слав. *sējQ*, а.п. *a*).

Исключения из данного соотношения единичны и легко объясняются либо наличием древних акцентуационных вариантов у некоторых глаголов, либо сменой акцентных характеристик у них в более поздний период.

I. Структура вторичных суффиксов. Рассматривая структуру вторичных суффиксов, мы видим, что их можно представить как последовательность, минимум, из двух частей: *-oko-* = *-o- + -ko-*; *-āko-* = *-ā- + -ko-*; *-iko-* = *-i- + -ko-*; *-uko-* = *-u- + -ko-*; *-īko-* = *-ī- + -ko-*; *-ika-* = *-ī- + -kā-*; *-ovo-* = *-o- + -vo-*; *-āvo-* = *-ā- + -vo-*; *-īvo-* = *-ī- + -vo-*; *-ito-* = *-i- + -to-*; *-īto-* = *-ī- + -to-*; *-oto-* = *-o- + -to-*; *-ōto-* = *-ō- + -to-*; *-āto-* = *-ā- + -to-*; *-ijo-* = *-i- + -jo-*; *-ijā-* = *-i- + -jā-*; *-ājo-* = *-ā- + -jo-*; и под.

II. Морфонологические характеристики составляющих и просодическое поведение вторичных суффиксов.

Первая часть – либо тематический гласный *-o-*, извлечённый из тематических основ, либо иной основообразующий формант, сросшийся с первичным суффиксом (*-i-*, *-u-*, *-ā-*, *-ī-*, *-ō-*), а вторая – первичный суффикс. Тематический гласный (в норме) и другие основообразующие форманты при самостоятельном функционировании являются рецессивными морфемами, т.е. (–)-морфемами, что непреложно вытекает из наличия у всех этих видов основ подвижного акцентного типа. Естественно предположить, что доминантность такого рода суффиксов обусловлена доминантностью их второй части. Иначе говоря, доминантная вторая часть суффикса изменяет морфонологический статус первой его части, делая ее (вторично) доминантной так же, как первичный доминантный суффикс изменяет морфонологический статус первично рецессивного корня, делая его (вторично) доминантным.

Если первая часть вторичного суффикса представляет собой изначальный долгий монофтонг и должна быть, согласно правилу Соссюра, акутированной, в ней происходит метатония и акут заменяется на циркумфлекс.

III. Примеры метатонии в суффиксах:

1. Балто-славянский суффикс *-āko-s*.

В славянском этот суффикс в адъективном употреблении сохранился лишь у местоименных прилагательных и показывает в них отчетливо рецессивный характер,ср.: 1. **jákъ*, **jaká*, **jáko* (от **jь*, **ja*, **jě* – а.п. с); 2. **tákъ*, **taká*, **táko* (от **tь*, **ta*, **tō* – а.п. с); 3. **kákъ*, **kaka*, **káko* (ср. **kъto*, **čyto* – а.п. с); но от местоимений неподвижного акцентного типа: 1. **īnakъ*, **īnaka*, **īnako* (от **īnъ*, **īna*, **īno* – а.п. а); 2. **vysékъ*, **vyséka*, **vyséko* (от **vysъ*, а.п. б).

В литовском прилагательные с суф. *-oka-s* (< *-āko-s*) относятся к неподвижному акц. типу с постоянным акутовым ударением на суффиксе: *ilgókas* (ср. лтш. *ilgs*), *plonókas* (ср. лтш. *pláns*), *sunkókas* (ср. ст.-лит. *sun̄kus*, 2 а.п. у Даукши), *platókas* (ср. *platùs*, 4 а.п. у Даукши и в совр.). Это явно перестроенная акцентовка с генерализацией акц. типа, возникшего в результате действия закона де Соссюра в производных от циркумфлектированных и краткостных имен неподвижного акц. типа и в результате наложения деформаций акцентной кривой, вызванных действием законов де Соссюра и Хирта в производных от циркумфлектированных и краткостных имен подвижного акц. типа, с устранением неподвижного акц. типа с акутовым ударением на корне и деформированного действием закона Хирта акутированного подвижного типа.

Для балто-славянского следует, таким образом, восстанавливать рецессивный статус этого адъективного суффикса.

Этот же суф. в субстантивном употреблении показывает циркумфлектированный характер гласного *-ā* и акцентный тип с постоянным насуффиксальным ударением: лит. *paujōkas* 2, *bérōkas* 2, *kaulōkas* 2 и под., ср. генетически тождественную а.п. *b* в подобных образованиях в славянском: **durākъ*, **prostākъ*, **rybākъ*, **mqdrākъ* и под. Очевидно, что и в этом словообразовательном типе мы встречаемся с генерализацией акц. типа с насуффиксальным ударением и устранением акц. типа с первично накоренным ударением. Например, два последних славянских примера первоначально должны были иметь следующую акцентовку: **rybākъ*, **modrākъ*.

2. Более близкое к первоначальному состоянию мы имеем в словообразовательном типе с вторичным суф. *-ykla-s*: *gýdyklas* ‘лекарство’ (от *gýdyti* ‘лечить’), *výstyklas* 3 < *1 ‘пеленка’ (от *výstyti* ‘пеленать, свивать’), но *kabýklas* 3 ‘вешалка’ (от **kabýti* > *kabinti* ‘вешать’), *kibýklas* 2 ‘крюк, зацеп’ (от *kibýti* ‘вешать, зацеплять’), *kratýklas* 2 ‘labai slidus šypelis pakuloms kratyti’ (от *kratýti* ‘трясти’). Суф. *-ykla-s*, очевидно, состоит из доминантного первичного суф. *-kla-s* и основообразующего форманта каузативных глаголов *-y-* (< *-l-*), морфонологическим статусом которого, как показывают славянские данные, была рецессивность (см. наличие в каузативах а.п. с и тип ее акцентной кривой: inf. **gubíti* ~ sup. **gûbitv*, l-part. **gûbilъ*, **gubila*, **gûbilo*; pl. **gûbili* и т.д.). По двум первым примерам

производных видно, что суф. *-ykla-s* не наводит метатонию на корень, однако сама первая часть его (*-y-*), что обнаруживается при рассмотрении следующих трех примеров, подвергается метатонии и получает морфонологический статус доминантности. Подвижность акцента у второго производного, очевидно, вторична (а.п. первого слога неизвестна), ср. подобное же вторичное развитие подвижности у производных с суф. *-tua-s* и под. (см. Николаев 1986). Проблематичным остается объяснение акута в *salýklas* 1 ‘солод’ (по-видимому, от не сохранившегося **salýti*, итератива от *sálti* ‘делаться сладким, солодеть’).

Примечание. Если *-y-* в данном производном извлечено из основы итеративного глагола, а не каузатива, мы имеем дело с закономерным отсутствием метатонии, так как в итеративах, по свидетельству славянского, основообразующий формант *-i-* обладал статусом доминантности, наводил вторичную доминантность и, по-видимому, метатонию на предшествующую морфему, если она была первично акутированной.

IV. Морфонологическое представление просодического поведения вторичных суффиксов. Такое различие в морфонологическом поведении вторичных и первичных суф., а равно и составляющих вторичных суф., по-видимому, свидетельствует о сложном характере статуса доминантности.

Можно отразить установленные нами различия в типе доминантности соответствующей маркировкой. Для обозначения первичной доминантности корней, первичных суф. и соответствующих частей вторичных суф. оставим знак (+), для обозначения вторичной доминантности корней и соответствующих частей вторичных суф. введем знак (−). В этом случае суф. *-ykla-s* должен получить следующую маркировку: *-y-kla-s*. Различие между соответствующими адъективными и субстантивными суф. выражается так: 1. adj. *-ā-ko-s* ~ subst. *-ā-ko-s*; 2. adj. *-u-ko-s* ~ subst. *-u-ko-s*; 3. adj. *-ā-vō-s* ~ subst. *-ā-vō-s*; 4. adj. *-ī-ko-s* ~ subst. *-ī-ko-s* (ср. здесь же, по-видимому, первичное противопоставление subst. f. и m.: subst. f. *-ī-kā-* ~ subst. m. *-ī-kō-s*; первоначальная рецессивность суф. subst. f. отражается лишь в отсутствии метатонии, в остальном суф. был преобразован, вероятно, в результате действия закона Хирта). Приведем еще некоторые характерные морфонологические представления вторичных суф.: 1. adj. *-in-ō-s* ~ adj. *-in-jō-s*; 2. adj. *-iš-k-ō-s* ~ adj. *-išk-jō-s*; 3. subst. *-ib-ā-* ~ subst. *-ib-jā-*; 3. subst. *-in-ī-ko-s*, *-ov-ī-ko-s* и под. Уже из этого перечня видны некоторые особенности внутренней структуры вторичных суф.; во-первых, вторично доминантные составляющие не наводят вторичную доминантность и, следовательно, метатонию на предшествующие им части суффиксов, т.е. ведут себя так же как вторично доминантный суф. в целом по отношению к корневой морфеме; во-вторых, бросается в глаза некоторая произвольность членения, связанная с наличием “чредящихся” пар и их структурой: если у нас представлены пары с рецессивными адъективными суф., в которых первичный *-k-* осложнен сросшимися с ним явно рецессивными основообразующими формантами, и с соответствующими доминантными субстантивными суф., мы предпочитаем вычленять первично рецессивный основообразующий формант, а различие статусов парных суффиксов сводить к раз-

личию статусов первичных супф. adj. *-kɔ-* и subst. *-kɔ-*, следуя за аналогичным рассмотрением первичных супф. adj. *-tɔ-* и subst. *-tɔ-*, в тех же случаях, когда в наших парах наведение вторичной доминантности осуществляется заменой тематического гласного или другого основообразующего форманта каким-либо иным формантом, мы выделяем в качестве носителя акцентуационной валентности этот тематический гласный. В действительности, по-видимому, в большинстве случаев носителем акцентуационной валентности был тематический гласный, форманты *-k-*, соответственно *-t-*, субстантивов и адъективов генетически тождественны, и следует, по-видимому, предполагать для индоевропейского существование двух тематических гласных, различавшихся какими-то просодическими качествами, которые отобразились в балто-славянском в виде двух различных морфонологических статусов (акцентуационных валентностей).

V. Дистрибуционные характеристики процесса ($-$) \Rightarrow (\mp):

1. он происходит на любом слоговом отрезке, маркированном ($-$), количество или качество этого слога, по-видимому, какой-либо существенной роли не играет;
2. он происходит в непосредственной близости (смежности) к следующему за ним звуковому отрезку, в надежно установленных случаях слоговому, маркированному знаком ($+$), каких-либо ограничений процесса количеством или качеством данного слогового отрезка не обнаружено;
3. на краткостных и циркумфлектированных слогах фонетически данный процесс никак не проявляется, в первоначально акутизованных слогах он переводит акутную интонацию в циркумфлекс ($' \Rightarrow \sim$).

VI. Интерпретация: Такие дистрибуционные особенности этого процесса указывают на асимметрический его характер, т.е. мы имеем, скорее всего, дело с результатом тоновой ассимиляции.

Можно попытаться более точно определить фонетический характер как самого этого процесса, так и элементов, участвующих в нем:

- 1) Очевидно, что мы имеем дело лишь с частичной ассимиляцией, т.е. (\mp) не равняется ($+$), так как в слоге с маркировкой (\mp) $' \Rightarrow \sim$, тогда как в слогах с маркировкой ($+$) акут не изменяется.
- 2) Можно думать, что характер процесса $' \Rightarrow \sim$ как-то связан с фонетическим характером элементов, принимавших в нем участие, т.е. ($-$) и ($+$); при частичных просодических ассимиляциях обычно просодическая характеристика первой части слога (первой моры) сохраняет близость к первоначальной просодической характеристике данного слога, тогда как характеристика второй части слога (второй моры) уподобляется просодической характеристике слога, который стимулирует ассимиляцию, т.е. слога, смежного с тем, в котором произошла метатония.

- 3) Циркумфлекс в литовском представляет собой восходящую интонацию, и нет серьезных оснований считать, что он был качественно иным в балто-славянском.

Примечание. Предположение о качественном изменении балто-славянского циркумфлекса в литовском основывалось на убежденности в генетическом тождестве славянского и литовского циркумфлексов. Поскольку это тождество отклонено и доказано, что литовскому циркумфлексу в славянском соответствует восходящая интонация типа нового акута, это предположение отпадает.

Все это дает основание полагать, что просодические характеристики, принимавшие участие в рассматриваемом процессе, были, скорее всего, регистровыми тонами: маркировке (–) соответствовал низкий тон, маркировке (+) – высокий тон. В этом случае при регressiveвой частичной ассимиляции в порядке (–+) на первом слоге должен был возникнуть восходящий тон: | _ |[–] | ⇒ | _ |[–] | ⇒ | / |[–] |. Этот ассимиляционный восходящий тон как бы взломал возникающий по правилам де Сосюра и Бецценбергера акут и создал на этом слоге интонацию, достаточную близку к балто-славянскому циркумфлексу, в дальнейшем совпавшую с ним.

Приведенный в этом разделе анализ наглядно демонстрирует, что при корректном сравнительно-историческом исследовании интерпретационная сторона реконструкции снимается, когда мы включаем компаративистскую основу реконструкции в следующий виток компаративистской процедуры. Лишь получив морфонологическое представление просодического поведения элементов, полученных в ходе компаративистской процедуры, и дистрибуционные характеристики процессов, которые отражены в нем, мы вновь обращаемся к типологическому знанию, чтобы подтвердить, уточнить или опровергнуть предложенную нами ранее интерпретацию. В данном случае это сведения о тоновой ассимиляции в тональных языках.

7. *Севернолитовское отражение ассимиляции “валентностей”*. В ряде публикаций А. Гирдениса и Г.Й. Качюшкене (Гирденис, Качюшкене 1987, Качюшкене 1984) были приведены факты, свидетельствующие о наличии в северножемайтском (моженкинский говор) и в севернопоневежском (аукштайтском) диалектах противопоставления двух видов акута и, соответственно, двух видов циркумфлекса не ретракционного типа. Противопоставление это представлено в ряде минимальных пар и отмечено в трех категориях форм: 1. сущ. с суф. -ta-s ~ прилаг. (прич.) с суф. -ta-s; 2. презенсы 3 л. глаголов j-praesentia ~ буд. вр. 3 л. тех же глаголов; 3. претериты на -é от первичных глаголов j-praesentia ~ претериты на -é от парных к ним итеративов. Исследователи провели большую экспериментальную работу, установив факт хорошего различия информантами указанного противопоставления и изучив его основные фонетические параметры, однако для серьезного сравнительно-исторического исследования этого феномена необходимо полное описание просодических систем данных говоров, т.е. установление типа интонации, по возможности, у каждой словоформы всего корпуса лексем этих диалектов. Поэтому сейчас относительно данной проблемы можно высказать лишь самые предварительные соображения. Авторы связывают указанное различие с противопоставлением прабалтийских (и праиндоевропейских) баритонированной и подвижной акцентных парадигм. Однако самым примечательным моментом в рассматриваемой ситуации является тот, что ни одна из изученных ими лексем не относилась в пралитовском (и в прабалтийском) к подвижному акцентному типу. Все они имели неподвижную акцентную парадигму, т.е. были баритонированы, так как их корневые морфемы относятся к классу (+)-морфем. Важным, однако, представляется тот факт, что во всех случаях, когда мы можем установить маркировку их

суффиксов, оказывается, что акут и циркумфлекс, относимые авторами к первой разновидности, появляются перед (+)-суффиксами, а акут и циркумфлекс, относимые ими ко второй разновидности, – перед (–)-суффиксами:

I. Сущ. с суф. *-ta-s* ~ прилаг. (прич.) с суф. *-ta^g-s*

Акут: первого вида – 1 ~ второго вида – 2

1. Северножемайтский

- 1) *kā · lts₁* ‘долото’ (*káltas*) ~ *kā . lts₂* ‘битый’ (*káltas*)
- 2) *svē · ists₁* ‘масло’ (*sviéstas*) ~ *svē . ists₂* ‘кинутый’ (*sviéstas*);

2. Севернопоневежский

- 1) *kā · lt̄s₁* ‘долото’ (*káltas*) ~ *kā . lt̄s₂* ‘битый’ (*káltas*)
- 2) *kæ · lt̄s₁* ‘паром’ (*kéltas*) ~ *kæ . lt̄s₂* ‘поднятый’ (*kéltas*)

В последней паре корень **kel-*, вопреки лтш. *celt*, следует относить к доминантному классу, во всяком случае, в пралитовском, что отражается как в отсутствии метатонии в образованиях с доминантными суффиксами, так и непосредственно в производных с вторичными суф. сохранением неподв. накоренного ударения: *kéltuvas*, *kéltuva* (1 ⇒ 3).

Циркумфлекс: первого вида – 1 ~ второго вида – 2

1. Северножемайтский

(в опубликованных материалах эта категория отсутствует)

2. Севернопоневежский

- 1) *āū · t̄s₁* ‘портянка’ (*āūtas*) ~ *āū · t̄s₂* ‘обутый’ (*āūtas*)
- 2) *pōr̄ · št̄s₁* ‘палец’ (*piřštas*) ~ *pōr̄ · štas₂* ‘сосватанный’ (*piřštas*)

Очевидно, что здесь мы имеем дело в левой части пар с тем же словообразовательным типом, что и представленный выше тип, в котором первично акутированные корни дают метатонию “акут ⇒ циркумфлекс”, его суф. *-ta-s*, как было показано выше, относится к первичным (+)-морфемам. Лишь в последней паре в слове *piřštas* ‘палец’ морфонологический, так же как и морфологический, статус элемента *-ta-s* неясен, однако субстантивный характер этого элемента свидетельствует, скорее, в пользу его доминантности. В правой части пар во всех примерах представлены формы страдательных причастий прош. вр., в которых и в балтийском и в славянском присутствует подвижная а.п. Следовательно, суф. *-ta-s* этих форм относится к первичным (–)-морфемам.

В первой паре в северножемайтском и, соответственно, в севернопоневежском представлен акутированный корень *kal-*, который относится к (+)-морфемам: лит. *káltas* 1 ‘долото’: лтш. *kalts* ‘das Stemmeisen, der Meissel; ein kleiner Hammer’; лит. *kálti* ‘ковать, долбить’; *külti* ‘молотить; колотить, бить’: лтш. *kałt* ‘schmieden; schlagen; kult ‘schlagen; dreschen; слав. *kōlti* (а.п. *a/b*).

Во второй паре в северножемайтском представлен акутированный корень *svied-* ‘бросать, кидать, швырять; мазать’: лит. *sviésti*, лтш. *sviést*. В латышском наблюдается далеко зашедший процесс обобщения прерывистой интонации в первичных глаголах с акутированными корнями на

шумные, поэтому более надежны показания литовского, который 1 а.п. существительного и отсутствием метатонии в нем свидетельствует о (+)-валентности этого корня.

Доминантность корня *kel-*, как сказано выше, подтверждается акцентуационным поведением его в литовском словообразовании.

Корень *au-* обнаруживает (+)-валентность в славянском, где глагол *-*uti* относится к неподвижному акц. типу: вторичная а.п. *a* ⇌ а.п. *b*.

Корень *pirš-* относится к глагольным корням 1-го индоевропейского парадигматического класса, что определяет его первичную (+)-валентность.

II. Презенсы 3 л. *j-praesentia* ~ буд. вр. 3 л. тех же глаголов

Акут: первого вида – 1 ~ второго вида – 2

1. Северножемайтский

- 1) praes. 3. sg.-pl. *kā·iš*₁ ~ fut. 3. sg.-pl. *ka.iš*₂ ‘чистить’.

- 2) praes. 3. sg.-pl. *kūoš*₁ ~ fut. 3. sg.-pl. *kūoš*₂ ‘цедить’.

Циркумфлекс: первого вида – 1 ~ второго вида – 2

1. Северножемайтский

- 1) praes. 3. sg.-pl. *mē·iš*₁ ~ fut. 3. sg.-pl. *mē.iš*₂ ‘смешивать’.

- 1) praes. 3. sg.-pl. *rā·us*₁ ~ fut. 3. sg.-pl. *rā.u.s*₂ ‘рыть’.

Суффикс *-je-* первичных *j-praesentia* относится к доминантным суффиксам, морфонологический статус суффикса сигматич. буд. неизвестен, но ничто не препятствует предположению о его рецессивном характере.

III. Претериты на -é от глаголов *j-praesentia* ~ претериты на -é от парных к ним императивов

Акут: первого вида – 1 ~ второго вида – 2

1. Северножемайтский

- 1) *trā·uke*₁ ‘тянул(а, и)’ ~ *tra.ukē*₂ ‘дергал(а, и)’.

1. Севернопоневежский

- 1) *lā·uze*₁ ‘ломал(а, и)’ ~ *la.uže*₂ ‘разламывал(а, и)’

- 2) *gňā·uze*₁ ‘щемил(а, и)’ ~ *gňa.uže*₂ ‘мял(а, и)’.

- 3) *trā·uke*₁ ‘тянул(а, и)’ ~ *traa.ukē*₂ ‘дергал(а, и)’

Циркумфлекс: первого вида – 1 ~ второго вида – 2

1. Северножемайтский

- 1) *brā·uke*₁ ‘перечеркнул(а, и)’ ~ *brā.u.ke*₂ ‘перечеркивал(а, и)’

2. Севернопоневежский

- 1) *brā.ukē*₁ ‘перечеркнул(а, и)’ ~ *brāū.ke*₂ ‘перечеркивал(а, и)’

- 2) *plāū.ke*₁ ‘плыл(а, и)’ ~ *plāū.ukē*₂ ‘плавал(а, и)’.

- 3) *rāū.ke*₁ ‘хмурил(а, и)’ ~ *rāū.ukē*₂ ‘нахмуривал(а, и)’.

В левой группе форм мы имеем, по-видимому, отражение первично доминантного суффикса ютированных глаголов, в правой, скорее всего, вторично доминантный суффикс, возникший в результате стяжения рецессивного и доминантного суффиксов.

Для интерпретации обсуждаемого феномена важнейшее значение имеет первая группа форм. Как мы видели, она состоит из имен неподвижного

акцентного типа (подвижность акцента у соответствующих причастий в современном литовском является результатом генерализации подвижной акцентной парадигмы, произошедшей в позднее время), различающихся лишь морфонологическим статусом их суффикса. Достаточно надежно устанавливается и доминантный характер корней у данной группы имен. Таким образом, есть все основания объяснять представленное в этой группе просодическое различие ассимиляторным влиянием просодической характеристики суффиксального слога, отразившейся в его морфонологическом статусе, на корневой слог, подобным тому, которое привело к балто-славянской метатонии у соответствующих основ от рецессивных акутированных корней. Этому объяснению не противоречит вторая группа форм. Что касается третьей группы, то она в определенной степени даже поддерживает предложенную гипотезу. Так как в последней группе форм независимо от морфонологического статуса корней вообще отсутствует подвижный тип акцента, то здесь мы имеем, скорее всего, дело с противопоставлением первично и вторично доминантных формантов. Первые, как было показано выше, индуцировали метатонию в образованиях от рецессивных акутированных корней, вторые – такой способностью не обладали. Сама метатония являлась результатом ассимиляции “низкого акута” высокому регистру первично доминантного суффикса, при вторично доминантных суффиксах этой ассимиляции не происходило, так как начальный слог их имел не высокий, а восходящий контур, который сам являлся результатом ассимиляции первично низкого регистра высокому регистру следующего слога или результатом стяжения низкотонального слога с высокотональным. В обсуждаемой группе форм мы обнаруживаем тот же вид “просодического поведения”: первично доминантный формант преобразует балтийский акут доминантного корня и циркумфлекс в разновидности: акут 1 и циркумфлекс 1, – вторично доминантный формант такой способностью не обладает и при нем сохраняется старое состояние, которое обозначается авторами как акут 2 и циркумфлекс 2. Таким образом во всех группах форм обнаруживаются, по-видимому, следы процесса, приведшего к метатонии в образованиях с первично доминантными суффиксами от акутированных рецессивных корней. Диалектные данные, представленные А. Гирденисом и Г. Качюшкене, по-видимому, свидетельствуют о том, что этот ассимиляторный процесс проходил во всех просодических типах корней, специфика акутированных рецессивных морфем лишь та, что в них произошло совпадение разновидности “акут 1 в рецессивном корне (морфеме)” с одной из разновидностей циркумфлекса, тогда как в других случаях такого совпадения интоационных различий, возникших в силу действия правил Ф. де Соссюра и Ф. Бецценбергера, не произошло, а варианты, возникшие из-за указанной ассимиляции, после падения интонаций неударных слогов подверглись тенденции к унификации и сохранились лишь в отдельных литовских диалектах. Хотя обнаружение их в двух разногрупповых говорах ставит под сомнение их уникальность, и настоятельно требует тщательного обследования литовских диалектов для установления их ареала.

Литература

- Гирденис А., Качюшкене Г. Вторичные типы слоговых интонаций в литовских диалектах // Proceedings XIth ICPHS. The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. V. 5. Tallinn, 1987. P. 91–94.
- Дыбо В.А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецковские чтения 1973. М., 1973. С. 8–9.
- Дыбо В.А. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения // Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы. М., 1977. С. 41–45.
- Дыбо В.А. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 65–89.
- Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо В.А. Просодическая система тубу (группа тедаканури) – начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? Африканское историческое языкознание. М., 1987.
- Дыбо В.А. Типология и реконструкция парадигматических акцентных систем // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 7–45.
- Дыбо В.А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской. I. Некоторые дополнения к реконструкции балто-славянской акцентуационной системы // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989. С. 238–248.
- Дыбо В.А., Николаев С.Л., Замятин Г.И. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- В.М. Илич-Святович. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (р–q). М., 1984. С. 112–119.
- Качюшкене Г.Й. Фонологическая система северпаневежского диалекта литовского языка (Просодия и вокализм) Дис.... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984.
- Николаев С.Л. К исторической морфонологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования. 1982; М., 1983. Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986.
- Николаев С.Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986 (частично опубликовано в сб. Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 46–109).
- Николаев С.Л., Старостин С.А. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 261–343.
- Brauner S. Zur grammatischen Funktion prosodischer Merkmale im Bambara // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. 35, Hf. 2, s. 144–149 (1982).
- Dybo W.A. Accentuation processes in the languages of teda-kanuri group and problem of origin of paradigmatic accent systems // St. Petersburg Journal of African Studies (SPBJAS) 1994.
- Herms I. Ton und Intensität in Yoruba // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. 35, Hf. 2, s. 150–156 (1982).
- Sarauw Chr. Über Akzent und Silbenbildung in den älteren semitischen Sprachen. København, 1939.
- StNGL 1962 – Studies in New Guinea linguistics. Sidney, 1962.

Я. Зенюкова (Польша)

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Грамматическая категория числительного в польском и верхнелужицком языках

Приступая к сопоставительному изучению грамматических признаков какого-либо лексического класса в двух (или нескольких) языках, мы опираемся на материал текстов – устных и письменных, собственную языковую компетенцию и в значительной мере на уже существующие

грамматические описания каждого из этих языков. В этом последнем случае мы должны считаться с определенным давлением традиции в описании языковой системы, причем для отдельных этнических (национальных) языков эта традиция может различаться¹. Кроме того, следует учитывать и различия в принятой авторами этих описаний теоретической концепции и методе, т.е. неодинаковые принципы интерпретации языковых фактов. Понятно, что необходимо ответить на вопрос, что именно в сравниваемых описаниях является различием (контрастом) или общей чертой (сходством) двух языковых систем, а что из выявленных сходств и различий представляет собой по сути дела лишь вопрос традиции описания. Может случиться, что, сопоставляя два грамматических описания, мы не получим необходимого для сравнения материала, составляющего ясную картину данного языкового признака в каждом из языков.

В данной статье я хотела бы поделиться некоторыми замечаниями, возникшими в ходе анализа грамматической категории числительного в польском и верхнелужицком языках. Для обоих названных языков мы располагаем современными академическими грамматиками, которые появились несколько лет назад. Это 1. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart – Morphologie*, написанная Хельмутом Фасске в соавторстве с Зигфридом Михалком (изданная в 1981 г.)² (сокращенно: Fasske G., Gramatyka Łużycka); 2. *Gramatyka wstępnojęzyka polskiego*, написанная коллективом из десяти авторов, /ч. I/ *Składnia* (сокращенно: GWJP-S), /ч. II/ *Morfologia* (сокращенно: GWJP-M) (обе опубликованы в 1984 г.) (сокращенно: GWJP, Gramatyka polska)³.

Грамматическая категория, или функциональный класс лексем (в традиционных описаниях: часть речи), определяемый как “числительное” (лат. *numerale*, нем. *das Numerale*), охватывает совокупность слов, имеющих отношение к квантификации (что видно уже по названию). Подчеркивая только этот дистинктивный семантический признак, оставлю пока эту категорию без определения⁴.

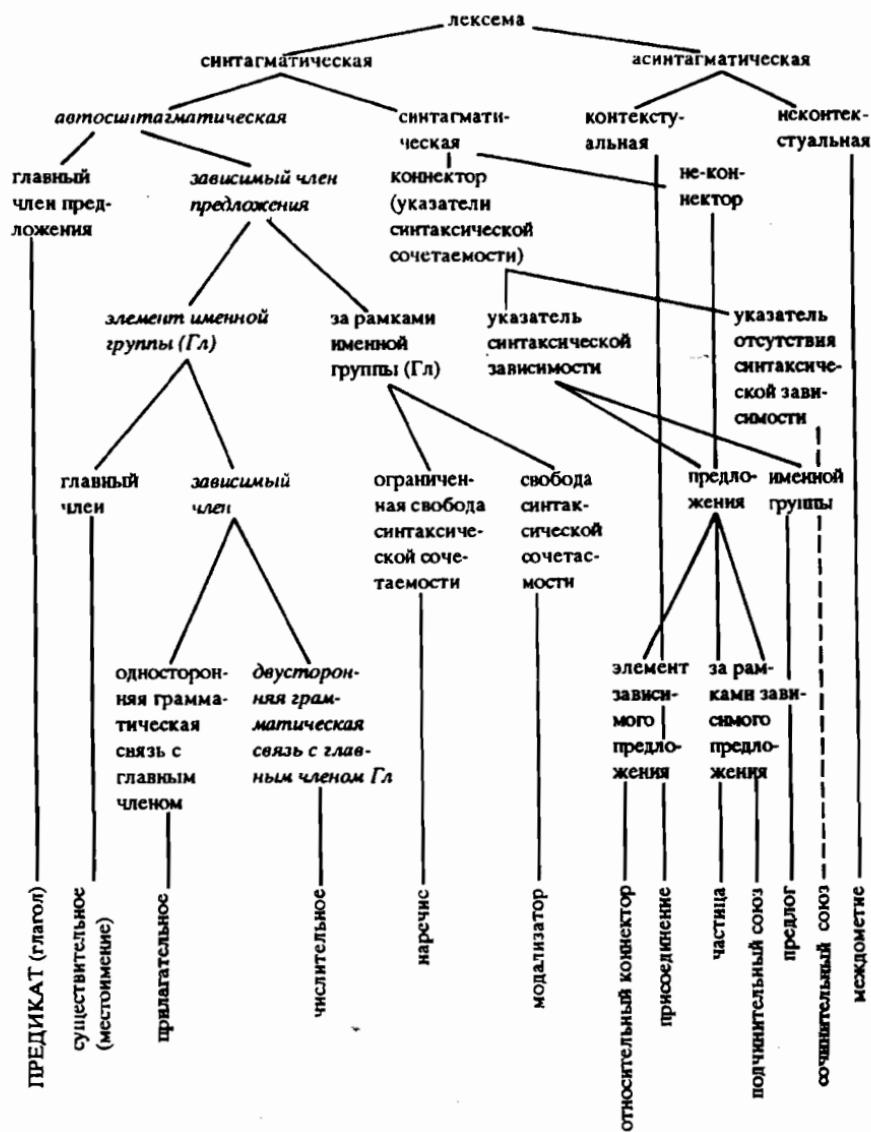
Ниже будут представлены только две, несомненно, принципиальные, проблемы, связанные с характеристикой грамматической категории числительных так, как она трактуется в названных грамматиках. Это: 1. дистинктивные признаки этой категории и ее отношение к другим грамматическим категориям данного языка, а также 2. область языка, охватываемая категорией числительного, и ее составляющие.

I. Числительные как класс лексем – дистинктивные признаки

Классификация лексики каждого из языков, выделение в ней функциональных классов в обеих грамматиках осуществляется на разных основаниях.

В Польской грамматике последовательно применяется синтаксический критерий классификации лексики. Переходя от анализа классов более общих к более частным, Грамматика представляет иерархическую систему, на низшем уровне которой выделяются 13 функциональных классов. Один из них – числительное (см. табл. 1). Авторы GWJP устанавливают, что синтаксическая классификация лексики не совпадает, а пересекается с

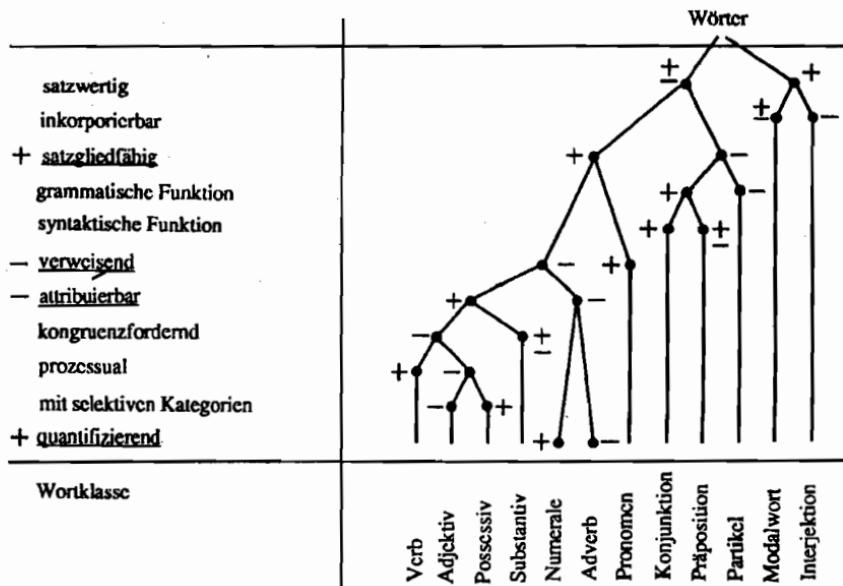
Таблица 1
Функциональные классы польских лексем (по GWJP-M, с. 32)

морфологической классификацией и что каждый из выделенных в соответствии с синтаксическим критерием функциональных классов имеет специфические морфологические и семантические признаки, которые, однако, охватывают не все относящиеся к нему слова, а определенную подгруппу, называемую авторами "ядром (центром) данной части речи" (с. 33).

Таблица 2

Классы верхнелужицких лексем (по Fasske G, s. 54)⁷

Основой классификации словаря в Лужицкой грамматике служат критерии, базирующиеся на выделенных Хельмутом Фасске дистинктивных признаках различных совокупностей слов. Классификация производится на основе одной, наиболее характерной для данной совокупности слов черты. Это синтаксические критерии, дополненные семантическими (в случае числительных главную роль играют именно последние, см. ниже). Морфологические критерии используются на более низком уровне классификации, т.е. при выделении подклассов в рамках частей речи (классов слов). Критерии выделения частей речи применяются не одновременно, а в соответствии с иерархией, методом исключения (принцип оппозиций)⁵. В результате этой операции имеем 12 классов слов, одним из которых является “числительное”.

Прилагаемые в обеих грамматиках схемы (деревья) демонстрируют классы слов и их соотношение в иерархических структурах данных языков (см. табл. 1 и 2)⁶.

Сравнение таблиц 1 и 2 позволяет сделать следующие выводы.

Польские числительные – в соответствии с GWJP–M (с. 32, см также с. 283) – это слова 1) автосинтагматические, или являющиеся составной частью высказывания (в качестве исходной функции); 2) выступающие в предложении как зависимый член, 3) использующиеся как составная часть именной группы, 4) образующие ее зависимый член, 5) характеризующиеся двусторонней грамматической связью с главным членом именной группы. Последний дистинктивный признак, свойственный только данному классу слов, требует более детального рассмотрения. Здесь речь идет о

Таблица 3
**Последовательность выразителей референции и количественной оценки
 в польской именной группе (по GWJP-S, с. 369)**

I 1 референционный оператор	I 2a цифровой оператор	12б название единицы измерения
напр. <i>te</i>	<i>dwa</i>	<i>kilo jablek</i>
<i>tamte</i>	<i>trzy</i>	<i>szklanki wody</i>
<i>jakieś</i>	<i>dwa</i>	<i>worki taki</i> и т.д.

таких именных группах, как, напр. *pięć kobiet (idzie)* при *pięciu mężczyzn (idzie)*, или *dwie kobiety (stoją)* при *dwaj mężczyźni (stoją)*, где “числительное определяет падеж и число синтаксически с ним связанного существительного (местоимения), в то время как грамматический род числительного определяется существительным” (GWJP-M, с. 36)⁸.

Основополагающим свойством числительных авторы Польской грамматики считают также способность этих слов обязательно занимать определенное место в именной группе (GWJP-M, с. 283, GWJP-S, с. 322, 369). Их место в максимальной последовательности выразителей референции (или указания на называемый предмет) и выразителей количественной оценки в именной группе (в польском) показывает табл. 3.

Нас будет интересовать цифровой оператор (в таблице – I 2a; о названиях единиц измерения речь пойдет ниже)⁹. Числительному (цифровому оператору) в именной группе могут предшествовать только определения, наделенные функцией указания на дефинитивность именной группы, т.е. слова типа *te, tamte, jakieś, takie*, а также квантификаторы *wszyscy, niektórzy*¹⁰ (см. I 1 – референционный оператор – в таблице 3). Другие определения в линейной последовательности именной группы занимают место после числительного (ср. GWJP-M, с. 283).

В Польской грамматике термин “определение” (“przymiotnik”) употребляется в широком смысле. В функции референционного оператора, стоящего в последовательности элементов именной группы перед цифровым оператором (числительным), по сути дела выступают так наз. местоимения – прилагательные (*zaimki przymiotne*). Следуя описанию Польской грамматики, типичную линейную последовательность именной группы с числительным можно представить в виде схемы (табл. 3а).

В Лужицкой грамматике вопрос положения числительного в именной группе не рассматривается. Верхнелужицким числительным – как показывает схема, приводимая в Fasske G (см. табл. 2) – приписываются два положительных признака (+, или наличие признака x) и два отрицательных (–, или признак, противоположный дистинктивному признаку, – одному из приведенных в левой части таблицы). Класс числительных в понимании X. Фасске – это слова со следующими признаками: 1) имеющие способность выступать в качестве части предложения (*satzgliedfähig*), как и в польском: автосинтагматические (см. выше), 2) не отсылающие (*nicht verweisend*), в отличие от местоимений, 3) не выступающие с атрибуутами (*nicht attribuierbar*), ср. в польском: обязательная позиция в именной группе,

Таблица 3а
**Порядок элементов польской именной группы с числительным
(основная именная последовательность)**

(предикат)	именная группа					
	референциональный оператор (указатель способа определения)	цифровой оператор (указатель количество) – числитель- ное	название единицы измерения	аттрибут – определение	конститу- ирующий элемент (главный член) именной группы – существо- тельное	
– так наз. местоиме- ние-прила- гательное	– кван- тификатор (местоиме- ние)					
(<i>przyszli</i>)	<i>jacyś</i>	–	<i>dwaj</i>	–	<i>nie śmiali</i>	<i>chlопcy</i>
(<i>podarły</i> <i>się</i>)	<i>te</i>	–	<i>dwie</i>	–	<i>moje</i> <i>ulubione</i>	<i>bluzki</i>
(<i>stracił</i>)	–	<i>wszystkich</i>	<i>pięciu</i>	–	<i>doswiadczo- nych</i>	<i>żołnierzy</i>
(<i>grzeją się</i>)	<i>tamte</i>	–	<i>trzy</i>	<i>szklanki</i>	<i>zimnej</i>	<i>wody</i>
(<i>zginęły</i>)	<i>te</i>	<i>wszystkie</i>	<i>cztery</i>	<i>worki</i>	<i>żytniej</i>	<i>mąki</i>

4) квантифицирующие (quantifizierend). Конституирующими признаком числительных на фоне других лексических категорий (в основе которых – оппозиции дистинктивных признаков), по Лужицкой грамматике, служит семантика, в то время как в Польской грамматике это грамматические, точнее, синтаксические свойства.

Сравнение самого низкого уровня обоих “деревьев” показывает, что лексический класс “числительные” в Лужицкой и Польской грамматиках характеризуется по-разному. Различия лежат в области интерпретации языковых фактов, по существу близких с точки зрения общей структуры языка (см. ниже).

Для исследователя, черпающего в этих Грамматиках данные для со-поставительного исследования, очень существенным является использование в них неодинаковых критериев классификации лексики, поскольку от того, какие признаки считаются дистинктивными для данной лексической категории, зависит объем самой категории, т.е. то, какие слова или комплексы слов, объединенных какими-либо общими чертами, будут в нее входить, а какие – нет.

Установив различия в общей характеристике интересующего нас класса слов, поставим следующие вопросы: 1) наделены ли верхнелужицкие числительные, как и польские, признаком двусторонней грамматической связи, занимают ли они определенное место в именной группе, а также: учитывались ли каким-то образом эти синтаксические признаки в Лужицкой грамматике; 2) в каком месте (на каком уровне?) описания польских

числительных в GWJP отражены их квантифицирующие потенции (понятно, что они обладают этим признаком); это чрезвычайно важно для установления соотношения между различными группами квантифицирующих слов, как, напр., пол.: *dwa, kilkoro, potrójny, trojaki, dwojako, czwórka, pół, wiele, mało, para* ‘две штуки чего-л.’, *kora* ‘60 штук чего-л.’.

Ответ на первый вопрос состоит в следующем. Хотя Х. Фасске не рассматривает материал в этом ракурсе, в описании (особенно согласования и управления числительных, с. 516–519) он приводит контексты, демонстрирующие сходство ситуаций с числительными в грамматических (синтаксических) системах верхнелужицкого и польского языков. Приведем несколько примеров из Fasske G. Для выявления грамматической связи я указываю число, падеж и грамматический род существительного, представляющего собой главный член именной группы.

А. Существительное в двойственном числе (*dualis*) — конструкции с числительным ‘2’.

— позиция субъекта (подлежащего) — *nominativus du.*:

/1/ *Wosebje dwaj listaj běštej wuraznej w tutym rjedźe* ‘особенно два письма выделялись в этом ряду’ — *masculinum*;

/2/ ...*měještej dwě džesći z nas do pincy zalězc'* ‘двоих из нас, детей, должны были спуститься в погреб’ — *neutrum*;

— позиция объекта (дополнения) — *accusativus du.*:

/3/ ...*wo mačeri kotraž bě ... dweju sýnow ... zhubila* ‘о матери, которая потеряла двух своих сыновей’ — *masculinum личн.*;

/4/ ...*za což jemu dwaj krošikaj płacieše* ‘за что ему заплатил два трояка (монеты)’ — *masculinum неличин.*;

/5/ *Kóždy dosta dwě kulce...* ‘каждый получил две пули’ — *femininum* (Все примеры со с. 509).

Б. Существительное во множественном числе (*pluralis*) — конструкции с числительными ‘3’, ‘4’, ‘5’ и т.д.

— позиция субъекта (подлежащего) — *nominativus pl.* и *genetivus pl.* (именные группы /10/, /11/, /13/, см. Fasske G, с. 516)¹¹; примеры показывают также позицию числительного в именной группе:

/6/ *Štyrjo Wjeleměrowi synojo padnychu w ... bitwje* ‘четыре сына Велемира пали в ... бою’ (511) — *masc. личн.*;

/7/ *Štyri konje běchu zapřehnjene* ‘четыре коня было запряжено’ (с. 512) — *masc. неличин.*;

/8/ *wšitcy šesćo šulerjo* ‘все шесть учителей’ (с. 516) — *masc. личн.*;

/9/ *ci sedmjo kralowje* ‘семь этих королей’ (с. 515) — *masc. личн.*;

/10/ *Te pjeć feńkow je falowalo* ‘не хватало этих пяти пфеннигов’ (с. 518) — *masc. неличин.*;

/11/ *Tamne džesać chězow su hio natwarjene* ‘те десять томов уже восстановили’ (с. 519) — *femininum*;

/12/ *zhładowachu šesćo pólscy wojaczy trochu zadžiwani* ‘смотрели шесть несколько удивленных польских солдат’ (с. 515) — *masc. личн.*;

/13/ *ležeše tam šěsc čerwjencych kulkow* ‘там лежало шесть красных шариков’ (с. 517) — *femininum*.

Представляется, что на основе анализа предложений такого типа, а также описания числительных в Лужицкой грамматике можно — опуская некоторые частные морфологические вопросы (как отсутствие склонения у части верхнелужицких числительных) — сделать вывод о их двусторонней грамматической связи и о таком же, что и в польском языке, месте в именной группе.

Фасске прямо не говорит о перечисленных синтаксических особенностях при определении класса числительных. Дистинктивные признаки (Merkmale) он формулирует так: "1. понятие числа, выражаемое цифрами; 2. неспособность быть определяемыми (аттрибутированными, детерминированными; нем. nicht determinierbar) адъективными и местоименными атрибутами; 3. отсутствие ограничительной определительной функции (атрибуции, детерминации; нем. determinative Funktion) в аттрибутивной позиции [т.е. когда числительное является определением существительного, напр. *sydom wsow* 'семь деревень'. — Я.З.]; область наименования [определяемого числительным. — Я.З.] не ограничена, а ее содержание не расширено [здесь речь идет о семантическом противопоставлении между синтаксическими единствами типа в.-луж. *jedyn kón* и *běły kón* — Я.З.], 4. собственные морфологические особенности (неклоняемость или специфическая парадигматика)" (Fasske G, s. 501).

Перечисленные признаки, — замечает Фасске, — позволяют легко отделить класс числительных от существительных со значением количества, как, напр. *meter, kilo, kora* '60 штук', *kos* (*běrnow* 'картофеля'), *škleíca, črjóda (hus)* 'стадо (гусей)', *rój; wjetšina (ludží)* (s. 501,ср. также s. 499). "Числительные, — пишет автор, — считают субстанции или признаки. От этих функций зависит их морфологическая характеристика" (Fasske G, s. 501). В связи с этим в качестве основного критерия выделения и описания числительных в Лужицкой грамматике используется семантический критерий (п. 1 и 3). Далее следует синтаксический критерий (п. 2 — неспособность быть определяемыми, что в какой-то мере соответствует позиции числительного в польской именной группе в трактовке GWJP — см. таблицу 3а) и морфологический (п. 4).

Чтобы ответить на поставленный выше второй вопрос (о признаке квантификации польских числительных), посмотрим на описание числительных в Польской грамматике с точки зрения Х. Фасске (семантический критерий как основа выделения числительных). В GWJP—S после установления синтаксических релевантных признаков этого класса слов (которыми, по Польской грамматике, являются: двусторонняя грамматическая связь с главным членом именной группы и определенная позиция в именной группе, см. выше) числительные (точнее, количественные, собирательные и квазичислительные вроде *kilka, trochę ...*) квалифицируются как основная лексическая группа среди прочих именных групп со значением количественной оценки. "Соответствующие лексемы информируют о количественном составе референтов соответствующих именных групп [или о количестве называемых объектов. — Я.З.] посредством соотнесения с арифметическим рядом" (GWSP—S, s. 369). Таким образом, Польская грамматика упоминает квантитативную функцию числительных

лишь во вторую очередь (после синтаксических признаков). Морфологические признаки (отношение к категориям числа, падежа и рода), в связи с которыми "числительные представляют собой внутренне неоднородный класс" (GWJP—M, с. 286), учитываются здесь на низшем уровне описания, т.е. при определении отдельных классов числительных. На этом уровне применяются и некоторые классификационные семантические критерии (см. ниже).

II. Объем класса числительных и его структура

Как уже говорилось, Фасске исключает из области числительных такие слова, как *kilo*, *rój* и т.д., или общепринятые названия единиц измерения. Так же, хотя и по другим причинам (см. выше таблицу 3), поступают авторы Польской грамматики. Аналогичным образом выглядит ситуация с так наз. порядковыми числительными (*drugi*, *trzeci*), отнесенными в обоих описаниях к прилагательным.

Польская и Лужицкая грамматики по-разному трактуют такие традиционно относимые к числительным (так наз. неопределенные числительные: *liczebniki nieokreślone*) слова, как в.-луж. *wiele*, *mnoho*, *malo* и т.п., пол. *wiele*, *dużo*, *malo*, *tyle*, *trochę* и т.п. На том основании, что эти лексемы не обозначают количества, которое можно было бы выразить цифрами, и что их семантика проясняется только из контекста или ситуации, Фасске считает их не числительными, а неопределенными местоимениями-числительными (*numeralische Indefinitpronomen*).

С другой стороны, в Польской грамматике эти слова относятся к неопределенным партитивным числительным. Партитивные (частичные) числительные — это, по мнению авторов грамматики, периферийный подкласс числительных. Они не называют цифры, но "информируют о величине какой-либо части несчитаемого объекта (напр. субстанции: *trochę wody* [...] или о величине части совокупности считаемых объектов (ср. напр. *dużo osób* [...]))" (GWJP—M, с. 284). Соответствия другой группы польских частичных числительных, или партитивных определенных (так наз. дробных числительных: *ulamkowych*) *pół*, *półtora*, *ćwierć*, трактуются Лужицкой грамматикой так: *pol*, *poldra* 'полтора' причислены к количественным числительным, тогда как *śtwórć* (как и в польском, несклоняемое слово) признано существительным. Партитивные числительные [я использую этот термин вслед за GWJP—M] — это немногочисленная группа слов без ярко выраженных признаков, неудивительно поэтому, что исследователи сталкиваются с трудностями при их описании и квалифицируют их по-разному.

Обе грамматики выделяют три подкласса числительных. Два из них совпадают (если отвлечься от частных различий), третий же класс Лужицкой грамматики не имеет соответствия в Польской, и наоборот.

Это иллюстрируют следующие схемы (таблицы 4 и 5), где первая взята из Fasske G (с. 504), вторую же я составила по описанию GWJP—M (с. 283—286 и 36—37).

Сравнивая схемы классов числительных в верхнелужицком и польском языках следует помнить, что мы имеем дело с близкородственными языками, и что поэтому следует ожидать значительного сходства

Таблица 4

**Класс числительных в верхнелужицком языке — структура
(по Fasske G, s. 504)**

	Kardinalia		Kollektiva	Differentialia	
	Kongr. Form	Inkongr. Form		Kongr. Form	Inkongr. Form
Art zählend	±	±	±	+	+
Exemplare	+	+	±	-	-
zählend					
jedyn/pol	jónu	jedyn	dwojci	dwojaki	dwojako
dwaj/poldra	dwoice	dwoji	trojci	trojaki	trojako
tróji/poltręća	trójce	tróji			

Комментарий: сокращение Kongr. Form обозначает функционирование в высказывании при словах, требующих сочинительной связи; сокращение Inkongr. Form — функционирование при словах, не требующих сочинительной связи, в основном при глаголах (несклоняемые числительные); знаки +, -, ± последовательно обозначают: наличие данного признака, наличие противоположного признака, отсутствие признака (индивидуальность по отношению к данному признаку); Art zählend — считаемые категории и виды (данной субстанции); Exemplare zählend — считаемые экземпляры, единицы.

Таблица 5

**Класс числительных в польском языке — структура
(по описанию GWJP—M, s. 283—286 и 36—37)**

Языковой признак	Количественные числительные		Собирательные числительные		Партитивные числительные	
	определенные	неопределенные	определенные	неопределенные	определенные	неопределенные
Цифровая квантификация элементов совокупностей считаемых объектов	+	+	+	+	-	-
	jeden dwa	kilka parę (и формы, производ- ные от:)	jedne dwoje	kilkoro kilkań- cioro	pół półtora	ile, ileś ilekol- wiek
	oba		oboje	kilkad- ziesięcioro	ćwierć	tyle
	trzy		troje			wiele
	pięć	-naście	pięcioro			dużo
	czter- dzieści	-dziesiąt	czterna- scioro			malo
		-set				trochę
	sto		dwadzie- ścioro			

Примечание: в таблице не отмечены синтаксические и морфологические признаки.

Комментарий: знак — обозначает противоположный (по отношению к произнаму, обозначенному как +) признак (т.е. партитивная, а не цифровая квантификация — информация о величине части несчитаемого объекта (*wiele czasu*) или о величине части совокупности считаемых объектов (*tylu ludzi*)).

языковых явлений, особенно когда — как в случае числительных — речь идет о феноменах из области лексических классов, относящихся к наиболее древнему слою языка и часто употребляемых (что касается по крайней мере основной части всей совокупности слов, т.е. обозначений понятий, соответствующих ряду чисел от одного до десяти).

Два основных класса числительных¹² — количественные и собирательные числительные — совпадают (если не принимать во внимание второстепенные различия в их объеме) в обоих языках. Расхождения в грамматике проявляются там, где речь идет о периферийных фактах, находящихся на границе различных языковых категорий.

Формации, образуемые от числительных с суф. *-aki* и *-ako* (последние не склоняются), как *dwojaki*, *pięcioraki*, *trojako* Фасске считает классом "различающих" числительных (или "отличающих"; нем. *Differentialia*). При этом он исходит из способности этих слов считать и одновременно различать виды (*Arten*) той же субстанции, напр. *dwojake durje* 'двери двух разных видов, двойные двери'. В Польской грамматике такой класс числительных не выделяется, хотя в польском языке существуют идентичные формации (напр. *dwojaki sposób*, *dwojako rozmieśc*). Авторы GWJP на основе принятых критериев классификации лексем исключили эти слова из класса числительных (к которому их причисляла традиционная грамматика), отнеся их (ввиду синтаксической и морфологической специфики) к классам прилагательных (с суф. *-aki*) и наречий (с суф. *-ako*).

По GWJP, в польском языке существует самостоятельный класс партитивных числительных (напр. *pół*, *malo*, ср. выше). Он выделяется — как и подклассы "определенных" и "неопределенных" числительных — на основе семантического критерия. Относимые сюда слова известны и верхнелужицкому языку, но Фасске не выделяет такой категории, поскольку релевантным для числительных он считает семантический признак "счета", не учитывая при этом признака 'информация о величине части объекта или совокупности объектов'. В результате соответствия польских неопределенных партитивных числительных (напр. в.-луж. слова *wjèle*, *trochu* ...) Фасске рассматривает как неопределенные местоимения (ср. Fasske G, s. 606—607), тогда как соответствия польских определенных партитивных числительных он трактует следующим образом: *ćwórć* 'четверть' считает существительным (без подробного обоснования, s. 501), а *pol*, *poldra* называет числительными, но помещает их в класс количественных числительных. Различная оценка перечисленных слов в Fasske G непонятна, тем более, что как понятие 'четверть', так и 'пол', 'полтора' имеют цифровое выражение 1/4, 1/2, 1 1/2.

Рассмотренные различия между классами верхнелужицких и польских числительных (ср. таблицы 4 и 5) — это различия в области интерпретации языкового материала. Могут быть, однако, и системные расхождения: подкласс, представленный верхнелужицкими количественными несклоняемыми числительными, образуемый лексемами *jópi*, *dwójce*, *trójce*, не имеет аналогии в современном польском литературном языке. Соответствующее содержание передается здесь при помощи наречных выражений: (*jeden*) *raz*, *dwa razy*, *trzy razy*.

Классы числительных, признаваемые в обеих грамматиках основными, а именно, количественные и сбирательные числительные, выделяются в Польской грамматике на основе морфологических признаков. Первые имеют морфологические категории падежа и рода, вторые — только падежа, будучи нейтральными относительно рода¹³. Кроме того, как указывается в GWJP—M, эти классы различаются между собой типом парадигмы (здесь я опускаю частные расхождения в парадигмах лексем, относящихся к количественным числительным). В GWJP—M (s. 291) отмечается также словообразовательная специфика сбирательных числительных, являющихся "лексемами, словообразовательно мотивированными соответствующими им количественными числительными" и отличающихся супф. *-oj-* (слова, обозначающие числа '2', '3') или *-or-* (остальные слова этой группы).

Количественные и сбирательные числительные, по Лужицкой грамматике, различаются некоторыми семантическими признаками: последние не ограничиваются лишь обозначением числа объектов данной субстанции; кроме того, числительные с супф. *-oj-*, *-or-* выражают также кратность, т.е. 1. "число элементов или совокупностей элементов какой-л. субстанции или явления" (напр. *dwoji kwas* 'двойная свадьба'), 2. число видов (категорий) какой-л. субстанции (напр. *w dwojej podobje* 'в двух видах') (Fasske G, s. 524). Эти два класса числительных обнаруживают также морфологические различия (см. Fasske G, s. 504, 523—524). Верхнелужицкие количественные числительные не имеют словоизменительной категории числа, а категории рода и падежа свойственны им лишь в ограниченном объеме. В то же время "сбирательные числительные, — пишет Фасске, — имеют формы для выражения согласовательных категорий рода, падежа и числа, а также одушевленности и "личности" (s. 523). В этом — принципиальное отличие системы верхнелужицкого языка от польского¹⁴. Словообразовательная же структура сбирательных числительных в обоих языках тождественна: мотивация количественными числительными при соединении с супф. *-oj-*, *-or-* (ср. в.-луж. *dwoji, rjećory*) (Fasske G, s. 523)¹⁵.

Представленное выше сравнение, как и сопоставление полных описаний языковой категории числительных в двух западнославянских языках, — описаний, осуществляемых авторами с различными исходными принципами интерпретации языкового материала (в GWJP — синтаксический критерий, в Fasske G — семантический при учете признаков, относящихся к различным уровням языка), позволяет сделать следующие выводы.

Западнославянские числительные представляют собой весьма сложную грамматическую категорию. Для их интерпретации (различного рода классификаций, выяснения соотношения с другими языковыми категориями и классами слов) следует использовать критерии, относящиеся к нескольким уровням языка. Именно так, несмотря на различные исходные принципы, поступают по сути дела авторы обеих сравниваемых грамматик. Расхождения же относятся к уровню анализа языковых фактов, на котором вводятся синтаксические, семантические и морфологические критерии, а также к причисляемым в одном из сравниваемых описаний дополнительным по отношению к основному признаку элементам. Таким образом, в обеих грамматиках в качестве специфического для

числительных семантического признака выделяется 'определение количества объектов, называемых существительным' (главным членом именной группы), но только Fasske G. вводит также условие цифрового отражения этого количества. В результате в.-луж. *trochu* 'немного', *mało* и т.п., в отличие от их польских соответствий (в интерпретации GWJP цифровая презентация не является релевантным признаком), не могут квалифицироваться как числительные. Противоположным образом в Польской и Лужицкой грамматиках выглядит ситуация с семантическим признаком партитивности (см. выше).

Несмотря на различные принципы интерпретации языковых фактов, используемые авторами Польской и Лужицкой грамматик, в обоих языках числительные как функциональный класс лексем можно сравнивать с точки зрения их места и функции в языковой системе. Каждое из сопоставляемых описаний очерчивает центр этой грамматической категории и по-разному называемые, но по сути идентичные периферийные явления (признаки совокупности слов).

Перевод М. А. Осиповой

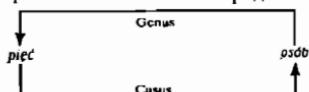
Примечания

- ¹ Примером может служить описание грамматического рода существительного в словацком языке. В словацких грамматиках говорится о категории одушевленности в singularis и pluralis, тогда как во множественном числе здесь имеем, как и в польском, лично-мужскую категорию (см. Zieniukowa J. *Rodzaj męski osobowy we współczesnych językach zachodniosłowiańskich*. Wrocław, 1981, о словацком языке см. с. 82—103).
- ² Fasske H. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Verfasst von Helmut Fasske unter Mitarbeit von Siegfried Michalk. Morphologie. Bautzen, 1981 (автором раздела 6 "Das Numerale" является Х. Фасске), сокращ. Fasske G. См. рец. Bělicočová H. (in:) Slavia, Roč. 52, Pr., 1983, s. 401—407.
- ³ Gramatyka współczesnego języka polskiego. Red. naukowy S. Urbańczyk. Instytut Języka Polskiego PAN. (część I) Grochowski M., Karolak S., Topolińska Z. Składnia. W-wa, 1984; (część II) Grzegorczykowa R., Kallas K., Kowalik K., Laskowski R., Orzechowska A., Puzymina J., Wróbel H. Morfologia. W-wa, 1984 (сокращ. GWJP, GWJP—S, GWJP—M).
- ⁴ О комплексных дистинктивных признаках славянских числительных см. Супрун А.Е. Славянские числительные. Минск, 1969; Он же. Эволюция системы частей речи в славянских языках. Минск, 1988.
- ⁵ Для того, чтобы более точно передать этот нетривиальный принцип классификации словаря, приведу некоторые положения Х. Фасске в оригинале: "Die Wortklassen konstituierenden distinktiven Merkmale können nicht der Summe aller syntaktischen, morphologischen und semantischen Eigenschaften der Lexeme entsprechen" (s. 51), "Auf der Grundlage aller syntaktischen, morphologischen und semantischen Besonderheiten von Wortgruppen werden innerhalb von Wortarten einzelne Subklassen ermittelt, Wortarten dagegen nur auf Grund einiger weniger und für Gruppierungen von Subklassen typischer Erscheinungen" (s. 51—52).

⁶ Подчеркнуто в таблицах мною.

⁷ Объяснения приводимых в таблице немецких терминов см. ниже.

⁸ Подробнее об этом см. Saloni Z. Związk z osobową formą czasownika w systemie składniowym języka polskiego. Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego 32, 1974, s. 19—33, где двусторонняя грамматическая связь представлена в виде схемы (s. 23).

⁹ В GWJP—S отмечается (s. 369—370), что составные числительные, или синтаксические последовательности типа *dzwadzieścia pięć...*, "в отношении дистрибуции эквивалентны

формам одиночных числительных". В настоящей статье эти числительные специально не рассматриваются.

- ¹⁰ В GWJP нет примера именной группы с числительным и словом *niektórzy*. Очевидно, имеются в виду конструкции типа: *niektórzy z dziesięciu uczniów*.
- ¹¹ О трудных для интерпретации синтаксических конструкциях с числительным в именной группе и подлежащим в форме родительного множественного см. напр. Zieniukowa J. Op. cit., s. 54–57 (на польском материале), s. 111, 114 (на лужицком).
- ¹² Ср. следующее замечание: "Поддающийся синтаксической дефиниции класс числительных охватывает только количественные и собирательные числительные" (GWJP—M, s. 36).
- ¹³ В связи с категорией числа в GWJP—M (s. 286) утверждается, что количественные и собирательные числительные "имеют классификационную категорию числа (синтаксические *pluralia tantum*)", т.е. (кроме слова *jeden*) они входят в синтаксические сочетания с существительными во множественном числе. В Польской грамматике не упоминается тот факт, что эти числительные не имеют словоизменительной категории числа (они нейтральны в этом отношении).
- ¹⁴ Сопоставительное описание польских и верхнелужицких собирательных числительных (лексические, семантические, функциональные и морфологические признаки) представлено в моей статье: Zieniukowa J. Liczebniki z sufiksami -oj-, -or- w języku polskim i górnoluzycyckim // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. VII. W-wa, 1988, s. 499–508.
- ¹⁵ Среди прочих собирательных числительных Фасске приводит также *jedyn*, считая его словом, омонимичным соответствующему количественному числительному.

Толстая С.М. (Россия)

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ НА УРОВНЕ МОРФОНОЛОГИИ: ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как самостоятельный раздел морфонология представлена лишь в новейших грамматиках славянских языков (в частности, русского и польского), хотя история разработки морфонологической проблематики в славистике, связанная прежде всего с именами Н.С. Трубецкого, Г. Улашина, Ю. Куриловича, Р. Якобсона, А.В. Исаченко, Д.С. Ворта и др., насчитывает уже более полувека. Неслучайно, что среди славянских языков именно польский и русский оказались наиболее изученными в отношении морфонологии. Благодаря работам Э. Станкевича 60-х годов, славистика располагает не только описаниями морфонологических средств и моделей отдельных языков, но и некоторыми наблюдениями из области сравнения и типологии славянских языков на уровне морфонологии, хотя возможность систематического сопоставления их в этом плане появилась лишь в недавнее время, после осуществления ряда специальных теоретических и практических исследований на польском (работы Р. Лясковского, Б. Дуная, К. Ковалик и др.), русском (работы В.Г. Чургановой, В.В. Лопатина, А.К. Поливановой, Н.Е. Ильиной и др.), болгарском (Г. Аронсон, Т.В. Попова и др.) материале.

Трудность сравнительного описания морфонологии славянских языков, в частности польской и русской, усугубляется различием научного подхода к задачам, объекту, единицам морфонологии, различием терминологии и системы понятий не только между представителями отдельных

национальных научных традиций, но и внутри каждой из них. Известно, например, что в морфонологии существуют разные понимания морфо-немы, восходящие к концепции Трубецкого (морфонема — минимальный компонент морфемы, т.е. серия чередующихся в пределах морфемы фонем) и Улашина (морфонема — минимальный компонент морфа, т.е. альтернат). Тот факт, что в русской лингвистической традиции морфонема в смысле Улашина фактически не получила признания, безусловно, объясняется господством московской концепции фонемы, которая практически адекватна улашинской морфонеме (ср. критику этого понятия у А.А. Реформатского). Серьезные различия в методике и результатах морфонологического описания вытекают также из общих установок авторов на анализ или синтез, на реляционное или операционное понимание морфонологических явлений, на глубинное или "поверхностное" представление фактов и т.п. (ср. дискуссию между В.В. Лопатиным и И.С. Улухановым, с одной стороны, и А.В. Исаченко, Д.С. Вортом и другими представителями генеративного направления в морфонологии, с другой).

Очевидно, что сама возможность и эффективность сопоставления разных языков (например, польского и русского) зависит не только от степени изученности соответствующих фактов, но и — в большой мере — от избранного подхода. В самом общем виде эту зависимость можно определить так: чем более "поверхностным" будет такое сопоставление, т.е. чем больше оно будет ориентироваться на внешний облик сравниваемых явлений, тем более далекими и менее сопоставимыми окажутся морфонологические системы и тем сложнее и запутаннее будет выглядеть схема соответствий между ними. И наоборот, чем более глубинным и более "операционным" будет уровень их сопоставления, тем больше сходства будет обнаружено в самих механизмах морфонологических систем родственных языков, сходства, обусловленного общностью их исторического развития. С другой стороны, на фоне этих сходных (или даже единых) механизмов будут отчетливее видны различия средств их формального выражения, их функциональной нагруженности, лексической мощности, продуктивности и т.п.

Если при "глубинном" описании одного языка, как это не раз отмечалось, реконструируются какие-то элементы, отношения или функции, имеющие лишь диахроническую (историческую) значимость (напр., могут "восстанавливаться" редуцированные, ять и т.п.), то тем более это имеет место при сопоставлении родственных языков, т.е. при расширении рамок сравнения и углублении исторической перспективы. Так, в частности, стремление к экономному, независимому описанию морфонологии глагола в польском и русском языке одинаково приводит к необходимости признать функциональную морфонологическую значимость исторических тематических глагольных показателей, которые традиционно принадлежат исторической морфологии и, как правило, не фигурируют в синхронных описаниях современного славянского глагола. Еще более очевидной становится роль этих показателей при сравнении фактов польской и русской морфонологии.

Морфонологическая модель глагольного словоизменения включает

сведения о морфонологических признаках и типах глагольных основ и глагольных аффиксов, правила введение аффикса для каждой данной основы или типа основ (если некоторая грамматическая форма обслуживается более чем одним аффиксом) и правила преобразования полученных цепочек морфем в фонологически правильные последовательности морфов. Трудность, однако, состоит в том, что ни набор основ, ни набор аффиксов не дан исследователю в чистом виде. Исследователь оперирует лишь целыми словоформами, которые он расчленяет на морфы (нередко произвольно), получая в результате (после объединения алломорфов) искомый набор основ и аффиксов. То, что проблема сегментации глагольной словоформы достаточно сложна и далеко не всегда решается однозначно, очевидно хотя бы из сравнения разных описаний одного языка, в которых постулируются различные наборы морфем. Так, при описании польского спряжения могут постулироваться единые для всех классов глаголов флексии настоящего времени (-ć, -tu, -ce), но может быть предложен и список, содержащий втрое больше флексий: (-ć, -eć, -ić; -tu, -etu, -itu; -ce, -eće, -iće). Аналогично для форм страдательных причастий прошлого времени постулируются либо только суффиксы (-n, -t), либо также и суффиксы (-an, -en, -on, -et) и т.п. Очевидно, что при разных исходных наборах морфем получаются разные правила их сочетаемости. И хотя в какой-то степени такая произвольность неизбежна, некоторые формальные критерии сегментации глагольных словоформ позволяют ее существенно ограничить. Известно, что сигналом морфемной границы служат некоторые виды фонемных чередований, в частности, консонантные чередования. Например, наличие консонантного чередования /s/-/š/ в словоформе (*pišeć*), выявляемого из сопоставления ее с другими словоформами глагольной парадигмы (*pisać*, *-pisany* и т.д.), однозначно указывает на морфемную границу /*pi*š-eć/, независимо от того, членится ли далее часть /-eć/ на /-e-ć/ или нет и какие значения приписываются выделенным морфам. В противном случае, т.е. при членении /*pi*še-ć/, мы получили бы консонантное чередование /s/-/š/, происходящее в нестандартных условиях внутри морфемы. Другим формальным критерием может служить сам характер предполагаемых данной сегментацией морфонологических преобразований: безусловно, следует предпочесть сегментацию, приводящую к регулярным преобразованиям, в частности, к чередованиям, представленным не в уникальных или изолированных примерах, а в целых сериях словоформ. Точно так же при прочих равных условиях следует предпочесть такую сегментацию, которая предполагает морфонологические преобразования в естественных и стандартных условиях.

Одна из главных трудностей в описании глагольного словоизменения связана с определением глагольной основы. За известной статьей Р.О. Якобсона о русском спряжении последовала целая серия работ, где вместо традиционных двух глагольных основ (условно — основы настоящего времени и основы прошедшего времени или инфинитива) постулируется (в частности, для русского и польского спряжения) единная для всей парадигмы исходная глагольная основа, от которой путем

присоединения аффиксов и применения необходимых регулярных правил преобразования может быть получена любая конкретная глагольная словоформа. В качестве такой единой исходной основы выступают для части глаголов традиционные основы прош. времени и инфинитива, содержащие не предсказуемый по другим формам гласный (собственно тематический гласный: в рус. *a, e, i, o, u*, в польском — *a, e, i, q*), для других — традиционная основа настоящего времени и императива, содержащая "непредсказуемый" *j*, функционально тождественный тематическому гласному "вокалических" исходных основ (в русском и польском продуктивные классы *читать* — *читают*, *краснеть* — *краснеют*, польск. *czytać* — *czytajq*, *lysieć* — *lysiejq*). Существенным морфонологическим признаком такого гласного и *j* в исходе основы является их усекаемость перед следующей вокалической или открытой (т.е. начинающейся с гласного) морфемой. Такая позиция характерна для всей подсистемы форм наст. времени, где за вокалической основой следует тематический элемент *e(o)* или *i*, независимо от того, трактуется ли он как самостоятельная морфема или считается компонентом флексии, т.е. членится ли словоформа *pisa + e + e᷑* или *pisa + e᷑* (реальные формы получаются путем усечения *a* и консонантного чередования *s* — *᷑*). Усекаемость обеспечивает двухвариантность каждой отдельной основы: если исходная основа имеет закрытый вид (тип *čitaj-*, *krasn'ej-*) и в силу этого свободно сочетается с вокалическими и неприкрытыми аффиксами (*čitaj-i*, *čitaj-e᷑*), то усеченная основа имеет вокалический исход (*čita-*, *krasn'e-*), свободно сочетающийся с консонантными и прикрытыми (начинающимися с согласного) аффиксами (*čita-l*, *čita-t'*) и наоборот — усечение открытых основ, свободно присоединяющихся консонантные и прикрытые аффиксы, превращает их в закрытые и облегчает их сочетание с вокалическими и неприкрытыми аффиксами. Вне этой двухвариантности остаются только немногочисленные собственно консонантные основы (основы с нулевым тематическим показателем), сохраняющие постоянный закрытый вид. В глаголах с такими основами присоединение прикрытых и консонантных аффиксов регулируется иными средствами — прежде всего фонемными модификациями основы (чередованиями). Такая морфонологическая модель является универсальной для глагольного словоизменения всех славянских языков.

Сам факт усекаемости тематических элементов и регулярность таких усечений служат достаточным аргументом в пользу их морфологической самостоятельности. Однако морфонологическая функция этих элементов отнюдь не ограничивается тем, что они выступают как некая вокалическая или йотовская прокладка на стыке основы и аффикса. Их более глубокая и существенная роль состоит в том, что они определяют принадлежность глагола к одному из словоизменительных (морфологических и морфонологических) классов, объединяющих глаголы с идентичными показателями и разделяющих глаголы с различными показателями. Иначе говоря, разным типам исходных глагольных основ (основ с разными тематическими показателями) соответствуют разные морфонологические модели словоизменения, т.е. разные правила в *б о р а* словоизме-

нительного аффикса (при наличии синонимичных для данной формы аффиксов) и правила *образования* полученных цепочек морфем в фонологические правильные последовательности морфов.

И в польском, и в русском многие грамматические формы глагола обслуживаются рядом аффиксов с одинаковым значением ("синонимичных"), среди которых есть как неприкрытие, так и прикрытие, т.е. приспособленные к сочетанию и с закрытыми, и с открытыми вариантами основ (ср. личные окончания наст. времени — *e*-серия, *i*-серия, в польском также нулевая серия: *-m*, *-s*, *ø*, *-tu*, *-ce*, *-q*; суффиксы императива: рус. *ноль*, *-i*, польск. *нуль* и *ij*; суффиксы страдательных причастий: польск. *an/on/et/n/t*, аналогично русск.; суффиксы деепричастия, польск. герундия). Казалось бы, такая двойная, взаимная морфонологическая ориентация сочетающихся морфов (со стороны основ и со стороны аффиксов) избыточна. Дело, однако, в том, что вариативность аффиксов носит совершенно иной характер, чем вариативность основы, — не "приспособительный", а имманентный. Выбор одного из альтернативных аффиксов определяется не тем, открытый или закрытый характер имеет исходная основа, а тем, какой именно фонемный исход она имеет, каков ее тематический показатель. Напр., в польском выбор из трех серий окончаний наст. времени подчиняется следующему правилу: йотовые основы на *-a* и *-ej* присоединяют флексии нулевой серии, остальные йотовые основы, все консонантные основы и вокалические основы на *-a* и *-q* присоединяют окончания серии *e*, вокалические основы на *-i* и *-e* — окончания *i*-серии. Аналогичные правила действуют при образовании форм страдат. причастий, повелит. наклонения, герундия и соответствующих форм русского глагола.

Вместе с тем нетрудно заметить, что отношения между синонимическими аффиксами внутри каждого набора неодинаковы: одни из них представляют собой действительно самостоятельные альтернативные аффиксы, различие между которыми не может быть устранено путем переформулировки вида основ, к которым они присоединяются. Таковы польские флексии *ę* и *t* в парадигме наст. времени, польские и русские суффиксы императива, суффиксы *n* и *t* страдательного причастия и др. В других случаях выбор осуществляется между материально сходными аффиксами, представляющими собой как бы морфонологические варианты одного аффикса. Таковы флексии 2 ед. и 2 мн. наст. времени, суффиксы *an/on/n* и *t/et* страд. причастий прош. времени, польские суффиксы *n/en* и *ć/eć* герундия. Необходимость выбора между такими морфонологическими вариантами зависит от того, как определяется исходный вид основы и соответственно — как проводится граница между основой и аффиксом. Очевидно, что наблюдаемые в этих вариантах различия при ином представлении структуры глагольной словоформы могли бы быть отнесены к основе, для которой пришлось бы определять дополнительные чередования исходного гласного и, следовательно, большее число вариантов. Напр., можно было бы весь ряд альтернативных суффиксов страдательных причастий *an/on/n/et/t* редуцировать за счет объединения морфонологических вариантов до альтернативы *n/t*. П.следствием такого

решения для польского должны быть правила, предписывающие нестандартное чередование *i* — *o* с сопутствующим ему консонантным чередованием, напр. *wodzić* — *wodziony*: *wodzi-* + *n* → *wodzi-*, *nosić* — *noszony*: *nosić-* + *n* → *noszoni-* или стандартное чередование *a* — *e* с немотивированным консонантным чередованием (*dźwignąć* — *dźwignięty*), т.е. существенное усложнение морфонологических правил преобразования основы. Еще труднее было бы переформулировать правила выбора между сериями презентных флексий в правила чередований исходных гласных полной или усеченной основы, в особенности если учесть глаголы с консонантными основами, где вообще нет такого гласного, вследствие чего присоединение флексий с гласными все равно должно быть постулировано.

Таким образом, устранение сложности в системе аффиксов неизбежно ведет к усложнению морфонологической характеристики исходной основы или правил преобразования основы и наоборот. Стремление строго и последовательно провести какую-то одну линию описания, напр., стремление к максимальной простоте и однозначности представления основы или к минимальному набору аффиксов или, наконец, к минимальному числу наиболее регулярных чередований неизбежно приводит к громоздкости и неестественности представления морфологической системы, и потому задача исследователя, видимо, состоит в том, чтобы найти разумное равновесие между тремя механизмами, регулирующими структуру и взаимоотношение глагольных морфем в составе парадигмы: морфонологической организацией исходной основы, инвентарем и морфонологическими свойствами присоединяемых к ней аффиксов и, наконец, характером правил, преобразующих стыки между основой и аффиксами внутри словоформ.

Вместе с тем, нельзя не признать, что в некоторых случаях альтернативные (в указанном выше смысле) решения об организации отдельных форм оказываются с точки зрения простоты описания как бы равнозначными. Тогда выбор между такими решениями может определяться какими-то дополнительными соображениями, прежде всего соображениями экономии, простоты и последовательности описания всей системы в целом, а не только данного ее фрагмента или отдельного факта. Руководствуясь этим принципом, исследователь бывает вынужден в каком-то частном случае избирать не оптимальное для этого частного случая решение. Так, напр., польские формы страд. причастий прош. времени и герундия от глаголов с основой на *-a* могут трактоваться как содержащие соответственно суф. *an*, *ai* и как содержащие суф. *n*, *ń*. В первом случае присоединение неприкрытых суффиксов к вокалической основе должно вызвать по общему правилу усечение конечного гласного основы, причем усечению в данном случае подвергается тот самый гласный, который затем присоединяется к основе уже в качестве первого элемента суффикса: *pisa-* + *an* → *pisan-*, *pisa-* + *ai* → *pisań-*. Альтернативное решение, несомненно, отличается большей естественностью и простотой, т.к. в этом случае вокалическая основа присоединяет консонантный суффикс (*n*, *ń*), не требующий никаких преобразований основы: *pisa-* + *n* → *pisan-*, *pisa-* + *ń* → *pisań-*. И тем не менее первое решение

оказывается предпочтительнее, ибо оно позволяет более единообразно описать структуру всех форм страдательных причастий прош. времени и герундия, образуемых от глаголов с любой вокалической основой. Дело в том, что у глаголов с другими вокалическими основами суффиксы страд. причастий и герундия, во-первых, содержат гласный, отличающийся от конечного гласного основы (напр., *i*-основы выбирают суффикс причастия *-on-*, герундия — *-enī-*), а, во вторых, перед этими суффиксами последний согласный основы может быть подвержен чередованию (ср. *nosić* — *noszony*, *chodzić* — *chodzenie*). Оба этих факта с несомненностью указывают на то, что морфемная граница в формах страдат. причастия и герундия проходит после последнего согласного основы, т.е. основа выступает в усеченном, а не полном виде (в полной вокалической основе не могло бы быть консонантного чередования), следовательно, суффиксы этих форм должны иметь неприкрытий вид.

Таким образом, на стадии выбора альтернативного аффикса не всегда удается соблюсти главное требование, которому подчиняется организация стыка глагольной основы и последующего аффикса, т.е. принцип сочетания открытой основы с прикрытым или консонантным аффиксом, а закрытой основы — с неприкрытым или вокалическим аффиксом. Во всех случаях, где это требование нарушено на стадии выбора, включаются в действие правила усечения основы, т.е. устранения вокалического исхода перед вокалическим (неприкрытым) аффиксом и консонантного исхода перед прикрытым аффиксом. Из четырех теоретически возможных комбинаций на границе основы и аффикса (...*V* + *V*..., ...*V* + *C*..., ...*C* + *V*..., ...*C* + *C*...) только комбинация *V* + *C* может считаться нормальной, поскольку она не вызывает никаких преобразований — ни усечения, ни чередований. Во всех остальных случаях такие преобразования наблюдаются и носят более или менее регулярный характер. Лишь комбинация *V* + *V* является абсолютно недопустимой и подвергается обязательному устранению. Комбинация *C* + *C* избегается, где это возможно, посредством выбора неприкрытого или вокалического аффикса; устранение же такого сочетания происходит регулярно лишь в случае йотовых основ.

Вслед за правилами усечения, преобразующими морфемные стыки относительно признака вокальность/консонантность, выступают в действие правила фонемных чередований, из которых наибольшую сферу распространения и наибольшую регулярность в польском, и в русском языках имеют консонантные чередования, происходящие на границе исходной основы и аффикса, имеющей вид *C* + *V*. Наличие или отсутствие консонантного чередования в исходе основы и его вид зависят от трех факторов: от типа исходной основы (характера ее тематического показателя), от типа присоединяемого к ней аффикса (т.е. морфонологической позиции) и от характера самого согласного, завершающего основу. Относительно всех трех параметров польский и русский (как и вообще все славянские языки) обнаруживают принципиальное сходство. Системы глагольных основ, определяющие выбор морфонологической модели для каждого отдельного глагола, хотя и не совпадают в обоих

языках на уровне их фонемной манифестации (напр. польским основам на *-ą* соответствуют русские основы на *-ну*), являются изоморфными как в отношении самих морфонологических моделей, стоящих за каждым типом основ (и морфонологического облика соответствующих глагольных парадигм), так и в отношении распределения конкретных глагольных лексем по этим типам основ (глагольным классам) и даже в отношении колебаний и отклонений от регулярного распределения. Так, и в русском, и в польском основы на *-а* и основы на *-aj* имеют столь схожие модели словоизменения, что это приводит к относительно свободному перемещению отдельных глаголов из *a*-основ в *aj*-основы, ср. польск. *chłostać — chłoszczne* и *chłosta, chłoszcz* и *chłostaj* и т.п., russk. *канать — каплет и капает, машать — машу и махаю, мashi и махай, пахать — паши и пахаю* и т.п.

Принципиально сходной можно считать и морфонологическую группировку в обоих языках словоизменительных глагольных аффиксов на классы тождественных в морфонологическом отношении (т.е. модифицирующих предшествующие согласные глагольной основы одинаковым образом) глагольных морфов. Например, в обоих языках один морфонологический класс (одну морфонологическую позицию) составляют вокалические флексии 3 мн. наст. времени и суффикс причастия наст. времени или все флексии 2 ед., 3 ед., 2 мн., 3 мн. наст. времени.

Наличие чередования и его характер, разумеется, зависят от морфонологических свойств самого согласного, завершающего основу. Значительное число согласных вообще не претерпевает никаких модификаций при сочетании морфа с другими морфами. В русском к таковым относятся: *j, r', l', n', ſ, ž, č, š'*, **ž**; в польском — *j, l, ň, m', f', v', p', b' ſ, ž, č, ź*; они имеют лишь одну, исходную ступень чередования. Другие согласные могут иметь две, три, а в польском — даже четыре ступени. Например, в русском губные и переднеязычные претерпевают так называемое переходное и непереходное смягчение: *m — m' — ml', t — t' — č, s — s' — š*. Аналогично в польском *s, z* могут чередоваться с *ś, ž* или с *š, ž*, а *t, d* чередуются с *č ź, č ź* и *č ź*.

Выбор между этими ступенями зависит прежде всего от морфонологической позиции, т.е. от характера следующего аффикса. Так, в польском согласные *t d* в исходе консонантных глагольных основ в одной и той же фонологической позиции перед фонемой /e/ чередуются с *č ź* перед флексиями наст. времени *eč, e, etu, eče*, но перед суффиксом *eń* герундия они чередуются с *s, z*, а перед флексией 1 ед. наст. времени *ę* вообще не испытывают чередования, ср. *wieść: wiedziesz, wiedzenie, wiodę*.

Еще одним важным регулятором консонантных чередований, определяющим ступень чередования, является тип глагольной основы: в одной и той же позиции (т.е. перед одним и тем же аффиксом) одни и те же согласные выступают на разных ступенях чередования, если они принадлежат к разным типам основ. Так, в форме 2 ед. наст. времени глагола *pisać* (основа на *-a*) конечное *s* усеченной основы перед флексией *eš(oš)* испытывает чередование *s — š: pišeš* (переходное смяг-

чение), но такого же вида, с тем же конечным согласным основа *n'os-* (*нести*), не имеющая усекаемого тематического гласного (или имеющая нулевой тематический показатель), в той же позиции (перед тем же аффиксом) испытывает чередование *s — s'*: *несешь* (непереходное смягчение). То же в случаях *плакать — плачу* (основа на *-a*), но *привлечь — привлеку* (консонантная основа, нулевая тематическая гласная). То же самое наблюдается в польском: перед флексиями наст. времени *ɛ, ɔ, ɑc* согласные *t, d, s, z* в исходе усеченных основ чередуются с *č, ʒ, š, ž* в словоформах, образованных от *a*-основ (*szeptać — szepczę, pisać — piszę*), но остаются без изменения в словоформах, образованных от консонантных основ (основ, имеющих нулевой тематический показатель): *plotę, wiadę, niosę, wiadę*. В формах 2 ед. наст. времени *t, d, s, z* чередуются соответственно с *č, ʒ, š, ž* в глаголах с *a*-основами и с *č, ʒ, š, ž* — в глаголах с консонантными основами. В некоторых случаях тип основы предопределяет и наличие вокалических чередований. Напр., в формах польского императива чередование *o — u* имеет место только у глаголов с *i*-основами и не затрагивает аналогичных основ других типов,ср. *robić — rób*, но *wyskrobać — wyskrob*.

Таким образом, несмотря на все преобразования, которые претерпела праславянская глагольная система в отдельных славянских языках, система глагольных основ и их трансформированные тематические показатели до сих пор в значительной степени организуют всю морфонологическую модель глагольного словоизменения и являются той общей основой, на которой могут сопоставляться морфонологические системы разных славянских языков.

Литература

- Аронсон Г. Морфонология болгарского словоизменения. М., 1974.
Ильина Н.Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.
Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
Поливанова А.К. Морфонология русского субстантивного основообразования. АКД, М., 1976.
Попова Т.В. Глагольное словоизменение в болгарском языке. М., 1975.
Реформатский А.А. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах // Реформатский А.А. Фонологические этюды. М., 1975.
Русак В.П. Морфонология глагола в белорусском языке. АКД, Минск, 1990.
Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М., 1987.
Толстая С.М. Морфонология. Морфемика // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974—1977 гг. Словообразование. М., 1982, с. 89—139.
Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
Jacobson R. Russian Conjugation // Word, 1948, v. 4.
Kowalik K. Morfonologia // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1984. S. 59—95.
Laskowski R. Studia nad morfonologią współczesnego języka polskiego. W—W—K—G, 1975.
Worth D.S. On the structure and history of Russian. Selected essays. München, 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	3
Лексикология, семантика	
<i>В. Васильева (Россия). О логико-семантическом аспекте в сопоставительной ономасиологии (к вопросу о межъязыковой асимметрии)</i>	5
<i>Э. Жетельска-Фелешкова (Польша). Проблематика сопоставительных исследований в ономастике</i>	19
<i>О. Мартинцова (Чехия). Неологические процессы в аспекте ономасиологической типологии</i>	25
<i>И. Марынякова (Польша). Семантика глагольных форм с возвратным местоимением <i>sie</i> в польском литературном языке и их соответствие в русском литературном языке</i>	33
<i>А. Супрун (Белоруссия). О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии</i>	38
<i>Н. Савицкий, Р. Шишкова (Чехия). К методологии сопоставительного изучения динамики словарного запаса</i>	51
<i>В. Усачева (Россия). Из опыта сопоставительного изучения терминологических систем в славянских языках</i>	56
<i>А. Ярошова (Словакия). Теоретические предпосылки сопоставительного исследования частных лексико-семантических систем</i>	70
Словообразование	
<i>Т. Вендина (Россия). Семантическая функция суффикса и сопоставительное изучение славянского словообразования</i>	80
<i>Г. Нещименко, Ю. Гайдукова (Россия). К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования</i>	93
<i>М. Осипова (Россия). Заемствованные глаголы в славянских языках: к проблеме словообразовательной и морфемной членности</i>	126
<i>З. Рудник-Карватова (Польша). О некоторых методологических аспектах сопоставительного описания славянского словообразования</i>	142
<i>А. Тихонов (Россия). Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков</i>	148
<i>В. Эйсман (Австрия). Типы бессоюзных составных существительных в русском языке и их соответствия в южнославянских языках</i>	162
Акцентология, морфология, морфонология	
<i>Р. Булатова, Г. Замятин (Россия). Общее и специфическое в механизме построения акцентных систем суффиксальных имен в сербохорватском и словенском</i>	179
<i>В. Дыбо (Россия). Морфонологический анализ, внешнее сравнение и сопоставление в лингвистической реконструкции</i>	197
<i>Я. Зенюкова (Польша). К проблематике интерпретации языковых категорий. Грамматическая категория числительного в польском и верхнелужицком языках</i>	219
<i>С. Толстая (Россия). К сопоставительному изучению славянских языков на уровне морфонологии: глагольные основы в польском и русском языках</i>	232

1966 -